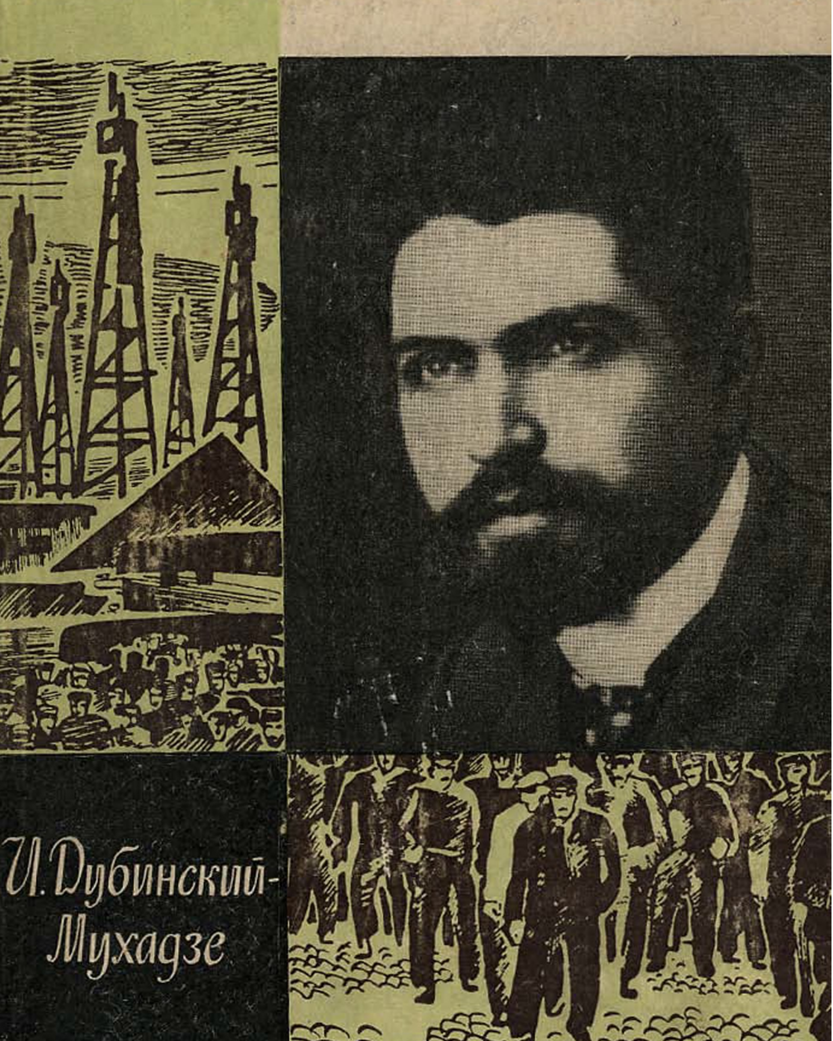
ШАУМЯН

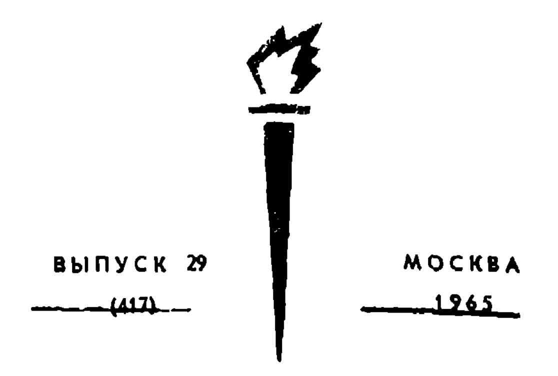

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Жизнь замечательных людей

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 29
(417)

МОСКВА
1965

И. Дубинский-Мухадзе

ШАУМЯН

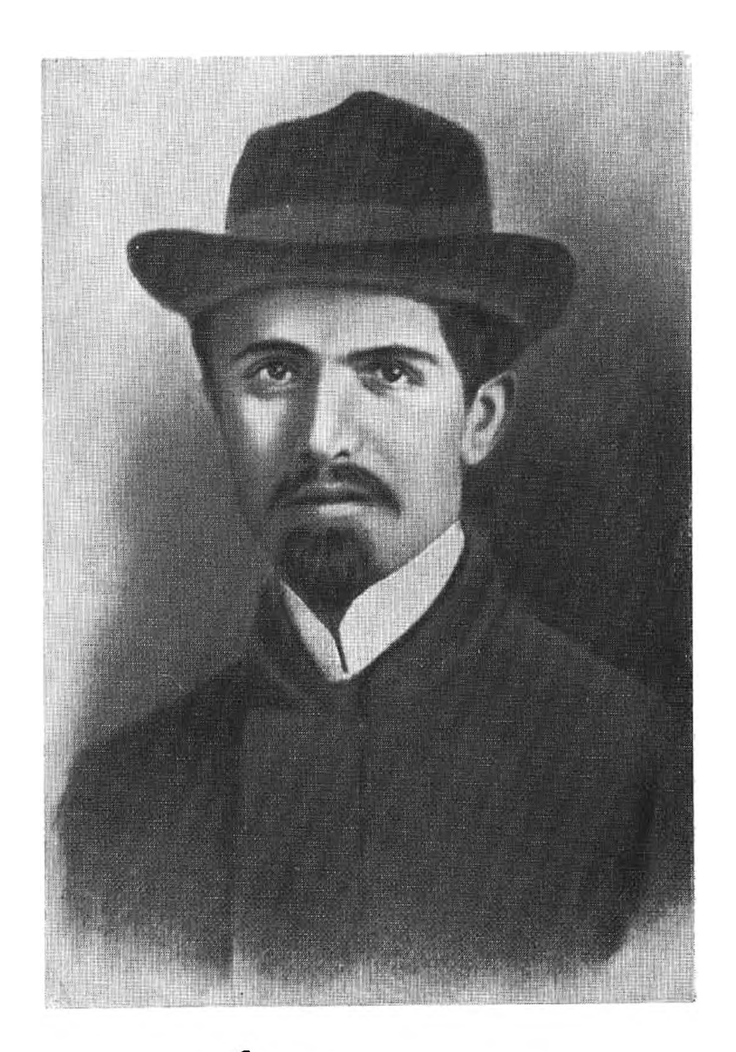
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

3КП1(092)
Д79

«Я никогда не имел никаких поползновений к тому, чтобы сделаться нарочитым другом трудящихся».

Генри Джордж

(Запись в тюремной тетради Степана Шаумяна.)

Сталин

1

Благочестивые прихожане Могнинской во имя святого Георгия церкви в добром согласии славят господина негоцианта Хитарова — оптовая торговля персидскими коврами, — великий-де он благодетель.

Каждое утро, между седьмым и восьмым ударом пушки на Арсенальной горе, у заметно осевшего в землю деревянного дома, где квартирует семья приказчика Геворка (Георгия) Лазаревича Шаумова, появляется щегольской пароконный фаэтон на дутых шинах. Мордастый кучер в зеленой атласной рубахе и красном бархатном жилете — все по последней тифлисской моде — осаживает лошадей.

На подножку мигом вскакивает крепыш в мундирчике из темно-зеленого сукна, с воротником, отороченным золотым позументом, в фуражке с золоченым гербом. Молодая мать, тоненькая, как горянка с кувшином на картинах русских художников, только и успевает крикнуть вдогонку:

— Степа-джан!

Фаэтон пересекает Царскую площадь и, оборвав быстрый бег, разом почтительно замирает у особняка господина Хитарова. Знаменитое место. Бывший дворец сиятельных князей Орбелиани. Потом «Благородное собрание». Танцы в бальном зале непременно открывал наместник Кавказа. Водили кадриль высшие чины Кавказской армии.

На втором этаже в малом зеркальном зале Грибоедов после долгой разлуки обнимал товарища по университетскому пансиону и тезку своего Александра

Якубовича. Литератора, будущего декабриста. Еще один Александр — Пушкин нетерпеливо добивался: «Кто писал о горцах в «Пчеле»? Не Якубович ли, герой моего воображения?»

Теперь в том зале запросто сражаются в кочи — русские бабки на кавказский лад — два других приятеля. Тоже тезки. Степан Хитаров — наследник всех богатств процветающего купца и Степа Шаумов — надежда добродушного, податливого и совсем не практичного тифлисского горожанина. Деловые качества Геворка Лазаревича особенно низко котировались после его женитьбы на красавице дочери такого же неудачника и бедняка, некоего Джуджаева.

И еще одно по тифлисским обычаям не малое прегрешение. Первый ребенок — девочка, Наташа, а не сын — продолжатель рода и гордость отца-кавказца. Тщетно Геворк Лазаревич великодушно утешал жену. Из огромных, будто совсем бездонных, глаз ее лились слезы. Шестнадцатилетняя Елизавета Томасовна понимала, что ее святой долг поспешить с рождением сына.

1 октября 1878 года[1] родился Степан. Точная копия матери. После Степы девочка Айкануш, за ней мальчик Николай. Забот вполне!

Свои заботы и у соседа негоцианта Хитарова. Как-то после воскресной службы он тут же в церкви, на глазах у всех прихожан, подошел к Геворку Лазаревичу. Пригласил к себе. Все честь по чести. За обильным столом поговорили о том, о сем. Из столовой перешли в кабинет хозяина. Там за кофе с коньяком господин Хитаров завел нужный разговор. Как дорогой сосед отнесется к тому, чтобы мальчики, оба Степы, учились вместе?

— Да, да! Учитель Катанян весьма достойный человек! — горячо, но совсем не к месту подтвердил Геворк Лазаревич. — Ничего плохого не могу сказать и о первом учителе Степана старике Орбеле Орбеляне. Я понимаю, школа Катаняна солиднее. Мень-

---

[1] Даты до марта 1918 года даются по старому стилю. (Здесь и далее примечания автора.)

ше пяти рублей в месяц он не берет. Стараемся, носим.

Господин Хитаров недовольно поморщился.

— Э-э, Геворк-джан!.. Вы не туда смотрите. Школа Катаняна не для наших мальчиков. Слушайте, что я вам имею предложить. У моего Степы, слава господу вседержителю, хорошие деньги. У вашего Степы тоже есть капитал для первого взноса в дело — голова. Так что вы мне скажете?

Хитаров оценивающе взглянул на ошеломленного Геворка Лазаревича. Вполне довольный произведенным впечатлением продолжил:

— Два умных человека складывают свой капитал. Э, еще не понимаете? Я определяю обоих мальчиков в реальное училище. На мою голову все расходы. Правоучение, костюмчики, шинельки, фуражки-машки, вся харахура. От вас прошу самый пустяк. Пусть ваш Степа готовит уроки вместе с моим. Все равно они целый день в моем доме... Ну, в добрый час?

И каждое утро щегольской фаэтон на дутых шинах катит по Тифлису. От Царской площади на левый берег Куры и по Михайловскому проспекту и Великокняжеской улице в Немецкую колонию.

— Хабарда! Бер-р-регись! — рявкает мордастый кучер.

Два мальчика, два Степы, спешат на занятия. С солнечной осени 1889 года они ученики реального училища.

Великий благодетель господин негоциант Хитаров не делает различия между своим наследником и соседским сыном. Он искренне негодует, узнав некоторое время спустя, что в училище мальчики далеко не в одинаковом положении. При переходе из младшего приготовительного класса в старший Степе Шаумяну — похвальный лист. Оркестр играет туш. Степе Хитарову — тройки. Захудалые, подержанные тройки.

Геворк Лазаревич снова приглашен в особняк. Ни обеда, ни кофе с коньяком. Один только монолог купца о человеческой неблагодарности...

Летние каникулы полны тревог, переживаний. Не обернется ли Степану похвальный лист большой

бедой? Геворк Лазаревич надеется на заступничество священника. Елизавета Томасовна прибегает к более действенному средству — бегает в ломбард, закладывает все скудные домашние ценности. Нет, на нравоучение не хватает!

Грозу проносит. Буря разразится лишь следующей осенью.

Снова едут в училище два мальчика в одинаковых мундирчиках, в фуражках с золоченым гербом. Два Степы, однолетки. Сидят за одной партой, вместе готовят уроки.

Время от времени господин Хитаров справляется у супруги:

— Ты следишь, Степка помогает нашему мальчику?

Мадам подтверждает:

— Каждый день сидят. Степка старается, боится...

Если бы еще соседский Степа мог сдать экзамены за наследника господина негоцианта! А то опять полная несправедливость. Шаумяну — похвальный лист. Хитарову — две переэкзаменовки.

Геворку Лазаревичу приказ от благодетеля:

— Завтра я отправляю вашего парня в Гори. В мое имение на все лето. Пусть готовит моего мальчика. Или они оба останутся на второй год. Э, вы имеете, что сказать?

Купеческий отпрыск блистательно проваливается. Две переэкзаменовки — две двойки.

В особняк требуют не Геворка Лазаревича — сына. Благодетель приветлив и щедр. Вынимает из кошелька, подбрасывает на ладони червонец. Быстро заменяет пятеркой. Протягивает Степе.

— Возьми! Такую монету ты будешь получать каждый месяц. Ва, шестьдесят рублей в год! Я сам не знаю за что. Просто ты вместе с моим мальчиком останешься, опять посидишь в приготовительном классе. С вашим превосходительством директором Тирютиным я уже в согласии. С деньгами можно сделать все!

— Деньги в жизни — все! — печально подтверждает дома Геворк Лазаревич. — Подумай хорошень-

ко, сынок. Может быть, уступишь? Я зарабатываю мало. Семья растет, а силы мои иссякают. За правоучение каждый год семьдесят рублей нести. Учебники. Форма. Ой, не смогу...

Степан прижимается к отцу.

— Я уйду из училища. Вдвоем мы прокормим малышей.

Человеку тринадцать лет. Ему позарез нужна работа.

Где искать, Степан знает. Рядом с домом, за первым углом, с ранней зари до плотных сумерек шумит Шуа-базрис-куча. Армянский базар. В старину его еще называли Персидским.

Тесно, вплотную сошлись многие сотни лавок, балаганов, лабазов, ларьков, мастерских, кузниц, булочных, цирюлен, кофеен, харчевен, питейных, винных подвалов. Вывески как стихи, как изречения философов:

Стой, фаэтон! Стой, челавеки!
Пробуй разные закусаки!

. . . .

Бедни Сио
Весело, живо
Сапоги шио.

В едком запахе кожи, в серебряной пыли и жестяном звоне работают чеканщики, ювелиры, оружейники, гончары, красильщики, башмачники, шубники, папахчи — шапочники, портные, бурочники. И засаленные повара. Посреди тротуара пылает огонь. Бьет в глаза дым. На огромных железных прутьях шипят, истекают жиром шашлыки. В медных котлах кипит бозбаш, томится плов. Распространяет острый аромат горячий кебаб. Все обильно посыпано красным перцем и пряными травами. В жаровнях краснобородых персов раскалываются, стреляют бади-буди — кукурузные зерна.

Непрерывное движение пешком, верхом, в экипажах. Караваны верблюдов, вереницы ослов, буйволы, влекущие арбы с немилосердно скрипящими высокими колесами. Снуют разбитные, в валяных конических

шапках, тулухчи — продавцы воды. «Ай, вада-а! Интересный вада-а-а!..» Энергично работают локтями, а еще больше острым языком кинто — веселые уличные торговцы в широких шароварах, архалуке, с обязательной круглой корзиной на голове.

Гремят зурны и бубны. Пронзительно пищат саламури — камышовые дудочки, свистят дудуки, рыдают гармони, верещат шарманки. Угощают жестокими романсами граммофоны с огромными трубами. Впрочем, гремит, звенит, перекликается, брызжет озорными песенками весь многобалконный, знойно-каменный Тифлис.

Рано утром и ближе к вечеру среди завсегдатаев базара прокладывают дорогу солдаты в белых рубахах, с винтовками наперевес. Они ведут в Метехский тюремный замок на обрывистой скале колодников. Арестантам непременно бросают хлеб, куски вареного мяса, кружки сыра.

По короткому пути от Армянского базара до Метехской тюрьмы пройдет и Геворк Лазаревич Шаумян. От силы или от слабости своей? Над этим крепко задумается Степан. К тому времени жизнь немало закалит и пошлифует его.

Тринадцатилетний человек толкается в толпе на Армянском базаре, бродит по Майдану. Упрямо ищет себе работу. Не подозревает, какие вокруг него вскипают, бушуют страсти.

Еще до великого благодетеля Хитарова Степой заинтересовался преподаватель русского языка Шишков. Добрый одинокий неудачник, оставшийся в Тифлисе после отбытия административной ссылки. Он часто брал Степу с собой на берег Куры. Оба с неистребимым интересом смотрели на быстрые темные воды реки. Человек настроения, Шишков иногда за всю прогулку произносил лишь несколько фраз или вообще ограничивался повторением полюбившихся ему строк Николоза Бараташвили:

Иду, расстроясь, на берег реки
Тоску развеять и уединиться.
До слез люблю я эти уголки,
Их тишину, раздолье без границы.

Свидетельница многих, многих лет,
Что ты, Кура, бормочешь без ответа?

Иной раз он щедро вознаграждал Степу за терпение. Часами рассказывал о России, ее истории, о людях, с силой и бесстрашием которых не могли сравниться даже любимые с детства герои сказок и армянских былин. Увы, сам Шишков не был борцом без страха и упрека. Его губило пристрастие к спиртному. А знал он много и умел зажечь!..

Из реального училища Шишков уже был уволен. Он понимает, что его слово в защиту Степана ничего не значит. Разве только... Они никогда особенно не дружили, тем более теперь, когда Володя Цветницкий стал одним из самых влиятельных[1] сотрудников газеты «Кавказ».

Владимир Дмитриевич взбешен.

— Ваш Хитаров, — кричит он Шишкову, — абсолютная свинья! Купчишка! Я сажусь писать фельетон... Вы, голубчик, немедля доставьте мне похвальный лист этого мальчика.

Негодует и редактор газеты «Кавказ»:

— Побойтесь бога, Владимир Дмитриевич! Многоуважаемый мосье Хитаров... крупнейшее торговое дело... Да нас с вами за этот фельетон! Сколько раз я вам растолковывал: газета «Кавказ» — официоз! Офи-ци-оз, сударь!

Спокойнее всех держится благотворитель. Через супругу он передает Геворку Лазаревичу, что готов великодушно простить Степу, если тот посидит с его сыном еще один год в приготовительном классе.

— Из-за чего шум? — вопрошает мадам. —

---

[1] Журналисту В. Д. Цветницкому принес свой первый рассказ «Макар Чудра» никому не известный тогда Пешков, пришедший в Тифлис после долгих странствований по России. Попросил прочесть. Добавил: «Если захотите печатать, поставьте подпись «Максим Горький». Не писать же мне в литературе «Пешков».

Владимир Дмитриевич употребил все свое влияние. Рассказ появился в газете «Кавказ». Вторая вещь — «Девушка и Смерть» — была отвергнута редактором.

Мой муж ничего не просит даром. Пять рублей в месяц!..

Финал самый неожиданный и вполне благополучный. О Степиных злоключениях от кого-то, вероятно, от того же Владимира Дмитриевича Цветницкого, узнает попечитель Кавказского учебного округа Яновский. Человек крутой и довольно справедливый. Он приглашает к себе директора реального училища Тирютина. Отдает распоряжение:

— Шаумова Степана взять на казенный кошт. Освободить от платы за учение. Ну и учебные пособия тоже бесплатно.

Скрипучим голосом добавляет:

— Кто платит, тот и музыку заказывает. Держите его в строгости!

2

В газете «Кавказ», находящейся под официальным покровительством самого наместника, реалисты жадно читают пространные репортерские отчеты и полные благородного негодования фельетоны о кошмарном преступлении, суде и предстоящей публичной казни двух крестьян-побратимов. Вина их чрезвычайно велика. Цивилизованное общество во имя высшего милосердия не вправе их щадить. Крестьяне застрелили, как бешеную собаку, сиятельного князя Амилахвари.

Несколькими неделями раньше один из преступников нанес князю смертельное оскорбление — обогнал его на скачках. Не посчитался с заранее сделанным внушением, чтобы никто не смел горячить своего коня и не вздумал показывать чрезмерную удаль. Как можно! Праздник устраивает князь, съезжаются высокие гости из Тифлиса, Кутаиса, Сенаки, Хони. А дерзкий Сандро посмел, втоптал в грязь достоинство рода Амилахвари. Обогнал князя. Тот, естественно, не мог оставить тяжкого оскорбления без последствий. И с ватагой верных друзей и слуг ночью, накануне венца, увез невесту Сандро. Обесчестил ее.

Сандро и побратим его Григол дали волю своему необузданному, дикому, как изволил определить на суде господин военный прокурор, характеру. Зарядили берданки нарезной картечью, застрелили молодого красавца князя на ступенях божьего храма.

Приговор утвержден в Петербурге. На масленицу сего 1892 года преступники будут публично повешены на площади в уездном городе Гори. Власти разрешают присутствовать всем желающим.

Среди многих тысяч тифлисских горожан, с ночи занявших места перед виселицами, и несколько питомцев реального училища со Степаном Шаумяном во главе. Должно быть, мало строгости проявил господин Тирютин, не внял наказу попечителя округа. Когда хватится — будет слишком поздно. Хождение в Гори, разговоры, услышанные в толпе, сама казнь — все заронит мысли неистребимые.

Мальчик все внимательнее присматривается к жизни города. Бродит по Тифлису. Часто вместе с гимназистом Иваном Арутюновым. Вано — первый Степин приятель по детским играм и занятиям у старика Орбела Орбелияна. Им суждено провести вместе долгие годы — в Тифлисе, за границей, в Баку. Иван Сергеевич прославится как крупный инженер-нефтяник.

Степан нараспев читает стихи Полонского «Прогулка по Тифлису»:

Я здесь люблю толкаться —
И молча наблюдать — и молча любоваться
Картинами, каких, конечно, никогда
Мне прежде видеть не случалось..

Слякотная, пронизывающая зима 1895 года. Уже независимо от желания юноше приходится бывать в разных концах Тифлиса, вникать во многие превратности жизни. Степан дает уроки. Платят ему за репетиторство мало; чтобы облегчить заботы родителей, надо каждый день после реального училища обегать несколько домов и приветливо улыбаться — терпеть капризы, грубости.

Случаются, конечно, и приятные знакомства. Сте-

пан узнает от кого-то, что в давние годы в Тифлисе был кружок «Сирагумар Жогов». Молодые люди собирались, изучали армянский язык, литературу, историю. Делали попытки распространять родной язык и армянские книги среди многочисленных тифлисских армян. А что, если?..

Юноша хорошо знает — в городе по приказу главноначальствующего Кавказа князя Дондукова-Корсакова закрыты последние армянские школы. Кому же, как не им, семнадцатилетним, принять вызов, стать ревнителями родного языка!

Откладывать, передумывать не в характере Степана. По его собственному признанию:

«Знаете, я принадлежу к тем людям, о которых русские говорят, — «натура страстная, увлекающаяся». Когда я начинаю какое-нибудь дело («дело», которое в тысячу раз ближе моему сердцу, чем немецкая грамматика), я целиком поглощаюсь; весь мой организм до мозга костей наполняется этим делом и в нем не остается места ни для чего другого. Это свойство само по себе не только не причиняет мне боли, но даже радует. Но в этих условиях оно может мне очень повредить. Иногда думаю не делать ничего сверх уроков, но не исполняю этого, да и не могу, кажется, исполнить».

Начинают вчетвером. Степан, его соученики по реальному училищу Гарегин Ерицян и Мовсес Арутюнян — в будущем известный писатель Арази — и, ясное дело, Вано.

Есть еще один близкий товарищ. Шесть лет — два приготовительных и четыре основных класса — они вместе учатся в реальном училище, давно поверяют друг другу все сокровенные тайны. Степа с превеликой охотой и сейчас позвал бы его. Только что делать Бейбуту Джеванширу, сыну азербайджанского хана, в кружке поборников армянского языка?

Степан и Бейбут никогда не шли вместе по одной дороге. Многое их разделяло — общественное положение, жизненные идеалы, политические взгляды. После окончания горной академии в Германии Бейбут Джеваншир возвращается в Баку преуспевающим

инженером, директором больших нефтепромышленных фирм. Ему уготовлен пост министра в правительстве азербайджанских националистов. Потом Бейбут порвет с ними, отдаст себя в распоряжение советской власти. Уедет в заграничную командировку и падет на улице Константинополя от пуль белогвардейцев. И при всем этом всегда, в какие бы положения политическая борьба их ни ставила, оба верят в искренность другого, считают себя обязанными до конца заботиться друг о друге.

Пока оба на школьной скамье. Степан терзается: что Бейбут станет делать в кружке? Все же посвятить товарища надо, пусть он хотя бы придет на учредительное заседание.

— Нет, я не приду, — твердо отклоняет приглашение Бейбут. — Не хочу выглядеть белой вороной.

— Рисуешься! — недовольно бросает Степан. В его душе ни тени сомнения в том, что задумано нужное дело.

На первое заседание приходят несколько десятков реалистов, гимназистов и три отважные гимназистки. По-южному шумно, с криками одобрения и здравицами председателем кружка выбирают Степана Шаумяна. Гарегин торжественно подает ему колокольчик. Степан во всю силу звонит. Завладев вниманием, предлагает дать кружку имя «Циацан» — «Радуга». Новый буйный взрыв восторга...

Бейбут, конечно, обо всем узнает из первых уст, от Степана. Спрашивает:

— Ты очень доволен?

Степан не скрывает:

— Очень!

У кружка уже три филиала — в Авлабарском, Кукийском и Сурп-Саркисском участках Тифлиса. На гектографе размножен первый номер журнала «Циацан». С призывным кличем Степана, с пробой пера Арази и стихами, заботливо отредактированными поэтом Ованесом Туманяном, считавшим себя равноправным членом кружка. Исключительный художник, чья поэзия, по оценке Валерия Брюсова, «Энцик-

лопедия армянской жизни... сама Армения, древняя и новая», на большее не претендует. В заглавной роли наставника, авторитета непререкаемого Симеон Заварян. Энергичный, популярный деятель партии «Дашнакцутюн» («Союз»), еще окруженной ореолом борца против турецкого ига.

Близкие духовные родственники русских эсеров дашнакцаканы — в обиходе просто дашнаки — используют национальное стремление разбросанных по всему свету страдальцев армян к объединению. На все лады перепевается призыв: «Освободим братьев из-под турецкого ига, создадим великую Армению!» Тут уже не до общероссийского революционного движения. Все другие нации лишены доверия, окружены неприязнью. Зато заботливо оберегается «своя» национальная буржуазия. В Тифлисе появляются хорошо вооруженные дружины дашнаков — маузеристов. Для охраны во время межнациональных столкновений и погромов, провоцируемых властями, особняков нефтепромышленника Манташева, купца Хитарова и прочих воротил.

«Радуга», взошедшая на тифлисском небосклоне, не сюрприз для «Дашнакцутюна». Степан охотно бывает в семье Заварянов, выкладывает все, что на душе. Таких интересных знакомых у него никогда еще не было. Да и взрослые в Тифлисе отзываются о Симеоне Заваряне — «министерская голова!». Он красноречив, разносторонне образован, свободно владеет кавказскими и многими европейскими языками. Одну лишь слабость знают за ним близкие друзья, те, с кем он создавал партию «Дашнакцутюн». Слишком Симеон увлекается какими-то надуманными экономическими проблемами. Выписывает из-за границы книги, штудирует в подлиннике «Капитал» некоего Карла Маркса. Не заметит Заварян, как покорит его этот «Капитал». Отойдет он от дашнаков. Закончит жизнь народным учителем и автором серьезных экономических трудов.

Степан тянется к Симеону Заваряну. Не терпится ему узнать мнение о своем первом реферате «Древнее армянское государство, его история и насущные уро-

ки для молодежи». Симеон относится к работе юноши необычайно серьезно. Вносит исправления, дополняет интересными сведениями. Степан все принимает с благодарностью. Успех реферата полный. Его читают во всех трех филиалах кружка, распространяют в списках по городу.

Степан приносит и реферат о Григоре Арцруни, философе, публицисте, основателе тифлисской газеты «Мшак» («Труженик»). Симеон читает, советуется с женой — она директор школы — и сразу, не ожидая Степана, вымарывает два больших куска. Все неуместные рассуждения о том, что армянский политический деятель, если он хочет вести за собой молодежь — а покойный Арцруни на это особенно претендовал, — не вправе весь гнев обращать в один турецкий адрес. У армянского населения Кавказа есть и более близкие враги, в самом Тифлисе.

— Степа-джан, ты меня огорчаешь своей неожиданной, ничем не оправданной дерзостью. Ты бросаешь камни в покойного! Арцруни великий армянин!

— Варжапет Симеон! Хотите, я тысячу раз крикну на Эриванской площади или на Майдане: «Григор Арцруни великий армянин! Григор Арцруни великая личность!..» Я плакал на его похоронах. Теперь нам, молодым, идти дальше. Мы ищем себе учителя.

— Замолчи! Откуда у тебя этот нигилизм? Какой еще учитель? На нашем национальном знамени давно начертаны имена Степана Назаряна, Григора Арцруни, Христофора Микаеляна[1]. Несите это знамя!

Потомкам всегда завещают знамена — знамена были и у древнего армянского государства и у Па-

---

[1] Профессор Степан Назарян — один из столпов армянского буржуазного либерализма. Известный публицист. В 1858 году основал в Москве журнал «Юсиспайл» — «Северное сияние».

Христофор Микаелян — основоположник «Дашнакцутюна».

Позиция Григора Арцруни — промежуточная, как бы перекидной мостик между благовоспитанными чинными национал-либералами и дашнаками.

рижской коммуны, а уж молодые выбирают. Степан еще скажет о Сурене Спандаряне[1], о себе, о многих ровесниках своих:

«Сурен был созданием новой общегосударственной российской жизни, более того, международной жизненной среды. С. Назарян, Арцруни, Раффи[2], Христофор Микаелян не были и не могли быть его учителями. Его духовными отцами и учителями были Чернышевский, Белинский, Плеханов и затем Маркс, Энгельс...»

Из всех цветов радуги его цвет — красный. Из всех знамен его знамя — красное. И узнает человечество, кроме Парижской коммуны, еще Бакинскую коммуну.

Все будет... Сейчас Степану только идет восемнадцатый год. Симеон значительно старше, искушеннее. Ему легче скрыть свое раздражение. Он кое-как убеждает Степана, что реферат в первоначальном виде, с нападками на Арцруни и выпадами против властей — «враги в самом Тифлисе», — взорвет кружок. Начнутся споры, разброд. Кто-нибудь со зла или просто с перепугу сбегает в полицию. Где полиция, там и аресты. «Ты сам погубишь свое создание...»

Примирение, оно не избавляет от горьких мыслей, раздумий, мучительных сомнений.

Степан решается, пишет письмо за границу. Шум-

---

[1] Сурен родился 3 декабря 1882 года в Тифлисе. Его отец — Спандар Амирджанович Спандарян известный армянский общественный деятель, доктор юридических наук, публицист, издатель ежедневной газеты «Нор-дар» — «Новый век».

Сурен любимец отца и его... политический противник. Постоянно между ними споры, острые конфликты. Отец придерживается взглядов вполне консервативных, а сын в неполных двадцать лет член РСДРП. В двадцать три года — один из руководителей Кавказского союзного комитета.

Летом 1905 года Сурен знакомится со Степаном Шаумяном, только что вернувшимся из Берлина. Им долго работать вместе — в Тифлисе, в Баку. Станут они близкими друзьями. Навсегда!

[2] Шаумян причисляет видного романиста Раффи (Акоп Мелик-Акопян) к деятелям буржуазного либерализма, полностью отвергает его политические идеалы. Художник Раффи неизмеримо выше, чем политик. В статье «Сборник армянской литературы под редакцией М. Горького» Степан называет Раффи одним из любимых романистов армянского общества.

ливому господину Назарбеку (Назарбекяну). Просит не счесть за дерзость — ответить, какая разница между его партией «Гнчак» — «Колокол» и «Дашнакцутюн»? Почему обе партии рвутся освобождать Западную Армению из турецкой неволи и отводят глаза от мук и страданий армян на Кавказе? «Нашему кружку «Циацан» это необходимо знать. Ответьте нам».

Не знает Степан, что год или полтора назад ответ на многое, самое существенное дал Фридрих Энгельс. Раздумывая над тяжкими бедами армянского народа, «который имеет несчастье находиться между *Сциллой* турецкого и *Харибдой* русского деспотизма», Энгельс приходит к заключению: «...если говорить откровенно, мое личное мнение таково, что освобождение Армении от турок, *а также* и от русских, станет возможным лишь в тот день, когда русский царизм будет свергнут».

«Когда русский царизм будет свергнут»... Сам ли Степан или кто ему подсказал — в Тифлисе в ту пору уже немало сосланных русских революционеров, но его третий реферат другого толка. Об участнике общероссийского освободительного движения, узнике Петропавловской крепости Микаэле Налбандяне. «Золотой душой, преданной бескорыстно, преданной наивно, до святости» величают Налбандяна близко знавшие его Герцен и Огарев.

Степан читает реферат. Среди других присутствует и Симеон Заварян. Весь вечер молчит. Что сказать? Ограниченный, замкнутый круг «национального патриотизма» и «Радуга» слишком разные явления!

«Мы читали Белинского, Добролюбова, вообще шестидесятников, читали Летурно, Бокля, Дарвина, — хорошо помнит Иван Арутюнов[1]. — Словом, старались восполнить все то, чего не могли получить ни в гимназии, ни в реальном училище. Председателем был Степан, и все занятия кружка вел Степан».

Со Степана и спрашивает директор реального училища господин Тирютин.

---

[1] Письмо сыну Степана Льву Шаумяну из Андижана, 8 ноября 1953 года.

— За неделю снова три двойки... При ваших способностях!.. Мерзость, демонстрация! Выгоню!!

Живот директора колышется над письменным столом. Щеки багровеют.

Ученик Шаумян стоит навытяжку. Внимает.

Директор примирительно переходит на тон отеческого внушения:

— Шесть лет вы в стенах нашего благословенного училища. Я помню вас совсем ребенком. Таким милым мальчиком... Его высокопревосходительство попечитель округа снизошел, указал взять вас на казенный кошт. Вас удостаивали похвальных грамот. Тащили в люди!.. А вы? Комедиант! На пороге самостоятельной жизни корчите недоросля, митрофанушку с Армянского базара... Не позволю!

На лице Степана ничего нельзя прочесть. Только глаза из голубых становятся серыми и, кажется, в них пробегают огоньки.

Господин Тирютин снова взрывается:

— Мой нравственный долг пресечь пагубные увлечения за стенами...

В табеле двойки, двойки с минусами, редко тройки. Для занятий времени совсем не остается — беготня по городу в осточертевшей роли дешевого и весьма добросовестного репетитора, кружок, журнал «Циацан». И «пагубное увлечение за стенами...» — маленькая внутренняя комната в букинистической лавочке Захария Чичинадзе. Лавочка недалеко от духовной семинарии, сразу за Александровским садом. Соседство случайное или намеренное — поди разберись! Точно известно лишь то, что ни одно учебное заведение по обе стороны Кавказского хребта не давало столько атеистов, как духовная семинария.

Захарий Чичинадзе, выходец из деревни, самоучка, страстный книголюб, особой разницы между семинаристами и другими клиентами не делает. У него другая мерка. Для случайных пришельцев, для тех, кто заглядывает со скуки, ненароком, большая передняя комната, прилавки с аккуратно выложенными книгами. Для постоянных клиентов — тихая внутренняя

клетушка. Там и с нужным человеком — кавказцем или с русским ссыльным — можно встретиться, и почитать нелегальную газету, и достать книгу или журнал, переправленные из-за границы.

Степан клиент серьезный. Захарию по душе.

Совместить почти невозможно. В табеле — двойки. Господин Тирютин твердо намерен выполнить свой нравственный долг.

— Никаких переэкзаменовок. Оставить на второй год!.. Это последнее, что мы можем сделать для него.

Педагогический совет разделяет мнение директора. Из самых лучших побуждений. В целях сугубо воспитательных!

А тот, о ком так пекутся? Он, оказывается, полон черной неблагодарности:

«...пошел в нашу бойню, называемую «Храмом науки». Как отвратительны наши учителя — эти проповедники знания и просвещения. Вынужден полностью склониться перед этими негодными чудовищами и, что главное, должен показывать, что уважаешь, почитаешь их.

Таков... наш «Храм науки», и разве непонятно после этого, когда со всех сторон слышишь жалобы, что наши средние школы ничего не дают, что ученики, оканчивая училище, выносят из него только больное тело, разбитые нервы и нарушенный мозг, — вот и все богатство, даваемое средними училищами. И причина всего этого в том, что те, кто воображает себя проповедниками знаний, суть не что иное, как противные чиновники, из которых ни один даже не нюхал истинной науки и не имеет внутреннего призвания быть учителем.

Скажите, пожалуйста, как человек может любить какой-либо предмет, преподаватель которого пользуется вместо любви и симпатии отвращением и ненавистью. Но хватит об этом. Слава аллаху, что все это я уже понимаю и дело моего просвещения находится в моих собственных руках. Было бы хорошо, чтобы было иначе, но если так, то это не большое горе. Дух самообразования уже пустил глубокие корни во мне и моих товарищах».

3

Все лето 1896 года Степан проводит в Лори. Там, где гора над горою встает, где скалистые пики пронзают облака, рвут их в клочья; где вскипает волной, звонко дробится о камни неукротимая река Дэв-Бед. Степана пригласил вместе провести каникулы товарищ по реальному училищу Азария Даниелян, уроженец этого горного края.

В первые дни горожанин, тифлисец, Степан бездумно отдается очарованию первозданной природы, жадно дышит прозрачным и звонким воздухом, зачитывается стихами певца Лори Ованеса Туманяна. Потом он открывает для себя нечто еще более значительное. Жизнь совсем ему незнакомую. В казармах рудокопов и медеплавильщиков Алавердского завода, чудом взобравшегося на горные кручи. В глубоких норах под каменистой землей, где вместе со скотом ютятся армянские крестьяне.

Обеспокоенный отсутствием друга, Азария пускается на поиски. Находит и забирает в урочище Джалалоглы. Там Степан гостит день, два, неделю. Без особых уговоров остается на вторую. Понимающе улыбаются хозяева дома. Знают: Кето — дочь соседа Тер-Григоряна — виновата.

Степа ищет случая сказать ей что-то очень-очень важное. Кетеван не отказывается, приходит на свидания... вместе с сестрой Лелюш. Обе щебечут о забавных пустяках, заставляют Степана читать стихи, рассказывать всякие истории и желают ему спокойной ночи. Парень до зари просиживает на обломках скал.

Кетеван найдет случай, шепнет заветное, подарит поцелуй, не таясь проводит в дорогу. Много еще предстоит проводов, отъездов, тюремных отсидок. Кето будет ждать девушкой, будет ждать после свадьбы матерью его детей, будет ждать и надеяться долгие месяцы после его гибели. Любовь единственная и на всю жизнь.

Из Тифлиса Степан пишет почти каждый день. Обо всем. Все письма — до самой свадьбы — ува-

жительно адресованы: «Екатерине и Елене Тер-Григорян».

«8 сентября 1896 г.

...О ваших письмах вот что: они очень содержательны, то есть полны чувств и мыслей; теперь же более конкретно. Вы обе, милые сестры, уверяете меня в своих письмах, что я исключительное явление, что у меня славное настоящее и блестящее будущее. Дорогая Кето, вы не можете представить, какую большую радость и безграничное счастье доставляет мне слышать эти слова. Сейчас, как сообщила в своем письме, вы читаете «Давид-Бека». Быть может, вы уже дошли до того места, где Раффи, описывая жизнь хана-тирана (того хана, жена которого Зубейда-ханум), делает общее заключение о тиранах; он говорит примерно следующее: «Когда с ханом разговаривают его подчиненные, они обязаны всегда льстить ему и расточать по его адресу лживые похвалы; тиран хотя и чувствует это и хорошо знает, что все это ложь и фальшь, но он все-таки приходит в восторг, возносится на небо от этой лести».

Ну, а сейчас подумай, как должны повлиять на меня ваши похвалы — похвалы, которые слышишь от своих искренних друзей... Похвалы, которые являются не лестью низких созданий, а выражением честной и искренней мысли и сердца...

Все ныне любимые и уважаемые мною люди умудрены жизненным опытом. Посмотрим, любимые, я буду всегда осторожен и наблюдателен к себе, потому что для меня начинается совершенно новый период; постараюсь оправдать ваши надежды и надежды моих товарищей»[1].

«13 сентября 1896 г.

...Раньше я имел привычку, которая имеет свою хорошую и плохую стороны, а именно: когда я хотел выразить (письменно) мысль, несколько раз писал, зачеркивал и вновь переписывал, пока не выражал красиво и красноречиво желаемое.

---

[1] Это и все другие письма к сестрам Тер-Григорян — перевод с армянского.

Теперь этого нет и не будет, так что написанное мною, может быть, будет трудно читаться, но, по-моему, этот недостаток будет временным, пока перо мое научится и я сумею с первого же раза простыми и ясными словами выразить свою мысль и чувства...

Если сумею успешно вести «дневник», то припишу это благотворному влиянию любви и еще больше буду убежден в том, что любовь, искренняя и взаимная, является одним из самых больших даров природы человеку (конечно, такому человеку, ум которого свободен от бесчисленных предрассудков о любви)».

«14 сентября 1896 г.

...Сегодня праздник, любимые, и я весь день свободен от противных классных занятий. Сегодняшний день знаменателен для меня еще и тем, что, во-первых, я должен долго говорить с вами, а во-вторых, с сегодняшнего дня я начинаю «действовать» на моем скромном ученическом поприще. До сих пор жизнь моя была довольно серой и скучной, потому что (со дня приезда) она не была приправлена живой деятельностью, которая стала для меня совершенно необходимой.

Эти два дня я готовлюсь начать мое любимое «ученическое» дело, и уже одна эта подготовка вливает в меня огромную жизненность».

«16 сентября 1896 г.

Ваши письма для меня имеют большое значение. Чрезмерная работа, с одной стороны, тоска по вас — с другой, так расстроили меня, что я превратился буквально в «полчеловека», так душевно расстроен, что сам не могу узнать себя. «Прощай, свободная стихия, прощай, величие души!» Чтобы было понятно, что я хочу сказать, расскажу вам следующее. 9 сентября наше правление устроило во дворе училища молебен; число учителей и учащихся достигало 500. Все они были выстроены, взгляды их устремлены на церковную утварь. Воздух сотрясался от чудесных мелодий громадного церковного хора. Красиво одетый толстый священник, склонив голову, молился богу, и вместе с ним все собравшиеся, как один человек, склоняли свои головы, беспрерывно крестились и шеп-

тали сладкие молитвы, конечно, сами не понимая, чего они хотят... Кого просят?.. И что просят?.. Стоя в одном из последних рядов, я смотрел на эту картину, и сердце мое наполнялось жалостью к этим несчастным... И это те люди, которые, вспоминая историю веков идолопоклонения, говорят с удивлением: «Люди воздвигали своими руками памятники, идолы, украшали их золотом и серебром и потом молились, преклонялись перед ними. «...Как невежественны были эти люди», — восклицали они, жалея их.

...О несчастные, — думал я, — подумайте минуту и о себе: чем вы отличаетесь от этих идолопоклонников? Если они воздвигали памятники своими руками, то вы делаете это своим воображением, но идол остается идолом, будь он вещественный или воображаемый. Если они украшали своих идолов золотом и серебром, то вы украшаете своего словами «добрейший», «мудрейший», «всемогущий», «всевышний» и т. д., но «украшение» остается тем же понятием. Если они поклонялись видимому и ощутимому, то есть вещи, которая существует в действительности, вы поклоняетесь невидимому и неощутимому, воображаемому, то есть тому, что не существует в действительности; короче говоря, если они поклонялись «чему-то», то вы поклоняетесь «ничему»... Значит, еще хуже...»

«2 октября 1896 г.

Пушкин в 17-летнем возрасте писал целые поэмы, подобных которым не было до того, и тем самым сослужил громадную службу своей родной литературе.

Шестнадцатилетний юноша потрясает ныне всю Европу своими гениальными открытиями в науке... Но разве дает это людям право быть недовольными кем-то другим, который в течение всей своей жизни не может сделать и десятой части этих гениев? «От каждого человека можно требовать по его сознанию и возможности».

Если меня обучили какому-либо ремеслу, имеют право требовать, чтобы я использовал это ремесло для службы и себе и обществу. Если мне дали образование, я обязан служить человечеству на этом по-

прище, и люди имеют право требовать от меня то, чему учился я, что я знаю и чему могу обучить других. Но скажи мне, пожалуйста, можно ли требовать от ученого, чтобы он пек хлеб, или от сапожника, чтобы он написал роман, или от торговца, чтобы он написал художественную картину, или можно, наконец, требовать дело у такого человека, которому не дано никаких средств, никакого оружия, никакой области, в которой он мог бы действовать? Скажи мне, пожалуйста, чему научили тебя родители, к какому делу подготовили они тебя и какие обязательства возложили на тебя? Они не обучили тебя ремеслу, чтобы можно было бы потребовать от тебя использовать ремесло; не дали тебе такого образования, чтобы могла служить делу просвещения человечества. Единственная область, которая предоставляется в нашем мире девушке, — это материнство...»

«23 ноября 1896 г.

...Эти два дня перо отказывается подчиняться мне; дважды начинал писать и бросал, а это уже в третий раз пишу и решил обязательно закончить и послать: сейчас также едва пишу... едва, ибо затрудняюсь поверить, что смогу сказать вам все то, что считаю необходимым сказать, если даже стану на несколько часов Шекспиром».

«25 ноября 1896 г.

А на твой вопрос — не лучше ли умереть, чем так жить, — я отвечаю искренне: нет, надо жить и жить; искать смерть — совершенное малодушие, которое позорит тебя.

Жить, бороться, побеждать и побежденным вновь жить и жить».

«2 декабря 1896 г.

Простите, пожалуйста, что эти несколько дней ничего не писал вам.

Причина в том, что опять мой негодный мозг болит; позавчера в одном месте (у дочери моего дяди) читал «Гамлета» в русском переводе, пять часов под-

ряд читал вслух без отдыха, так что всю книгу кончил одним разом, но мне дорого обошлось это, сегодня третий день не могу даже думать».

«18 декабря 1896 г.

Я писал вам, кажется, что намерен в этом году хорошо ознакомиться с произведениями трех европейских и, можно сказать, даже общечеловеческих гениев (Шекспир, Шиллер и Гёте). Прочел уже и хорошо знаю несколько вещей Шекспира, как-то: «Гамлет», «Макбет», «Ромео и Джульетта» и «Как вам угодно». Сегодня должен прочесть драму Шиллера «Разбойники». Я пошлю вам с Левоном «Биографию Шиллера» и несколько других книг».

«19 декабря 1896 г.

Здравствуйте, дорогие сестры!

Сегодня я очень хорошо себя чувствую (физически) и хочу немного поговорить с вами. Давно не писал ни о чем серьезном, хотя и сильно желаю; желаю, потому что в моем уме господствует удивительная жизненность (особенно в последнее время), вернее сказать — во внутреннем мире: новые мысли, новые чувства бесконечно сменяют друг друга и нарушают мой покой. Рассказать подробно, систематически и дать вам ясное представление об этом моем состоянии — мне кажется трудным, потому что, во-первых, все перепутано и, во-вторых, я еще сам не освободился от этой «внутренней бури» и не составил определенного понятия о ней. Вы знаете, что я много размышляю о себе, о своей личности — внимательно слежу за развитием моего духовного и нравственного мира и, наблюдая за собой, стараюсь понять, что такое человек и тот дьявольский механизм, который называется жизнью. Мне кажется, что из всех наук в мире самой важной является эта наука. «Самая лучшая из всех наук — самое главное из всех познаний человеческих — это познание самого себя», — записал я сегодня в классе в своей общей тетради, в то время когда другие вокруг меня беззаботно решали задачи с учителем. И действительно, что может быть

более серьезным, более важным чувством, чем самопознание, самосознание, если можно так выразиться.

Третьего дня я сидел в театре; среди исполнителей были такие, которые, вызубрив, как попугаи, свои роли и ничего не понимая, «рассекали воздух руками» и забавляли глупую публику. Эти актеры в то время казались мне очень жалкими и смешными, у меня сжималось сердце, когда я смотрел на них; они выходили на сцену, совершенно преобразившись лицами и одеждой, один в роли философа, другой — царя, третий — шута и т. д. ...Один ораторствует о человеческой философии, другой — о законах правления, третий — о различных явлениях жизни и т. д. Стонут, льют слезы, смеются, пляшут... Но ни один из них не понимает, во-первых, своей роли, а затем вообще что такое сцена, театр, искусство. В те минуты эти артисты, призванные якобы «воспитывать общество искусством», эти учителя человечества казались мне и чрезвычайно противными и вместе с тем слишком жалкими; я считал оскорбленным человеческое достоинство...

«Удивительно, как таких людей выпускают на сцену... Совершенно не умеют держать себя...» — сказал сидящий рядом со мной молодой человек, который по выражению моего лица понял, о чем я думаю. «Да? Фу...» — ответил я ему. Это его замечание вдруг отрезвило меня, и я мысленно перенесся... в другой мир... более грустный, прискорбный, более отвратительный и более жалкий, чем тот, о котором я думал, — «мир» нашей повседневной жизни. Я поневоле стал сравнивать своего соседа с этими актерами, потом от него перешел к себе, вспомнил все свое прошлое и настоящее, вспомнил всех своих окружающих, знакомых и приятелей... Всех людей. Одним словом, мне представилась наша повседневная жизнь во всех ее проявлениях... Все это я сравнил с открытой передо мной маленькой сценой — и... ужаснулся при этом сравнении.

Театр должен быть первым отражением общественной жизни. Как зеркало, он должен показывать

жизнь такой, как она есть... Они показывают нам наше точное изображение...

> Весь мир — театр,
> В нем женщины, мужчины — все актеры.
> У них свои есть выходы, уходы,
> И каждый не одну играет роль.

По удивительной ассоциации идей вспомнил я вдруг эти слова величайшего гения человечества — Шекспира, прочитанные мной несколько недель тому назад, и как будто сейчас только понял их. Да, этот мир есть сцена, такая точно, как та, что за пять минут до этого привлекала все мое внимание; да, люди совершенно не отличаются от этих актеров, ибо они не понимают своих ролей, они исполняют роли «живущих людей» и не знают, что такое «человек», что такое «жизнь». Не понимают и не могут понять, поскольку даже и думать не хотят об этом, подобно тому как эти актеры — о своих ролях... «Познай самого себя, — услышал я в своем сердце голос, который постепенно усиливался, — испытующими глазами взвесь все, каждое явление, каждое движение в твоем сердце... — говорил он мне, — испытай и исследуй... И сумей отыскать — на чем зиждется сложный механизм человеческой жизни. Выйди из позорного хаоса, отряхни с себя смертоносную тьму, в которой находился до сих пор ты сам и в которой барахтаются все твои окружающие... Одним словом, живи, сознательно, познай себя...»

Вот самая главная задача, стоящая передо мной, сопровождающая меня всюду — и дома, и в училище, и на улице, даже во время товарищеских веселых и шутливых бесед».

«2 января 1897 г.

Кажется, я писал в прошлом письме, что период предрассудков прошел и что сейчас чувствую ужасную потребность все делать сознательно... Я считаю предрассудками все то, что делал до сих пор; да, прекрасным предрассудком, но тем не менее предрассудком, а не сознательностью, несмотря на все мои громкие слова, фразы и даже огромные речи, в кото-

рых я часами говорил и объяснял суть моих дел, их необходимость, величие и святость...

Я подробно бы доказал сказанное (как это недавно сделал дважды устно), но нет времени... Собственно, если даже и было бы время, не смог бы сделать этого, потому что был бы вынужден подробно проанализировать все мои дела (понятно, о каких делах идет речь), раскрыть много тайн — и моих и окружающих меня, что совершенно нежелательно. Нет нужды в этих подробностях. Вы знаете, что эти вопросы очень меня занимают и, если помните, в прошлом письме говорил, что и дома, и на улице, и на уроках, и во время веселых товарищеских пирушек этот вопрос не выходит из моей головы. Перепишу сюда из моей общей тетради те строки, которые написаны во время уроков. Вот, например:

«В мире нет ничего вечного — все имеет свое определенное время; нет ничего беспредельного — все имеет свой предел; ничего абсолютного — все относительно. Что такое счастье, что такое несчастье, добро или зло? Что хорошо и что плохо, что похвально и что преступно, что свято и что мерзко? — никакого определенного, вечного, общего для всех людей и времен ответа на это нету и не может быть! Человек от человека, общество от общества, народ от народа и время от времени отличаются своими идеалами, своими взглядами на жизнь и ответами на заданные вопросы».

Все это, конечно, не новые слова, не новые мысли; многие говорили это до меня, и, быть может, я сам много раз говорил, но, когда я писал эти строки, мне казалось, что только создаю все это, что содержащиеся в них мысли — неоценимое богатство и являются моей особой собственностью. Эти слова являются не постоянными «слова, слова и слова» Гамлета, а выражением настоящей мысли.

Переписываю другой отрывок:

«Есть люди, для которых цель жизни заключается единственно в устройстве своего материального благосостояния. Счастье заключается в богатстве, в золоте; хорошо, похвально и свято все то, что служит им в этом направлении; мерзко и преступно все то, что

мешает им. Между ними можно встретить людей, которые устраивают свое благосостояние из крови и слез окружающих; они рвут и режут, дерут и грабят — и считают себя вполне правыми, они в этом находят закон природы...

В нашем мире нет никакой общей точки опоры, на которую можно бы было твердо стать и определить, что значит добро или зло; что хорошо, что плохо, что свято и что мерзко, наконец, кто прав и кто виноват?! Один полагает, что для того, чтобы прожить на этом свете, нужно врать, льстить, подлизываться и т. п., и он это находит вполне естественным, справедливым; другой с ненавистью отворачивается от неправды, от лицемерья. Третий считает вполне преступным делом убийство себе подобного; четвертый с наслаждением вонзает в брюхо человека свой острый кинжал и считает себя совершившим пресвятое дело, так как он имел в виду какие-то там святые цели. Пятый находит, что нужно обеспечить себе спокойную жизнь хотя бы ценою жизни десятков тысяч человек; шестой считает священным долгом пожертвовать своею жизнью для блага, для счастья целого человечества... и пр. и пр., и сколько можно найти таких пятых и шестых и пр. и пр., и каждый из них уверяет, что он прав, что он делает все сознательно, что он живет по убеждениям...

Человек рождается, появляется на свет так же, как рыба в глубинах морей, червь — в сырости земли, зверь — в чаще леса и птичка — в ветвях дерева. Так же, как вырастают деревья и цветы, и как все перечисленные, во время своего создания он приносит с собой ясное сознание, что для сохранности своего органического существования, для продолжения своей жизни необходимо иметь пищу; следовательно, единственной задачей, единственной борьбой для всех организмов (конечно, также и человека) является «борьба за существование».

Став на эту исходную точку, я говорю, что... все религии с их различными богами, раями и адами служат только и только одному — облегчению «борьбы за существование», делу улучшения вопроса о хлебе.

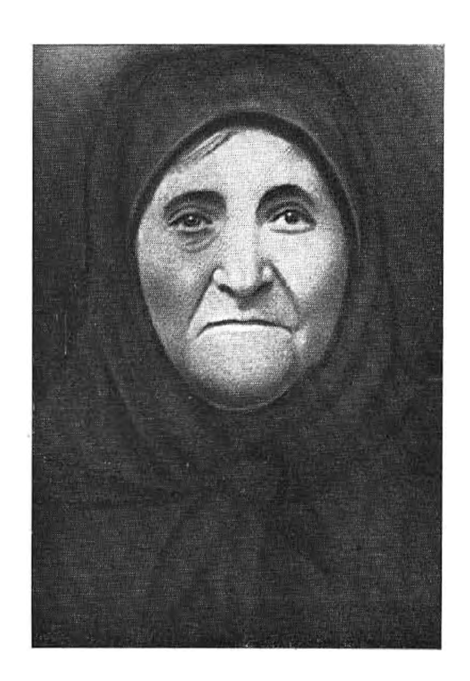
Этим пока ограничусь; после этих общих суждений со временем перейдем постепенно к нашей повседневной жизни; но не пугайтесь этих суждений и не смотрите с ужасом на автора этих мыслей, как смотрела на меня дочь дедушки, когда я впервые сообщил все это. «Прости меня, дорогой Степан, — сказала она, — я не могу завтра прийти к тебе, я ничего не понимаю, я содрогаюсь...», но она напрасно боялась, напрасно ужасалась, потому что действительно не было ничего, чтобы бояться и ужасаться, ибо, пройдя через это пламя мыслей, ужасное пламя, только незначительные тени которого я смог, как предсказывал, выразить пером... я остаюсь тем же Степаном, только более довольным собой, так же и даже еще больше любящим и почитающим тех, кого я любил и почитал...

Это письмо отправляю завтра, 3-го; потом отправлю 10-го, 24-го, 31-го, 7-го, 14-го, 21-го, 28-го. Пока довольно».

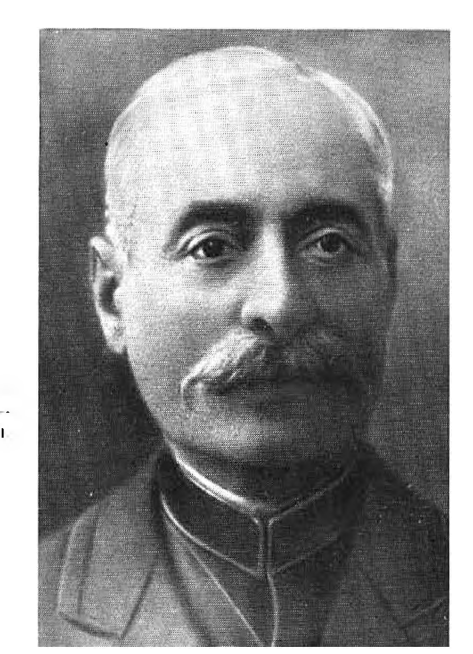
«10 марта 1897 г.

Помните, что говорит Гамлет артистам? «Обращайте особенное внимание на то, чтобы не переступать границ естественного. Все, что изысканно, противоречит намерению театра, цель которого была, есть и будет отражать в себе природу: добро, зло, время и люди должны видеть себя в нем, как в зеркале. Если представить их слишком сильно или слишком слабо, конечно, дуракам доставите этим удовольствие, но знатоку будет досадно. А вы мнение одного умного человека должны предпочитать мнению тысячи дураков».

...В просвещенных странах прилагают много усилий для улучшения жилищ людей. «Жилищный вопрос» занимает первостепенное место среди современных вопросов русской печати. Если прилагать столько усилий для жилищ людей вообще, насколько больше надо заботиться о жилищах «души» и «мысли». Этих нежных жителей надо содержать в чистых и здоровых квартирах, в противном случае они всегда будут больны; хочу этим сказать, что на положение душев-

Мать Шаумяна — Елизавета Томасовна

Отец Шаумяна — Геворк Лазаревич

Степан — ученик Тифлисского реального училища.

Степан с товарищем школьных лет.

ного и мыслительного, или внутреннего, мира, очень и очень влияет телесное, физическое здоровье».

«28 марта 1897 г.

...Не помню, писал ли я тебе, что недавно вышло в свет собрание сочинений Хачатура Абовяна. В нем имеется и знаменитое произведение «Раны Армении», которое раньше было редкостью. Помню, одному моему товарищу предлагали 5—10 рублей за потрепанную книгу «Раны Армении», а теперь как это произведение, так и многие другие, изданные толстой книгой, можно приобрести всего за один рубль. Имейте в виду и то, что «Раны Армении» не только не сокращены, но даже дополнены: прекрасные и довольно большие отрывки, которые были запрещены бывшей цензурой (в имеющемся у вас издании), теперь полностью разрешены. Книга издана в пользу осиротевших внуков автора.

Но почему я так долго остановился на этой книге?.. Вероятно, потому, что за последние дни я очень вдохновлен ею. Какая чудесная вещь, мои дорогие сестры, каким священным воодушевлением наполняется сердце читателя; вот вам сочинение, которое целиком орошено «кровью автора», целиком есть поэзия и плод истинного вдохновения».

4

А в Степана нежданно-негаданно по уши влюбляется Надин. Наденька, дочь нефтепромышленника Манташева. Надя лежит в своей комнате на оттоманке, лицом к стене. К столу не выходит, тоскует, зеленеет. Мать допытывается — дочь плачет навзрыд.

Наконец среди ночи признание: «Хочу замуж за Степу!»

Мадам хватается за голову. «Вай, ме! За Степку, за нашего репетитора! Лучше бы мои уши не слышали, что говорит эта сумасбродка. Отец убьет ее. Выгонит без копейки!..»

Сам гневается в меру. Оборотистый, цепкий делец, за недолгий срок сколотивший большие миллионы,

он привычно прикидывает: дебет, кредит. Взвешивает возможные прибыли, убытки...

Степан ходит в дом уже семь или восемь месяцев. Директор училища рекомендовал: «Шаумян репетитор надежный». Все-таки рекомендации пустяки. До конца миллионер верит только себе. Часто во время уроков он неожиданно входит, усаживается, слушает непонятные ему объяснения Степана. Финал неизменный. Папаша с сильным армянским акцентом удостоверяет: «Видишь, Гиго, ты дурак!»

Дебет, кредит... «А что? Такого зятя взять в дело совсем не плохо!»

Степан, как всегда, приходит за пять минут до начала уроков. Лакей необычайно почтительным тоном объявляет: «Приказано звать к самому хозяину».

Степан впервые на половине миллионера. В его кабинете.

— Садись, привыкай!

— ?

— Ничего не понимаешь? Я говорю, у тебя может быть кабинет не хуже. Манташев для своего зятя не пожалеет!.. Моя младшая хочет за тебя замуж. Приданого двести тысяч!..

Заметив, что Степан покраснел, торопится что-то сказать, Манташев накидывает еще сто тысяч.

— Триста тысяч тебе хватит? Мне не жалко. Вернутся в наше дело. Чего я от тебя буду скрывать? Мои четыре сына не работники. Старший Гиго — кутилка... Дурак... Тебя поставлю во главе дела! Как только выучишься на инженера, сделаю компаньоном фирмы... Иди делай предложение. Через год можете обручиться...

Ошалелый Степан вскакивает с кресла.

— Господин Манташев, я люблю другую!

Миллионер качает головой.

— Этого мне не надо знать. Все мы в молодости имеем первую любовь... Я сказал: иди сделай предложение. Триста тысяч твои!

— *Миллион! Наличными!!* Нет при себе?.. Я пойду пока готовить уроки с вашим Гиго. До свиданья!

— Ты что, не хочешь жениться? Отказываешься стать зятем Манташева?!

Через два дня Надин увозят на дачу в Боржом. Репетитор Степан Шаумян продолжает свои занятия с Гиго. До выпускных экзаменов в реальном училище совсем немного времени.

23 июня 1898 года торжественный акт. В полдень прибывают почетные гости. Попечитель Кавказского учебного округа господин Яновский, высший духовный пастырь — экзарх Грузии, генералы в парадных мундирах и при всех регалиях, редактор газеты «Кавказ» господин Величкин, директора городских гимназий.

Директор училища вызывает по алфавиту выпускников. Каждый с предельным почтением подходит к экзарху, склоняет голову, получив благословение, благодарно целует руку. В заключение получает аттестат об окончании курса наук.

Господин Тирютин хорошо поставленным голосом объявляет:

— Шаумян Степан Георгов!

Степа идет своей обычной неторопливой походкой. Голова поднята, плечи расправлены. Протянутая для лобызания рука экзарха повисает в воздухе. Перепуганный директор подталкивает Степана в спину. Тот словно врос в пол. Стоит не шевелится. Разглядывает экзарха. Скандальное молчание слишком затягивается. Духовный пастырь в великом гневе тычет аттестат за номером 1085 нечестивцу в руки.

Не гневайтесь, высший духовный пастырь! У юноши есть оправдание. Вполне убедительное. Он не идет против совести, не лицемерит, не притворяется. Стоит за веру свою. Не сегодня, два года назад он уразумел, друзьям поведал:

«Бог!.. Эх, будь проклят бог, хочу заверить тебя тем, чего нет...»

Степана куда больше, нежели самочувствие экзарха, интересует назначенное на завтра рандеву с Манташевым. Миллионер имеет какое-то новое предложение. Гигошка болтает о поездке в Петербург: «Бу-

дешь моим ангелом-хранителем. Я к хористкам, ты в институт... Друг другу не мешаем. Соглашайся!»

Гиго — в Петербурге он пожелает называться Ванечкой — действительно поступает на попечение Степана. «Ты должен охранять его от всяких вредных увлечений. За это я тебе кладу хорошее жалованье!» — миллионер переходит к делу.

В конце июля Степан трогается в дальний путь. Гиго пока набирается сил на даче. Ему сдавать вступительные экзамены не нужно. Отец уже нашел влиятельную протекцию к директору технологического института. Нужную сумму не поленился, лично свез другой директор — учебного департамента министерства просвещения, уроженец Тифлиса Карапет Езян-Эдов.

В технологический принят и Степан. На экзаменах — все высшие баллы.

В сентябре занимает свою квартиру на Николаевской улице наследник Манташева. Меньше чем через месяц в Петербурге появляется и сам нефтепромышленник. Какой-то доброжелатель вызвал его депешей. Слишком уж энергично Ваня взялся за столичную науку. Карты во Владимирском клубе, бильярд, ресторан Доминика, драгоценности хористкам и примадоннам с извинениями: «Простите за недорогой подарок, но, к прискорбию, отец еще не умер, и я не могу подарить ничего дороже...» У ростовщика взял шесть тысяч, векселей выдал на четырнадцать, все с пометкой «по предъявлению», — плати, папаша, немедленно.

Манташев весь гнев обрушивает на Степана.

— За что я тебе плачу? Если ты не хочешь быть моим зятем, участником дела, так следи хотя бы за Гиго!

— Не могу я играть при нем роль полицейского, — сдержанно отвечает Степан.

Энергичную претензию заявляет сам потерпевший Ваня:

— Пойди ответь за меня, что там требуют. Назовись Манташевым. Эти старички профессора меня все равно не видели в глаза. Пойди, пойди!

Степан уезжает в Ригу. Поступает на химическое отделение Рижского политехнического института. Первая неделя занятий заканчивается налетом полиции. В аудитории врываются жандармы и агенты охранки. Раскрыт нелегальный марксистский кружок. Среди арестованных и надолго посаженных в тюрьму студент Михаил Пришвин — будущий знаменитый писатель.

Степан пока еще вне подозрений. По адресам, полученным в Петербурге, он пойдет чуть позднее, когда спадет волна арестов.

Наступает новый, 1899 год. Кетеван все еще в Джалалоглы. Русская почта неторопливо доставляет письма в оба конца.

«26 января, Рига

Мне предлагают сотрудничать в наших газетах. Честно говоря, это для меня не представляет трудности, но и не привлекает совершенно. Или все, или ничего. Следуя этому зову, который слышится в глубине души моей, откладываю мою «деятельность», а пока надо думать об учебе.

. . . .

В январском номере журнала «Мир божий» есть много хороших вещей, которые так же примечательны, как «Два счастья» или «В поисках света», а в ноябрьском номере «Русского богатства» есть одна прекрасная вещь, которую советую прочесть, — это «Необходимость» Короленко».

«27 февраля

Если хочешь читать на русском языке и не знаешь что, советую прочитать «Без дороги» из «Очерков и рассказов» Вересаева... В нем затрагивается вопрос, бьющий по самым нежным струнам души современной молодежи. Что делать? Чему верить? По какому пути должен идти человек, готовый на самопожертвование? Можно прочесть и другие произведения (в этой же книге), но только для ознакомления с манерой изложения автора. Та искренность и простота,

которыми дышит вся книга, внушают к автору глубокую симпатию и т. д. и т. д.

Одним словом — прочти».

«Апрель

Настроение мое вновь портится, опять остался без работы. Институт закрыт, по-видимому, до 9 апреля; во всяком случае, до этого времени предоставляют отпуск и стараются как можно больше увеличить число уезжающих. Сотнями отправляются студенты. Что мне делать, не знаю... Ведь окончить в России живым и здоровым нельзя, или должен стать жертвой тюрьмы, ссылки, или же должен морально пасть, умереть, чтобы не чувствовать творящегося вокруг варварства».

Прежде чем это письмо дойдет до Кетеван, Степан покинет Ригу. В Тифлисе беда. Посажен в Метехский тюремный замок Геворк Лазаревич. По обвинению в убийстве!

Мать расскажет сыну немного. Уступчивый, безотказно тянувший давно опостылевшую лямку, отец отчаялся. Стрелял в хозяина, Симоняна. Геворк Лазаревич служил тогда приказчиком в магазине братьев Симонян.

Пули, пущенные неумелой рукой, большого вреда не причинили. Обидчик жив, окружен вниманием. На манер чеховского коллежского регистратора Митеньки Кулдарова куражится. Во все тифлисские газеты попал. На Армянском базаре восторженно причмокивают: «Ва! Симонян! Недострелянный мужчина!..»

И Степану идти на поклон к Симонянам. Уговаривать, чтобы с помощью ловкого адвоката не раздували историю. Тянутся переговоры, хлопоты. Добрейший Геворк Лазаревич остается в тюрьме. В камере с убийцами, со всяким разбойным сбродом.

«Наше семейное положение до того плохо, что трудно оставаться спокойным», — признается Степан Азарии Даниеляну, вместе с которым жил в Риге. Степа главный кормилец своей большой семьи.

Снова он бегает по урокам, работает корректором в газете «Новое обозрение».

Посыльный от Манташева. Миллионер готов все простить на прежних условиях. К Надин — приданое триста тысяч, можно наличными. После получения диплома инженера — компаньон, управляющий всеми нефтепромыслами фирмы.

Триста тысяч! За душой нет и тридцати рублей... Степан отвечает с тем же посыльным:

«Спасибо. Мне ваша дочь, вы знаете, не нужна. Компаньонами мы никогда не станем. А работать на нефтепромыслах я обязательно буду!..»

Жизнь скрашивает Кетеван. Она нежно любит своего Степу. Стремится разделить с ним все тяготы. Любовь — все их достояние. Вся сила. Вся надежда. Девятнадцатого июня долгожданная свадьба.

«Можешь меня поздравить, — обращается Степан к тому же Азарии Даниеляну, — до известной степени я успокоился». И позволяет себе признаться, что время невольной разлуки с Кетеван было «сложной драмой моей жизни».

Со второй половины лета Степан колесит по урочищам и местечкам Лорийского нагорья. «Намерен... ознакомиться с настоящим и прошлым этого интересного уезда», — определяет он свою цель. Здесь вдоль железнодорожной ветки Тифлис — Караклис особенно быстро идет расслоение армянской деревни. Сильные пускают по миру слабых. Власти одобряют. «Отцы нации» всячески стараются не замечать. С горечью повторяет Степан слова Ованеса Туманяна: «Армянского поэта больше волнуют и огорчают черные тучи, сгустившиеся над белоснежной вершиной Масиса, нежели тучи, омрачающие чело нашего крестьянина».

Тысячи вконец обнищавших землепашцев бросают свои лоскутные наделы, устремляются на близлежащие рудники и Алавердский медеплавильный завод. В тяжких муках и страданиях рождается рабочий класс Армении. Степан вносит свой первый вклад — создает марксистский кружок.

Строки, принадлежащие видному буржуазному публицисту А. Гаспаряну:

«И если в особенности Лорийский и Казахский районы дали такую мощную военную помощь XI Красной Армии, так много боевиков-добровольцев, то это результат неустанной политической работы Шаумяна, всходы семян, некогда посеянных молодым Степаном!»

...Первые проблески успеха и в непомерно затянувшихся хлопотах об освобождении из Метехи Геворка Лазаревича. Недострелянный Симонян продолжает упираться, зато брат заметно покладистее. Уверяет, что суда не хочет, «какая выгода, если Геворка похоронят в Сибири?».

Почти через год после ареста Геворк Лазаревич возвращается домой. Здоровье заметно поубавилось, а воли против ожидания больше. Твердое мнение появилось — всегда уступать нельзя. «Степа, борись поумному!»

На большом семейном совете все голоса — и Шаумянов и Тер-Григорянов — за то, чтобы Степе вернуться в политехникум.

На пятом этаже дома номер двадцать четыре — по Елизаветинской[1] улице, где обыкновенно селится рижская беднота, с конца августа 1900 года появляется новый жилец, Шаумян. Скоро к нему приедет жена. Пока он делится с родными новостями:

«Кроме подготовки для политехникума, я занимаюсь и другими предметами. Основательно ознакомился с рабочим движением, с тем общественным движением, которое называется социализм... Вначале здоровье мое было очень плохое, но понемногу восстановил силы и сейчас чувствую себя хорошо, особенно умственно. Боли, по-видимому, закаляют».

С самых первых дней во главе политехникума и на кафедрах — немцы, остзейские бароны. Тупость и лицемерие — высшая добродетель. Оплот порядка — надзиратели и платные доносчики, обязательные на каждом факультете.

---

[1] Сейчас улица Кирова.

Строжайше запрещены: студенческие библиотеки, читальни, какое-либо участие в периодических изданиях и даже столовые! Всякое нарушение безоговорочно карается исключением из института — на месяц, два, три, полгода. Исключением с «волчьим билетом». Отдачей в солдаты.

Все предусмотрено, расписано, неуклонно блюдется. Только... Еще в 1887 году Виктор Курнатовский — один из первых русских марксистов, товарищ молодого Ульянова по сибирской ссылке — создает в политехникуме нелегальный, революционный кружок.

Да и Степан, в его первый приезд в Ригу, был свидетелем — самому участвовать почти не удалось, очень уж поздно зачислили в институт — дружной студенческой забастовки. Рижане стремились поддержать студентов Петербургского университета. Двести двадцать семь политехников тогда были исключены. Многие арестованы, высланы под надзор полиции.

Директор института барон Гренберг и начальник губернского жандармского управления полковник Прозоровский в трогательном согласии обнадежили губернатора Лифляндии: «Все лица, виновные или подозреваемые в неблагонадежности, из стен учебного заведения категорически удалены».

Уверенность — великое качество... В начале апреля 1900 года посланец революционных студенческих кружков политехникума Ян Озоле-Заре участвует во встрече Владимира Ульянова с рижскими социал-демократами.

Ян время от времени бывает и у друга Ульянова Михаила Александровича Сильвина. Владимир Ильич величает его крёстным, в шутку должно быть. Когда-то Михаилу Александровичу довелось познакомить приехавшего из провинции в Санкт-Петербург помощника присяжного поверенного Ульянова со столичными марксистами. Провинциал произвел благоприятное впечатление и вскоре был введен в революционный кружок, состоявший преимущественно из студентов технологического института: Радченко, Кржижановского, Красина, Ванеева, Сильвина, Старкова, За-

порожца и др. Потом их стали называть марксистами-«стариками», а появление в кружке Владимира Ильича сравнивать с «животворным по своим последствиям грозовым разрядом».

После ссылки в Шушенское, когда Владимир Ульянов, лишенный права проживания в столичных и университетских городах и крупных рабочих центрах, выбирает для себя Псков, Сильвин обосновывается поблизости — в Риге. Ильич обеспокоен созданием опорных пунктов «Искры» в разных концах России. На долю Михаила Александровича выпадает Прибалтика. Надежде Константиновне Крупской поручена Уфа, Ивану Бабушкину — Смоленск, Стопани и Лепешинскому — северо-запад. В Баку поедет Ладо Кецховели.

Ян Озоле-Заре все настойчивее просит разрешения Сильвина познакомить с ним студента Степана Шаумяна.

— Ладно, приводите вашего кавказца. Поглядим, чем он вас так заворожил!

— Ручаюсь, и вы не устоите, Михаил Александрович, — в тон ответил Ян.

— Нуте-с, жду с нетерпением!

Второе, третье, все следующие свидания происходят уже без Яна. Сильвин расспрашивает, дает поручения не из легких. Внимательно присматривается. Да, Озоле-Заре прав. Чего же медлить? За два месяца до выхода первого номера «Искры», стало быть, в октябре 1900 года, Степан становится членом Российской социал-демократической рабочей партии. Отныне и к нему полностью относятся слова Ильича: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому и трудному пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под их огнем».

У Степана и «свой» армянский нелегальный кружок. Теперь название выбрано попроще и поточнее, чем когда-то в Тифлисе. «Теоретик»! Две-три сходки, дискуссии, и армянская студенческая корпорация «Севан» берет «Теоретика» под сильное подозрение. Не чувствуется-де священного национально-патриоти-

ческого духа! И в помине нет! Вместо ни к чему не обязывающего клича «Освободим братьев из турецкой неволи!» крепкие, западающие в память доказательства жизненной необходимости участвовать в русской революции.

В описании одного из участников кружка:

«Борьба чехов в Австрии, ирландское движение в Англии, финляндский и польский вопросы в России были предметами докладов и разборов в «Теоретике». Кружок, в особенности Степана, занимают проблемы прогрессирующего распада патриархального быта армян, развития крупной промышленности в Закавказье, расслоения народа на классы, образования пролетариата.

...В процессе своих занятий «Теоретик» пришел к убеждению, что революционные стремления армян должны осуществляться не за пределами России — в Турции, а в самой России. Как всем народам России, так и армянскому, необходимо политическое и экономическое освобождение, а к этому освобождению ведет борьба народных масс против самодержавия и эксплуатирующих классов... Будущую Россию, которая выйдет из неизбежной грядущей революции, группа Степана представляла себе, как Федерацию национальных штатов. И только в этой будущей федерации армянский народ наравне со своими соседями получит возможность свободного развития на основе своих национальных особенностей.

...Критический и пытливый ум, наблюдательность, отзывчивость и искренность сделали Степана вдохновителем и любимцем «Теоретика». Почти всегда он руководил дискуссиями; председательствовал на сходках. Корректный и приветливый, он умел одной добродушной остротой устранить излишние споры. Уступчивый и мягкий в житейских отношениях, Степан был непреклонен и тверд, когда ему приходилось отстаивать свой сложившийся взгляд на принципиальный вопрос.

Запросы его уже не ограничивались одною общественно-политической областью. Естественные науки, в особенности дарвинизм и биология, занимали его

немало. Любитель поэзии, всего изящного, он внимательно следил за текущей литературой.

В материальном отношении Стёпа был необеспеченным студентом. За два года почти ежедневных встреч, совместных занятий, частых и долгих бесед я не помню случая, чтобы материальные лишения заслонили у него научные и общественные интересы. За обычно задумчивым взглядом его глубоких глаз таилась неиссякаемая жизнерадостность, поднимавшая его выше мелких житейских забот».

Новый, XX век. Царь Николай — «Чингиз-хан с телефоном», по определению Льва Толстого, — жалует России нового министра внутренних дел — Сипягина. Анонсы в высочайше дозволенных газетах: «Век процветания», «Век без забастовок».

Вольный голос поэта:

И черная земная кровь
Сулит нам, раздувая вены,
Все разрушая рубежи,
Неслыханные перемены,
Невиданные мятежи

В январе и началось. Сто восемьдесят три студента Киевского университета «за учинение скопом беспорядков» отданы в солдаты.

По России волна студенческих демонстраций, забастовок. Гремят стычки с полицией и казаками. Москва, Петербург, Рига, Харьков, Казань, Одесса — протест против «Временных правил об отбывании воинской повинности воспитанниками высших учебных заведений».

В столице империи прокламации «Союза объединенных студенческих землячеств»:

«!!КО ВСЕМ!!
Душно без счастья и воли,
Ночь бесконечно темна,
Буря бы грянула, что ли,
Чаша с краями полна!

...Мы обращаемся ко всем слоям общества:

Идите с нами, вы, «не проевшие душу живу». По-

чувствуйте свободу хоть на один час, обновитесь в грозе великих манифестаций. В ваших руках бич общественной цензуры. Не жалейте ударов!

Демонстрация состоится 4 марта, в 12 часов дня, у Казанского собора».

Ударов не жалели. Сам градоначальник Санкт-Петербурга Клейгельс, все из тех же старательных остзейских баронов, вскочил на коня, повел сотню казаков на студентов и курсисток. Часом раньше он предусмотрительно и гуманно приказал приготовить у собора полсотни карет Красного Креста. Карет не хватило. И камер в полицейских участках. Не простое дело сразу втиснуть в камеры более тысячи новых жертв.

У рижан еще свое до крайности наболевшее — бойкот профессоров-мракобесов. Степан в общеинститутском забастовочном комитете. Обязанности возникают самые неожиданные. Иногда приходится тайком садиться в поезд, ездить в Петербург.

Барон Гренберг прибегает к испытанному средству. Институт закрыт «пока на два месяца». Иногородним студентам рекомендовано отправиться на свободное время в родные края, домой. Не сегодня-завтра большинство студентов-армян двинутся на Кавказ.

Степа в душе завидует. На юге весна, сады цветут... Нельзя! В Риге дел по горло. Моряки ухитряются, доставляют из-за границы транспорты с «Искрой». Пакеты надо побыстрее переправлять дальше, в глубь России.

Дело делом, а о земляках позаботиться необходимо. Кавказский обычай строг — путника встреть и проводи щедрой рукой. Ничего не пожалей, поделись последним. Старается Степан, чтобы каждый получил, взял с собой хотя бы несколько экземпляров отпечатанного на гектографе воззвания «Теоретика» к армянскому населению:

«Кто хочет обрести хлеб и свободу, дом и родину, кому дорого будущее детей и внуков, судьба народа, тот должен объединиться с русскими тружениками, вместе готовить революцию.

Сыновья Кавказа, армяне, грузины, татары[1], объединяйтесь под знаменем грядущей русской революции!»

Один экземпляр «Воззвания» Степан с оказией посылает в Лондон, в редакцию газеты партии «Гнчак». Когда-то в ученические годы Степа не дождался ответа от лидера «Гнчака» Назарбека, какая же разница между его партией и «Дашнакцутюном». Сейчас и вовсе никакой надежды на то, что гнчакисты опубликуют «Воззвание». Степан так и говорит своим оппонентам на собрании «Теоретика»:

— Я за то, чтобы послать «Воззвание» в Лондон. В газете «Гнчака» вы его никогда не увидите. Зато сумеете разглядеть лицо господ, претендующих на роль спасителей армянской нации... — Не сдержался, повысил голос: — Коммерсанты от политики, они не знают и не любят народ, толкают на бессмысленные жертвы, на новую кровавую резню. Не признаю разницы между ними и дашнакцаканами!..

О крайней дерзости Степана узнают руководители армянской студенческой корпорации. Они взбешены. Главным образом от чувства собственного бессилия. Просто отлучить «Теоретика» уже нельзя. Нечто похожее на компромисс неожиданно предлагает главный виновник скандала: «Давайте созовем съезд армянского студенчества. Пригласим делегатов со всей России. Воля большинства будет законом для нас».

Съезд соберется в декабре. Покуда Степан к своим многочисленным занятиям прибавляет литературные переводы. С русского на армянский и с армянского на русский. Обоими языками он владеет свободно. Как все тифлисцы, знает грузинский, в состоянии объясниться и по-немецки. А литература — давняя, все более крепнущая любовь Степы. Ни дня без книги. Всегда, при всех самых трудных обстоятельствах. Еще в 1899 году, в первую попытку учиться в политехникуме, Степан пишет в Тифлис знакомому сотруднику армянского журнала:

---

[1] Татарами в дореволюционные годы называли азербайджанцев.

«На днях в одном из январских номеров газеты «Русские ведомости» я прочитал красивый и содержательный рассказ Антона Чехова «Новая дача». Предлагаю перевести этот рассказ на армянский язык и напечатать; он является современным и животрепещущим произведением».

Что-то помешало. Впервые Степан выступит в прессе через год с небольшим в роли критика, полемиста. В тифлисском журнале «Тараз» («Моды»).

Характер Степана не меняется. По-прежнему он может сказать о себе: «знаете, я... натура страстная, увлекающаяся». Он не успокоится, пока не переведет, не отправит в Тифлис для издания рассказ Максима Горького «Однажды осенью». Рассказ психологический, очень чистый. Семнадцатилетний парень и Наташа, «девица из гулящих», коротают ночь в перевернутой лодке.

«Она меня утешала... Она меня ободряла... Будь я трижды проклят! Сколько было иронии надо мной в этом факте! Подумайте. Ведь я в то время был серьезно озабочен судьбами человечества, мечтал о реорганизации социального строя, о политических переворотах, читал разные дьявольски мудрые книги, глубина мысли которых, наверное, недосягаема была даже для авторов их, — я в то время всячески старался приготовить из себя «крупную активную силу». И меня-то согревала своим телом продажная женщина, несчастное, избитое, загнанное существо, которому нет места в жизни и нет цены и которому я не догадался помочь раньше, чем она мне помогла, а если б и догадался, то едва ли бы сумел помочь ей чем-либо».

Степан, который только что подарил своей Кетеваник роман Тургенева «Накануне» с надписью: «Прочитай и постарайся стать похожей на его героиню!», не может пройти мимо такого рассказа Горького. Переводит за несколько ночей. В Тифлисе рассказ сразу издают отдельным выпуском. Успех колоссальный. Много лестного высказано и в адрес переводчика.

Тогда же редактор русской тифлисской газеты

«Новое обозрение» Г. Туманишвили заказывает своему бывшему корректору Шаумяну перевести «что-нибудь с армянского, по вашему выбору». Из всего возможного Степан отдает предпочтение своему любимому поэту и прозаику Ованесу Туманяну. Переводит его отличный рассказ «Честь бедняка». О простом лорийском крестьянине, попытавшемся заступиться за поруганную честь жены. Для читателя, особенно для русского, открытие: «Бедные, полудикие горцы, откуда к ним такие нежные, тонкие чувства?! Какой-то совсем новый тип мужика-армянина!..»

То ли для испытания любимого поэта, то ли от крайней нужды, но однажды Степан заявляется к Ованесу Туманяну с более чем неожиданной просьбой. Нужно быстро и самым лучшим образом перевести строки Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Туманян с крайним недоумением спрашивает:

— Молодой друг, зачем это вам?

Степан спокойно отвечает:

— Для прокламации. Призываем к свержению Николая. Другого пути нет!.. Пожалуйста, перевод должен быть очень точным.

— Я понимаю, — твердо отвечает Туманян. И внимательно рассматривает Степана.

За прокламации Степану приниматься и в эту штормовую осень. Низкое, провисшее небо и воды Западной Двины одного и того же грязно-серого цвета. Ветер с моря исхлестывает лицо, толкает, торопит.

Охранка и остзейские бароны, похоже, застигнуты врасплох. Так рано студенты политехникума ни в один год не начинали. Двадцать четвертого ноября около пятисот студентов заполняют внутренний двор института. Требования: свобода слова, совести, печати. После митинга направляются к управлению жандармерии.

Среди бела дня в центре губернского города гневно и скорбно звучит «Замучен тяжелой неволей». Молодые звонкие голоса распевают «Марсельезу», «Варшавянку», «Дубинушку». На улице Красного барона (бывают и такие сочетания!) схватка с полицией. Первая политическая демонстрация в Риге. Степан в четверке организаторов. Филеры берут его «в наблюдение».

Несколько дней спустя в весьма почитаемой властями газете «Ригаер Рундшау» статья-донос на студентов. Всего выразительнее концовка: «Мы повторяем призыв нашего незабвенного Лютера: «Бейте их, как бешеных собак!»

Отвечают уже сообща студенты и рабочие. Они забрасывают камнями помещение редакции. Камнями, булыжниками из развороченной мостовой встречают и примчавшихся казаков. По городу разлетаются прокламации:

«Мы, студенты Рижского политехнического института, сообщаем, что, поскольку у нас не было других средств — свободы слова, мы были вынуждены в такой форме ответить на выходки реакционной прессы...»

За событиями в Риге внимательно следит Ленин. Да, теперь уже Ленин!

В предместье Мюнхена — Швабинге — в одном из только что отстроенных больших домов квартирует Ульянов. По паспорту болгарский подданный доктор Иорданов с супругой Марицей. Он же добропорядочный немец Мейер и симпатичный русский господин Петров.

В разное время — Ильин, Тулин. Еще Карпов, Вильямс и Фрей.

Он быстро ходит из угла в угол, что-то шепчет, шепчет, потом присаживается к столу, заваленному грудами бумаг, спокойно, твердо пишет. Пишет с мая. Сейчас декабрь на исходе. Книгу ждать еще долго. Лишь в марте типография в Штутгарте отпечатает знаменитое:

«Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения. Н. Ленина».

Книгу обгонит журнал «Заря». Сдвоенный номер: 2—3-й. Вот там впервые имя Ленин! В центре журнала: «Гг. «критики» в аграрном вопросе. Очерк первый». Автор — Н. Ленин. И «Искра» за вторую половину декабря 1901 года — снова Н. Ленин.

Уже целый год выходит «Искра». Уже создан крепкий организационный костяк партии. Вчерне готова программа. Предрешен созыв съезда. Уже начальник московской охранки Зубатов предупреждает в секретном письме директора департамента полиции Зволянского: «Крупнее Ульянова сейчас в революции нет никого», и предлагает немедленно организовать его убийство во имя спасения монархии в России.

...Ленин следит за событиями в Риге. Почти в каждом номере «Искры» — сообщения о борьбе студентов политехникума. Приводятся выдержки из прокламаций. Владимир Ильич сам берется за перо. Двадцатого декабря появляется его статья «Начало демонстраций». Хорошо продуманная программа действий. Обращенная и к студентам и к рабочим.

«Опыт прошлого года не прошел для студентов даром. Они увидели, что только поддержка народа и главным образом поддержка рабочих может обеспечить им успех, а для приобретения такой поддержки они должны выступать на борьбу не за академическую (студенческую) только свободу, а за *свободу всего народа,* за *политическую свободу*.. Студенты Петербурга, Москвы, Киева, Риги и Одессы, как видно из их листков и прокламаций, начали понимать всю «бессмысленность мечтаний» об академической свободе при беспросветном рабстве народа.

...Рабочие! Вам слишком хорошо знакома та вражья сила, которая измывается над русским народом... Эта вражья сила, избивающая сегодня студентов, завтра бросится с еще большим озверением избивать вас, рабочих. Не теряйте времени!.. Старайтесь всеми средствами войти в соглашение с демонстрантами-студентами, устраивайте кружки для быстрой передачи сведений и распространения воззваний; разъясняйте всем и каждому, что вы поднимаетесь на борьбу за свободу всего народа.

Когда здесь и там начинают вспыхивать огоньки народного возмущения и открытой борьбы, — всего прежде и всего более нужен сильный приток свежего воздуха, чтобы эти огоньки могли разгореться в широкое пламя!»

Номер «Искры» со статьей Владимира Ильича в пути. В Риге его получат уже в начале 1902 года. В разгар новой схватки. Сейчас недолгое затишье после существенной победы. Из политехникума уволен в результате бойкота самый ненавистный барон — декан факультета фон Бергман.

Удачно заканчивается и съезд армянского студенчества. С первого заседания тон задает Степан. В нем все, что импонирует кавказцам: смелость — молва уже разнесла, что он играл первую скрипку в бойкоте декана; ум — по всем предметам высшие баллы; дружелюбие, находчивость, не лезет за шуткой в карман. Его избирают председателем съезда.

Все не так, как намечали добропорядочные руководители корпорации «Севан». Вслед за обязательным академическим рефератом «Об армянском вопросе в Турции» сотрясение основ, набат!

— Студенческое движение приобретает политический характер. Студенты-армяне обязаны участвовать в таком движении! — набирает силу, крепнет голос Степана.

Съезд слушает. Съезд голосует:

«Считаем себя обязанными участвовать в общероссийском студенческом движении».

Всего через месяц в Петербурге — на Первом Всероссийском съезде революционных студенческих объединений — делегат Риги Шаумян скажет и того точнее:

— Все наши стремления останутся неосуществленными, пока не будет свергнуто основное политическое препятствие — царизм.

...Жандармский полковник Прозоровский читает донесение студента — агента охранки. Назавтра доверительный разговор с бароном Гренбергом, жаждущим взять реванш за посрамление друга фон Бергмана.

На каждом факультете вместо одного надзирателя шесть. Соответственно увеличено и число платных доносчиков.

Одиннадцатого февраля общеинститутская сходка студентов. Ночью Степан размножает листовку:

«Мы, студенты Рижского политехнического института, будем действовать не только как студенты, но как граждане порабощенной страны... Вместе с массами трудящихся мы призываем вас участвовать в новой борьбе, не жалея своих сил!»

Рижские власти срочно взывают к Петербургу. Фельдъегерь везет пакет. В правом верхнем углу крупными буквами: «СЕКРЕТНО»:

«Господину министру внутренних дел

Считая и со своей стороны удаление сих лиц крайне желательным, почтительнейше ходатайствую...

Лифляндский губернатор, генерал-майор (завитушки зеленым карандашом)

Начальник Лифляндского губернского жандармского управления полковник (четко чернилами: Прозоровский)».

Ответ не задерживается. Министр берет во внимание почтительнейшее ходатайство губернатора Лифляндии. Только слегка убавляет количество высылаемых студентов. И для какой-то своей надобности жирно обводит красным фамилии: Колышкевич, Шаумян, Трейман, Липхард.

Девятого марта обязательный немец Гренберг извещает Степана официальным письмом:

«Сим сообщаю Вам для сведения, что на основании Постановления Учебного Комитета, утвержденного г. Попечителем Округа, Вы, за участие в беспорядках 11 февраля 1902 года, уволены из числа студентов вверенного мне Института, считая с 2 марта с. г.

Вход в Институт Вам воспрещен; документы Ваши будут переданы Вам полицией».

Рижский полицеймейстер от себя слегка уточняет:

«Подлежите административной высылке к месту постоянного жительства. Документы получите в 10-м полицейском участке г. Тифлиса».

На сборы даются пять дней. Степан успевает отпечатать на гектографе «Обращение к населению». С двумя товарищами забирается на галерку казенного театра — билеты взяты так, чтобы сидеть в разных концах, — и в подходящий момент вниз летят сотни тоненьких листовок. Переполох. Загорается свет, носятся между рядов дежурные чины. Добыча их невелика. Публика листки расхватала. С интересом читает:

«Мы, в союзе с рабочими, призываем вас всех решительно включиться в борьбу против самодержавия!»

Прощальную рижскую прокламацию Степана читает и Владимир Ильич. Он выкраивает для нее место в ближайшем номере «Искры». Довольно потирает руки. Огоньки разгораются!..

5

Все пишется в разное время при весьма несхожих обстоятельствах. В Тифлисе, Париже, Ереване. Одним недоучившимся студентом и двумя крупными писателями. Если не обращать большого внимания на даты и поместить одно за другим, то получится как бы вступление, основное действие и послесловие.

Александр Ширванзаде, народный писатель Азербайджана и Армении. Строки, написанные в Париже 15 августа 1924 года:

«Точной даты не помню [1]. Праздновали юбилей сорокалетия литературной деятельности Газароса Агаяна. В действительности это был не юбилей, а просто товарищеский обед. Всякие армянские общественные празднества князь Голицын запрещал. Однако полицеймейстер был так добр, что разрешил почтить старика Агаяна обедом.

— С условием, что за обедом не будет сказано

[1] Это было 19 мая 1902 года.

ни одного слова о политике, — предупредил он меня, когда я, как председатель юбилейной комиссии, пришел к нему за получением разрешения.

— Ручаюсь, будем говорить только о литературе.

Я знал, что добрый полицеймейстер не удовольствуется моим ручательством и на обеде будет присутствовать его тайный агент. Поэтому я заранее предупредил всех ораторов и перечитал заготовленные речи. К счастью, число приветственных посланий и ораторов было невелико. Внимание присутствующих привлекал больше обеденный стол.

Ко мне подошел юноша, одетый в форму высшего технологического училища, довольно высокий, с симпатичным и даже красивым лицом, несколько бледный и взволнованный.

— Разрешите и мне приветствовать, — сказал он на чистом литературном языке.

— Будете говорить?

— Нет, буду читать, вот текст.

— Разрешите мне просмотреть?

— Возьмите.

Я прочитал его выступление. Это было не поздравление, а беспощадная и безоговорочная критика, но не творений Агаяна, а царившего в то время в России политического режима. Молодой человек утверждал, что в тех условиях ни одна литература не может развиваться и ни один писатель не может свободно творить, пока существует царский режим.

Следовательно, единственной нравственной обязанностью каждого современного гражданина является, «прежде чем праздновать юбилеи», стремиться к свержению этого режима.

— Дорогой, — сказал я молодому человеку, возвращая ему бумагу, — к сожалению, я не могу разрешить вам выступить.

— Почему? — добродушно спросил он.

— Посмотрите в ту сторону. Видите этого господина с рыжей бородкой? Это тайный агент полицеймейстера.

— Ну и что же? Он русский, а я буду говорить по-армянски.

— Да, он русский, но знает армянский язык. Во время обыска у меня он читал и переводил полученные мною на армянском языке письма. Если я разрешу вам выступить, он немедленно сообщит по телефону куда следует, и торжество будет сорвано.

— Пусть будет сорвано, разве стоит жалеть об этом?

...Шел второй год русской революции. Я приехал в Баку, чтобы перед далеким путешествием попрощаться с сестрами.

Все громче, все чаще звучало одно имя. Кто проклинал это имя, кто благословлял. Но даже противники не осмеливались бросить на него малейшую тень.

— Фанатик, истинно верующий!.. Заблуждается... Чист морально... Безупречен! — слышалось из разных уст.

Покончив дела, я собрался в Тифлис. Войдя на вокзал железной дороги, я вдруг невольно остановился перед приближавшимся высоким мужчиной. Он шел прямо в мою сторону, с высоко поднятой головой, решительным шагом.

Проходя мимо, он бросил на меня укоризненный взгляд. Это был тот студент, которому я не позволил прочитать речь на юбилее Агаяна.

— Это он, я знаю его.

Это был Степан Шаумян.

Я больше не встречал этого человека».

Степан Шаумян. «Юбилейная речь», до конца не произнесенная. Размножена в Тифлисе в мае 1902 года на гектографе. Из ста оттисков сохранился один.

«Многоуважаемый юбиляр!

Приятная и в то же время чрезвычайно тяжелая обязанность выпала на мою долю — присоединить еще один голос к многочисленным голосам, приветствующим Вас сегодня. Я приветствую Вас от имени моих товарищей — небольшой группы студентов, рассеянных по разным городам России, но объединенных одними и теми же взглядами и целями. Я мог

бы сегодня получить полномочия и от всего студенчества, быть может, даже посвящения и подношения для Вас. Но я не хотел лишний раз оскорбить Вас официальными поздравлениями и подношениями, большей частью лицемерными, посылаемыми обычно только для проформы, из вежливости или «с благотворительными целями». ...Мы позволяем себе, многоуважаемый юбиляр, несмотря на некоторые неудобства, открыто сказать Вам сегодня то, что мы чувствуем и думаем о Вас, и высказать мысли, которые вызывает в нас Ваш сегодняшний юбилей.

Первый вопрос, который возникает при оценке общественного деятеля, состоит в выяснении того: во что он верил, каким святыням он поклонялся в своей жизни и какой практической общественной программой руководствовался. С болью в сердце надо признать, что у Вас, г. Агаян, не было определенных общественных идеалов и ясной программы общественной деятельности. Вы поклонялись честности, правдивости, добру и красоте, но это не общественный идеал, не программа общественной деятельности; это правила личной жизни, личные достоинства. В наше время звание общественного деятеля с достоинством может носить лишь тот, кто имеет определенные научные взгляды на законы развития общества, народов, — иными словами — тот, кто имеет определенное обществоведческое образование; тот, кто изучил и понял условия прогрессивного развития своего народа и вооружен определенной, ясной во всех деталях, осознанной программой деятельности. В этом смысле Вы, г. Агаян, не были общественным деятелем.

...В стране, где нет свободы слова и мысли, где народ, в результате господствующей государственной политики, пребывает в нищете и невежестве, а привилегия пользования благами цивилизации принадлежит только малочисленному обеспеченному классу, где вместо закона господствует произвол цензуры, — там никогда не может быть общественной народной литературы, отвечающей своему назначению.

То же самое надо сказать и о театре...

Обратимся к Вашей педагогической деятельности. Вы составили прекрасные учебники, красивым языком написали замечательные сказки, но где же то поколение, которое по Вашим учебникам обучалось родному языку, которое росло и воспитывалось на Ваших произведениях? Почему нет его здесь? Почему Ваш юбилей празднует не это поколение, а какая-то «группа почитателей», многие из которых, вероятно, даже в глаза не видели Ваших произведений и, возможно, не знают даже армянского языка? Какая связь, скажите на милость, или, вернее говоря, почему должна быть такая связь между Агаяном, демократом по происхождению, таланту и пройденному пути, и этой буржуазной интеллигенцией?.. Нынешний праздник, если хотите, содержит в себе глубокий общественный трагизм.

В стране, где нет политической свободы, нет свободы слова и печати, где вместо закона господствуют насилие и произвол, там культурная деятельность — это здание, построенное на песке. Подымется ураган, прольется ливень, и рухнет здание, сооруженное ценой огромных усилий и жертв, рухнет и, мало того, под своими развалинами похоронит множество трупов.

...Культурные деятели не воины и не борцы, они оставляют поле сражения, спасаясь бегством. Пусть не говорят они, будто бывают условия, при которых борьба невозможна или бессмысленна. Нет такого сильного врага, с которым невозможно было бы бороться, нет такого насилия, такой несправедливости, против которых было бы бессмысленно протестовать. Борец вступает в борьбу не только в том случае, когда он уверен в победе, борется не только затем, чтобы победить. Он борется потому, что не может не бороться; он борется иногда, чтобы умереть.

Вы, конечно, тоже не были борцом, Агаян. Вы жили в России, были подданным одной из самых диких деспотий, и вместо того чтобы протестовать, чтобы посвятить Ваши силы, Ваш талант политической революционной борьбе, Вы всю свою жизнь отдали специфическому армянскому «патриотизму».

Мы уважаем Вас как личность, но как общественный деятель Вы не можете служить нам примером... Мы сожалеем, что не можем обещать Вам продолжать начатое Вами дело, свято хранить Ваши заветы и т. д. Наоборот, мы заявляем, что не принимаем от Вас никакого наследства, что наши пути совершенно расходятся. Вместо национально-культурной деятельности, которой вы по преимуществу посвятили свои силы, мы проповедуем политическую революционную борьбу. На руинах буржуазного «патриотизма» и «свободомыслия» мы водружаем красное пролетарское знамя, на котором пока что пишем:

«Борьба против деспотизма!»

«Да здравствует политическая свобода!»

Акоп Акопян, народный поэт Грузии и Армении. Наброски воспоминаний. Ереван, 1934—1935 годы.

«Армянский Андерсен», «армянский Ушинский», «дородный армянский Стасов» со своей великолепной белой бородой стоял в одном из залов сада «Фантазия», с небольшим зеленым лавровым венком на челе. Вокруг него собралась национальная интеллигенция в лице педагогов, литераторов, врачей, присяжных поверенных и т. д., которые своими многочисленными речами и аплодисментами пели «осанну» юбиляру.

Вдруг послышались крики, шум, ругательства... «Долой, выведите из зала...» и т. д.

Весь этот шум и смятение происходили из-за Степана Шаумяна. В яркой одежде рижского студента, безусый, безбородый молодой человек был делегатом от студентов и в своей речи критиковал литературную деятельность Агаяна (и не только его)... за что и был изгнан из зала.

Спустя несколько дней, когда я встретился с Газаросом и подарил ему стихотворение, написанное мною в честь его 40-летия, я спросил его:

— Какого мнения юбиляр о речи Шаумяна, явившейся диссонансом в день юбилея?

Агаян ответил мне со свойственной ему простотой и искренностью:

— Единственно искренними были слова Шаумяна, я никогда не забуду этих слов.

И прибавил:

— Как был бы я рад, если бы юноша хоть разочек заглянул ко мне...»

6

Документов в Лондоне тогда никаких не спрашивали. Владимир Ильич и Надежда Константиновна, перебравшиеся на берега Темзы из Мюнхена, записываются Рихтерами. Англичанам все иностранцы на одно лицо. Хозяйка, сдавшая им две комнаты, свято уверена, что ее постояльцы — немцы. «Ильичи» не разубеждают, в смысле конспирации так удобнее.

Жизнь входит в привычную колею. Ильич с утра пораньше отправляется в библиотеку Британского музея. Надежда Константиновна берется за почту из России. Многое написано «химией» — надо проявить, затем расшифровать. Нередко приходится сидеть вечерами, а то и за полночь. В случаях особенно затруднительных в помощники секретарю «Искры» напрашивается Ильич.

В почте за двадцатое января газета на армянском языке и к ней небольшая записка по-русски. Все датировано октябрем минувшего 1902 года. От Тифлиса до Лондона минимум два с половиной месяца! К таким срокам Владимир Ильич никак не привыкнет. Переписка с Россией, по словам Крупской, ужасно треплет ему нервы. «Ждать неделями, месяцами... постоянно пребывать в неизвестности, как развертывается дело, — все это как нельзя менее соответствовало характеру Владимира Ильича».

А здесь еще затруднение — кому поручить перевод? Неизвестные товарищи пишут, что это первый номер газеты «Пролетариат» — издание появившегося на Кавказе Союза армянских социал-демократов. Газета открывается «Манифестом» союза. Несколько строк, приведенные в записке, обнадеживают:

«Являясь одною из ветвей Российской социал-де-

мократической рабочей партии, широко раскинувшей свою сеть на всем пространстве России, «Союз армянских социал-демократов» вполне с нею солидарен в своей деятельности и будет бороться вместе с нею за интересы российского пролетариата вообще и армянского в частности».

Все архиважно. Непременно следует дать сообщение в «Искру». Не откладывая, сразу!

Ленин вспоминает о Лалаянце, старом знакомом еще по Самаре. Хорошо, если он по-прежнему в Женеве. Ильич экспрессом отправляет письмо Плеханову. Сообщает, что в очередном тридцать третьем номере «Искры» намеревается поместить сочувственную заметку о Союзе армянских социал-демократов, дать «интересное» из газеты «Пролетариат».

«Посылаю Вам и «Пролетариат». Пожалуйста, попросите Лалаянца или другого кого перевести целиком отсюда все о национализме и федерализме и прислать мне *поскорее*. Надо бы заметку о них поместить непременно (присланная заметка нуждается в исправлении, а для этого нужен текст)».

Плеханов и Лалаянц не задерживают. Перевод у Ильича. Он садится за заметку. Проводит за столом ночь. Утром виновато улыбается. Автор-де увлекся, не посчитался с редактором, разразился обстоятельной статьей. Первого февраля она появляется в «Искре», в № 33. Никаких отклонений от плана газеты Ильич не допускает!

«Особенно интересным для нас является отношение Союза к национальному вопросу, — вот оно главное для Ленина, причина его повышенного интереса к почте из Тифлиса. — Мы от всей души приветствуем Манифест «Союза армянских социал-демократов» и особенно замечательную попытку его дать правильную постановку по национальному вопросу. Было бы весьма желательно, чтобы эта попытка была доведена до конца. Два основных принципа, которыми должны руководиться все социал-демократы России в национальном вопросе, *намечены* Союзом совершенно правильно. Это, во-первых, требование не национальной автономии, а политической и гражданской

свободы и полной равноправности; это, во-вторых, требование права на самоопределение для каждой национальности, входящей в состав государства».

Есть у Ильича и дружеские замечания и пожелания на будущее:

«Мы надеемся еще вернуться к вопросу о федеративности и национальности[1]. А теперь закончим еще раз приветствием новому члену Российской социал-демократической рабочей партии — Союзу армянских социал-демократов».

От Лалаянца вдогонку сообщение. Прелюбопытное. Организаторов союза клеймят «предателями нации». «Патриотические» армянские издания в Тифлисе и Женеве рвут и мечут против «Пролетариата». Должно быть, еще и потому, что нелегальная газета грузинских социал-демократов «Брдзола», по-русски «Борьба», радостно объявила «Пролетариат» своим братом и союзником: «Поздравляем брата, ты должен сослужить нам большую службу в освободительном движении».

Автором «Манифеста» упорно считают все того же студента политехникума, помните прошлогоднюю прокламацию «Юбилейная речь»! Стиль, горячность изложения, прямота, отличный литературный язык — слишком много совпадений! «Я почти убежден, что «Манифест» и «Юбилейная речь» написаны одной и той же талантливой рукой. Найти этого человека — моя первейшая задача на Кавказе», — заканчивает Лалаянц.

Найти, во что бы то ни стало найти! — категорически требует и департамент полиции. Двадцать второго марта по всей Российской империи рассылается секретный циркуляр № 2906 — разыскивается «привлеченный обвиняемым в государственных преступлениях Степан Геворков Шаулиан».

Результатов никаких. Особо секретный отдел решает сорвать злость на близких Степана. Из Петер-

---

[1] Ленин действительно возвращается ко всему этому. В 44-м номере «Искры» 15 июля 1903 года напечатана его статья «Национальный вопрос в нашей программе».

бурга срочное требование в Тифлис «дать разработку на семью и родственников означенного Шаулиана».

Исполняющий должность начальника розыскного отделения ротмистр с неразборчивой подписью шлет ответ. Сразу путает все карты департамента.

«23 июня 1903 года

Вследствие предписания вашего превосходительства от 3-го минувшего мая за № 4234, имею честь донести, что проживающий в настоящее время в Берлине Степан Геворков *Шаумиан* (не Шаулиан, как он, вероятно, ошибочно назван в доставленных департаменту агентурных сведениях) оказался, по собранным отделением негласным путем сведениям, студентом какого-то института инженеров, уроженцем Тифлиса, выбывшим года полтора тому назад в Берлин. По какому паспорту, произведенными справками выяснить пока не удалось, так как под фамилией Шаумиан за последние 5 лет из Тифлиса никто не выбывал.

Названный Шаумиан имеет в Тифлисе отца Геворка (Георгия) Лазаревича — 57 лет, мать Елизавету Фоминичну — 42 лет, сестер — Наталию — 25 лет, Айкануш — 17 лет и брата Николая — 16 лет, проживающих по Бебутовской улице в доме № 64; в каковом, между прочим, сестры Шаумиана содержат школу кройки и шитья.

Жена студента Шаумиана, Екатерина (по-армянски Кетеван) Сергеевна с малолетним сыном своим находится при муже в Берлине.

Вместе с сим имею честь донести, что, по полученным агентурным сведениям. письма в Берлин из Тифлиса, на имя супругов Шаумиансв высылаются по адресу: Berlin, Charlottenbourg, Kaiser-Friedrichstrasse, 37, Gartenhaus an Herrn Schaumjan».

Степан и в самом деле в Берлине. Снимает квартиру в районе Шарлоттенбурга. С ноября 1902 года!

Ротмистр ошибся только во времени. «Года полтора тому назад» Степан еще в Риге, занят студенческими делами. И сам министр внутренних дел собственноручно обводит его фамилию в крамольном

списке красным кружком. Сигнал шефу полиции... Высылка в Тифлис. В апреле начало хлопот о собственной типографии.

Встречи, переговоры с видными социал-демократами, участниками Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса Богданом Кнунянцом, Рашид Беком (Аршаком Зурабовым) и рабочим-печатником Ашотом Хумаряном. Воспитанник духовной семинарии, Ашот бросил ее ради изучения типографского дела, несравненно более важного, по мнению вольнодумца. Дальнейшее образование он получает в Метехском тюремном замке и ссылке в Вятскую губернию. В Тифлис возвращается членом РСДРП, бывалым подпольщиком.

Все четверо полностью согласны: задуманный ими Союз армянских социал-демократов — одна из ветвей Российской рабочей партии. По всем пунктам разделяет ее программу и будет бороться вместе с ней за интересы российского пролетарита и армянского в частности. С этого бесспорного и начинается разговор с каждым, кто стремится встать в круг свободолюбивых. Впервые на армянском языке звучит чуть измененное обращение Джузеппе Гарибальди «К людям с чистой совестью»: «Я не обещаю вам ни легкой жизни, ни удобств, ни квартир, ни сытного хлеба. Вы будете под огнем, в тюрьмах и на каторге, но совесть ваша перед родиной, человечеством будет чиста».

Вдали от посторонних глаз оборудовано помещение, добыты шрифты, благополучно доставлена из Баку типографская машина. Друзья торопят: «Садись, Шаумян, пиши «Манифест»!»

Степан шутит: «Снова четверка!» Подростками в реальном училище вчетвером они создали полулегальный кружок, читали рефераты, спорили, несказанно гордились своим рукописным журналом «Циацан». На Кавказе говорят: «Прежде чем горячий, смелый юноша становится мужчиной, он разные тропы пробует».

Теперь тоже вчетвером, мужчины, они кладут начало Союзу армянских социал-демократов. Печатают

революционную газету «Пролетариат». Без цензуры, в своей типографии.

Открылась, стало быть, дорога, даль необозримая. Идти по ней с поднятой головой. Идти под звон кандалов, под свист пуль и нагаек. Идти к залпу «Авроры», к Бакинской коммуне!

«Снова четверка!» — шутит Степан. Все как будто повторяется. Даже письмо в Лондон, полное ожиданий. По единственно возможному для Степана адресу. Ильичу. По законам конспирации, конечно, без всякой подписи, просто от издателей новой вольной газеты, «посылаем наш первый номер...».

Письмо написано в октябре. В следующем месяце Степан забирает Кетеван, крохотного сына Сурена, отправляется в Берлин.

В те берлинские годы Степану близок Мкртич Манучарян, студент-бакинец.

«Грешен, не запомнил, где произошло наше первое знакомство [1], — корит себя Мкртич. — В крохотной ли квартирке, снятой Шаумяном в Шарлоттенбурге, квартирке, где повсюду — на столе, креслах, шкафу — царили книги? Самые необходимые Степан держал на высоких подоконниках, спасая от цепких ручонок своего малыша.

В облюбованном ли российскими студентами локале? Где до совершенного изнеможения схватывались приверженцы научного социализма с идеалистами и бунтарями всех оттенков — шумливыми эсерами, напыщенными грузинскими федералистами, мрачными дашнакцаканами.

Или на лекции Августа Бебеля где-нибудь в пригородах Берлина — Нордене, Трептове, Вильмерсдорфе? Степан не пропускал ни одного его выступления, считал лучшим оратором того времени. Уверял, что трибунам революции у нас в России следует перенимать ораторские навыки Бебеля, Зингера, Леде-

---

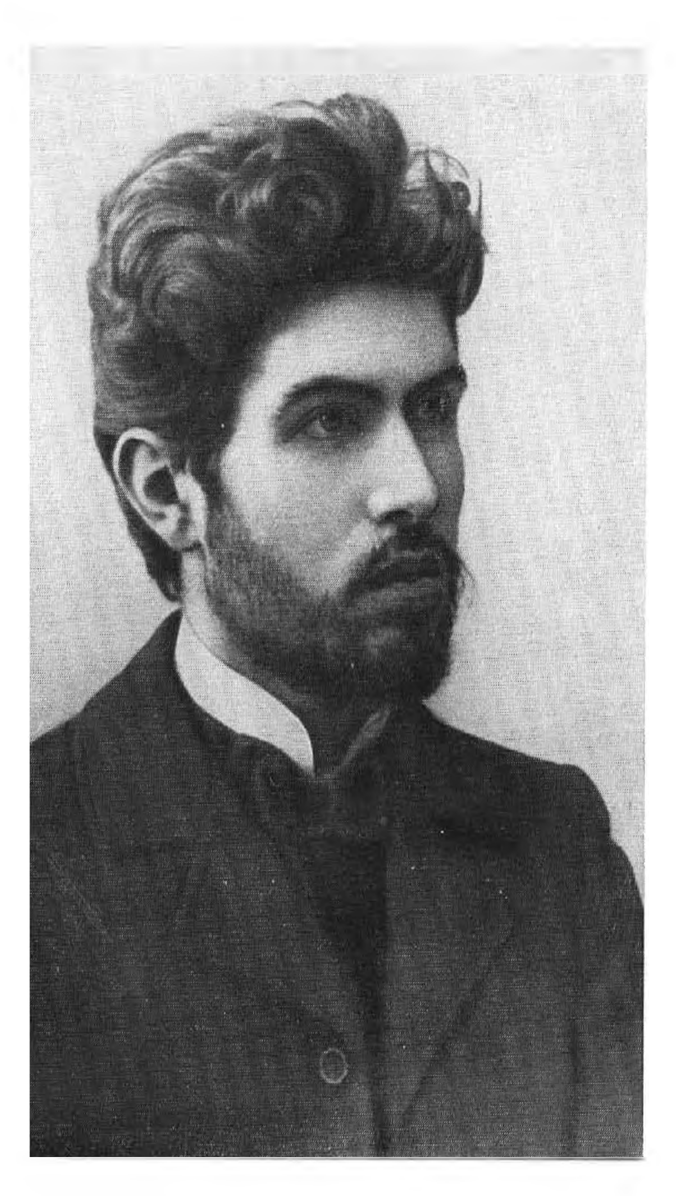
[1] Записки Манучаряна однажды частично публиковались в специальном выпуске газеты «Бакинский рабочий», 20 сентября 1922 года. Подписаны «Чар»: псевдоним, под которым Манучарян сотрудничал в газетах Кавказа до революции и в первые годы советской власти.

Степан в ученические годы.

Степан в юношеские годы.

С. Шаумян. 900-е годы.

бура, а не французов, даже не Жана Жореса! Французы говорят слишком красиво, обильно жестикулируют — бьют больше на чувства. Степана особенно восхищала колоссальная память Бебеля, его способность, не сверяясь с бумагами, приводить абсолютно точные цифры, статистические выкладки, убедительно готовить своих слушателей к желанным выводам.

Каждый четверг Степан отправлялся в локал «Цукунфт», около Ангальтского вокзала. Там на дружеские собеседования — за кружками черного мюнхенского пива — собирались немецкие «левые» социалисты — Карл Каутский и его ближайшее окружение. Поводом для знакомства с Каутским и его женой Миной — автором утопических романов — было предстоящее издание на армянском языке «Эрфуртской программы». Степан хотел получить предисловие Каутского. Недолгие переговоры закончились удачно. Через неделю-полторы Каутский вручил довольно объемистую статью: «Национальный вопрос в России». Впоследствии, в 1904 году, она была выпущена в Петербурге отдельной брошюрой издателем Арабидзе.

В последнюю студенческую зиму Степан также аккуратно посещал встречи поклонников Бернштейна — редакторов и сотрудников архиправого журнала «Социалистические ежемесячники». И уж он не отказал себе в удовольствии — отвел душу на карнавале с интригующим названием: «Государство будущего». Карнавал устроен исключительно для семей солидных издателей и влиятельных почитателей «Ежемесячников»!..

Степан наглухо закрытых дверей для себя не признавал. Ему необходимо было обо всем получить представление из первых рук. Он не ждал внезапных откровений, не принимал на веру безапелляционных теорий, не следовал соблазнительным гипотезам. Гнался за сырым, как он говорил, материалом. И в этом отношении огромную службу сослужил ему Берлинский университет. Он занимался на философском факультете по отделению государственных на-

ук, работал в семинариях у профессоров Вебера, Вагнера, Шмоллера, Ястрова, Зиммеля, Лассона.

Слушая лекции этих корифеев германской экономической науки, заводя знакомство с Зюдекумом, Давидом, Лигеном, известным естествоиспытателем и социалистом Боше, Степан добывал для себя неприкрашенные факты и цифры, сейчас же попадавшие в его черную коленкоровую гетрадь. Тетрадь настолько толстую, что мы наделили ее шутливым прозвищем «Центрум» по аналогии с наиболее упитанной в германском рейхстаге партией католического центра.

Позднее появилась вторая тетрадь — синяя, страниц в сорок. Много лет она ходила по рукам, добралась до Тифлиса. В последний раз я видел ее у редакторов нелегальной газеты «Борьба пролетариата». Густо исписанная мелкими, очень разборчивыми буквами, синяя тетрадь — реферат Степана: «Национальный вопрос»[1]. С ним он объездил все университетские города Германии и Австрии, выступал в кавказских землячествах, в партийных кружках. Этих выступлений ему до конца жизни не забыли лидеры

---

[1] На основе этого реферата, впервые прочитанного в Берлине, в 1903 году написана работа Шаумяна «Национальный вопрос и социал-демократия». Опубликована в 1906 году в № 34—40 газеты «Кайц» — «Искра» и в том же году вышла отдельной брошюрой.

Степан Шаумян выдвигает три основных требования, полностью отвечающих программе РСДРП по национальному вопросу:

— полное гражданское равноправие для всех подданных государства — независимо от национальности и расы;

— полная свобода развития национальной культуры — свобода языка, совести, литературы и т. д.;

— право на политическое самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства.

В разделе о национальном вопросе в России Шаумян главной задачей называет свержение самодержавия и отстаивает необходимость политической централизации. Ленин считает это вполне правильным: «Признание марксистами всей России... права наций на отделение нисколько не исключает агитации против отделения со стороны марксистов той или иной угнетенной нации...»

В брошюре были и отдельные неточности, впоследствии исправленные самим Шаумяном.

националистов. Ненавидели они Степана, хотя сквозь зубы и признавали его абсолютную, скрупулезную правдивость.

...Многие из нас с тревогой смотрели на намечавшийся раскол русской социал-демократии. Относились с неодобрением к товарищам, которые непривычно резко ставили и разрешали вопросы, являющиеся предметом спора. Тогда Степан внезапно раскрыл перед нами новую черту своего характера — крайнюю неуступчивость во всем, что касается его убеждений. И термин «твердокаменные», которым после Второго съезда окрестили большевиков в партийных кругах, не раз относили мы и к нему — мягкому, почти женственному по натуре.

Вместе с Лядовым и Бах Степан занимает в Берлинском комитете РСДРП самую непримиримую позицию. Он всецело принимает сторону Владимира Ульянова».

Как-то в одном из писем родным, еще из Риги, Степан мельком заметил: «Боли, по-видимому, закаляют». Который год тугие боли не оставляют его. «Закалка» все мучительнее. С полдня свинцом наливается затылок. Непосильная тяжесть давит на голову, зажимает в тиски. Кровь как бы с натугой продирается в стиснутых мозговых сосудах. В ушах звон. Перед глазами мушки, круги, черт те что...

В марте головокружения чаще, сильнее. Степан теряет сознание на собрании Берлинской группы РСДРП. Первую помощь ему оказывает и любезно отвозит на фаэтоне домой студент-медик Яков Житомирский.

Давно он ищет дружбы Шаумяна. По долгу службы. Приказ начальника заграничной тайной агентуры департамента полиции. Житомирский — сотрудник со стажем. Едва переступив порог медицинского факультета, он нанялся информатором в берлинскую полицию. Двести пятьдесят марок ежемесячного вознаграждения. А незадолго до приезда Степана в Берлин немецкая полиция переуступила старательного информатора русской охранке. Там и жалованья прибавили. И наградные за особую подлость. К кон-

цу своей пятнадцатилетней карьеры провокатора врач Житомирский — один из самых дорогих «сотрудников»: в месяц две тысячи франков.

В Петербурге не оставили без внимания рапорт тифлисского ротмистра. Начальнику заграничной агентуры Гартингу — в девяностых годах в Париже и Берлине его знали как Геккельмана и Ландезена — предписано «со всем вниманием освещать Шаумиана». Хлопочет Житомирский. С превеликим старанием оказывает первую помощь Степану, проявляет максимум заботы. «Разрешите, я навещу вас завтра до полудня... Нет, нет, это моя первейшая обязанность! Не забывайте, я без пяти минут врач...»

Лежать Степан не стал. На следующий день в шесть часов утра он, по обычному своему расписанию, за столом — читает, конспектирует. Дел до поздней ночи. Степан не признается даже Кетеван. Уверяет ее, что нет никаких причин для волнения. А боли почти не отпускают. И головокружения!.. В таком состоянии много не наработаешь. Может быть, действительно воспользоваться советом Мартына Лядова?

Из берлинских знакомых Мартын Николаевич самый яркий. Организатор первых в Москве революционных кружков, образованный марксист, литератор. Лядов советует съездить в Швейцарию, побродить в горах и... совместить приятное с полезным.

«Полезное» — не то слово! Острая потребность, стремление, мечта — уж куда точнее.

На новогодней дружеской пирушке и то Степан не стерпел, поднял тост: «За человека, вооружившего нас отменной лоцией, за автора книги «Что делать?»! — Вполголоса добавил: — Эх, поговорить бы с ним!»

Попозже Мартын Николаевич с глазу на глаз поделился со Степаном:

— По многим признакам полагаю, что «Н. Ленин» — новый псевдоним Владимира Ульянова. Многое из того, что я прочел в книге, высказывал Ульянов на встречах с марксистами Москвы и Питера. Толковал во время переговоров с группой Плеханова об издании за границей революционной газеты и на-

учно-политического журнала. Наконец страницы «Искры», «Зари» — одна рука!

Степан молча кивнул, боясь помешать Лядову договорить до конца. Тот продолжил:

— Я перебрал в памяти, кажется, всех наших теоретиков. Заключаю, это может быть только Ульянов. Дай ему бог здоровья!..

Последнее, что Степан знает от Лядова: Георгий Валентинович Плеханов категорически настаивает на самом срочном переезде всей редакции «Искры» из Лондона в Женеву. Против голосовал один Ленин. Переезд предрешен. И еще мелькают сообщения, что Ленин выступает в Лозанне, Женеве, Берне, Цюрихе с рефератами против эсеров.

Так что воспользоваться советом Мартына Николаевича? Двинуть в Швейцарию?!

Кетеван в восторге.

— Поезжай, отдохни, нельзя так мучать себя!

По неписаному закону все приезжающие в Женеву российские социалисты ищут первого пристанища на авеню дю Майль, 15. В пансионате Морхардта. Степан, как все, — с вокзала в пансионат.

В вестибюле бросается в глаза визитная карточка врача Р. М. Плехановой. Степан нетерпеливо осведомляется у соседа Бонч-Бруевича:

— Что еще за Плеханова?

Владимир Дмитриевич с притворным испугом всплескивает руками.

— Да вы совсем не просвещенный студиоз! Розалия Марковна хозяйка того дома, куда вы сегодня намереваетесь робко звонить. Она вас и подбодрит... Супруга Георгия Валентиновича! К тому же толковый врач и славный человек.

В этом Степану очень скоро приходится убедиться. То ли он слишком нервничает во время затянувшегося разговора с Георгием Валентиновичем, то ли просто не хватает сил дольше крепиться — повторяется берлинская неприятность. В себя Степан приходит в кабинете Розалии Марковны. Первое, что слышит:

— Теперь я только врач. Извольте слушаться! Сколько вам лет?

— Скоро двадцать пять. Я отец двоих детей...

— Тем более! Завтра же вы отправитесь в санаторий... О деньгах не тревожьтесь, вернете, когда сумеете.

От денег Степан решительно отказывается. В остальном готов подчиниться. В горах — в скромном санатории или дешевом пансионате куда лучше ждать. Ленина в Швейцарии еще нет. Приедет обязательно. Плеханов похвалился: его заслуга, он настоял, чтобы «Искра», наконец, была под рукой. Что еще из этого выйдет?

В русском клубе — библиотеке, подаренной эсдекам издателем Г. А. Куклиным, — Степан слышит рассказ, полностью подтверждающий догадки Мартына Лядова.

В Париже на совершенно законных основаниях существует Русская высшая школа общественных наук. Для благонадежных российских студентов, проживающих за границей. Дирекция школы неутомимо демонстрирует свою глубокую неприязнь к революционным марксистам. В феврале совет профессоров, говорят, не без давления слушателей, постановляет пригласить для чтения курса лекций по аграрному вопросу «известного марксиста Владимира Ильина, автора легальных книг «Развитие капитализма в России» и «Экономические этюды».

Господин Ильин приглашение принимает. В назначенный день приезжает в Париж, жалует в школу. Некие чины узнают в господине Ильине... Владимира Ильича Ульянова — раз, Н. Ленина — два! Дирекция объявляет, что лекции отменены. Студенты ни в какую. Грозят демонстрацией. Как быть? В Париж казаков не вызовешь... Ленин подымается на трибуну. Начинает читать свой курс. Назавтра — продолжение. Так несколько дней. Студенты благодарят: «Ваши лекции для нас настоящий праздник». Во французских газетах язвительные заметки, пересмешники стараются... Из Петербурга в Париж командирован чиновник особых поручений при директоре департамента полиции. Что последует за его докладом?..

Перед отъездом в санаторий Степан на набереж-

ной реки Арвы сталкивается лицом к лицу с Вано Арутюновым, первым приятелем по детским играм, товарищем по кружку и журналу «Циацан». От Вано секретов нет:

— Как только Ленин обоснуется в Женеве, ты посылаешь мне депешу, одно слово: «Приезжай!»

— Не беспокойся, — обнадеживает Вано. — Я все узнаю, где остановился, когда бывает дома, но пойдем мы вместе.

Вместе так вместе.

Ленин по обыкновению селится в пригороде. В рабочем поселке Сешерон. Снимает отдельный домик на улице Шмэн дю Фуайте, 10. Внизу большая кухня с каменным полом. Она же столовая и гостиная. Деревянная лестница ведет в комнатушки. В каждой — железная кровать, застланная пледом, стол, несколько стульев. «Недостаток мебели, — замечает Надежда Константиновна, — пополнялся ящиком из-под книг и посуды».

Приход незнакомых кавказцев нисколько не удивляет Владимира Ильича. Он наклоняется, протягивает согнутую в локте руку. Прищуривает темно-карие глаза. Синяя косоворотка навыпуск придает его коренастой фигуре какой-то особенно домашний[1], «российский» вид.

— Прошу садиться! Я сию минуту.

Наливает чайник со свистком, ставит на огонь. Пододвигает свой стул поближе к гостям. Пристраивает руки на коленях.

Беседа, начатая с житейских, обыденных вещей, быстро перебрасывается на кавказские дела. Владимир Ильич время от времени короткими репликами возвращает к самому существенному.

Степан рассказывает, что совсем недавно в Тифлисе благополучно прошел Первый съезд социал-демократических организаций Кавказа. Одобрен интер-

---

[1] Как-то позднее Шаумян зовет с собой к Владимиру Ильичу видного грузинского революционера Малакия Торошелидзе. Тот нервничает, колеблется, удобно ли без приглашения. Степан решительно отклоняет все сомнения: «Этот титан мысли — очень простой человек!»

национальный принцип построения партии. Избраны Кавказский союзный комитет РСДРП и делегаты на Всероссийский съезд. Им дан строгий наказ отстаивать программу, разработанную «Искрой». Что же еще? Объединены грузинская газета «Брдзола» и армянская «Пролетариат» в одну «Борьба пролетариата» — «Пролетариатис брдзола». Каждый номер на трех языках.

— Я не ошибаюсь, вас уличил наш милейший Лалаянц? — быстро спрашивает Ильич. — Вы учились в политехникуме? Вы автор «Манифеста» в первом номере «Пролетариата»? Нуте-ка, выкладывайте!

— Виновен по всем статьям. Один из четырех соучастников... Если позволите, Владимир Ильич, я выскажусь немного шире, не только об объединении газет, хотя и это заметный шаг в желанном направлении... Эсдеки кавказских губерний с особым сочувствием следят за ярым боем «Искры» против Бунда. По той простой причине, что на Кавказе, грубо говоря, действуют сразу несколько Бундов. У нас масса искусственных национальных перегородок, убийственных для пролетариата нарочитых обособлений. И множество партий, «национальных течений», враждующих групп и группочек внутри каждого народа. Попробую пояснить примером из наиболее близкой мне действительности. Армянские землячества за границей, помимо «Дашнакцутюна» — того же хорошо знакомого сионизма, только слегка окрашенного революционным цветом и еще более злобного, — раздирают три люто соперничающие «партии». Все именуют себя социал-демократическими, прямыми наследниками Маркса.

Говорить — так все. Самая зловредная, не имеющая никаких — ни социальных, ни теоретических — устоев группа некоего Паляна пользуется постоянной поддержкой глубокоуважаемого Георгия Валентиновича. Под его идейным покровительством издается в Женеве газета «Социалист», ратующая за создание независимой, всемирной армянской социал-демократической партии, в которую бы вошли армяне Кавказа, Турции, Персии, Египта, Америки. Размах вселен-

ский, и ни единого слова о диктатуре пролетариата!..

Глаза Ильича становятся все более жесткими. Он хмурится, порывается вскочить. Не знает Степан, что слова его разбередили Ильича, вернули к недавним острым спорам с Плехановым. До чего противился Георгий Валентинович! Обижался, грозил отставкой — все, лишь бы не вносить в программу требование диктатуры пролетариата. Как же далеко это зайдет? Владимир Ильич спрашивает, чуть повысив голос:

— Вы видались, говорили с Георгием Валентиновичем? Знаете его доводы?

— Дважды ходил. Получил подтверждение — Георгий Валентинович действительно считает Паляна своим «другом и учеником»...

Входит Надежда Константиновна. Знакомится. Шутливо журит Ильича: «Уморил гостей разговорами!» Принимается разливать чай по кружкам. Ильич обнадеживает:

— Съезд не за горами. Бунд положим на обе лопатки... Будет у нас общероссийская пролетарская партия с марксистской программой, революционной тактикой, единой волей и железной дисциплиной!

Съезд открывается в Брюсселе после полудня семнадцатого июля. Затем из-за слишком энергичного внимания полиции перекочевывает в Лондон. В пути и Степан. Спешит в родной Тифлис. На встречу с членами Кавказского союзного комитета. Поручение Ленина.

«*Мы встретились, — написано рукою Миха Цхакая* на крохотных листках самодельного блокнота, — в условленном месте, не только вдвоем или втроем, а целой пятеркой-шестеркой. Это было заседание Кавказского комитета. Нас пять членов комитета и шестой — вновь прибывший из-за границы товарищ.

— Дорогой! — обратился я к Степану. — Раз ты попал в наши руки здесь, в Тифлисе, да еще по рождению тифлисец, мы тебя не пустим обратно — чересчур велика нужда в работниках.

Он мне ответил под взглядами товарищей, устремленными на нас: «Миха! Хотя только теперь лично встретились с тобой, но давно много знаю о тебе. И там, за границей, в частности в Женеве, есть твои друзья-товарищи из подполья Юга России.

Я очень доволен, что ты считаешь меня полезным для здешней работы. Постараюсь оправдать это. Скоро, очень скоро присоединюсь к вам. Только съезжу обратно к Ленину, — ведь обязан его информировать, как работа здесь у вас кипит. Он совсем, совсем окрылится, как горный орел, и будет парить над вами, над Кавказом, живя и вдохновляясь вашей беззаветной работой в таких трудных условиях».

И еще строки Степана в «Искре» перед самым уходом Владимира Ильича из редакции:

«Кавказская социал-демократия стоит теперь, как и раньше, в вопросах организационных за единую партию, защищающую и представляющую интересы всего пролетариата России. Тот организационный план, который проведен у нас, ничем не отличается от проекта, защитником которого в нашей литературе явилась «Искра».

Тем временем земляки заочно кооптируют Степана в Кавказский союзный комитет. Торопят с возвращением. Он и сам рвется в Тифлис. Уже совсем твердо установлено: две короткие поездки в Дрезден и Лейпциг с рефератом «Наши тактические расхождения»[1], и Степан вправе покинуть Германию.

---

[1] Реферат вызвал шумные дискуссии. Меньшевики и эсеры с крайним негодованием отвергали резюме Шаумяна: «Рабочая партия не должна плестись в хвосте истории, а должна действенно влиять на ее ход. Ждать завоевания парламентского большинства было бы смешно. В тот момент, когда это большинство образуется или будет накануне образования, правящая буржуазия совершит coup d'etat и отбросит принцип парламентаризма, как противоречащий ее реальным интересам. Поэтому партия рабочего класса обязана предвосхитить события и пользоваться всеми методами борьбы... В известные моменты мы должны быть готовы взять путем восстания, всеобщей стачки и пр. власть в свои руки, провозгласить диктатуру пролетариата и перестроить общество».

В Лейпциге и настигает телеграмма из Женевы. Явиться без промедления. По архиважным кавказским делам.

Это давний план Владимира Ильича — учредить редакционную коллегию, или, быть может, лучше назвать ее постоянной Комиссией ЦК по изданию книг, листовок, воззваний на национальных языках. Встречи с Шаумяном сняли последние сомнения. «Мы усиленно думаем теперь, — делятся с Кавказским комитетом Ленин и Плеханов, — об организации здесь издания грузинской и армянской литературы. За это взялись компетентные товарищи; деньги надеемся найти».

Новая издательская фирма обретает пристанище на Рю де Розари. Генеральный директор мосье Степан склоняется вместе с наборщиками над кассами с диковинными для европейца шрифтами. Правит корректуры, редактирует. И много часов — на заре и за полночь — переводит. Еще в Берлине он начал переводить с оригинала на армянский «Манифест Коммунистической партии». Заканчивает, сдает в печать и сразу же берется за «Наемный труд и капитал» К. Маркса. Затем за книгу К. Каутского «Экономическое учение», за «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса.

На конец месяца назначена отправка тиража первой книги. Через Балканы в черноморские порты Турции, оттуда на фелюгах с апельсинами, табаком и кожами в Батум, Поти. Или из Швейцарии в Персию. Дальше с верблюжьими караванами в Эривань, Тифлис и Елизаветполь.

Первая книга. Маленький формат, тонкие листы — все, чтобы сразу укрыть от чужих глаз. Предельно скромный заголовок: «Извещение о Втором очередном съезде Российской с.-д. рабочей партии». В действительности огромный труд. На двух языках: Программа РСДРП, устав, резолюции, написанные Лениным, — «О месте Бунда в партии», «Об отношении к учащейся молодежи» и др. Все о съезде, положившем начало революционной марксистской партии. «Большевизм, — по исчерпывающей оценке Ильи-

ча, — существует, как течение политической мысли и как политическая партия с 1903 года».

Второй транспорт — «Коммунистический манифест» для армянских читателей; «О войне» — для грузинских. Для тех и других — «Русскому пролетариату», «Первое мая»...

Третий транспорт. Четвертый... бог знает сколько! Через моря, горы, песчаные, обожженные солнцем пустыни.

И ко всему существенная подробность. На последней странице каждого издания броским шрифтом женевский адрес Ленина. Просьба обращаться к нему с вопросами, замечаниями, дружескими советами.

7

В Санкт-Петербург. Директору департамента полиции. Долгожданные вести.

Из Волочиска:

«Секретно.

Согласно циркуляров от 22 марта и 28 августа 1903 г. за № 2906 и 7920 на пограничные пункты, имею честь донести, что сего 29 марта 1904 года возвратился из-за границы Степан Геворков Шаумов (Шаумянц).

При тщательном досмотре его багажа предосудительного не обнаружено.

Об изложенном мною вместе с сим сообщается начальнику Тифлисского охранного отделения.

За начальника отделения Киевского
жандармского полицейского управления
железных дорог
ротмистр (подпись)».

Из Тифлиса:

«Совершенно секретно.

...Доношу Вашему Превосходительству, что бывший студент, тифлисский гражданин Степан Геворков ШАУМИАН 8-го апреля сего года прибыл в гор. Тифлис.

Наблюдением установлена его связь с несомненными деятелями местной социал-демократической организации...

Начальник охранного отделения

(подпись)».

Прямого сговора нет. Просто чины отдельного корпуса жандармов достаточно в курсе дела. Все удары нацелены против большевиков. К ним приставлен весь штат филеров. Питомцев Ноя Жордания обходят стороной. В грозные месяцы 1905 года наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков выдаст им, на предмет охраны порядка в городе, винтовки и патроны из Арсенала. В Петербурге не одобрят, царь прикрикнет на наместника. Меньшевики смиренно доставят оружие обратно...

Жандармы хватают большевиков. На перроне в Батуме молодого, расправляющего крылья Камо. На явочной квартире неутомимого Дмитрия Посталовского. В Боржомском ущелье рыщут по пятам смертельно больного Александра Цулукидзе. В Тифлисе за две ночи более ста сторонников Ильича отправлены в тюремный замок на скале. В одиночки упрятаны делегаты Второго съезда Зурабов и Кнунянц. Третий делегат — «Исари» — Топуридзе, перешедший в Лондоне к меньшевикам, остается на свободе. Пусть себе упражняется в красноречии.

Смиренные созерцатели, оправившись от первого испуга, не прочь снова выдать себя за борцов. Меньшевики спешно прибирают к рукам обезглавленные социал-демократические комитеты.

— Положение крайне серьезное, — сообщает из Тифлиса посланный Лениным в феврале В. С. Бобровский.

Ильич и сам понимает: удерживать Шаумяна в Женеве дольше нельзя. До зарезу нужны на Кавказе умные и верные люди. Это архиважный район.

8 апреля 1904 года Степан приезжает в Тифлис. «Самоотверженно с нами вместе, — радуется Миха Цхакая, — ринулся по дорогам и тропинкам, по ущельям и оврагам многонационального края». Два фи-

лера, «освещающих Шаумиана», сбиваются с ног. Теряют след.

Восемнадцатого числа Степан напоминает о себе. На Головинском проспекте у дворца наместника демонстрация. Мастеровые, кустари, студенты — городской тифлисский люд. Над головами кумачовые полотнища. Возгласы на русском, грузинском, армянском, татарском, персидском языках.

В ораторе, провозглашающем: «Долой самодержавие! Да здравствует революционная Россия!», «Да здравствует Первое мая!», шпики узнают своего подопечного Шаумиана. В диком восторге бросаются к нему, чтобы скрутить руки. Мастеровые отбивают, вмиг заталкивают в толпу. В «Журнале донесений» вымученное признание: «От дальнейшего наблюдения скрылся...»

Жандармский подполковник Шабельский начинает опасаться за свою карьеру. На новый запрос департамента полиции ничего утешительного ответить нельзя. Как снег на голову сообщение из губернской кутаисской тюрьмы — от провокатора, подсаженного в камеру к «политическим». В начале мая в Тифлисе около недели работал экстренный съезд кавказских эсдеков. «Между большевиками, как оратор крайнего направления, выделялся «Студент». Заключенные называют его также «Степан». По всей вероятности, эмиссар проживающего за границей Ленина...»

Степану впервые приходится так жарко схватываться со вчерашними друзьями-единомышленниками. А характеры у всех легко воспламеняющиеся, кавказские. Страсти особенно вспыхивают, когда на обсуждение съезда, в сущности, ставится — подчинить ли всю свою жизнь революции, готовить ее с оружием в руках или исподволь, особенно не рискуя.

Официально сформулировано довольно безобидно:

— Допускать ли вооружение демонстрации, почти всегда требующее жертв?

— Оправдан ли огромный риск, связанный с выпуском нелегальной литературы в Тифлисе? Не лучше ли перенести издание газеты «Пролетариатис брдзола» за границу? Ни жертв, ни провалов. На

худой конец потеряется транспорт-другой, беда не так уж велика.

«Сила против силы!» — решает съезд. Революционная партия не вправе отказываться от вооруженных демонстраций, вооруженных восстаний. Быть при Кавказском союзном комитете военно-революционной организации.

И газету съезд запрещает трогать. Трагедия «Искры», вероломно захваченной меньшевиками, не повторится. Идейку издавать кавказскую революционную газету за границей делегаты объявляют «формально неправильной и, по существу, нежелательной». Редколлегия газеты — в нее избран и Степан — обязана работать в Тифлисе.

Ближе к осени Кавказский комитет направляет Степана в армянские уезды Тифлисской, Эриванской и Бакинской губерний. Он начинает с хорошо знакомого Лорийского нагорья, с медных рудников и Алавердского завода, самого крупного или даже единственного армянского промышленного центра.

Подольше задерживается в Эривани. Добирается до границ с Турцией и Персией. Протягивает руку одиночкам, ощупью ищущим связь с революционным подпольем. Впервые объединяет разбросанные там и здесь социал-демократические группы, кружки, связывает их с партийным центром края.

Впечатлениями от поездки Степан по-своему обычаю делится на страницах «Пролетариатис брдзола»:

«Самое главное это то, что под видом борьбы против обрусительной политики России ограждают население от всякого внешнего влияния, в том числе, разумеется, — и это главным образом — от влияния «изменнической», «ассимиляторской» социал-демократической пропаганды. С другой стороны, как нам известно, центральные учреждения «Дрошака»[1] уже вступили в соглашение с «истинными» революционными представителями двух национальностей Рос-

---

[1] «Дрошак» — «Знамя» — центральный орган партии «Дашнакцутюн». Газета издавалась за границей с 1891 по 1930 год.

сии... с «партией социалистов-революционеров» и с... «партией» — тоже «социалистов-федералистов» из «Сакартвело» [1]...

...Некоторые проблески сознания, как бы тайком и контрабандой, все ж таки проникают в темное царство «армянской провинции». Некоторые организации «Гнчака» питают симпатии к нам, социал-демократам, и местами... распространяют нашу литературу (наши листки и брошюры). Поистине десница этой партии не ведает, что творит ее шуйца...

Помимо гнчакистов, нашу литературу распространяют также рабочие интеллигенты, которым приходится бывать в провинции. В местностях, прилегающих к крупным промышленным центрам — в Тифлисской и Бакинской губерниях, — влияние националистов сильно поколеблено. Во многих армянских деревнях уже имеются организации из сельской молодежи, находящиеся в связи с нашими комитетами, получающие нашу литературу и с напряженным вниманием следящие за геройской борьбой армянских и иногородних рабочих.

Эта борьба, — прибавим в заключение, — одержала уже много блестящих побед; она одержит победу и над свирепствующей теперь, душу раздирающей армянской реакцией. Социал-демократия своею смелой пропагандой — «светлым лучом» проникнет в это «темное царство» армянской провинции, научит население политически мыслить и политически действовать, сорганизует под своим знаменем... и в решительную минуту поведет их на штурм самодержавия в братском единении с тем самым русским народом...»

В Тифлисе за Степаном снова «хвост». Начальник

---

[1] «Сакартвело» — «Грузия» — газета заграничной группы крайних грузинских националистов; издавалась в Париже на грузинском и французском языках. В апреле 1904 года в Женеве группа «Сакартвело» объединилась с грузинскими анархистами, эсерами, национал-демократами, была создана партия федералистов. Основное требование — национальная автономия Грузии в пределах российского помещичье-буржуазного государства. В годы реакции федералисты открытые противники революции. В дальнейшем ярые враги Советской Грузии, организаторы многочисленных заговоров и восстаний.

губернского жандармского управления делится своими соображениями с департаментом полиции: «Шаумиан изобличается в государственных преступлениях вполне достаточными данными формального дознания. Откладывать изъятие его на более поздний срок представляется нецелесообразным».

«Откладывать никак нельзя!» — с горечью убеждается Степан. Уехать... Снова расставаться с Кетеван, оставить ее одну с детьми! Полгода назад родился третий ребенок — сын Левон... Остаться... Не сегодня так через день-два схватят на улице или ночью ворвутся, перевернут все вверх дном, перепугают детей!.. Все слишком мучительно!

Одно утешение. Дела на Кавказе значительно улучшились. Член Центрального Комитета Розалия Землячка, приезжавшая по просьбе Владимира Ильича, только что отправила сообщение: «На Кавказе нами одержана полная победа».

В десятых числах октября Степан в районе Ломжи — Сувалок пересекает границу.

Студент Шаумян возобновляет занятия в Берлинском университете. Слушает лекции виднейших немецких профессоров: Вагнера — «Внешняя торговая политика», Вебера — «Германия, как индустриальное государство», Зиммеля — «Социология, как учение о формах общества», Шмоллера — «Об экономическом и правовом положении современного рабочего класса», Лассона — «Учение Гегеля».

И сам выступает с рефератами в университетских городах Германии и Австрии. Не дает спуску кавказским националистам. Для них он враг номер один. Всегда! Годы ничего не изменят. Хотя... От словесных угроз и проклятий в запальчивости националисты всех марок перейдут к хорошо обдуманным заговорам, провокациям, покушениям. Подготовят и осуществят трагический финал...

В Берлине, помимо университетских занятий, есть или даже преобладают дела конспиративные, совсем тайные. Степан строго держится правила: «Что нельзя знать врагу, не открывай другу». Сам не откровенничает и без крайней нужды не расспрашивает то-

варищей. Так в случае провала лучше друзьям и самому легче держаться на допросах.

Кое-что проскальзывает лишь в письмах к Ленину. Они все чаще, значительнее. Владимир Ильич их никогда не оставляет без внимания.

23 ноября 1904 года

«...Спешу выполнить одно поручение, присланное мне из Петербурга через товарища группой студентов-армян. Эта группа решила издать легально марксистский сборник на армянском языке... Она обращается к русским товарищам и просит дать статьи: Богданова — на тему «Экономическое учение К. Маркса», Луначарского — о национальном вопросе с точки зрения диалектического материализма, Финна — о промышленном кризисе на Кавказе в связи с развитием капитализма. Группа поручает мне также просить Вас и Плеханова, если у Вас найдется время, принять участие в сборнике. Во главе предприятия стоит товарищ, лично мне хорошо известный, работавший в прошлом году в Тифлисском комитете (из «твердокаменных»).

Прошу Вас, если время Вам позволит или если есть у Вас что-нибудь готовое, не отказать. Сбор с этого издания пойдет, без сомнения, в пользу партии, и, что самое главное, издание, в случае если оно осуществится в том виде, как оно задумано, будет иметь громадное значение для армянских читателей; в особенности для одного, довольно многочисленного слоя нашей средней интеллигенции, из которой вербуются теперь наши пропагандисты, — это окончившие курс в средних духовных учебных заведениях, не знающие русского языка.

Будьте добры, передайте эту просьбу также тт. Богданову и Луначарскому. Я не имею возможности непосредственно просить их.

Плеханову напишу сам»...

Январь 1905 года

«Посылаю Вам маленькую заметку[1] о новом ор-

---

[1] Заметка не такая уж маленькая. Она напечатана в седьмом номере газеты «Вперед», выходившей с двадцатых чисел де-

гане Назарбека. К сожалению, здоровье мое не позволяет мне подробнее высказаться о Hntsch'акистах вообще и об этом органе в частности, так же как и о многих других вопросах армянского движения, о которых следовало бы поговорить в нашей газете.

В декабрьском номере «Дрошака» напечатана большая статья против русской социал-демократии под заглавием «Сектантство в революционном движении»; я ее перевожу сейчас, на днях пришлю Вам перевод, было бы очень хорошо, если б Вы ответили на нее...»

25 мая 1905 года

«...Известно ли Вам, что Русов (Кнунянц) с каким-то товарищем бежал из тюрьмы и находится уже за границей? Мы сегодня получили от него карту из пограничного немецкого городка, в которой он просит послать паспорта.

Сообщаю... что завтра или послезавтра я уезжаю в Россию, в Тифлис. Если нужно будет написать мне что-нибудь, пишите по тифлисским адресам для передачи Семенову. Очень надеюсь, что по приезде в Тифлис мне удастся повлиять на часть рабочих и отнять их у меньшевиков. Знаете ли, что меньшевики издают ежемесячную газету в Тифлисе на грузинском языке, хотят и на армянском, но у них нет ни одного интеллигента-армянина. Хотели выписать отсюда одного мягкого меньшевика, но тот поставил условием, чтоб ему было позволено пропагандировать объединение. Условие это они не приняли. В случае надобности мой легальный адрес можете узнать у армян-товарищей...»

Итак, пятого мая Степан пишет из Берлина: «Завтра или послезавтра я уезжаю в Россию». Двенадцатого числа он председательствует на конференции эсдеков в Эривани. Бросок дальний и крайне энер-

---

кабря 1904 года под редакцией Ленина, Воровского, Ольминского, Луначарского.

гичный. «Заграничная агентура», железнодорожная жандармерия — в полном неведении. Несколько недель ничего не подозревают и «свои» — кавказские филеры. До первой встречи со Степаном на рабочей сходке в Надзаладеви — завокзальном районе Тифлиса.

На завтра, двадцатого июня, в городе назначена всеобщая забастовка. Требования самые насущные: освободить «политических», упразднить военные патрули, вооружить народную милицию, запретить «общество патриотов»» — наспех сколоченные священником миссионерской церкви Филимоном Городцевым «черные сотни» погромщиков и убийц.

— Вы должны знать, — обращается Степан к бурлящей, возбужденной толпе, — дикая армяно-татарская резня в Баку, Елизаветполе, Шуше, бессмысленные трагические столкновения, то и дело возникающие у нас в Тифлисе, — это ответ царя русской революции. Мы, эсдеки, говорили вам об этом и раньше. Кто верил, кто — нет. Теперь я держу в руках признание самих властей. Секретный доклад недавно назначенного директора департамента полиции Комитету министров. Слушайте, что предлагает для спасения самодержавия господин Лопухин...

К Шаумяну энергично протискивается мужчина почти совсем квадратный, краснолицый, с перебитым носом. Издали вопит:

— Долой! Не слушайте предателя армянской нации! Откуда он знает царские секреты? Татары на майдане научили, да?!

Степан громче обычного:

— А! Явился кулачный герой господин Хажак! Новонанятая надежда дашнакцаканов!..

Смех. Крики. Хажак быстро опускает руку в карман. На него наваливаются два молотобойца из Главных железнодорожных мастерских, отнимают револьвер. «Проваливай, гад!»

Степан продолжает:

— Отчего же, вопрос интересный. Действительно, откуда ко мне царские секреты? На документе вот написано: «Составлен исключительно для высших го-

сударственных установлений...» Есть русская поговорка: «Свет не без добрых людей». И в петербургском высшем свете случается порядочный человек. Снял копию для нашего Ленина. А уж Владимир Ильич обернул отравленное оружие против его владельцев В тысячах экземпляров обнародовал план гнуснейшего заговора самодержавия против народов России. Я читаю на странице второй всеподданнейшего доклада господина Лопухина: «Все оказалось негодным... с тех пор, как революционное движение настоящим образом проникло в народ».

Дальше на странице третьей — продолжение унылого признания, за сим программа действия:

«Ослабли пружины полицейских механизмов, недостаточны одни только военные силы. Надо разжигать национальную, расовую вражду, надо организовывать «черные сотни»... надо превращать борьбу полиции с кружками в борьбу одной части народа против другой части народа».

Ответ Ленина простой, короткий. Вам придется по душе: «Мы тоже стоим за гражданскую войну... «Да здравствует гром пушек!», да здравствует революция, да здравствует открытая народная война против царского правительства и его сторонников!»

Тифлис охвачен всеобщей забастовкой. Замирают порты в Батуме и Поти. Покидают рудники добытчики марганца в Чиатурах. Железнодорожники узловой станции Михайлово разбирают пути у Сурамского тоннеля. Прерывается связь Черноморья с каспийским побережьем. Перепуганный наместник испрашивает разрешения объявить военное положение. Свистят казачьи нагайки, трещат залпы. Впереди события еще более кровавые.

В августовский тягостно душный день пять казачьих сотен окружают городскую управу. В зал заседаний, переполненный делегатами тифлисских заводов и Закавказской железной дороги, врываются полицейские. Приказ: «Немедленно разойтись!» Никто не двигается, да и бесполезно. Проходы уже забиты спешенными казаками. На делегатов наведены карабины. Стреляют в упор.

На грохот залпов к зданию управы сбегаются толпы горожан. Стрельба, рукопашные схватки. Шестьдесят человек убито. Свыше двухсот тяжело ранено, искалечено. «Лужи человеческой крови стояли на тротуарах до вечера», — пишет матери свидетельница расстрела писательница Леся Украинка.

Ночью в нелегальной типографии большевиков вблизи Метехского тюремного замка на трех языках печатается прокламация: «Льется кровь, готовьтесь к восстанию!»

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!» — выстукивают телеграфисты по всей Закавказской железной дороге.

«Льется кровь, готовьтесь к восстанию!» — подхватывает общероссийская газета большевиков «Пролетарий».

Нет, это еще не восстание. Даже не генеральная репетиция. Просто человеческая потребность обуздать, скрутить руки громилам. Против «черных сотен», полиции и казаков рабочие дружины. Со своим во всех смыслах народным оружием, изготовленным в тайных мастерских Камо.

В руках рабочих бомбы! «Которые, — по горячему, сочувственному отклику Ленина, — в Тифлисе 26 сентября (9 октября) нагнали такую панику на казаков и солдат». От обороны к нападению! — немедля зовет Ильич, ссылаясь на опыт Кавказа и Польши.

Бомбы действуют отлично. Потрясают основы. Заведующий полицией на Кавказе генерал-лейтенант Ширинкин дрожащей рукой уведомляет наместника: «...Происходящие события настолько поразительны на общем фоне государственного строя империи, что иностранцы специально приезжают на Кавказ с целью ознакомиться на месте с новыми формами государственности».

А наместник генерал-адъютант граф Воронцов-Дашков, по законам цепной реакции, не щадит обожаемого монарха. Напрямик выкладывает Николаю Второму: «Несомненно, что все движение имеет явно

революционный характер с ярко определенной социал-демократической окраской большевистского тона».

Граф знает об этом из первых рук, слышит из первых уст. От лидера меньшевиков Исидора Рамишвили. В дневнике издателя и главного редактора петербургской монархической газеты «Новое время» А. С. Суворина есть запись:

«Рамишвили бывал у Воронцова и чай пил.

— Люди с такими чистыми глазами не обманывают, — говорила об этом Рамишвили графиня Воронцова».

Сегодня чай у наместника. Завтра банкет в складчину с социал-федералистами и дашнакцаканами по случаю дарования царем манифеста о «свободах». Банкеты, приемы — до конца октября все вечера расписаны. Покоя нет и днем. Демонстрации, митинги, наэлектризованная толпа. Выступай, спорь с большевиками, доказывай в сотый или тысячный раз, что революция уже закончена. Слава всевышнему, нет никакой нужды в бомбах, восстаниях!..

Напрасно Николай начертал на всеподданнейшей записке наместника: «Отказываюсь верить этому невероятному известию». Решительно все подтверждает сообщение графа. Тон задают большевики. Восемнадцатого октября — в день опубликования в Тифлисе манифеста — они вывели на Головинский проспект и Дворцовую площадь тридцать тысяч человек. Девятнадцатого — около семидесяти тысяч. Двадцатого — восемьдесят тысяч. Такой аудитории Степан еще никогда не имел. Выступать приходится каждый день, по нескольку раз. Филеры и сами ротмистры все аккуратно заносят в «Журнал донесений» — время, место, зловредное содержание.

«Октября, 20-го дня... Степан Геворков Шаумиан с ограды Дворцового сада... Речь крайне вредная для общества. Подстрекает к ниспровержению государственного строя. Начинает с того, что революционная социал-демократия никогда не верила самодержавию. Заканчивает требованием: «Надо строиться в колонны, надо готовиться всеми силами, всеми средствами, чтобы скорее положить конец двуглавому чудовищу».

На каждой странице «Журнала донесений» страхи и ужасы. «Означенный дворянин Орджоникидзе заканчивал свои речи отвратительными призывами: «Долой Николая Второго, Дзирс Николози!»

«Учитель Самуил Буачидзе обратился к огромной толпе крестьян горной Имеретии: «Да здравствует демократическая республика! Вступайте в «красные сотни», берите в руки оружие!»

Дружинники деликатного, хрупкого с виду Буачидзе — его с легкой руки Владимира Ильича больше знают под именем товарища Ноя — заходят средь бела дня в казначейство города Квирилы, бережно складывают в казенные кожаные мешки, запечатывают двести одну тысячу рублей. И в самом хорошем виде присылают в Центральный Комитет РСДРП. Для закупки за границей винтовок, пистолетов, бомб.

Степан склоняет друзей обзавестись еще одним видом оружия. Формальное разрешение должен все-таки дать наместник.

— Пустяки, это я беру на себя! Кстати, занесу графине какого-нибудь золотого барашка в бумажке... — посвящает Степана в тайну деловых отношений его вновь обретенный компаньон Николай Тамамшев. Фигура весьма колоритная. Бог знает откуда появившись в Тифлисе, он быстро становится одним из самых преуспевающих воротил. Владельцем многих торговых предприятий, фабрик, типографии. Теперь ему неудержимо хочется стать... редактором революционной газеты. Предлагает деньги, типографию. На худой конец согласен делиться славой с Шаумяном, «ну, так пусть будут два редактора!».

Степан, несколько сгущая краски, предупреждает о весьма возможных последствиях:

«За наши большевистские статьи вас ждет тюрьма, Сибирь! К чему это на старости лет?»

Тамамшев настаивает. В первых числах ноября он подает наместнику ходатайство о разрешении ему издавать ежедневную газету «Кавказский рабочий листок». В качестве редактора-издателя называет «коммерсанта и мецената искусств, вашего покорнейшего слугу Николая Тамамшева». Вторым ответственным

редактором просит «утвердить кандидата философии Берлинского университета Степана Георгиевича Шаумова».

Граф Воронцов-Дашков дает ходатайству законный ход. Из канцелярии наместника в губернское жандармское управление. Консультанты в голубых мундирах решительно и энергично оказывают немалую услугу Степану. Поймут это через несколько месяцев, когда «коммерсант и меценат» Тамамшев переберется из своего особняка в тюремную камеру. Его осудят на год заключения в крепости. У старика хватит и характера и юмора. Он подаст новое ходатайство наместнику:

«Прошу разрешить мне издание газеты «Вперед», если нельзя, то газеты «Назад»[1].

Сейчас, в ноябре, Тамамшеву объявляют, что «собирание справок о Шаумове задерживается. Соблаговолите назвать другого кандидата в соредакторы».

Большевики подсказывают: «Николай Элиава».

В свой замысел Степан посвящает Владимира Ильича, только что вернувшегося из Швейцарии в Россию. Ответ по обыкновению быстрый. И сразу в восьмидесяти тысячах экземпляров. Сообщение в центральной большевистской газете «Новая жизнь»:

«Двенадцатого начинает выходить наша газета «Кавказский рабочий листок».

Шлите статьи, корреспонденцию немедленно, Тифлис, Ртищевская II, Шаумяну».

Тифлисцы немного опаздывают. Первый номер газеты появляется двадцатого числа. Редакция, как принято, выступает с программным заявлением «Наши задачи»:

«Диктатура пролетариата... вот единственный выход для России.

И мы убеждены, что эта диктатура осуществится. Слишком долго тянется болезнь общественного организма, слишком глубоки раны, чтобы залечить их такими микстурами, как Государственная дума 6 авгу-

---

[1] Неопубликованные воспоминания старшего сына С. Г. Шаумяна Сурена.

ста или 17 октября. Не помогут и такие доктора, как г. Витте и иные с ним... Руки их, привыкшие наносить народу раны, негодны для лечения, их прикосновение только раздражает, только бередит, их лекарства причиняют боль.

Удалить поскорей этих докторов, убрать поскорей всю их аптеку: штыки, сладкие речи, куцые конституции, открыть доступ для свежего воздуха, сломать стены, преграждающие к больному свет, — вот задачи истинной медицины... Нужна твердая рука оператора, чтобы удалить из тела зараженные части, — и тогда болезнь побеждена.

Оператор этот — сознательный пролетариат. Он уже принялся за работу и доведет ее до конца. На помощь ему все, кому дорога судьба народа!»

Власти предельно разъярены. За каждой строкой им видится рабочий с бомбой!.. В губернском жандармском управлении два экземпляра газеты бережно укладывают в досье салатного цвета. Вещественные доказательства «противуправительственной деятельности кандидата философии С. Г. Шаумиана».

Свое полное неудовольствие свидетельствуют и меньшевики. Они сочиняют нечто очень похожее на политический донос: «Тифлисское общество должно знать, что газета, именующая себя «Кавказский рабочий листок», издание экстремистски настроенных частных лиц, подчинивших своему влиянию высокочтимого господина Тамамшева. Названная газета никоим образом не выражает воззрений последователей научного социализма, безусловных поборников свободы!»

Удар по самому чувствительному месту. «Кавказский рабочий листок» и впрямь орган ничейный. Большевики официально газету еще не признали. Неизвестно, что решит конференция Кавказского союза РСДРП. Разговоры об экстремистских настроениях, заскоках слышны и в кругах, обычно поддерживающих Степана.

Он сам подливает масла в огонь. Отвергает привычные кавказским марксистам суждения о том, что между буржуазно-демократической революцией и со-

циалистической обязателен более или менее длительный перерыв — остановка на полпути. Сегодня на страницах газеты чрезмерное требование «полного сосредоточения политической власти в руках пролетариата». Назавтра слишком поспешный призыв: «Необходимо вооружаться, вооружаться и вооружаться... Необходимо разрушить Карфаген!»

И на самом видном месте крупным шрифтом азбука баррикадных боев — «Записки» военного министра Парижской коммуны генерала Г. П. Клюзере. Женевский подарок Ленина. Как-то Степан нагрянул к Ильичу, когда тот редактировал, в сущности, заново переводил на русский язык воспоминания Клюзере. Озаглавил их — «Об уличной борьбе». Написал предисловие и биографию автора. Все поместил в газете «Вперед». Еще напомнил на собрании русской колонии политических эмигрантов: «На плечах Коммуны стоим мы все в теперешнем движении». Статья Клюзере — необходимейшее завещание парижских коммунаров своим прямым наследникам.

Плеханов и Мартов иронизировали: что это угораздило Ленина рассуждать о военном искусстве, о технике вооруженного восстания? Уж не метит ли эта эксцентричная натура в главнокомандующие?!.

Пока простое злоязычие, шпильки за спиной. Потом Георгий Валентинович объявит: «Не нужно было браться за оружие!»

Степану не придется узнать другого. Строк Надежды Константиновны.

«Ильич... прочел немало книг и по военному искусству, обдумывая со всех сторон технику вооруженного восстания, организацию его [1]. Он занимался этим делом гораздо больше, чем это знают...

Служащий «Société de lecture» был свидетелем того, как раненько каждое утро приходил русский революционер в подвернутых от грязи на швейцарский

---

[1] 10 августа 1905 года Надежда Константиновна извещает Бакинский комитет: «Думаем еще послать к вам человека с литературой (брошюрой Северцова «Приложение тактики и фортификации к народному восстанию»).

манер дешевеньких брюках, которые он забывал отвернуть, брал оставленную со вчерашнего дня книгу о баррикадной борьбе, о технике наступления, садился на привычное место к столику у окна, приглаживал привычным жестом жидкие волосы на лысой голове и погружался в чтение. Иногда только вставал, чтобы взять с полки большой словарь и отыскать там объяснение незнакомого термина, а потом ходил все взад и вперед и, сев к столу, что-то быстро, сосредоточенно писал мелким почерком на четвертушках бумаги».

Плотную черноту ноябрьского вечера разрывают выстрелы. Вспыхивает злая перестрелка между двумя густонаселенными районами Тифлиса. Армянским по преимуществу Авлабаром и Харпухи, где главным образом проживают татары. С обеих сторон убитые, раненые. Власти нисколько не медлят. Казаки и полицейские перекрывают все подходы к месту стычек. Рабочим дружинам приходится силой прокладывать себе дорогу. Одними из первых линии огня достигают юноши и девушки из пропагандистского кружка Шаумяна. «Моя пропагандистская коллегия», — шутливо зовет их Степан.

«Среди других наук товарищ Степан выделяет основные законы боя на улицах, на баррикадах, — уточняет участница «пропагандистской коллегии» Фаро Кнунянц-Ризель. — Практиковались мы и в стрельбе из револьвера».

И револьверами и бомбами рабочие владеют уже совсем не плохо. Справиться с погромщиками им вполне по силам. «Тифлисский пролетариат поднял свою властную руку, и резня окончилась», — пишет Степан, вернувшись под утро в типографию из района перестрелки.

Опять, как в Женеве, склоняется над наборными кассами, правит корректуру, помогает метранпажу, печатникам. Долгой осенней ночи едва-едва хватает, чтобы переверстать газету, поместить статью — Степан ее диктует прямо наборщику — о предотвращен-

ной рабочими дружинами резне между Авлабаром и Харпухи, и отпечатать тираж. В десятом часу утра редактор сам раздает делегатам конференции газеты, основательно попахивающие керосином и краской.

Конференция большевистская — единомышленников, долгие годы связанных узами товарищества. И все, конечно, знают грузинскую мудрую поговорку: «Друга ругай в лицо, а врага за спиной». У Степана друзей больше, чем у кого-либо из делегатов. Ему и достается, как никому другому. С первого часа! За «Наши задачи» [1], за режущий уши призыв: «Да здравствует самодержавие пролетариата!» За упрямое утверждение: не остановимся на полпути, пролетариат уже руководит революцией, его слово решающее.

Из побуждений самых добрых кое-кто из делегатов зовет не лезть на рожон. Умеет же Степан, напоминают осторожные, отлично пользоваться умолчаниями, недомолвками, эзоповским языком подцензурных изданий. Печатал же он в начале лета в журнале «Мурч» — «Молот» прелюбопытное теоретическое исследование «Классы в современном европейском обществе». Дошел до положения пролетариата в Российской империи и многозначительно оборвал на заманчивом заявлении:

«История никогда не дает своим верным наблюдателям повода и права быть по отношению к ней пессимистами. Создавая в процессе своего развития неизбежное и необходимое зло, она в то же время

---

[1] Тем временем «Наши задачи» — эту вызвавшую столько шума статью Шаумяна и подробные отрывки из воспоминаний генерала Клюзере перепечатывает газета «Баку». Бакинцы полностью разделяют позиции «Кавказского рабочего листка». Известный большевик А. М. Стопани, работавший в 1904—1905 годах секретарем Бакинского комитета РСДРП с удовольствием вспоминает:

«Между 1-м и 2-м погромами мы вместе с близким к нам, большевикам, товарищем Орестом Семиным (Родзевич-Белевич) оказались фактическими хозяевами большой газеты «Баку», заброшенной пайщиками, представителями армянской либеральной буржуазии...

Газета превратилась в настоящий социал-демократический орган, очень яркий орган с большевистской линией».

выковывает оружие, которое должно нанести удар и уничтожить это зло, проложив дорогу свободному и победоносному прогрессу человечества.

Что это за спасительное оружие — об этом мы в настоящей статье говорить не в состоянии...»

Каждый понимает: большего автору сказать не дали. Безжалостная рука царского цензора!..

Большим белым платком Степан стирает со лба капельки пота. Покусывает губы. Сдерживается. Не позволяет себе своих обычных разящих реплик. Отбиться, вызвать смех, сочувствие? Что пользы в этом? Серьезность дела требует, чтобы все высказали свои соображения. В его понимании революционер обязан каждый день, каждый час действовать и мыслить. Мыслить и действовать.

Не далее как вчера они поспорили, два фактических редактора «Кавказского рабочего листка».

Коба против национализации земли. Настаивает на разделе между крестьянами — на правах святой, личной собственности. Отстаивает старое положение: между буржуазной и социалистической революцией должна быть пауза. Уверяет, что Ильич, хотя и не признает неизбежности паузы, но считает этот вопрос неназревшим. Не будь, Степан, генацвале, большим католиком, чем папа римский!

Дома Степан впервые произносит фразу, которую Кетеван и старшие мальчики еще неоднократно услышат в Баку: «У Кобы змеиный ум и нрав».

Заново переживая вчерашний разговор с Кобой, Степан одним из последних берет слово на конференции. Во всю свою недюжинную силу обрушивается на приверженцев «незыблемых истин». История, логика борьбы, убеждает Степан друзей, подсказывает марксисту его первейшую обязанность — в каждый момент революции трезво учитывать реальные факты. Жизнь неизмеримо богаче формул.

Ни в коем случае нам нельзя цепляться, безразлично по инерции или по лености ума, за прошлые теории. Вечных догм нет. Самая безошибочная теория суммирует главное и общее только приблизи-

тельно, исходя из реальной действительности. Развитие революционного учения — и есть наиболее точное соблюдение его принципов. По самой своей природе большевик не может, не станет держаться застаревших формул.

Сейчас знамя большевика — непрерывная революция, сосредоточение всей политической власти в руках пролетариата. Самодержавие пролетариата!

В протоколе заключительного заседания конференции появляется запись вполне исчерпывающая: «Кавказский рабочий листок» — газета наша. Принято ед.!!»

Уже декабрь. Страна замерла перед очистительной бурей. Не сегодня так завтра грянет... Степан торопится. Пишет много, доказательно, зло. Едко откликается на текущие события, полемизирует с другими изданиями. Продолжает печатать и свои теоретические работы в защиту неизбежности революции в развитом антагонистическом обществе.

Заголовки, возможно, несколько академичны, в манере немецких социологов: «Классы в современном европейском обществе», «Эволюционизм и революционизм в общественной науке»... Огневому валу всегда предшествует пристрелка артиллерийских батарей. Оценки Степана пригвождают намертво.

О премудрых толкователях «материалистического понимания истории» господах Бернштейне и Зомбарте: «Злейшие враги, направляющие свое оружие в самое сердце современного пролетарского движения».

О благовоспитанных реформаторах, запросто объявляющих революции исторически незакономерными, «вредными, несправедливыми и безнравственными и потому предосудительными актами»: «Слепые филистеры или явные негодяи».

О слуге многих господ — партии «Дашнакцутюн»: «Когда вы называете себя «руководителями пролетариата», вы уподобляетесь бесстыдным европейским клерикалам — католическому духовенству... Вы выполняемой вами ролью намного хуже этих чернодум-

ных лживых клерикалов, так как они по крайней мере не называют себя «революционерами» и «социалистами» и не действуют против своих противников такими дикими методами (кулаком и оружием), как вы».

В каждом номере на привычном месте статья Степана. Волей-неволей с утра приходится садиться писать и господину прокурору Тифлисской судебной палаты. Он также строго придерживается давно облюбованного жанра. Лаконичного — арестовать!.. Пока еще только газету.

Прокурор требует. Судебная палата не находит в себе силы отказать. Отчего же? Из Петербурга уже доставлены «высочайше утвержденные 24 ноября временные правила о повременных изданиях». Четырнадцатый пункт статьи 71 благословляет — на любой номер газеты свободно можно наложить арест. Против редакторов возбудить уголовное преследование.

Свободы осуществляются без помех. Номер седьмой «Кавказского рабочего листка» конфискован. Назавтра в номере восьмом Степан отстаивает требование — «Восьмичасовой рабочий день и государственное страхование рабочих!» С годами статью признают одним из лучших образцов большевистской публицистики. Станут часто перепечатывать.

Не о том забота. Степану сейчас важно сравнить русскую революцию с французской 1848 года и другими европейскими революциями XIX века. Коренное и счастливое отличие в том, что «Великая русская революция совершается *под руководством пролетариата*. Сознавший свои классовые интересы, вырвавшийся из-под опеки буржуазии и сорганизовавшийся в самостоятельную классовую партию под знаменем международной социал-демократии, российский пролетариат не только проливает кровь, но и является *хозяином в настоящей революции»*.

Этот хозяин и обеспечит для себя восьмичасовой рабочий день и государственное страхование на случай болезни, инвалидности, безработицы. Обязательные первые шаги, «которые сделает воцарившееся

на развалинах самодержавия временное революционное правительство».

Тверд в своем мнении и господин прокурор. Арестовать! Номер восьмой конфискован.

Обращение к читателям в номере одиннадцатом:

«Пусть либералы продолжают призывать к поддержке «светлых начинаний» правительства. Мы будем призывать, как призывали до сих пор, к борьбе, к решительной и беспощадной борьбе против самодержавия.

...С самодержавием против народа или с народом, с новым, революционным правительством против самодержавия.

Да здравствует временное революционное правительство!»

Господин прокурор изнемогает. Арестовать! Арестовать! Все номера подряд — двенадцатый, тринадцатый, четырнадцатый!..

У каждого свои возможности. Покуда судебная палата «в экстренном порядке выносит постановление» и полиция оцепляет типографию, «пропагандистская коллегия» Степана — расторопные юноши и девушки — большую часть тиража уносит.

Газета меняет название. Вместо «Кавказского рабочего листка» скромный «Елизаветпольский вестник». Его намертво прихлопывают на втором выпуске. Официальных редакторов отправляют в крепость.

Два смертельных врага стоят друг против друга. Уже восстала, взялась за оружие рабочая Москва. В Тифлисе всеобщая забастовка. Миха Цхакая, Степан Шаумян, Филипп Махарадзе, Шалва Элиава представляют большевиков в Центральном стачечном бюро. Наместник глубокой ночью по военному проводу сообщает Николаю Второму: «Революционеры захватили закавказскую магистраль, пускают поезда только по своему усмотрению. Тифлис отрезан от всего края».

К железнодорожникам присоединяются служащие почты и телеграфа, городской управы. Прекращаются занятия в учебных заведениях. Объявлена такса на предметы первой необходимости. Торговля произ-

водится под наблюдением продуктовой комиссии Центрального стачечного бюро — в сущности, Грузинского Совета рабочих депутатов.

В типографии официоза — газеты «Кавказ» печатаются многие тысячи экземпляров прокламации:

«Слушайте, граждане! Нет правительства, не может быть и обязанностей по отношению к нему! Отныне всякий гражданин великой страны обязан *не платить податей, не брать* патенты... Граждане! Разгорается война, война беспощадная, по всей необъятной Руси! Пылает Москва, где происходит решительная схватка революции с силами реакции, охвачен пожаром Ростов, часть которого очутилась в руках восставшего народа. И так по всей Руси!..

На бой кровавый и святой, граждане!

Да здравствует революция!

Да здравствует вооруженное восстание!»

В Тифлисе уже в самом буквальном смысле военное положение. Город как бы рассечен на две части. На центральных проспектах и берегах Куры войска и «черные сотни». У железной дороги, на рабочих окраинах боевые дружины, отряды самообороны с давно отслужившими свой срок берданками, дробовиками, охотничьими ружьями. Главная надежда на бомбы собственной выработки.

Командование военного округа стягивает подкрепления. С трех сторон прибывают кавалерийские полки, команды пластунов и пулеметчиков, конные батареи. С утра восемнадцатого декабря пушки бьют по Надзаладеви — главному оплоту восставших. Горят дома. Пластуны и пехота штурмуют баррикады, завалы. Несутся в атаку казаки...

Пять суток в общей сложности не затихают жестокие неравные бои. Надзаладеви, район Солдатского базара, Дидубе. Дружинники Камо дерутся до последнего. Вместе с мужчинами женщины, подростки. Исход решают пушки и пулеметы карателей. Центральное стачечное бюро объявляет о прекращении боев и забастовки с полуночи двадцать девятого декабря. Тифлис разделяет трагедию всей России.

Николай телеграфирует графу Воронцову-Дашко-

ву: «С чувством полного удовлетворения прочел я ваше последнее телеграфное донесение о мерах, принятых вами для подавления мятежного движения на Кавказе». Как будто существует сила, способная изменить вечный закон природы: чем темнее ночь, тем ближе рассвет.

Что же теперь? Ленин отвечает 4 января 1906 года:

— Будем смотреть прямо в лицо действительности. Теперь предстоит новая работа... подготовки и организации сил в главнейших центрах движения.

Снова нужны бомбы, снова нужна революционная газета. Две стороны единого целого. Действовать и мыслить, мыслить и действовать — жизнь Степана.

8

В непролазно туманное апрельское утро 1906 года на траверсе полуострова Ханко пароход с делегатами IV Объединительного съезда РСДРП сбивается с курса, волны швыряют его на подводную банку.

Степан подшучивает над собой и друзьями по несчастью. Одному горцу понадобилось отправиться в дальнее путешествие. Он спустился в долину, разыскал железнодорожную станцию, приобрел билет, спрятал получше в нагрудный карман. Сам расположился в буфете закусить. Бьет второй звонок, третий. Буфетчик кричит: «Скорей, поезд уходит!» Горец удивляется: «Ва! Зачем шумишь? Билет у меня». Нам тем более нечего тревожиться. Где мы — там кворум!..

В конечном счете выручают финские социал-демократы. Они пересаживают делегатов на другое судно, идущее в Стокгольм.

Все-таки происшествий, неожиданных крутых оборотов, острых столкновений слишком уж много. Все время нервы Степана напряжены до предела.

После разгрома декабрьского восстания жесточайшие репрессии обрушиваются снова на одних большевиков. Многие оказываются в тюрьмах, ждут приговоров военного суда. Часть товарищей переходит

через забитые льдом и снегом тропы на Северный Кавказ. Меньшевики, наоборот, заметно пополняют свои ряды. Зачисляют в ревизские сказки, то есть в свои партийные списки, несколько тысяч чохоносцев, дворянских недорослей и кутилок, фланирующих на бульварах Тифлиса и Кутаиса.

Располагая такой армией, меньшевистские полководцы и стратеги вершат дела в объединенных организациях эсдеков. Захватывают Тифлисский комитет, областной Кавказский центр. На свой лад подбирают делегатов на IV Объединительный съезд.

Особенно потрясает тифлисская делегация. Одиннадцать человек! Кто в состоянии сравниться? У всей Сибири один голос. У Прибалтики один голос. А тут одиннадцать!

Десять мандатов берут себе меньшевики. Одиннадцатый отдают Кобе — Сталину. Любезно разъясняют — на съезде предстоит обсуждение аграрной программы. Коба — знаток. Имеет свое принципиальное мнение.

Меньшевики указывают Степану на статьи Кобы, напечатанные в 5, 9, 10 и 14-м номерах газеты «Элва» — «Молния». Позиция своя. Во всяком случае, совсем иная, чем у Владимира Ильича. Тот настаивает на национализации земли, Коба — на разделе между крестьянами на правах святой, личной собственности. Мотив тот же старый, не раз слышанный Степаном — после буржуазно-демократической революции неизбежен перерыв, поэтому национализация земли не соответствует интересам нашего движения, да и крестьяне не примут национализации...[1]

Хитрят милейшие чичиковы из областного центра. Рыщут по Кавказу — от Черного моря до моря Каспийского, от Арарата до ширванских степей, — где бы еще на тифлисский манер передернуть карты, опустить в карман визитки, мандаты. Ставка доста-

---

[1] Владимир Ильич говорил по этому поводу: «Социалист, беспощадно разоблачая мелкобуржуазные иллюзии крестьянина насчет «божьей земли», должен уметь показать крестьянину путь вперед».

точно велика. Обе фракции, готовя Объединительный съезд, недвусмысленно обещали подчиниться воле большинства. Надо наперед запастись голосами. Заодно лишить Шаумяна и его друзей всякой возможности участвовать в съезде.

Совсем не сложно известным знатокам права и умелым литераторам Жордания, Рамишвили, Чичинадзе сочинить пару-другую постановлений областного центра, скрепить своими подписями и печатью. Первым делом вотчине Ноя Николаевича Жордания Озургетскому уезду, или, как говорят в народе, Гурии, присваиваются совершенно равные права с Баку. Со всеми его нефтяными промыслами, нефтеперегонными и машиностроительными заводами, Каспийским флотом. Четыре мандата Баку и Бакинской губернии. Четыре мандата Гурии, где днем с огнем не сыщешь фабричной трубы, тем более пролетарской души. Само собой все «избранники» Гурии — достойнейшие меньшевики.

Городу Кутаису два мандата. Один для своего местного меньшевика. Второй для заграничного А городу Эривани несложный ультиматум. Единственный мандат без лишних разговоров отдается крайне законспирированному товарищу, подлинная фамилия которого фигурировать не должна. Слово чести, человек этот вполне сложившийся меньшевик. Или... Эриванская организация, как недостаточно зрелая, активно ничем себя не проявившая, совсем лишается права выбирать на съезд. «Воля ваша, что больше по душе...»

Председатель Эриванского комитета Мартирос Миракян, прошедший хорошую школу в Тифлисе, Баку и Батуме, отвечает: «Дело слишком серьезное, на себя взять не могу. Я созову наших эсдеков, работающих в городе, вызову товарищей из Игдыра, Нахичевани, Нор-Баязета, Камарлу. И уважаемый представитель областного центра пусть участвует. Ему первое слово».

Представителей центра — одного, второго, третьего — слушают внимательно, терпеливо. И выносят решение: «На Объединительный съезд РСДРП от

города Эривани и Эриванской губернии избрать Шаумяна Степана Геворковича, организатора первых социал-демократических кружков и групп в армянской провинции».

Из Тифлиса зычный окрик: «Мандат Шаумяна безусловно отклоняется. Настаиваем на новом голосовании».

Эривань ничего не отвечает.

Можно еще попытаться поладить с самим Шаумяном.

— Дорогой Степан Георгиевич, генацвале, мы все тифлисцы, все социалисты. Неужели не можем найти общего языка? Не ставьте себя в неловкое положение. Эриванский мандат все равно будет аннулирован. Откажитесь от него заблаговременно... Если вам очень нужно поехать, какие-нибудь личные соображения, милости просим! Совещательный голос вам гарантирован с самого начала. Подумайте, голубчик! День-два вполне терпимый срок.

Степан — враг всяких отсрочек. Сразу признается:

— Наверное, у меня слишком плохой характер. Не терплю золотой середины. Или все, или ничего... Желаю благополучного пути!

До Петербурга каждый добирается как умеет. На пароходе тоже стараются встречаться не слишком часто. Зато в Стокгольме, словно по злой иронии, на первом же заседании председатель объявляет: по заранее согласованному решению обеих фракций от большевиков в мандатную комиссию выдвинуты Сосновский и Суренин (Шаумян), от меньшевиков Гольдман и Костров (Жордания), пятый член «нейтральный» Самойлович. Желаем дружной работы.

Всегда охочие до шутки, кавказцы подхватывают:

— Правильно сказал, дорогой, Ной и Степан большие друзья!..

А было! Каждый день в Женеве Степан Шаумян и Ной Жордания рядом склонялись у типографских касс, вполне добрососедски набирали: один — армянский текст, другой — грузинский. Переговаривались, пересмеивались, делили нехитрый обед. Спорам отдавали только вечера.

Мандатная комиссия съезду пока ни о чем не докладывает. Продолжается сравнительно мирное обсуждение повестки дня. Польские социалисты просят как можно быстрее высказать «отношение к требованиям особого Учредительного собрания для Польши».

Бундовцы и кавказские меньшевики рвутся на трибуну. Бросив одну-две жалостливые фразы о «кровоточащих ранах истерзанной Польши и святом долге протянуть ей руку помощи», они быстро переходят к своим интересам. Прозрачно зовут пересмотреть национальную программу Российской социал-демократической рабочей партии. Жордания, за ним Картвелов — крупный адвокат Чичинадзе, будущий товарищ министра внутренних дел и военный министр меньшевистской Грузии — взывают: «Социалисты не вправе держаться тенденциозных и предвзятых оценок! Наш многолетний опыт[1] обязывает нас предостеречь...»

Слова просит и Степан.

«Тов. Картвелов внес предложение — в связи с пунктом об особом Учредительном собрании для Польши — поставить национальный вопрос вообще... Съезд должен, по его мнению, высказать свое отношение к вопросу об автономии Закавказья. Если тов. Картвелову интересно последнее, он должен так прямо и поставить вопрос. Что касается сущности его предложения, я должен сказать, что оно меня крайне удивляет своей неожиданностью.

---

[1] Опыт действительно многолетний. Листая памятные книжки и блокноты Миха Цхакая, я наткнулся на запись: «25 декабря 1892 г. Сегодня в Квирилах собрались организаторы «Месаме даси». Ной Жордания оглашает свою «Национально-демократическую программу». Настораживает, вызывает протест само название. Почему «национально-демократическая», а не «социал-демократическая» программа? Спор горячий, по самому острому вопросу — национальному».

Миха и его ближайший друг — писатель недюжинного таланта Эгнате Ниношвили бросают в ответ как клятву, как девиз всей жизни: «Мы всегда и везде социалисты, и легально и нелегально, и абсолютные противники всякого национализма!» Размежевание полное еще в те далекие годы.

Национальный вопрос в нашей программе никогда не возбуждал сомнений в рядах наших товарищей на Кавказе. Никогда ни в партийной литературе, издаваемой кавказскими организациями, ни на конференциях, ни в отдельных органах, насколько мне известно, не возбуждался вопрос об автономии Закавказья. Он для всех считался решенным в отрицательном смысле... Предложение Картвелова исходит только от него одного, не выдвинуто жизнью, и поэтому я высказываюсь против включения его в порядок дня съезда».

Страсти критически вскипают. Необыкновенно внушительная и шумная тифлисско-гурийская делегация клянется, что готова лечь костьми во славу автономии. Это потребность каждого национально мыслящего человека!.. Разгневанный Рамишвили — на съезде он фигурирует под псевдонимом Бериев — грохает: «Суренин случайный человек. Ничего не знает, никого не представляет. Его мандат фальшивка. Он не имеет права выступать. Нарушение демократии!»

Остановить уже никто не в силах. На каждом заседании громы и стоны: «Отнимите мандат у Суренина! Изгоните Суренина!..» Грозные демарши сменяются истериками, разоблачения — мольбами.

Заседание одиннадцатое. Последние минуты перед голосованием аграрной программы. Нарастающий шум на местах кавказской делегации. Крики: «Суренин не имеет решающего мандата!»

Леонов (правый меньшевик Левицкий, Цедербаум): Я нахожу необходимым считать мандат Суренина отклоненным.

Руденко (меньшевик Ерманский): Суренин пользуется правом решающего голоса. Ведь сегодня это уже было решено съездом...

Заседание двенадцатое. Коллективный вопль: «Протестуем против утверждения мандата эриванской организации, которая существует не более двух месяцев и свою деятельность ничем не проявила; притом эта организация представляет отколовшуюся часть националистической партии «Гнчак» и еще не

показала своей социал-демократичности. Просим дать Суренину совещательный голос и ни в коем случае не решающий».

Сцены закатывают не одни только кавказские меньшевики. Их собратья из Петербурга, Харькова, Воткинска также жаждут кассировать мандаты большевиков. Действуют запрещенными приемами. Делегату Казани Надежде Константиновне Крупской вместо решающего голоса определяют совещательный.

«Прямо тошно становилось, — вспоминает товарищ Степана по Берлину, Женеве и Кавказу Мартын Лядов. — На официальных заседаниях съезда меньшевики проводили обеспеченным большинством голосов заранее заготовленные решения».

Сомнений не остается. Объединение чисто формальное. Сразу по возвращении на Кавказ, в середине мая Степан объясняет читателям новой рабочей газеты «Кайц» [1] — «Искра»:

«...Главные крепости большевиков, откуда должно было прибыть большое число представителей, были

---

[1] «Кайц» — прямая наследница «Кавказского рабочего листка» и «Елизаветпольского вестника». Издается легально в Тифлисе на армянском языке под редакцией Степана Шаумяна и Сурена Спандаряна. Держится газета сравнительно долго: с апреля по август 1906 года. Степан успевает напечатать сорок больших статей. Среди них и широко известные, с честью выдержавшие испытание временем «Национальный вопрос и социал-демократия», «По поводу письма Плеханова».

Закрыта «Кайц». Через две недели выходит «Нор хоск» — «Новое слово». В двадцатых числах сентября окончательно запрещают и это издание. Степан предпринимает еще одну попытку. Одиннадцатого декабря появляется первый и единственный номер газеты «Наши понедельники» В Тифлисе надеяться больше не на что. Что ж! В ночь на 2 февраля 1907 года в небольшой типографии на окраине Баку начинает печататься еще никому не известная газета «Орер» — «Дни». Из Тифлиса вдогонку приходит строжайший приказ наместника: «Издание заведомо противуправительственной газеты «Орер» немедленно запретить и ни под каким видом не допускать новых попыток к выходу в свет. Против редакторов возбудить уголовное преследование» Восемь номеров все-таки успевают разойтись.

Теперь уже полгода на Кавказе не будет легальной рабочей газеты.

к этому времени так разгромлены правительством, что не смогли как следует провести выборы и участвовать в съезде...

Несмотря на это... в начале съезда мы имели почти равное число голосов, приблизительно 45 и 45. Остальные 15—20 человек «примиренцев» составляли «центр», и еще было неизвестно, к какой стороне они примкнут... Но «центр», или «болото», никогда не может быть надежным. Слегка изменившаяся политическая ситуация (к этому времени уже определилось, что дума вместо хулиганской стала кадетской) и энергичные усилия Плеханова — Аксельрода так повлияли на этих всегда нерешительных и колеблющихся людей, что они снова отступили назад и присоединились к меньшевикам. Именно это «болото» (не говорим о 19 представителях кавказских меньшевиков, которые, на удивление всему миру, оказались на съезде задающими тон), это «болото», повторяем, и решило судьбу нашей партии...

Положение, как видим, было очень «шатким», «победа», по существу, весьма сомнительной.

Всем этим мы, конечно, не хотим сказать, что не надо подчиняться решениям съезда, не хотим бросать тень на наших товарищей меньшевиков. Юридически они правы. На съезде, который должен был разрешить задачи, поставленные перед партией, они составляли большинство и потому прошла их тактическая линия. Мы хотим только... пояснить, насколько реальна и длительна и насколько ценна подобная «победа».

Писем о съезде должно быть несколько. Но... уже полностью исчерпаны кредиты, открытые редакции владельцами типографии и бумажного склада. Нужны деньги. Хотя бы пятьсот рублей. Положение отчаянное... «Шаумян обратился ко мне — в то время представителю ЦК партии «Гнчак» в Эриванской губернии и пограничных с Россией провинциях Персии, — рассказывает в своих не увидевших света «Записках» видный буржуазный публицист А. Гаспарян. — Мы, гнчакисты, были «богаты», так как с маузером в руках приставали к армянским толсто-

сумам и вырывали у них тысячи для вооружения с целью «защиты от татар».

Шаумяну я обещал требуемую сумму, для получения коей я направился к председателю Исполкома закавказской и российской организаций партии «Гнчак» Сако Агамирзояну. Сако отказал. «Деньги не вернут, плюс еще выругают — националисты, автономисты...»

Отказ меня мало смутил. По уставу нашей партии я, полномочный представитель ЦК в своем крае, мог действовать сам. Деньги я добыл и передал Степану Георгиевичу. Тут же попросил: «Пожалуйста, ничего не пишите против нас, по крайней мере до поры до времени».

Шаумян улыбнулся, взял деньги, пожал мне руку и ушел. В следующем же номере «Кайц», выпущенном на «наши» — гнчакистские, якобы заимообразно взятые деньги, появилась резкая статья против нас. Скандал в благородном семействе...»

Газета выходит. Продолжает печатать статьи Шаумяна о съезде. А он уже колесит по Эриванской губернии. Встречи с большевиками, рабочие собрания, шумные сходки молодежи, тайные беседы с солдатами. С зари до поздней летней темноты.

Водораздел, напоминает Степан, всегда таится где-то в туманной дали. Внезапно открывшись, он поражает своей неодолимостью. Наше формальное объединение с меньшевиками та же пелена тумана. До времени скрывает непримиримое размежевание правого и левого крыла социал-демократии.

Название съезду можно дать самое лучшее — объединительный, примирительный, вечного согласия. Борьба идей от этого нисколько не уменьшится. Она разгорается, приобретает остроту небывалую. Мы обязаны сохранить свои позиции, свои самостоятельные организации. Отстоять свою революционную пролетарскую партию.

У нас, кавказцев, есть еще и свой сугубо «внутренний» враг — до времени притаившаяся националистическая струнка. Чтобы ее найти и вырвать, надобно поглубже покопаться у себя в душе...

Сейчас много пересудов, сожалений, грубой брани — российские социалисты неуважительно-де относятся к своим армянским товарищам. Потрясающее доказательство под рукой! РСДРП охотно заключает договоры об объединении с польской, латышской и еврейской социал-демократическими организациями, а перед нашей армянской по-старому закрывает двери. Ясное дело, это потому, что «армянская социал-демократическая рабочая организация» постоянно стоит на страже «особых» условий армянской действительности, отстаивает «специфический» подход к армянскому пролетариату, свою армянскую самостоятельность. Националистическая струнка начинает звенеть. Едва слышно, потом громче, явственнее!

К счастью, армянский народ музыкален, с хорошо развитым слухом. Отличает чистый звук, правильно взятую ноту от фальши, искреннее чувство от притворства. Партия «спецификов» не сила, а горе армянского пролетариата, порождение разброда и изоляции. Прошлой осенью, кажется в сентябре, Владимир Ильич Ленин, сугубо предостерегая против всякого якшания со «спецификами», называл их «подонками женевского болота», «шайкой литераторов-дезорганизаторов». В одном наш «Старик» смягчил истину. Он определил эту «партию» как кавказскую креатуру Бунда. Мое убеждение — по своему разнузданному национализму, постоянному искажению истины, демагогии, скандалам «специфики» куда страшнее Бунда. Они ближе к кумиру тифлисских дашнаков господину Хажаку, разрешающему все идейные споры при помощи маузера и кинжала.

В июле снова Тифлис. Второго числа публичная лекция: «Национальный вопрос в России». Седьмого с одиннадцати утра до трех ночи межрайонное собрание эсдеков. Доклад Чичинадзе «Австрийский путь разрешения национального вопроса. Привлекательные стороны». Слегка завуалированный смысл всей затеи: культурно-национальная автономия — великое благо и для Кавказа. Шумное одобрение. Витиеватые

речи о священном национальном долге. Явным диссонансом звучит голос Шаумяна: «Скажите прямо, что вы задумали пересмотреть национальную программу РСДРП. Вы ближе к федералистам, чем к революционерам!»

Нарушителя единства призывают к порядку. Он бурно протестует. У него находятся сторонники. Им тоже приходится дать высказаться. Сплошные неудобства от этих «бланкистов» и «анархистов». Так с недавних пор величают большевиков руководители областного центра.

Двадцатого. Дискуссия в Народном доме о будущем национальном устройстве Кавказа. По джентльменскому соглашению меньшевики, социал-федералисты и дашнакцаканы выставляют главных ораторов. После шумной перебранки между президиумом и публикой «слово для изложения своих личных воззрений имеет кандидат философии Шаумян». Скрепя сердце ему дважды продлевают время.

Финал на следующий день. Степан приглашен в областной центр. Леденящая вежливость. Чичинадзе в сюртуке, застегнутом на все пуговицы.

— Наш высокочтимый товарищ Степан! Областной Кавказский центр РСДРП покорнейше просит должным образом оценить нашу сегодняшнюю встречу. Вы постоянно позволяете себе выступать против достойнейших лиц, должным образом уполномоченных выражать принципиальную точку зрения социал-демократии. Областной центр выносит вам порицание. На будущее, независимо от наших дружеских чувств, мы обязаны будем прибегнуть к крайним мерам. Единство партии, не обессудьте, обязывает!..

«Единство партии», — раздумчиво повторяет Степан. Губы трогает ироническая улыбка.

— Без нужды лицедействуете! Пора бы знать — не терплю комедиантов. Извольте объясняться начистоту!

Слишком уж зарвавшихся друзей считает нужным одернуть и Ной Жордания. В Тифлисе он теперь бывает урывками, заседает в I Государственной думе. Ему не трудно при встрече со Степаном сослать-

ся на прискорбное недоразумение и «нашу проклятую кавказскую горячность».

Все решается гладко. Областной центр и Тифлисский комитет вполне разделяют тревогу Шаумяна и Спандаряна. На Алавердских медных рудниках необходимо самым срочным порядком начинать забастовку. Степан Георгиевич, вероятно, не откажется взять на себя руководство?

Хорошо знакомое с юношеских лет Лорийское нагорье! Есть у него и прозаическое официальное название — Борчалинский уезд Тифлисской губернии.

В уездном центре, расположенном в стороне, у выхода из ущелья, резиденция генерала, пехотные и артиллерийские казармы, жандармерия, канцелярии. На горных плато и в толще хребта промышленные предприятия, по преимуществу иностранных концессионеров. Самые большие — французского акционерного общества — в Алавердах. Баснословные прибыли акционеров и такая же баснословная нужда рабочих — татар, персидских подданных, армян, греков. Чуть в лучших условиях — для них хотя бы построены бараки и казармы — русские и грузины.

— Бросай работу! Выходи из штолен! Живо!! — с быстротой лавины разносится в июльский полдень.

Тысячи возбужденных людей спешат выбраться из исполосованной забоями толщи хребта. Отдышавшись, привычно сбиваются в свои артели, шагают к конторе. Гремит митинг. Добровольные переводчики кое-как успевают объяснять землякам, что кричит, захлебываясь, наголо обритый костлявый персиянин; чего добивается сорвавший голос грек; к чему степенно призывает русский бородач.

— Начать забастовку нам было совсем не трудно, — рассказывает Степан вечером пятого августа большевикам, собравшимся со всего уезда в село Леджан. — Несравненно труднее забастовку вовремя закончить. Трезво соразмерить силы, хорошо взвесить требования... Большинство рабочих мало сознательно, легко возбудимо. Слишком чутко ко всяким неожиданностям, темным слухам, провокациям националистов.

Пока забастовщики держатся превосходно. С наивной непосредственностью умиляются собственной так неожиданно открывшейся силой, очевидной переменой ролей. Недоступная смертным, грозная французская администрация вдруг высказывает смирение и готовность к уступкам, заискивает...

— Надо начинать переговоры, — подталкивает Степан. — Тянуть, набивать цену — значит все потерять. У рабочих никаких запасов продовольствия. Тем более нет денег. Верно, для них охотно собирают в окрестных деревнях. На пожертвования такая масса людей долго не протянет. Да и пушки недалеко. Воинский начальник генерал Золотарев умчался в Тифлис. Добрых вестей он нам не привезет!

Со стороны все выглядит внушительно, обнадеживающе. Тифлисские, бакинские, эриванские, ростовские и владикавказские газеты охотно печатают телеграммы, рассказы очевидцев, всякий досужий вымысел:

«Двенадцатый день забастовки в Алавердах... Рабочие отклоняют выгодные предложения акционеров!»

«Две недели гнетущей тишины на медных концессиях... Бесполезная поездка персидского консула к своим соотечественникам... Рабочие едят траву!»

«Август на исходе. Ни одного пуда медной руды. Миллионные убытки французской компании!.. Из Тифлиса в небывалых количествах затребован товарный порожняк на ближайшие к Алавердам железнодорожные полустанки. Все окутано тайной!»

Степан тоже сердцем чувствует — готовится что-то крайне важное. Возможно, непоправимое. Или теперь уже все равно — днем позднее, днем раньше? Убежден: забастовка проиграна в тот час, когда они с Суреном не смогли убедить рабочих согласиться с крупными уступками акционеров во время первых переговоров. Мозг в тысячный раз сверлит мысль: «Зачем вагоны?» На складах пусто — ни руды, ни слитков, вывозить нечего. Если только...

Драматическую развязку ускоряют события в Баку. С утра двадцать пятого августа там вспыхивает

политическая забастовка. Замирают промыслы, останавливаются электростанции и перегонные заводы, гаснут топки на морских кораблях. Оставляют работу полиграфисты и служащие городской управы. Требования твердые: немедленно освободить арестованных за участие во всех летних стачках, отменить постановление генерал-губернатора о высылке бастовавших рабочих на родину.

В Баку войска под рукой. Там залпы раздаются двумя днями раньше, чем в Алавердах. Хотя и борчалинский полководец генерал Золотарев очень спешит. Сам ведет головной отряд — сотню казаков и четыре пушки.

Негодуя по поводу бесчинств некоего генерала во вновь завоеванной стране, Энгельс писал в прошлом веке в «Анти-Дюринге»: «...сжег их шатры, а жен и детей велел умерщвлять на настоящий кавказский манер». Боже упаси, генерал Золотарев жен и детей забастовщиков не умерщвляет, пожарами не балует. Неукоснительно соблюдает приказ наместника. Около двух с половиной тысяч персидско-подданных рабочих схвачены, забиты, как соленая сельдь в бочки, в товарные вагоны — для того и собирали порожняк! Ни воды, ни хлеба, ни возможности выйти на стоянках. Охрана строго предупреждена: «До персидской границы дверей не открывать, пломб не трогать». О тех, кто выдержит, позаботятся жандармы шахиншаха.

Назидательный пример счастливым подданным русской империи. Никто не смеет поднять руку на высочайше дарованные им свободы. Их никуда не увозят, не отправляют в кутузку. Просто в Алавердах для них больше нет работы. Никакой! Бредут люди кто куда. Свобода есть свобода...

Генерал Золотарев принимает поздравления из Тифлиса, Петербурга. Приношения из Парижа от благодарных акционеров. Никто не препятствует и Степану Шаумяну напечатать статью в угодной ему газете «Нор хоск». Высказать свои соображения о том, что за урок, безусловно полезный, заплачена «очень дорогая цена». Упрекать себя будто не в чем—

все необходимое вовремя сказано, все возможное сделано. К тому же память услужливо подсказывает: «Разбитые армии превосходно учатся!» При всем этом на душе горький осадок. Надолго!

Ничего не поделаешь, всю осень и зиму приходится быть на положении разбитой армии. В Тифлисе, затем в Баку заседает очередной Закавказский съезд социал-демократических организаций. Областной центр привычно сколачивает надежное большинство. По любому вопросу исход голосования заранее определен. Степан предлагает «высказать поддержку В. И. Ленину, справедливо добивающемуся экстренного созыва Пятого съезда РСДРП». Тут же из президиума: «Единодушно одобрить великолепную идею нашего милейшего учителя Павла Борисовича Аксельрода о созыве «рабочего съезда». Имея в виду основать «широкую рабочую партию», в которую войдут эсдеки, эсеры, анархисты, все созидательные силы России».

К новому году в Тифлисе два партийных центра. Закавказский объединенный областной комитет, сплошь из меньшевиков, и не очень многочисленная «вдвойне нелегальная» группа ленинцев. Под скромным и полностью оправданным названием «Литературное бюро». В самом деле каждый из «литераторов» — Михаил Давиташвили, Алеша Джапаридзе, Филипп Махарадзе, Иосиф Сталин, Миха Цхакая, Степан Шаумян — хорошо владеет пером, часто выступает в изданиях подпольных и легальных. Особенно Степан! Он пишет на армянском, русском, грузинском языках в тифлисской и бакинской прессе. Статьи, фельетоны, короткие сообщения, разящие реплики.

Вслед за нашумевшей статьей «Национальный вопрос и социал-демократия» — она уже вышла и отдельным изданием — появляются: «Пресса», «Армяно-татарская провокация», «Избирательная буря», «Съезд дашнакцаканов в Эчмиадзине», «Предстоящие выборы в Тифлисе и партия «Дашнакцутюн», «Письма из Тифлиса», «Прокламация «Молодых дашнаков».

Резюме общее для всей этой серии:

«Единственной социалистической партией на Кавказе, под знаменем которой собираются рабочие всех национальностей, единственной революционной партией, под влиянием которой пробуждалась к революционной жизни армянская провинция вслед за грузинской, является Российская социал-демократическая рабочая партия. Чтобы осуществить свои буржуазные и реакционные цели, партия «Дашнакцутюн» должна была объявить борьбу своему смертельному врагу — кавказской социал-демократии.

...*Кавказская армянская буржуазия, естественно, видела в партии «Дашнакцутюн» свое родное детище, своего лучшего союзника, лучшего выразителя и защитника своих интересов и потому всеми силами, материально и нравственно, поддерживала эту партию.*

...«Дашнакцутюн» является таким же напыщенным, внешне великим и могущественным *ничтожеством*, как и знаменитая русская бюрократия.

...Отвращение и проклятие этим карликам, порочащим и эксплуатирующим великие идеи «революции и социализма»!»

У «литераторов» — пополнение. Неожиданно вернувшийся из Берлина — «Подумал, чего отсиживаться за границей, когда в строю так мало осталось бойцов» — Серго Орджоникидзе. Молодой, а уже по всей России разослана «розыскная ведомость» — «по обнаружении Орджоникидзе... его надлежит обыскать, арестовать и препроводить в распоряжение Кутаисского губернского жандармского управления».

Миха приводит своего питомца к Степану. У «литераторов» мнение одинаковое:

— Отправляйся в Баку. В Тифлисе тебя жандармы зацапают не сегодня, так через неделю. И нам ты больше нужен в Баку — в городе ста пятидесяти нефтяных промыслов и своевольного разноплеменного люда. Мы перебрасываем на Каспий все силы, дабы выбить меньшевиков из пролетарского центра

края... Явки получишь у Алеши[1] в союзе нефтепромышленных рабочих.

Степан негромко добавляет:

— Баку! Когда я туда попадаю, у меня даже плечи расправляются... В прошлом году совсем было собрался перевозить семью. Ты, Серго, не знаешь, я родитель богатый — два сына, дочь!.. На время пришлось отложить... Уверен, приглашу тебя к себе в гости в Баку. Где-нибудь в Черном городе или на Биби-Эйбате... Когда-нибудь!

По календарю еще март. В Тифлисе самый неуютный месяц холодных, пронизывающих ветров. А накал борьбы достигает критической точки. Пятнадцатого тайный агент, по кличке «Георгиев», доносит губернскому жандармскому управлению:

«От Тифлиса будет избрано семь делегатов, меньшевики хотят провести своих, и в партии идет силь-

---

[1] Алеша — Прокофий Апрасионович Джапаридзе, родился в 1880 году. Учился в Тифлисском учительском институте, откуда был исключен за участие в нелегальных марксистских кружках. Член РСДРП с 1898 года. С 1904 года его судьба накрепко связана с Баку — плотью и кровью.

«Алешу я знал с юношеских лет, — писал один из основателей социал-демократической организации в Баку, виднейший деятель Коммунистической партии Авель Енукидзе в специальном выпуске газеты «Бакинский рабочий» 20 сентября 1928 года. — Как организатор, массовик, как человек, который мог привлечь на свою сторону и пробудить самые отсталые слои рабочего класса, Алеша был незаменим. В нелегальный период своей работы он едва ли мог найти лучшее место для своей кипучей деятельности, нежели нефтяные промыслы Баку.

Алеша, несомненно, является первым, кто положил начало массовому рабочему движению в Баку. Он первый основатель и организатор профессионального союза нефтепромышленных рабочих. Он первый пробил брешь к мусульманским рабочим массам, сумел установить дружеские отношения с тюркскими работниками в Баку, он первый втянул их в работу нашей партии.

Неутомимый, энергичный, веселый, остроумный, он очень много успевал работать, сделавшись самым популярным и самым любимым из тогдашних партийных организаторов. Алеша уже тогда являлся работником общероссийского масштаба...»

Алеша неоднократно подвергался арестам, ссылкам и всякий раз снова возвращался в город на берегу Каспия. В Баку он и обрел свое бессмертие, один из 26 бакинских комиссаров.

ная борьба между меньшевиками и большевиками... Шаумяна (центр) в Тифлисе нет, он несколько дней тому назад вызван по партийным делам телеграммой в Баку». Тот же филер семнадцатого числа: «Вчера утром приехал Шаумян из Баку».

Взрыв неизбежен. По городу распространяется воззвание «Товарищам большевикам!»:

«Наши мандаты на V съезд РСДРП бесцеремонно присвоены меньшевиками. Пошлем своего делегата. Дадим ему наказ: «Мы не сочувствуем и не можем сочувствовать тактике отступников-меньшевиков, которые отрицают ведущую роль пролетариата в нынешней революции и поддерживают кадетов, этих союзников Столыпина».

Те же прошлогодние чудеса в решете! Все тифлисские мандаты — в меньшевистский бумажник с монограммой. Несговорчивые, тем более явно большевистские организации — Борчало, горная Рача — начисто лишаются права выборов: «не ведут достаточно зрелой социал-демократической работы». Баку скрепя сердце бросают три мандата. Гурии почтительно вручают девять мандатов!

— Погодите, — напоминают «литераторы», — год назад вы сами установили равные права Баку и Гурии.

— Схватились, — негодуют в ответ чичиковы из областного центра. — В Гурии наших славных партийцев стало в семь с лишним раз больше! Мы их даже несколько ущемили...

И чтобы справедливость как-то восторжествовала, Гурии оказывается высочайшая честь — список ее славных делегатов возглавляет «старец хилый, кроткий, ветхий» [1], сам Павел Аксельрод.

Делегатские мандаты, голоса на съезде — отнюдь не простое повторение прошлогоднего. Намного хуже, опаснее. Чудо, сотворенное меньшевистскими миссионерами в Гурии, не ревизские сказки, не водевиль

---

[1] Строка из шуточной поэмы Емельяна Ярославского «Сон большевика».

с переодеванием скучающих сельских буржуа в «славных партийцев». Похороны революционной партии по рецепту «старца хилого».

Пройдут всего несколько недель. Под старинными каменными сводами церкви Братства на Бальзамической улице в Лондоне найдет себе приют не слишком деликатно выдворенный из Копенгагена датскими социалистами, недопущенный в Стокгольм — V съезд РСДРП. Председатель огласит «фактическое заявление» четырех кавказских делегатов-большевиков: А. Кахояна, И. Сталина, М. Цхакая, С. Шаумяна:

«Меньшевики уже создали в Грузии широкую мелкобуржуазную беспрограммную партию без партии».

Ответ в истинно меньшевистском духе. «Суренин, Борчалинский и Барсов [1] на съезде присутствуют совершенно незаконно. В Борчалинском уезде нет социал-демократической организации. Любые мандаты, выданные от ее имени, — фикция. О чем официально свидетельствует Кавказский областной центр».

Результаты голосования в мандатной комиссии. Девять голосов за утверждение борчалинских мандатов. Против один — кавказец Гриша (член областного центра Г. Лордкипанидзе).

Схватка переносится на пленарное заседание седьмого мая. Степана встречают дружелюбно, слушают внимательно.

— Как, товарищи? Каким это образом в Гурии, где одно только сплошное мелкобуржуазное крестьянство, где нет ни единой пролетарской души, ни одного заводика, можно вести социал-демократическую работу, и настолько успешно, что вместо восьмисот человек членов партии, имевшихся во время Стокгольмского съезда, теперь, через год, вы имеете

---

[1] Суренин — Шаумян, Борчалинский — Кахоян, Барсов — Цхакая — делегаты борчалинской социал-демократической организации. М Цхакая — с совещательным голосом.

там семь тысяч членов, а в промышленном Борчалинском уезде, где имеется более десяти тысяч рабочих, не может вестись социал-демократическая работа?! Или тифлисская организация не знает о работе, которая велась в Борчалинском уезде? Нет, она прекрасно знает об этом. Во время стачки на Алавердском заводе она посылала своих представителей на помощь борчалинской организации, и в том числе меня... Два раза посылала меня в качестве своего представителя на конференции борчалинской организации, состоявшиеся 15 октября и 25 декабря 1906 года... которые обсуждали целый ряд партийных вопросов: об отношении к буржуазным националистическим партиям, о проведении социал-демократической думской компании и т. д. Судите, товарищи, какова ценность утверждений кавказских меньшевиков, оспаривающих так горячо наши мандаты.

...Да, товарищи, многие должны будут призадуматься, раньше чем голосовать, но пусть товарищи вспомнят то, что я говорил о судьбе всех кавказских большевистских мандатов, пусть вспомнят все, что им известно о нравах кавказских меньшевиков вообще; и тогда, надеюсь, они будут голосовать, не «смущаясь».

Нисколько не смущаясь, съезд отбрасывает домогательства меньшевиков.

Съезд идет за Лениным. Партии стоять на позициях революционного марксизма, вести рабочий класс на новую революцию.

Трудный съезд длится три недели. Стоит нервов, здоровья, доставляет много лишений. Степан, как и большинство делегатов, живет впроголодь, «нажимает» на бутерброды, которые раздают в перерывах. Ютится в квартире многодетного докера. А настроение преотличное.

У Степана и свои личные радости. После долгих лет снова видится с давним-давним тифлисским знакомым. Высокий костлявый парень Алеша стал автором залпом прочитанной книги «Мать».

И прогулки, доверительные беседы втроем: Вла-

димир Ильич, Миха и Степан. Часто упоминается имя Камо.

Домой Степан возвращается в начале июня. Явно озабоченный. На улицу почти не выходит. Против обычного избегает всяких встреч. Исключение только для Камо. Иногда еще заглядывает жена Сурена Спандаряна Ольга Вячеславовна. Она оказывается невольной свидетельницей странного свидания Шаумяна с таинственным офицером.

«Раздался звонок у входа, — запомнила[1] Ольга Вячеславовна. — Из внутренней комнаты вышел Степан Георгиевич и пошел открывать дверь. Через полминуты он прошел опять к себе с каким-то офицером. Мы продолжали разговор. Ведь гость пришел к Степану Георгиевичу, нас это не касалось. Спустя некоторое время Степан Георгиевич тем же порядком проводил гостя и, улыбаясь, подошел к нам.

— Ну, узнали моего гостя?

— Нет. А кто это был?

— Неужели не узнали?.. Вы его хорошо знаете!

— Нет, вижу впервые.

— Да вы хорошо его разглядели?

— Очень хорошо, зрение у меня хорошее.

— И никого он вам не напомнил?

— Нет, решительно никого... Я не знаю этого человека!

— А я настаиваю, что вы его очень хорошо знаете!

—Ну, так помогите мне припомнить его, назовите его.

— Нет! — отшутился Степан Георгиевич. — В наказание за то, что забываете хороших своих товарищей, я сейчас не назову его, а скажу это вам только в следующий раз, когда снова увидимся...

Потом, конечно, мне не пришлось повторять своих вопросов, стало понятно, кто это был. Камо! Он приучал себя носить форму и проверял своими такими посещениями — можно ли его узнать и похож ли он на себя».

---

[1] Рукопись О. Спандарян.

Все должно свершиться в среду, тринадцатого июня. В одиннадцать часов утра. Как только казаки из головного охранения минуют здание штаба Кавказского военного округа, свернут с Эриванской площади на аристократическую Сололакскую улицу. К светло-серому особняку Тифлисской конторы Государственного банка.

На площади всегда шумно, толпы народа, фаэтоны, верблюжьи караваны. Постоянно дежурят несколько приставов с помощниками и младшими чинами полиции, вооруженными винтовками. Особые посты — пешие и конные — выставлены у замыкающих площадь зданий городской управы, штаба военного округа, центрального полицейского участка, редакции и типографии официоза — газеты «Кавказ».

Под усиленной охраной и сам денежный транспорт. Впереди, по бокам и позади верховые казаки. С карабинами на руках. На первом фаэтоне рядом с кучером караульный банка. Сзади на бархатном сиденье тучный кассир Головня с бойким помощником Курдюмовым. На втором фаэтоне старший караульный от банка Жиляев и два солдата. Винтовки заряжены. Руки на курках. Полная боевая готовность. С главного почтамта, что на Михайловском проспекте, сегодня перевозят в банк сумму побольше обычной. Сразу двести пятьдесят тысяч рублей! Туго набитый мешок.

Знойное в дымке утро. Лениво томится разморенный Тифлис. Бьют часы на башне городской управы. Раз, два, три... Господин в круглой соломенной шляпе широко раскрывает газету, утыкает в нее нос, оседланный пенсне, бредет мелкими шагами через площадь.

Четыре, пять... К ресторану громкой славы «Тилипучури» торопливо вышагивают две приятные девицы, до того самозабвенно болтавшие у подъезда штаба. Навстречу, растягивая лица в улыбке, покачиваются шесть молодцев в черных блузах и шароварах завсегдатаев Армянского базара.

Часы продолжают отбивать удары. Семь, восемь, девять... Казаки сворачивают на Сололакскую улицу.

Десять, одиннадцать... Во всех концах площади со страшным грохотом рвутся бомбы. Собственное производство Камо. Чуть не стоившее ему жизни. Около месяца назад, когда Степан был в Лондоне, в лаборатории Камо — укрытый зеленью маленький домик на дальней городской окраине Авчалы — случайно взорвался заряженный капсюль. Осколки попали Камо в правый глаз, повредили хрусталик. Ранена и левая рука.

Площадь окутана дымом. Из окон летят стекла. Снова взрывы. Пальба из маузеров.

Господин, до того всецело поглощенный чтением газеты, отшвыривает ее. Маскировка больше не нужна Бачуа Купрашвили. Он бросается наперерез тележке с кассирами. Швыряет бомбу под ноги лошадям... Взрывная волна, нарушая весь превосходный план, отбрасывает Бачуа в сторону, валит на землю...

С быстротой и силой внезапно распрямляющейся пружины к фаэтону подскакивает другой боевик — Датико Чиабришвили. Хватает мешок с деньгами. Обострившимся боковым зрением замечает на середине площади пролетку. В ней во весь рост стоит офицер, бешено палит из маузера. Кажется, и он увидел Датико... Расстояние быстро сокращается. Чиабришвили из последних сил запускает в пролетку... мешок с деньгами. Офицер на всем скаку поворачивает в сторону Головинского проспекта к дворцу наместника. В ногах у него открыто, как трофей для обозрения, заветный мешок.

У самого дворца навстречу пролетке скачет, едва держась в седле, исполняющий должность тифлисского полицеймейстера подполковник Балабанский. Офицер приподнимается, машет руками. Радостно во все горло кричит:

— Деньги спасены. Спешите на площадь!

Полицеймейстер торопится воспользоваться полезным советом. Медлить действительно нельзя. С площади по-прежнему доносятся выстрелы, кто-то взывает о помощи. Подполковник Балабанский пришпо-

ривает коня[1]. Офицер на пролетке тоже прибавляет ходу. И без дальнейших приключений добирается до квартиры бывалого тифлисского подпольщика невозмутимого Миха Бочоридзе.

Стало быть, с утра пораньше приниматься за срочное донесение старому знакомцу Степана господину прокурору Тифлисской судебной палаты. В Санкт-Петербург самому министру юстиции:

«Никто из очевидцев не в состоянии был точно определить число нападавших лиц, место, откуда были брошены бомбы, и направление, по которому скрылись злоумышленники... Из находившихся на площади воинских и полицейских чинов только один солдат произвел выстрел, тогда как остальные не успели даже рассмотреть злоумышленников. Момент похищения денег также остался незамеченным».

Камо с наслаждением сбрасывает надоевшие доспехи офицера. Выливает себе на голову ведро холодной воды из колодца. А Миха с женой Маро по-хозяйски перекладывают деньги из казенного мешка в свой полосатый тюфяк. Через минуту-другую тюфяк на спине муши — безотказного тифлисского носильщика. Муша привычно шагает по мостовой — двести пятьдесят тысяч для него, привыкшего переносить пианино и огромные сундуки, тяжесть совсем не обременительная. Рядом на тротуаре семенит не примечательная пожилая хозяйка.

Полосатый тюфяк занимает место на тахте — в угловой солнечной комнате второй конспиративной квартиры. В конце месяца, когда полиция и тайная агентура всей империи будут поставлены на ноги, Камо расположится в купе второго класса скорого поезда Тифлис — Петербург. У всех на виду поставит круглую картонную коробку — обычную, какими пользуются состоятельные господа для хранения шляп. Из столицы с этой же коробкой он двинется дальше в дачный поселок Куоккалу. К Владимиру

---

[1] Несколькими днями позднее, поняв, кто был офицер на пролетке и чего стоил его совет, подполковник Балабанский застрелился.

Ильичу. Боевой центр большевиков получит позарез необходимые деньги. Мелкие купюры останутся для расходования в России. Пятисотрублевые кредитные билеты зашьют в стеганый жилет Мартына Лядова, снова уезжающего за границу.

Сейчас к Миха Бочоридзе сходятся и остальные участники десятиминутной (только десять минут!) боевой операции. Последним является израненный Бачуа Купрашвили. Камо стискивает парня в объятиях. С легким сердцем можно идти к Степану — главному стратегу и тактику.

По обычной судьбе начальников штаба Степан должен ждать исхода в стороне от событий. И как-то управляться с нервами. Своими и Кетеван. Она знает хотя и не все, но достаточно много, чтобы с раннего утра не находить себе места.

Одиннадцать часов. В квартире Шаумянов отчетливо слышны взрывы, стрельба — до площади, как говорится, рукой подать. В минуты наивысшего напряжения со двора приносят трехлетнего сына Левона. Ребенок вопит. Лицо залито кровью... Потом выяснится, что мальчонка просто-напросто вступил в неравный поединок с большущим черным петухом! Тот несколько раз клюнул Левона в лицо — у глаза, в щеку. Кетеван мерещится нечто другое. Она падает в обморок.

Камо еще успевает принять участие в хлопотах.

В следующую среду во всех газетах Кавказа два необыкновенной важности сообщения.

Из Петербурга: «Департамент полиции экстренно командировал двух своих высокопоставленных чиновников в Тифлис для детального изучения подробностей, при которых совершена там последняя крупная экспроприация».

Из дворца наместника: «Граф Воронцов-Дашков изволил распорядиться о закрытии всех проходных дворов в городе Тифлисе и о запрещении всем финансовым учреждениям перевозить по городу деньги на обыкновенных фаэтонах, а иметь для этого специально приспособленные дроги».

Свою посильную лепту вносит и отбывающий на

воды в Кисловодск прокурор Владимир Иванович Васильев. Его стараниями судебная палата по 2-му уголовному департаменту во внеочередном распорядительном заседании «усматривает в содержании арестованной брошюры Карла Каутского «Движущие силы и перспективы русской революции» в переводе С. Шаумяна дерзостное неуважение к верховной власти и призыв к ниспровержению существующего в государстве строя.

Вследствие сего, руководствуясь 3, 5 и 6 п. IV отдела закона 26 апреля 1906 года «О временных правилах для неповременной печати», судебная палата определяет: «Все 1200 экземпляров этой брошюры, напечатанных в типографии «Гутенберг» в Тифлисе, — сжечь. Приговор исполнить безотлагательно. Председательствующий — Н. В. Струве; члены палаты — И. Д. Утнелов и М. Е. Гегидзе».

В пятницу около часа пополудни книги под надлежащим наблюдением летят в костер.

В субботу Тифлис покидают: прокурор Васильев — на время летнего отдыха, Степан Шаумян с женой и детьми — «испросивший увольнительный билет в мещанской управе с целью поступления на службу в городе Баку».

9

В Баку никаких расхождений. Все бабушки с внучатами знают совершенно точно — ад находится в двенадцати верстах от Парапета[1] — в Балаханах.

---

[1] Парапет — чахлый садик на стыке нескольких мощенных булыжником центральных магистралей. Отсюда к морю простирается *Великокняжеская улица*. Вверх направо взбегает Николаевская (в честь царя!). Обе уже свысока посматривают на аристократический Головинский проспект в Тифлисе. В особняках бакинских нуворишей богатств, конечно, побольше. И зимние сады. И родниковая вода в фонтанах, доставляемая за сто верст. У подъездов день и ночь дежурят раскормленные молодцы с заметно оттопыренными карманами — личная охрана. На перекрестках дюжие городовые. Главная задача последних — не-

И не только бабушки с внучатами. Алексей Максимович Горький! Его строки:

«Нефтяные промысла остались в памяти моей гениально сделанной картиной мрачного ада. Эта картина подавляла все знакомые мне фантастические выдумки устрашенного разума, все попытки проповедников терпения и кротости ужаснуть человека жизнью с чертями, в котлах кипящей смолы, в неугасимом пламени адовом. Я — не шучу. Впечатление было ошеломляющее.

...Среди хаоса вышек прижимались к земле наскоро сложенные из рыжеватых и серых неотесанных камней длинные, низенькие казармы рабочих, очень похожие на жилища доисторических людей. Я никогда не видел так много всякой грязи и отбросов вокруг человеческого жилья, так много выбитых стекол в окнах и такой убогой бедности в комнатках, подобных пещерам».

Зачем же Степан везет в этот ад трех малых детей, безгранично любимую и любящую Кетеван? Женщину, которая никогда, ни одним словом не попрекнет, не выдаст своей боли, постоянной тревоги за него. Тем более он один в ответе за все!

В неторопливом, зеленом, совсем неплохо приспособленном для жизни Тифлисе он изнемогает, терзается. Твердит: «Мое место в Баку. Там главный нерв современной жизни — классовая борьба». Он охотно допускает: «разочарованные, отчаявшиеся могут уйти. Но самому пролетариату некуда идти от себя, от своей классовой борьбы». И ему никак нельзя без Баку!..

Не оторвать, не разделить Баку и нефть, Шаумяна и Баку. Немыслим Баку без черного леса нефтяных вышек, повсюду воткнувшихся в ядовитый дым, без густых облаков жирной копоти, зловонного пара, хватающих за ноги разливов мазута и разди-

---

укоснительно следить, чтобы, упаси бог, в благородные кварталы «не проникли ишаки, верблюды, ломовые извозчики, разносчики воды, а также все лица в пачкающей или дурно пахнущей одежде». Вся мазутная братия!

рающих уши лязга, грохота, скрежета, звона от бурения скважин и тартания нефти. Так и Степан Шаумян немыслим без Баку.

Переезд его неотвратим. Годом раньше, несколькими месяцами позднее, с двумя детьми или с тремя, на Балаханы или в Черный город, в роли заведующего Народным домом или управляющего нефтепроводом фирмы Шибаева — это уже подробности.

Вздымая тучи горячего песка, поезд тянется от станции Баку к проклятым людьми Балаханам. Сураханы, Балаханы, Романы... Горькому видится огромная «грязная сковородка, на которой кипят, поджариваются тысячи измученных рабочих людей».

Тянется поезд. В переполненных сверх всякой меры вагонах слышно: «Пить, пить! Мама, воды!» У кондукторов покупают стакан теплой, цвета свинцовой примочки морской воды, наскоро пропущенной через опреснитель. Малыши выплевывают пойло. Их мутит. «Мама, воды!»

«Балаханы, Балаханы...» — привычно тянет кондуктор.

У полосы железной дороги чернеет длинное, с плоской крышей каменное здание (когда-то камни были серыми) рабочей казармы. К нему лепятся коробочки из досок и фанеры, странной формы, всего больше похожие на собачьи конуры. Пристройки для семейных!

«Балаханы, Балаханы...» — напоминает кондуктор.

Степан, одержимый, берет на руки Маню и Левона. Пятилетний Сурен держится цепкими ручонками за брюки отца. Позади Кетеван с саквояжами. Семья Шаумянов деликатно, чтобы никого не потревожить, пробирается к выходу из вагона.

Дети — трое, потом четверо — в семье профессионального революционера. В бакинском аду! Особая заслуга или человеческая слабость родителей?

Рукою сына Сурена (он проживет еще меньше, чем отец; всего тридцать четыре года; и о нем скажут вполне справедливо: «Активный участник гражданской войны, кавалер ордена Красного Знамени,

партийный и военный работник»; в пятнадцать лет Сурен — член партии; в двадцать — офицер с академическим военным образованием; на петлицах — три ромба: генерал!) написано: «Товарищ Степан Шаумян, хотя и имел большую семью, которую он нежно любил, тем не менее никогда не замыкался в тесный круг личных интересов. А всегда все подчинял интересам революционной работы. В этом отношении порой он напоминал сектанта-революционера в лучшем смысле этого слова. Семья Шаумяна знала это. И стояла рядом с ним. Как в ранние годы, так и позднее, семья выносила на себе удары, расточаемые Шаумяну. Жила его тяжелой жизнью большевика-подпольщика. Он считал это своим большим счастьем».

Есть резон заглянуть и в «Журнал донесений» Бакинского охранного отделения. Тайные агенты, приставленные к Шаумяну, в первое же лето крестят его «Нефтяным»! В том должно быть смысле, что человек «наружности располагающей, с бородой и усами, аккуратно ухоженными, однако же одетый в синюю сатиновую косоворотку, подпоясанную шнуром с кистями», имеет постоянный интерес к делам нефтяным. Нефтяным — бакинским тож! Нефть — Баку. Баку — нефть. Неотделимо!

Даже и в зачитанной до дыр книге Владимира Ильина «Развитие капитализма в России» говорится: почти вся нефть добывается в Бакинской губернии, и Баку «из ничтожного города сделался первоклассным промышленным центром, с 112 тыс. жит.».

Почти вся нефть России и более половины мировой добычи! 671 миллион пудов в 1901 году. На промыслах и в морском порту около 70 тысяч рабочих. Тридцати национальностей и народностей.

Балаханская больница каждый год регистрирует четыре-пять тысяч тартальщиков убитых или непоправимо искалеченных при «неизбежных авариях». Двенадцать часов подряд тартальщик как собака на цепи. Чуть замешкался, не успел затормозить стальной канат, желонка с визгом взлетает под самый

купол вышки, ударяет о блоки, вместе с гнилыми перекрытиями грохает вниз. Тартальщик под грудой обломков... Дело каждодневное, постоянное.

Вся бакинская действительность полна противоречий, контрастов, столкновений, будто и совсем невозможных, все-таки ежедневно происходящих. Обязательных!

...У миллионера Гукасова — председателя совета съезда нефтепромышленников — казармы для рабочих сделаны в виде лошадиных стойл с нависшим заплесневелым потолком. Толстый слой липкой грязи, никогда не просыхающей, заменяет пол.

...Головы, побритые широкой дорожкой от лба до шеи, блестят, как бильярдные шары. Оставшиеся по бокам жесткие, склеенные мазутом волосы пучками торчат в разные стороны. Все на одно лицо — черные с зелеными потеками. Это выходцы из Персии. Их из великой милости ставят на самые тяжелые работы, платят вдвое меньше, чем русским.

...Первый в России коллективный договор между рабочими и промышленниками подписан в Баку после знаменитой стачки 1904 года.

...Представитель министерства торговли и промышленности при наместнике Кавказа Н. Ф. Джунковский презентовал тридцать тысяч рублей популярному на промыслах семейству Шендриковых. Их три брата — Лев, Глеб, Илья — в картотеке охранного отделения «балаханский Христос» и «всечистая» сестра Клавдия.

Подарок со смыслом. Для скорейшего открытия в Баку «трудовой артели хозяев и работников». У Шендриковых и свой Союз бакинских рабочих (первоначально Организация балаханских и бибиэйбатских рабочих). Под двойным покровительством — губернского жандармского управления и «руководящего» коллектива меньшевиков. Содержатель в голубом мундире довольствуется тайными, не очень частыми свиданиями. Меньшевики, наоборот, всячески афишируют свою связь. Освящают законным браком. Официально признают союз эсдековской партийной организацией.

Большевики устраивают рабочий суд над полицейскими социалистами Шендриковыми. В Народном доме на Балаханах. Главные обвинители: Алеша — Прокофий Джапаридзе и Макар — Виктор Ногин. Защита: два лидера меньшевиков, два самых въедливых краснобая — Сеид Девдариани и Андрей Вышинский. Этот особенно упивается своим красноречием. За ночь произносит пять речей. В пользу схваченных за руку фарисействующих провокаторов.

...С концертами приезжает Вера Федоровна Комиссаржевская. В ее артистическую уборную входит элегантный мужчина в великолепном светлом костюме. Заведующий строительством электростанции на Баиловском мысу Леонид Борисович Красин.

Вера Федоровна крайне удивлена. «Никогда я его прежде и не видела, и с первого слова: «Вы революционерка?» — я растерялась, ничего не могла ответить, только головой кивнула... «В таком случае сделайте вот что...» И таким тоном, словно я ему подчиненная...

...В Баку меня любят... Начальник жандармов — мой поклонник. У него в квартире мы и устроили концерт. Закрытый, только для богатых. Билеты не дешевле пятидесяти рублей... Я пела, читала, даже танцевала тарантеллу... Успех полный... В антракте мне поднесли букет... из сторублевок. Леонид Борисович, красивый, во фраке, понюхал букет, смеется: «Хорошо пахнет...» И мне на ухо: «Типографской краской пахнет!» ...Дело-то в том, что сбор с концерта шел на подпольную типографию. После концерта у меня в уборной — вся местная знать... Благодарят, целуют мне руки. Леонид Борисович стоит в сторонке, ухмыляется. Распорядитель вечера подносит мне на блюде выручку с концерта... Что-то несколько тысяч. Деньги перевязаны розовой ленточкой с бантом... Через несколько дней Леонид Борисович уехал с ними за границу — покупать типографию. Я ему говорю: «Вы бы мне хоть розовую ленточку оставили — на память!».. Смеется: «И так не забудете!»

...К управляющему нефтяной фирмой на Биби-

Эйбате Александру Ивановичу Манчо, сыну и внуку бессарабских помещиков-виноделов, заявляется некий господин с рекомендательным письмом от жандармского ротмистра Зайцева.

— На что вы претендуете? — любезно осведомляется Манчо.

— Что-нибудь понезаметнее. С правом... э... постоянного передвижения...

— Понимаю. Позабочусь! — твердо обнадеживает Александр Иванович.

И заботится, чтобы филер побыстрее испытал силу хорошо намазученных рабочих кулаков.

На промысел Манчо принимает только с согласия трех своих тайных советников. Комиссии, избранной рабочими.

...К градоначальнику полковнику Мартынову поступает «ходатайство» всесильного совета съезда нефтепромышленников — соблаговолите выдать рабочим профессиональным союзам свидетельство на право устройства открытых собраний на промыслах и заводах.

С чего бы все это? Объясняет Серго, обосновавшийся еще в марте на промыслах Шамси Асадуллаева в Романах и теперь ставший близким соседом Степана:

«...Перед нами опять встал вопрос о совещании с промышленниками... На собрании нашей фракции в одном из помещений Сабунчинской больницы (кажется, в прачечной) после довольно жарких дебатов нами было принято решение участвовать в совещании, при условии предоставления нам полной свободы печати, собраний, неприкосновенности личности, юридического признания профсоюзов, представительства рабочих и т. п. Это называлось совещание с гарантиями.

С таким решением мы пустились в рабочие массы. Меньшевики оказались одураченными. Выступать за гарантии они не решались, выступать против — значило бы без боя сдаться нефтепромышленникам. Так и не оказалось у них ясной и определенной

платформы, и вся компания прошла под нашим руководством.

...В конце 1907 года начались собрания уполномоченных промыслов и заводов для выработки требований к промышленникам. Громадное большинство выборных оказалось на нашей стороне. Председателем был выбран рабочий — большевик Тронов, и около двух недель, в то время как по всей России господствовала черная реакция, в Баку заседал настоящий рабочий парламент. В этом парламенте открыто разрабатывались все требования бакинских рабочих, развертывалась нашими ораторами вся программа-минимум».

Все вместе — ни на что не похожая, ни с чем не сравнимая бакинская действительность. Атмосфера, в которой всего легче дышать Степану. «Между прочим, я теперь совсем здоров — никаких головных болей уже нет, — пишет он давнему другу в Швейцарию. — И я выдерживаю много работы».

15 марта 1908 года в Народном доме большой съезд гостей. Первое представление кружка любителей. Спектакль «Лес» Островского. Уставший от хлопот, от бесконечных ожиданий в приемных градоначальника и полицеймейстера, почему-то дольше обычного тянувших с выдачей разрешения на вечер и распространение пригласительных билетов, заведующий домом Шаумян тихонько выскальзывает из зрительного зала.

Степан направляется в читальню. И там сегодня полно. Тартальщики, слесари, заводские рабочие, кочегары, матросы, инженеры. Весь цвет бакинской организации РСДРП. Собрались для «улаживания взаимоотношений». По жалобе меньшевиков, забаллотированных на городской конференции эсдеков. В качестве верховных арбитров на Каспий приехали Ной Николаевич Жордания и незнакомый Степану улыбчивый господин. Это Константин Данишевский. Слишком уставший от борьбы и споров, готовый со

всем примириться, но все еще считающий себя большевиком.

«Мы официальные представители Цека и сами будем говорить с бакинскими рабочими. И пусть никто не пытается нам препятствовать! — с ходу бросает Жордания. — Раскольники будут строго наказаны!»

Высокие гости совсем не по нутру Степану. Хорошо бы послать их подальше. Да что поделаешь!.. Во всяком случае, надо хорошенько позаботиться об их безопасности. Самым надежным кажется назначить делегатское собрание в Народном доме, в вечер премьеры.

Одного не берет во внимание осторожный Степан. Старательного провокатора «Фикуса». На промыслах в кругах эсдеков его знают в обличье смелого защитника справедливости, пожалуй, даже слишком резкого в своих суждениях и отзывах, Николая Степановича Ерикова. Где-то на дне деревянного баула у него еще припрятан паспорт на имя Давида Виссарионовича Бакрадзе. Для особой нужды...

Степан открывает собрание и сразу предоставляет слово Жордания. Тот обязательно хочет говорить первым.

Каждые десять минут кто-нибудь из членов комитета — большевиков отправляется на «разведку». Очередь Семена Жгенти. Он выходит на улицу — и сразу доносится крик. Приглушенный шум борьбы, свистки. Дверь в зрительный зал и два запасных выхода оказываются запертыми снаружи. Яснее ясного. Сейчас ворвутся жандармы и филеры. Оба высоких гостя бледны, растерянны. Жордания выхватывает из кармана длинный листок, торопливо подносит к нему спичку.

«Железный!» — в полный голос зовет Степан.

К дверям в зрительный зал без лишних слов подходит богатырь — кочегар с завода Хатисова. Наваливается плечом. Без особого труда высаживает. Делегаты смешиваются с остальной публикой, чинно наслаждавшейся спектаклем.

Наутро Жордания и его спутник покидают Баку. Говорят, что продолжать расследование не имеет смысла. Степан от души желает им доброго пути восвояси.

А жандармскому начальству приходится довольствоваться тем, что под нажимом градоначальника «недостаточно благонадежного» Шаумяна отстраняют от заведования Народным домом.

Вмешивается Бейбут Джеваншир, тот самый соученик по реальному училищу. Он успел окончить в Германии горную академию, совершенствовался в Англии. Становится весьма заметной фигурой среди нефтепромышленников. И по-старому дорожит дружбой со Степаном. Оба рады каждой встрече.

Хлопотами Джеваншира Степан получает место управляющего нефтепроводом фирмы Шибаева. Там же в заветных Балаханах. Должность по всем статьям подходящая для руководителя подпольного Бакинского комитета РСДРП. Сам бог велит управляющему нефтепроводом встречаться со множеством различных людей, решать всевозможные дела.

Кое-кто ведет «записи для себя». Эрнст Бирзниек-Упит, будущий народный писатель Латвии:

«Нефтепроводом Шибаева заведует некий Шаумян, Степан Георгиевич. А в моем заведовании нефтяные резервуары Бенкендорфа там же, по соседству. По делам службы нам приходится часто встречаться.

Живем мы каждый своей личной жизнью. Только меня удивляет то, что многие латыши (Бетлер, Ленцман, Петерсон и др.), приезжая из Риги, являются прямо к Шаумяну, находят у него приют и работу. Он ссудил им пятьсот или шестьсот рублей для приобретения прибора инженера Викстрема, позволяющего получать нефть из глубинных пластов, в горячке брошенных и теперь закрытых железными трубами. В результате вся латышская артель неплохо зарабатывает.

Замечаю, не только рабочие фирмы Шибаева любят Степана Георгиевича».

Надежда Николаевна Колесникова. Девушкой-курсисткой участвует в вооруженном восстании на Пресне в 1905 году. Бежит из зала суда. С того времени неуловима. В период «бурь и натиска» вызвана большевиками в Баку. Будущий комиссар просвещения Бакинской коммуны.

«Признанный руководитель нашей группы профессиональных революционеров — товарищ Степан. Среди рабочих он пользуется не только авторитетом, но и любовью. Но никогда у него нельзя заметить ни тени желания показать свое превосходство, подавить кого-нибудь своим авторитетом. С каждым товарищем, с каждым рабочим, какой бы он ни был национальности, каким бы ни был уровень его политического развития, Степан держится просто, дружески, терпеливо выслушивает то, что ему говорят, помогает советом, убеждает...»

Еще строки — без малого три десятилетия пролежавшие в серой папке со строгим грифом «Совершенно секретно». Их автор Раиса Моисеевна Окиншевич, участница Петербургского Союза борьбы за освобождение рабочего класса. С февраля 1904 года член Бакинского комитета партии.

«...На Балаханах кружок высшего типа ведет товарищ Степан. Он один из вожаков нашей бакинской и закавказской организаций. Почему-то о нем теперь мало или совсем не упоминают. А он руководил! Мы его называли мозгом организации, а Алешу, как я уже говорила, сердцем организации. Их вместе я видела много раз. Степан писал прокламации. Редактировал газеты. Он, и никто другой!»

Он, и никто другой, начистоту объясняет роль и силу рабочей массы. Объясняет постоянную обязанность беречь промыслы, беречь нефтяные богатства, пресекать любые попытки экономического террора. Его статья в «Бакинском пролетарии» 15 мая:

«Торжество реакции, торжество грубой азиатской силы в политике принесло свои скверные плоды во всех сферах народной жизни... Место широких и открытых выступлений пролетарских масс, место организованной классовой борьбы стремится занять

борьба отчаявшихся и изголодавшихся групп и отдельных личностей против отдельных личностей из буржуазии. Экспроприации и экономический террор обнаруживают тенденцию свить себе гнездо в рабочих массах.

И это вполне понятно: всегда и везде *белый* террор в политике вызывал против себя *красный* террор, всегда и везде «эксцессы *сверху*» в области экономической борьбы вызывают «эксцессы *снизу*».

Но рабочий класс сильно заинтересован в борьбе как против политического, так и против экономического террора.

...Еще менее может повредить буржуазии террор в экономической борьбе. Он ни на волос не может поколебать основ капиталистической эксплуатации. Он не страшен даже для отдельных капиталистов, которые все более и более устраняются от непосредственного руководства своими предприятиями. Много ли потеряют Нобели, Ротшильды, Манташевы оттого, что убьют какого-нибудь их управляющего? Они наймут себе новых — и все будет продолжаться по-старому.

...Вся сила современного рабочего движения, руководимого социал-демократией, заключается в том, что оно выдвигает на историческую сцену как борющуюся силу рабочие *массы*. Не благодеяния каких-либо сильных мира сего, не единоборство отдельных героев, жертвующих собою для блага всех, а именно борьба рабочих масс, вооружающихся светом социал-демократического сознания и организующихся как класс. А экономический террор — это и есть единоборство отдельных лиц, исключающее массовую борьбу. Экономический террор возвращает нас к старым формам борьбы несознательных рабочих, думавших, что причиной нищеты и угнетения является злая воля хозяина. Экономический террор и до сих пор направляет внимание отсталых слоев рабочих против отдельных лиц из буржуазии и сеет в рабочих ложную надежду, что, обуздывая особо свирепых из них, они могут улучшить свое рабское положение. Экономический террор отнимает у рабочих

подчас самых лучших товарищей, которые при большей сознательности могли бы оказывать громадную пользу организации пролетариата. Экономический террор сильнейшим образом... препятствует нам в деле создания массовых пролетарских организаций.

...Гнусная реакционная проповедь «непротивления злу насилием» всегда была чужда пролетариату[1]...

Мы осуждаем единичный террор не потому, что не хотим «терроризировать», то есть, в переводе, устрашать, приводить в ужас буржуазию. Наоборот, мы отвергаем единичный террор, именно как средство, недостаточно устрашающее буржуазию, а только дезорганизующее пролетариат. Мы отвергаем *единичный* террор во имя *массового* революционного террора.

Лозунг «долой *всякое* насилие» — это отказ от лучших традиций международной социал-демократии, это издевательство над геройской борьбой, которую вел российский пролетариат в только что пережитые революционные годы.

...Тем энергичнее должна взяться за борьбу против экономического террора революционная социал-демократия... Это необходимо в интересах *укрепления нашей пролетарской организации и усиления* нашей сознательной классовой борьбы».

С настойчивостью необыкновенной Степан бьет в одну точку. Пользуется каждым мало-мальски подходящим поводом, не пропускает ни одной возможности ответить на злорадные клики: «Прошли ваши золотые деньки». В «Бакинском пролетарии», «Гуд-

---

[1] Помета Степана Шаумяна на полях книги В. Зомбарта «Современный капитализм»: «Пусть нам укажут хотя бы один пример в истории, где один общественный класс действительно сделал бы принципиальные и значительные уступки вопреки своим собственным интересам, в альтруистических мотивах! Отдельные выдающиеся личности — да, но целые классы — нет. Если это так, то прав был великий реалист (Маркс), сказав: «Только силе принадлежит победа...»

ке», «Бакинском рабочем»[1], российской большевистской газете «Пролетарий» — статьи Степана: «Бойкотисты и совет уполномоченных», «К окончанию мирзоевской забастовки», «Рабочий вопрос в Государственной думе», «Балаханы. Манташевский локаут», «Рабочие организации и реакция», «Корреспонденция из Баку».

Общее для всех статей:

«В России настоящая реакция не может, понятно, продолжаться так долго и произвести такого опустошительного действия, как немецкая реакция после 1848 года. Во-первых, потому, что экономические отношения современной России представляют гораздо более высокоразвитую ступень. Во-вторых, русские рабочие обладают несравненно более высоким классовым сознанием и большей организованностью по сравнению с немецкими рабочими того времени.

---

[1] «Бакинский пролетарий» — большевистская газета.

Первый номер вышел 20 июня 1907 года как орган балаханской районной организации РСДРП (городской Бакинский комитет тогда еще был в руках меньшевиков).

По весьма оправданным предположениям Сурена Шаумяна редакция «Бакинского пролетария» — П. Джапаридзе, Н. Колесникова, Б. Мдивани, С. Спандарян, И. Сталин, С. Шаумян — получила на расходы по изданию пятнадцать тысяч рублей из двухсот пятидесяти тысяч, экспроприированных боевой дружиной Камо в Тифлисе. Так или иначе, для печатания газеты была оборудована в доме № 66 по Бондарной улице (ныне имени Георгия Димитрова) большая подпольная типография.

На пятом номере в июле 1908 года издание «Бакинского пролетария» властями прервано. Второе рождение газеты — 1 августа 1909 года. И в том же августе — 27-го числа — окончательное запрещение.

«Гудок» — еженедельный орган Союза нефтепромышленных рабочих. Выходил под редакцией Шитикова — Самарцева. Первый номер отпечатан 12 августа 1907 года. Номер 35-й за 1908 год вышел дважды: от девятого июня — большевистский и от двадцать шестого июля — меньшевистский. С последующих номеров «Гудок» перешел в руки ликвидаторов. Большевики вышли из состава редакции.

«Бакинский рабочий» — большевистская газета Выходила в 1906 году нелегально и в 1908-м — легально. В октябре того же года запрещена за «вредное направление». В апреле 1917 года издание «Бакинского рабочего» возобновляется. Снова под редакцией Степана Шаумяна.

Задача рабочих организаций в настоящее время заключается именно в том, чтобы стремиться изжить эту реакцию по возможности скорее.

...Это все недешево будет стоить, понятно, передовым, сознательным товарищам, на которых падет тяжесть работы, но тот высокий идеал, которым мы вдохновляемся, те великие освободительные задачи, которые стоят перед нами и властно требуют своего разрешения, должны двигать нас на неустанную работу, на непрерывную борьбу.

...Мы закладываем в настоящий момент фундамент будущего; когда мы укрепим и расширим свои организации, тогда никакая реакция не будет нам страшна...

Тогда мы смело и уверенно будем идти вперед, к новым битвам, к новым победам — вплоть до полного разрушения сковывающих нас цепей рабства».

И «мазутная армия», как Степан называет своих бакинцев, действует. В майской политической стачке участвует более пятидесяти тысяч человек. Одна забастовка сменяется другой. За неполный год после третьеиюньского «переворота» и повсеместного торжества реакции в Баку 281 политическая забастовка. Ленин узнает руку своих кавказских друзей — Степана, Алеши, Серго, Сурена. «...Во главе губерний с значительным числом стачечников стоит Бакинская с 47 тыс. стачечников, — отмечает Ильич. — Последние могикане массовой политической стачки!»

10

Вторая половина мая, помимо обычных штормовых ветров, давших название городу на Каспии («Бад» — по-персидски «город», «ку» — «ветер», Баку — город ветров), гроз и теплых ливневых дождей, приносит Степану еще весьма неприятное письмо от Миха Цхакая.

Друзья давно не видятся. Между ними тысячи верст. Миха в Женеве. Не по своей воле. В Тифли-

се он долго и трудно болел. Врачи не слишком обнадеживали: «Крайнее нервное истощение. Потеря сил. Ничто не исключено... Увы, все мы смертны!..» Узнал Владимир Ильич. Добыл надежный паспорт на имя таммерфорского художника Гуго Антона Рикканена, денег на дорогу. Настоял, чтобы Цхакая уехал за границу. Побыстрее!

Окольными путями, через третьих лиц доходили слухи, Миха чувствует себя лучше, бывает в редакции «Пролетария», основал «Идейную группу большевиков». И в мае — сюрприз. В руках Степана объемистое письмо. Четыре листа почтовой бумаги, исписанные мелким, трудно разборчивым почерком Цхакая. Больно читать. Тяжелый камень наваливается на сердце.

Миха, откровенно гордившийся своей близостью к Ильичу, постоянным совпадением их взглядов, резко меняет свое отношение. Он полон негодования и полемического задора. В раздражении и кавказской запальчивости несет оскорбительную дичь: Ленин «правый», «ведет правобундовскую линию»... Спасение партии в немедленном и полном отказе от придуманных Лениным, так называемых «легальных возможностей». Истинные большевики-де должны быть «твердокаменными, несгибаемыми, всегда готовыми взяться за оружие». Им нечего делать в безнадежно реакционной Государственной думе — социал-демократическую фракцию необходимо срочно отозвать. Им тем более неприлично участвовать во всяких профсоюзах, кооперативах, обществах... Бой всему легальному и полулегальному! Осуждение «правому Ленину»!..

Письмо вроде бы сугубо личное, по-дружески доверительное. Тут же невзначай... проект резолюции, «которую ты, дорогой Степан, от своего имени предложишь бакинской организации. Употреби все свое влияние. Партия в большой опасности...»

Степан всматривается в нервный росчерк Миха. Стискивает листы в кулаке. Почему-то вспоминает давно услышанное в Берлине меткое замечание — кажется, оно принадлежит Георгу Лихтенбергу:

«Самая опасная ложь — это истины, слегка извращенные».

С первой страницы до последней мелькает фамилия Максимова. «Блестящий философский труд Максимова... Максимов, Базаров и Луначарский — это такое созвездие... Максимов справедливо требует... Я заверил Максимова, что мои бакинские товарищи...»

«Максимов, Максимов?» Да это же Богданов[1], Александр Александрович! Становится понятным, откуда ветер, сбивший с толку Миха.

Было время, с немалым интересом читал Степан книгу совсем неизвестного автора Богданова А. А. «Основные элементы исторического взгляда на природу». Потом в пятом году услышал от Камо восторженный рассказ: «Леонид Борисович Красин познакомил меня с большим человеком. Вместе они военно-техническим центром большевиков руководят. Понимаешь, все человек знает, все умеет. Ученые книги пишет, бомбы делает, порох, динамит... Больных лечит, знаешь, какой доктор!» Под большим секретом Камо назвал фамилию — Богданов.

Разговор о Богданове зашел и в прошлом году в Лондоне. С Лениным. Ильич как-то слишком охотно согласился со Степаном, что Александр Александрович превосходно справился с поручением фракции большевиков. В деликатной роли содокладчика Мартова он с большим достоинством и полной убедительностью продемонстрировал съезду,

---

[1] Богданов — наиболее известный и постоянный псевдоним А. А. Малиновского. Родился в 1873 году. Русский социал-демократ, философ, экономист, по профессии врач. Философские работы Богданова подверглись критике В. И. Ленина «Физическое» и «психическое» Богданов рассматривал как элементы единого опыта: отрицал диалектику, заменяя ее теорией «равновесия»; отстаивал тезис о тождестве общественного бытия и общественного сознания.

В годы реакции встал на позиции ревизионизма. Впоследствии отошел от политической деятельности, посвятил себя научной работе. Организатор Института переливания крови. Погиб в Москве в 1928 году, проводя на себе смелый научный эксперимент.

что Центральный Комитет, прибранный к рукам меньшевиками, ничего путного не делал, мешал и тормозил.

Чуть погодя Владимир Ильич добавил:

— Мы окончательно сошлись с Богдановым, как беки, осенью 1904 года. Совместно провели в революцию ту тактику большевизма, которая, по моему глубочайшему убеждению, была единственной правильной... Сейчас, батенька, многое меняется. Наше молчаливое соглашение, устраняющее философию, как нейтральную область, дольше никак невозможно.

В тюрьме в начале 1906 года Богданов написал еще одну вещь — кажется, третий выпуск «Эмпириомонизма». Летом он мне презентовал ее, и я засел внимательно за нее. Прочитав, озлился и взбесился необычайно: для меня еще яснее стало, что он идет архиневерным путем, не марксистским. Я написал ему тогда «объяснение в любви», письмецо по философии в размере трех тетрадок. Его ясные, популярные, превосходно написанные работы убеждают меня окончательно в его неправоте по существу и в правоте Плеханова. Сии тетрадочки показал я некоторым друзьям (Луначарскому в том числе) и подумывал было напечатать под заглавием: «Заметки рядового марксиста о философии», но не собрался. Жалею!..

Степан, уловив в голосе Ильича тревогу, твердо произнес:

— Опасения мне кажутся сильно преувеличенными. Поругаетесь немного, и этим дело кончится, а положительный результат будет, очищение от новых «измов», желающих быть дополнением марксизма.

Ленин, к удивлению Степана, промолчал. Тогда в свет еще не вышел сборник статей Базарова, Бермана, Богданова, Гельфанда, Луначарского, Суворова, Юшкевича. Сборник, метко названный Ильичем «Очерками против философии марксизма». Марксистскому мировоззрению противопоставляются в наукообразном облачении идеализм и мистика.

Письмо Миха не оставляет сомнения еще в одном,

пожалуй, самом существенном для позиции Степана. Сколачивая против «правого Ленина» блок отзовистов, ультиматистов, «богостроителей» — всех «ликвидаторов наизнанку», Богданов уподобляет революционную социал-демократию улитке-отшельнице. Отрывает Антея от матери земли, рабочую партию от масс. Антей, повисший в воздухе, — партия с перерубленными корнями никогда не найдет сил свершить победоносную революцию.

И Миха, «вербующий» своих друзей и питомцев в «ликвидаторы наизнанку»! Садовник, во внезапном затмении вырубающий деревья, которым он отдал свои лучшие годы, силы, здоровье... Совесть, именно совесть требует, чтобы письмо получило огласку. Содержание его должны узнать товарищи, томящиеся в тюрьме на Баиловском мысу. И Ленин. В первую очередь Ленин.

Если заблуждение Цхакая временное, навеянное обаянием Богданова и Луначарского, то, избавившись от лукавого, он поймет неизбежность причиненной ему в пору лечения боли. Перевязка, дезинфекция раны, прижигание гноящейся поверхности всегда мучительны, но от этого не меньше благодарность врачу и хирургическим сестрам. Ну, а если разрыв бесповоротный и суждено пережить еще и этот удар, что ж... Безнадежно пораженное, мертвое — отсекают начисто. Политическая борьба имеет неумолимые законы.

Двадцать седьмого июля Стёпан шлет свой первый ответ Миха. Прямой и доброжелательный.

«...Я дорожил особенно мнением арестованных товарищей, послал им твое письмо с изложением своего мнения и просил их высказаться. Они мне ответили письмом с семью подписями...

Вопрос о мандате[1] официально еще не решен, но мы все склонны послать его Ильичу. В этом, конечно, ты не усмотришь ничего оскорбительного для

[1] Миха Цхакая хлопотал о мандате для себя на Пятую (Общероссийскую) конференцию РСДРП По настоянию Степана Шаумяна бакинские большевики в августе 1908 года своим делегатом избрали В. И Ленина.

себя, отлично зная, что это диктуется нам принципиальными мотивами. Может быть, мы неправильно оцениваем намечающиеся у вас течения, но мы твердо убеждены в правильности позиции Ильича и относимся... с большим недоверием к эмпириомонизму и пр. Нужно сказать, что и мы тут стали усиленно интересоваться философией, читаем и перечитываем Дицгена, Плеханова, Богданова и пр.

...Нам кажется больше непонятным явлением в партии так называемый «отзовизм». Кажется прямо невероятным и крайне обидным, что подобные взгляды, подобное мышление может иметь место в рядах серьезной с.-д. партии. Нам не верится, что «отзовисты» могли получить на Московской конференции 14 голосов против 18. Это было бы буквальным «оскудением центра».

После подписи «Жму тебе дружески руку. Степан» еще приписка: «Передай Ильичу наш привет и сообщи о нашем отношении к занимающим вас вопросам. Мы хотели бы переписываться с ним, пришли нам его адрес».

Второе письмо Степана к Миха без даты. Написано карандашом, явно не в домашней обстановке. «Пишу... при таких условиях, где нет чернил и лучшей бумаги». Две вешки рукою Шаумяна все же поставлены.

«Скверное впечатление произвел на нас начавшийся «раскол» заграничных групп (я говорю о приложении к № 36 «Пролетария»). Как это напоминает время после *второго* съезда! Но эта публика сильно ошибается, думая, что она оттуда будет *влиять* на жизнь партии этими скандалами. Старые времена уже прошли».

Тридцать шестой номер «Пролетария» печатается в самом начале октября. И без особых происшествий, обычным путем через Персию, добирается до Баку на исходе второй недели. Значит, двадцатые числа октября? Слишком рано. Степан еще не может написать:

«Бакинский рабочий» на 17—18-м номере приостановлен градоначальником за *вредное* направ-

ление. Хлопочем о новой газете. Будет у нас скоро и армянская газета.

Обещанные статьи оттуда пусть высылают не откладывая — газета у нас будет скоро».

«Делом» «Бакинского рабочего» власти занимаются весь октябрь. Десятого числа Бакинское губернское жандармское управление почтительно доносит начальнику особого отдела при наместнике Кавказа: «Представляя при сем экземпляры газеты «Бакинский рабочий» («Пролетарий»?), имеем честь донести, что по имеющимся агентурным сведениям во главе бакинской социал-демократической организации, фракции «большинства», стоит *Степан Шаумян*, служащий в совете нефтепромышленников.

Названный Шаумян хранит нелегальную партийную литературу и имеет непосредственное сношение с лицами, работающими в нелегальной типографии, один из работников которой бывает у Шаумяна на квартире, обыкновенно около 6 часов утра, по делам последней.

Типография организации находится не в гор. Баку, а в предместьях Баилова».

Двадцать пятого в Тифлис по телеграфу посылается подтверждение: «Бакинский рабочий» тире выходящая в Баку рабочая газета под официальным редакторством безграмотного газетного разносчика точка Действительным редактором является Степан Шаумян секретарь Бакинского комитета эсде точка Газета безусловно орган большевиков».

И наконец, в последний день октября градоначальник полковник Мартынов подмахивает доставленный жандармским начальством приказ о запрещении газеты.

По всему получается самая ранняя дата письма — ноябрь.

«Дорогой Миха! Чувствую большую неловкость, если не сказать более, приступая к письму, но прошу верить, что не леность и не «малодушие», как ты предполагаешь, причиной такому долгому молчанию. Могу уверить тебя, как уважаемого старшего товарища (думаю, тебе приятно будет слышать это), что

мы, твои друзья, стоим бодро на своих постах и работаем, ни перед чем не останавливаясь. Условия работы, дорогой Миха, стали ужасно трудными: нас буквально распинают, оплевывают со всех сторон, унижают... Но мы не унываем. Вера в будущее и любовь к нашему делу вселяют в нас энергию неиссякаемую... И вот, оставшись в таком малом числе, перед лицом столь трудной и сложной работы, какова наша работа здесь, мы страшно завалены всякими делами и заботами и оказываемся вопреки нашему желанию недобросовестными по отношению к некоторым товарищам, вернее по отношению к некоторым своим функциям...

К сожалению, нет никакой возможности при наших условиях серьезно заняться философией и установить окончательно свое мнение. Три тома эмпириомонизма у меня, во всяком случае, все время на столе, и по мере возможности читаю их. Читал я его «Из психологии общества». До сих пор мое мнение крайне отрицательное. Его положение тождества бытия и сознания, по-моему, разрушает всю систему Маркса...

Каковы теперь ваши отношения к Ильичу? В первом большом письме ты сильно ополчился на него, и то письмо вообще произвело на нас с этой стороны (со стороны[1]... фракционных разногласий) очень плохое впечатление. Мы были всецело на стороне Ильича.

Во втором письме ты уже писал совсем в другом духе. ...Еще одно объяснение. Ты меня упрекал «в несоблюдении элементарных правил деликатности по отношению к своему товарищу корреспонденту», так как я сообщил содержимое твоего письма другим товарищам. Во-первых, дорогой Миха, у тебя не было определенного требования ни одной душе не показывать письма, а во-вторых, содержимое письма было таково, что я не вправе был скрывать его от ближайших товарищей. Я думаю, что от этого ничего плохого не вышло...»

---

[1] Одно слово прочесть невозможно.

Ничего более резкого писать не нужно. Для заживления ран одинаково не пригодны и соль и сироп...

Ожидания, ожидания! Долгая зима трудных ожиданий.

В Париже терзается, изнемогает Ленин. Забрасывает письмами сестру Анну Ильиничну. «Важно, чтобы книга вышла скорее. У меня связаны с ее выходом не только литературные, но и серьезные политические обязательства».

Этого как раз и нельзя говорить владельцу московского издательства «Звено» Л. Крумбюгелю. У него и так поджилки трясутся, не влететь бы в слишком явную политику. Потому и тянет, откладывает с рождества на троицу. «Небось все другие издатели от ворот поворот указали, — рассуждает Крумбюгель. — Предпочитают модного сочинителя господина Арцыбашева. Еще какие-нибудь постельные откровения вчерашнего революционера похабника Санина... Безопасно и денежно!»

— Упаси бог, никакой политики! — в два голоса уверяют Анна Ильинична и Иван Иванович Скворцов-Степанов, весьма почитаемый Крумбюгелем литератор, историк, прекрасный... конспиратор-большевик. — Чистая философия. Само название книги не оставляет сомнений — «Материализм и эмпириокритицизм. Заметки об одной реакционной философии».

Крумбюгель машет рукой.

— Знаю я вас, Иван Иванович! Питаю слабость...

В Баку и того сложнее. Напрасно Степан так уверенно писал Миха: «Обещанные статьи оттуда пусть высылают не откладывая — газета у нас будет скоро». Ох, как не скоро!

Единственно, что Кавказский комитет по делам печати «полагал бы возможным разрешить» — это «тонкий журнал с чисто просветительными целями и названием, не вызывающим нежелательных толков». Наместник «со своей стороны возражений не усматривает». 17 февраля 1909 года в продаже появляется новый журнал «Волна». Каспий — море неспокой-

ное, волной никого не удивишь. Вполне свое — бакинское!

И цели чисто просветительные выявляются. Во втором номере статья некоего «С.»: «Новое откровение Л. Мартова». Ротмистр Зайцев журнальчик сразу в досье Шаумяна С. Г. укладывает. Самое что ни есть вещественное доказательство. И очень ко времени.

«Вопрос о дальнейшей судьбе русского освободительного движения, вопрос о так называемых «перспективах», о роли различных классов в дальнейшей политической эволюции России живо дебатируется в последнее время на страницах пролетарской печати. Этому же вопросу посвящена статья Л. Мартова под заглавием «Левение» буржуазии» в новом московском журнале «Возрождение». Статья эта является, так сказать, «программной»: автор делает в ней попытку дать краткую оценку прошлых взглядов своих единомышленников с точки зрения того, что «показала жизнь», и намечает новые принципы, из которых пролетариат должен, по его мнению, исходить в своей дальнейшей борьбе за раскрепощение России.

...Мартов ставит вопрос: «левеет или не левеет русская буржуазия?» Мы знаем уже, что он видит пока только «огоньки» и «дым», но он крепко верит, что она будет все «леветь» и, наконец, она «резко противопоставит себя режиму 3 июня». И на этой вере, покоящейся, понятно, все на той же формуле: раз переворот буржуазный, то буржуазия и т. д., Мартов строит все свои «перспективы».

Для тех, кто умеет реально мыслить, кто понял смысл пережитых событий от 9 января 1905 года до 3 июня 1907 года, кто наблюдает сейчас деятельность сотен буржуазных организаций, опутавших Россию, всех этих трестов, синдикатов, биржевых комитетов, всех этих съездов нефтепромышленников, горнопромышленников, лесопромышленников, сахарозаводчиков, стеклозаводчиков, льнопромышленников, железозаводчиков и пр. и пр. — имена же их ты, господи, веси!.. — для тех должен показаться жал-

ким и смешным вопрос: «левеет или не левеет буржуазия?»

Всякий рабочий чувствует ежедневно на своей спине, как это «левеет» наша буржуазия, и он хорошо поймет цену тому взгляду, который рекомендует подождать, когда буржуазия окончательно «полевеет». «Жди у моря погоды» — вот что ответит Мартову с горькой усмешкой всякий мало-мальски думающий, сознательный рабочий...

Для нас вопрос стоит совсем иначе. Что русская промышленная буржуазия безнадежно контрреволюционна и что она никогда не «противопоставит себя резко режиму 3 июня», это вне всяких сомнений. «В рамках от абсолютной монархии до демократической республики» она остановилась на первой ступени, и все ее усилия заключаются в том, чтобы приспособить абсолютную монархию к своим интересам.

Для нас вопрос заключается в том, удастся ли буржуазии и правительству осуществить поставленную себе цель? И мы думаем: нет, не удастся. Об этом говорит анализ объективных условий нашего освободительного движения и вся современная действительность. Но об этом мы поговорим подробнее в следующей статье».

Зря Степан берет грех на душу — обещает в следующей статье что-то еще дополнить, разъяснить. Несбыточное и совсем лишнее. Все настолько ясно и убедительно, что журнал в день выхода... конфискован. Запрещен навсегда! Даже без вмешательства Тифлиса. Распоряжением здешнего губернатора. В самом что ни есть пожарном порядке.

Степан готов начать новые хлопоты. По бакинскому календарю уже весенние хлопоты — опять о рабочей газете. Да опережает его ротмистр Зайцев, только что принявший на себя весьма лестные обязанности начальника управления. Доверие департамента полиции необходимо оправдать. И на ранней заре, утомленный ночным обыском, ротмистр вдохновенно строчит:

«Постановление № 2280.

1909 года мая 1-го дня, г. Баку. Я, вр. и д. начальника Бакинского губернского жандармского управления, отдельного корпуса жандармов ротмистр Зайцев, ввиду имеющихся сведений в управлении о преступной деятельности Шаумяна Степана Георгиевича и руководствуясь ст. 21 Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия, постановил: поименованного *Шаумяна* заключить под стражу в бакинскую тюрьму, впредь до разъяснения обстоятельств дела.

Копию сего постановления препроводить господину прокурору Бакинского окружного суда, господину бакинскому градоначальнику и в место заключения, о чем объявить задержанному».

Рукой Степана четко приписано:

«Постановление это мне объявлено. Шаумян».

Для первых «расспросов» — чины особого корпуса жандармов строго соблюдают этикет, допросы, развязывание языков — это со временем. Так, для первых деликатных «расспросов» назначен адъютант управления поручик Подольский. В его обществе Степан и проводит весь первомайский день. Хотя при всем желании их многочасовое, обстоятельное сидение никак не назовешь оживленным разговором. Большая часть припасенных поручиком, аккуратно пронумерованных листов остается девственно чистой. Не по злой воле. Просто по размышлению «поименованного Шаумяна» в его жизни слишком мало достойного попасть в протокол номер восемь.

Ну, что сказать?

«Зовут меня Степан Георгиевич Шаумян. От роду 28. Вероисповедания — армяно-григорианского. Происхождение и народность — мещанин Тифлисской губернии.

Занятие — заведывающий нефтепроводом Шибаева. Средства к жизни — личный труд. Экономическое положение родителей: ничего не имеют...

Был ли за границей, где и когда именно — в Берлине.

На предложенные мне вопросы отвечаю: живу я

в Баку уже более года. Служу я в Балаханах. Принадлежащим себя к какой бы то ни было политической партии не считаю. За что арестован — не знаю. Предъявляемые мне вами брошюры, газеты и письма на армянском языке я признаю за свои. Письма эти принадлежат моей жене. Тетрадь моя. Лист бумаги на русском языке не мой. Содержание этого листка мне совершенно не знакомо, а на его заглавие «Новая разновидность охранников» я обратил внимание лишь при обыске.

Больше сообщить ничего не имею.

Собственноручные подписи:

Степан Шаумян.

Поручик Подольский».

Приложение. Тоже пустое.

«К показанному выше добавляю, что в 1906/7 уч. году я состоял учителем Тифл. 4-й мужской гимназии.

Газеты «Рабочий листок» я не издавал и на съезде в Лондоне не участвовал».

Под всем строка, написанная женской рукой, непослушными буквами: «Паспорт мужа получила 27 мая 1909 г. Ек. Шаумян».

Дальше все развивается как бы в двух планах. Господин Зайцев — лицо более чем официальное — совершенно раздваивается. Ротмистр, хорошо натасканный за годы ревностной службы, роет носом землю, добывает категорические улики против Шаумяна. Излияния провокаторов — у Фикуса уже есть напарник, перлюстрированные полицией письма, донесения и справки, в изобилии доставленные из Тифлисского жандармского управления, Тифлисского охранного отделения, Комитета по делам печати, Особого отдела при наместнике. Все прослежено год за годом и день за днем:

«8 апреля 1904 года прибыл в Тифлис из Берлина... Вошел в связь с деятелями местной социал-демократической организации... Принимал участие в устройстве демонстраций... Говорил речи противоправительственного характера... Призывал взять в руки оружие... По агентурным сведениям 1906 года вел

агитацию среди рабочих, учащихся и войск... Был выставлен кандидатом в Государственную думу от Тифлисской социал-демократической организации... По данным 1907 года агитировал среди рабочих завода Яралова, которых собирал периодически на сходки... В воскресные дни в Народном доме имени Зубалова читал лекции агитационного характера... Входил в состав литературного бюро большевиков... В мае месяце того же 1907 года участвовал на V социал-демократическом съезде, занимал позиции крайне нетерпимые... В бытность в Тифлисе издавал закрытые за вредное направление газеты...»

Все свои необыкновенно ценные сведения ротмистр бережно укладывает в служебный сейф. Снимает мундир. Выходит из кабинета. И... До чего мил и предупредителен новый знакомый Бейбута Джеваншира господин Зайцев. Поладить им совсем не трудно. Джеваншир предлагает пятьсот рублей. Зайцев желает тысячу. Оба великодушно идут на уступки.

— Вот вам! — Бейбут кладет на стол увесистый мешочек. — Семьдесят червонцев... Чуть подымает голос. — Для первого раза достаточно!

Рука Зайцева энергично пододвигает мешочек к себе. Он оценивает многообещающий смысл, вложенный в слова «для первого раза».

— Не смею противиться... во имя будущих контактов!.. Разрешите полюбопытствовать, кем, собственно, вам приходится сей Шаумян? Не улавливаю вашего интереса в нашем деле.

— Считайте, прихоть богатого человека...

— Простите, предпочитаю думать, дальновидный расчет.

— Не стану разочаровывать. — Джеваншир подымается, давая понять, что приятный разговор счастливо закончен.

Через двадцать дней начальник бакинской тюрьмы получает приказ: «Шаумова (Шаумяна) С. Г. из-под стражи освободить, с отобранием подписки о невыезде». Вслед повестки — «явиться в губернское жандармское управление 8 июня... 13 июня...» Раз-

двоенный ротмистр Зайцев стягивает себя мундиром. Составляет протокол номер десять.

«..допрашивал обвиняемого, который в дополнение своих объяснений от 1 мая и 8 июня с. г. показал:

Зовут меня: *Степан Георгиевич Шаумян.*

...Будучи в Берлине, я не вращался среди эмигрантов-революционеров. При мне в Берлине никаких эмигрантов не было... Из деятелей Тифлисск. соц.-дем. организации никого не знаю и в связь с ними не вступал. Ни в каких демонстрациях в Тифлисе не принимал участия. В 1905 году я в России вообще не был. В апреле 1906 г. я возвратился из Берлина в Тифлис, агитации среди рабочих, учащихся и войска не вел, а состоял учителем в IV мужской гимназии на Авлабаре до конца учебного (1906/07) года. Сведения о моей личности может дать директор гимназии Я. С. Гуладзе. Я ни к какой политической партии не принадлежал и кандидатом в Госуд. думу от Тифлисской соц-дем. не был выставлен. На Лондонском съезде Рос. Соц-дем. партии я не мог быть, так как с 1906 года я жил безвыездно в Тифлисе и затем в Баку.

...Я полагаю, что предъявленное мне обвинение в принадлежности к соц.-демокр. организации и другие — недоразумение или донос кого-либо на меня по злобе. Отобранные у меня при обыске брошюры взяты у меня из моей библиотеки. Литературу эту я имел для собственного чтения по одному экземпляру каждого наименования. Все брошюры легальные, приобретенные мною в книжных магазинах».

Конца волынки не предвидится. По вине магических золотых кружочков Бейбута Джеваншира! Правда, в половине декабря прибывший из департамента полиции полковник строжайше приказывает: «Переписку считать законченной. Направить ее в порядке 33 ст. Положения о государственной охране бакинскому градоначальнику на предмет воспрещения поименованному Шаумяну проживания в пределах градоначальства на все время действия усиленной и чрезвычайной охраны».

Тридцатого декабря градоначальник желанное постановление выносит. И ничего. Официально высланный из Баку Шаумян благополучно остается в Балаханах на прежней должности заведующего нефтепроводом. Живет в прежней квартире.

Баку есть Баку. Нефтяной ад и рай, без которых Степан не может. Не мыслим.

Ну, а за пределами Баку...

«У нас дела печальны, — делится Владимир Ильич с сестрой. — Spaltung (раскол), верно, будет...»

В уютной вилле на острове Капри Богданов, Алексинский, Луначарский закладывают основы новой фракции. Под их руководством работает Высшая социал-демократическая пропагандистская школа для рабочих. Ленин возмущен безмерно. «Нет ничего вреднее миндальничания теперь. *Полный разрыв* и война *сильнее, чем с меньшевиками*».

Тяжелая, мучительная необходимость. Борьба происходит между людьми, недавно еще выступавшими рука об руку. «...И многим казалось, — резонно замечает Надежда Константиновна, — что все дело в неуживчивости Ленина, в его резкости, в его плохом характере. А на деле шла борьба за существование партии, за выдержанность ее линии, за правильность ее тактики. Резкость форм полемики диктовалась также запутанностью вопросов... Пришел раз Ильич после каких-то разговоров с отзовистами домой, лица на нем нет, язык даже черный какой-то стал».

В разгар непогоды — яркий солнечный луч. Из России. В скромнейшем облике тючка, зашитого в рогожу. Первые экземпляры книги «Материализм и эмпириокритицизм». Издание Крумбюгеля. Добилась-таки Анна Ильинична!

Ильич держит книгу в руках. Улыбается. Маленький курьез издателя. В последнюю минуту он заменил твердый переплет мягкой тонкой обложкой. Динамит в мягкой упаковке!.. Теперь уж совсем скоро. Дата назначена. Товарищи из России в пути.

Восьмого июня, в тот самый день, когда Степан

на допросе с хорошо продуманной непосредственностью плетет небылицы ротмистру Зайцеву. Восьмого июня в Париже открывается расширенное совещание редакции «Пролетария», по сути дела большевистского центра. Совещание, на ход которого сразу ощутимо влияют бакинские дела, переписка Степана с Миха Цхакая, мандат на конференцию, подчеркнуто отданный Ильичу.

Ленин на заседании девятого числа:

«История раскола, рассказанная Максимовым, — курьезна. В бумажках Максимова ничего не говорится о центре, но письмо Михи теперь доказано. В этом письме говорилось, что Ленин ведет правобундовскую линию. Это есть в документах. Миха писал то, что говорит теперь Максимов. Вот она, идея центра. И это письмо нам прислали наши кавказские друзья, которые передали мандат правому Ильичу...»

Ограничений для ораторов — никаких. Дебаты — полторы недели. Тройственный союз отзовистов, ультиматистов, «богостроителей» в свою поддержку получает ровно два голоса: самого Богданова и члена ЦК Марата (В. Шанцера). Осуждение полное, категорическое. Школу на Капри совещание характеризует как новый центр откалывающейся от большевиков фракции. У последней черты Богданов философски заявляет, что воля расширенной редакции не существенна, никаким требованиям и резолюциям он не подчинится. Предрешает свое исключение.

— Оставьте! Не трогайте Максимова (полупрозрачное прикрытие Богданова в документах, письмах, сообщениях русской и зарубежной прессы)!.. БК полагает, что единство фракции, а значит, и совместная работа обеих частей редакции является возможной и необходимой. Ввиду этого БК не согласен с организационной политикой большинства редакции и протестует против всяких «изверганий из нашей среды» сторонников меньшинства редакции. БК равно протестует против поведения тов. Максимова, заявившего о неподчинении решениям редакции и

тем давшего новый повод для новых, более сильных трений.

«БК» расшифровать совсем легко — Бакинский комитет. Несравненно труднее или просто невозможно понять совсем не *бакинское* жалостливое разноголосье. За Ленина и против Ленина, в осуждение Богданова и в защиту Богданова. Всё в один присест второго августа.

Запоздалая уступка Миха? Другие люди в комитете? Сам Степан меняет курс?

Ответ — десятилетия спустя. Тиражом в сотни тысяч экземпляров. На резолюцию заявлено бесспорное авторское право. Резолюция занимает принадлежащее ей место во втором томе сочинений Сталина. И еще очень радующее друзей Степана разъяснение в «биографической хронике» того же тома — заседанием Бакинского комитета второго августа (да и вообще все лето, всю осень) руководил автор резолюции.

Совсем достоверно, что оба в эту пору живут в Балаханах. И Степан и бежавший из сольвычегодской ссылки Коба — теперь стараниями Шаумяна у него паспорт на имя Захара Григоряна Меликянца.

Степан, как никогда, окружен далеко идущим вниманием полиции — тайная слежка, не менее регулярные вызовы на допросы. Без нужды подставлять голову, тем более рисковать безопасностью товарищей не в обычае Степана. На время приходится отказаться от многих привычных занятий, встреч. Держаться по возможности в тени. С хвостом, с постоянным своим спутником — филером на заседание Бакинского комитета не придешь. Отсутствующего всегда кто-то заменяет. С пользой для дела или нет — вопрос другой.

В сорок девятом номере газеты «Пролетарий» полностью дается вся резолюция БК. К ней строки от редакции:

«Ничего, кроме того, что бакинские товарищи сказали об отзовистах, ультиматистах и богостроите-

лях, не сказали и мы. Бакинские товарищи сами «протестуют против поведения тов. Максимова, заявившего о неподчинении решениям редакции». Но если бы т. Максимов подчинился постановлениям органа большевиков и не начал бы целой дезорганизаторской кампании против большевистской фракции, никакого «откола» и не было бы. «Неподчинение» же и есть, конечно, «откол».

Чтобы заблудившийся в трех соснах БК смог благополучно выбраться на путь-дорогу, «Пролетарий» рекомендует ознакомиться с напечатанной чуть раньше «Беседой с петербургскими большевиками». В «Беседе» сказано уж куда ясней: «...мы безнадежно осрамили бы большевизм и нанесли бы непоправимый удар партийному делу, если бы не отмежевались от Максимова».

Известно, никто так не глух, как не желающий слышать. 12 ноября в редакцию «Пролетария» адресовано новое письмо из Баку. Личное мнение Кобы. Его полное несогласие с организационной политикой большевистского центра. Она-де без нужды отталкивает «ультиматистски свихнувшихся практиков», а их круг не малочисленный [1].

---

[1] Письмо впервые опубликовано в «Очерках истории Коммунистической партии Азербайджана». Баку, 1963 г. Хранится в Центральном партийном архиве ИМЛ, фонд 3, опись 1. Там же удивительно противоречивые письма Кобы относительно борьбы Ленина с группой Богданова, Базарова, Луначарского. Признавая эмпириокритицизм (махизм) в целом неприемлемым для пролетарской партии, автор писем вместе с тем находит в махизме «хорошие стороны», считает Маха и Авенариуса, подобно Гольбаху и Гегелю, «людьми науки» в вопросах философии. Предлагает развивать и конкретизировать диалектический материализм «в духе И. Дицгена, усваивая попутно хорошие стороны «махизма».

В письме, посланном М. Торошелидзе спустя некоторое время после выхода в свет книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», Коба называет ее «единственной в своем роде сводкой положений философии (гносеологии) материализма». А несколькими строками ниже: «Как тебе понравилась новая книга Богданова? По-моему, некоторые *отдельные* промахи Ильича очень метко и правильно отмечены. Правильно также указание на то, что материализм Ильича во многом отличается

А что с Миха?

Какое-то недолгое время он еще старается примирить непримиримое. Уверяет Владимира Ильича:

— Я в принципе тоже против отзовизма и богостроительства. Прошу поверить, симпатизировал сугубо персонально Богданову и Луначарскому. Очень крупные люди. Отлично, всесторонне образованные. Я почти не встречал равных им.

— Ну и что же отсюда следует? — отрезает Ленин.

Совсем иной исход, когда Миха без лукавства говорит:

— Я признаю свое заблуждение... В решениях политических нам никак нельзя занимать позицию обывательской справедливости...

Ильич протягивает руку. С тем, чтобы к исчерпанному инциденту никогда больше не возвращаться. И Миха в близкой дружбе и постоянной заботе не отказывать. В феврале 1917 года Цхакая найдет в своем почтовом ящике открытку с великолепным содержанием:

«Дорогой Миха! свершилось... прорвалось... поздравляю с революцией в России. Я готовлюсь в путь-дорогу. Укладываю чемоданы. Значит, едем? Ваш
Ленин».

Они выехали вместе. В один и тот же час, в одном вагоне, в одном купе. Ленин и его друг Цхакая.

Насколько же прав Степан, взявший на себя тяжелую обязанность предать гласности письмо Цхакая и подвести Миха под беспощадную критику бакинцев, Ленина. Прижигание весьма-весьма чувствительное. И вполне исцеляющее. Посильное только для настоящей дружбы.

от таковопо Плеханова, что вопреки требованиям логики (в угоду дипломатии?) Ильич старается затушевать...»

Более обстоятельно о всем этом — во втором издании «Биографии В. И. Ленина».

11

Небольшая рекогносцировка позиций противника.

Прошение бакинскому градоначальнику:

«Желая продолжить свое образование, имею честь покорнейше просить ваше превосходительство выдать мне свидетельство о политической благонадежности для представления в одно из высших учебных заведений России.

С. Шаумян.

1 июня 1910 г.

г. Баку».

Правитель канцелярии запрашивает мнение градоначальника у консультантов из жандармского управления. Те, выждав для солидности три недели, отвечают:

«Секретно.

Степан Георгиев *Шаумян* состоит видным деятелем РСДРП. 30 апреля 1909 года он был обыскан и арестован, причем по обыску у него обнаружено большое количество нелегальной литературы и брошюр противоправительственного содержания... В домогательстве означенного Шаумяна надлежит отказать.

Ротмистр Мартынов[1]».

Теперь господин начальник города во всеоружии может высказать собственное мнение.

«Канцелярия градоначальника
Отд. I
8 июля 1910 г.
№ 13927

Приставу I участка
Балахано-Сабунчинского полицеймейстерства

Канцелярия просит вас объявить заведующему нефтепровода товарищества «С. М. Шибаев и комп.» в Балаханах, тифлисскому гражданину Степану

---

[1] Покой Баку охраняли сразу два Мартынова. Один — полковник — был градоначальником. Второй — ротмистр — шефом охранного отделения.

Георгиеву Шаумяну на прошение его о выдаче ему свидетельства о политической благонадежности, что ходатайство это господином градоначальником отклонено ввиду имеющихся о просителе неблагоприятных сведений.

Расписку Шаумяна оставить в делах канцелярии участка.

Правитель канцелярии (подпись)».

И на исходе изнурительно знойного лета совершенно доверительное послание из Баку в Тифлис.

«*ЛИЧНО.*

Весьма секретно.

Милостивый государь Иван Иосифович!

Прилагая при сем копию записки поручика Бессонова за № 252 и приложенного к таковой ордера начальника Бакинского губернского жандармского управления за № 4944, имею честь доложить вашему высокоблагородию, что от выполнения обыска, находя его совершенно несвоевременным и в настоящее время нежелательным, я уклонился, сообщив начальнику управления, что приступлю к обыску лишь в том случае, если Шаумян изобличен в государственном преступлении данными формального дознания.

Обращаясь к существу соображений, слагающихся не в пользу производства немедленного обыска у Шаумяна, имею честь сообщить, что Степан Шаумян проходит по делам вверенного мне охранного отделения с 1908 года, как член Бакинского комитета РСДРП, ее организатор, руководитель, негласный редактор рабочего с.-д. журнала, автор многих статей как легальных, так и нелегальных. Шаумян голова, около которой собираются члены организации, человек, имеющий почти решающий голос во всех ее делах. Шаумян освещается агентурой отделения, и арест его в настоящее время был бы вреден для розыска, так как с потерей его из глаз отделения исчезнет центр, в котором, как лучи в собирательном фокусе, сходились и сходятся виднейшие деятели организации.

Пользуясь настоящим случаем, прошу Ваше высокоблагородие принять уверение в искреннем уважении и преданности вашего почтительнейшего слуги.

Мартынов».

Покуда Иван Иосифович размышляет, его почтительнейший слуга учиняет разнос надежде охранного отделения, сверхтайному агенту Мирону.

— На каторгу захотел, в Сибирь?.. Тебе приказано глаз не сводить с «Нефтяного»... Отвечай, негодяй, где он?

Мирон уныло повторяет:

— Выбыл в Москву по партийным делам... Полагаю встреча с агентом Ленина...

Вдогонку шифрованные телеграммы в Москву и в Петербург. Пользы никакой. В столицах на след Шаумяна агентура напасть не может. Он сам объявляется дома в Балаханах. Вскоре наносит визит своему известному противнику редактору и издателю респектабельной газеты «Баку» господину Вермишеву.

— Прошу, коллега, присаживайтесь! Счастлив видеть вас в добром здравии. — На лице Вермишева вымученная улыбка.

— И я радуюсь, глядя на вас, — в тон отвечает Степан... — Позвольте я объясню причину своего прихода. Речь ваша якобы памяти Льва Николаевича Толстого.

Вермишев подхватывает.

— О, великий апостол человеческой любви и правды!..

— Оставьте кликушествовать! — взрывается Шаумян. — Мы отлично понимаем друг друга. Вы очень умело объясняете, зачем вам понадобился Толстой.

Степан вынимает из кармана сложенный вчетверо номер газеты «Баку», читает в полный голос строки, обведенные зелеными чернилами. «Великий старец не говорил нам об антагонизме, разделяющем классы и народы, а учил нас великой солидарности их, спаянных любовью и человечностью, веря, что солидарность и любовь скорее приведут человечество к все-

общему счастью...» Эх вы, коллега! Казенные уши выпирают!. От имени известных вам общественных сил я требую, чтобы вы поместили письмо читателя. Недоумение читателя. Потом отвечайте. Если сумеете...

— Вы... вы... — Ярость мешает редактору-издателю перевести дыхание. — Подняли руку на гордость России... Мы вас разнесем. Пригвоздим к позорному столбу!

— Благодарствую и очень надеюсь, что ничто не помешает осуществлению любезного обещания.

— Давайте ваше письмо!

Разнести Шаумяна гордость бакинских либералов Вермишев что-то не спешит. Хотя к его услугам немало бойких перьев, да и он сам мастак выдавать черное за белое. Степан скрепя сердце повторяет визит. Посылает открытки с напоминаниями. Просит вмешательства влиятельных друзей. Считаться ни с чем не приходится. Своей рабочей газеты нет. Обращаться в другие бакинские газеты бесполезно. Пусть любые примечания, любые ответы, лишь бы эта совершенно необходимая статья появилась.

Наконец! В номере от пятого декабря

«НЕДОУМЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Письмо в редакцию

по поводу чествования памяти Л. Н. Толстого

Смерть Льва Николаевича Толстого и все, что связано с этой смертью, властно приковывает к себе до сих пор внимание мира. Не только газетные деятели, журналисты, писатели, которых как бы их профессия обязывает к тому, чтобы считать смерть знаменитого «некоронованного короля писателей» крупнейшим событием времени, но и люди всех других профессий и положений: врачи, адвокаты, купцы, дворяне, рабочие, крестьяне, даже многие попы и чиновники, и притом все они без различия нации и религии очень много говорят и думают по поводу этой смерти.

«Мир осиротел», повторяют повсюду и выражают самую глубокую и искреннюю скорбь по поводу этой,

по-видимому, тяжелой для всех утраты. «Мир осиротел» — не стало великого писателя, великого художника, великого человека и гражданина. Мало того: не стало — и это как будто больше всего причиняет горя людям — великого *мыслителя*, великого *«учителя жизни»*. Так говорят все.

Не отстал от других и наш город в выражении своих скорбных чувств. И газеты наши, и наш литературно-художественный кружок, и городская дума, и все население, начиная от крупного капиталиста Г. З. Тагиева, пославшего телеграмму вдове покойного, и кончая некоторыми группами рабочих, — все откликнулись на это событие. И опять-таки все оплакивают в лице Толстого не только и даже не столько великого писателя, художника и т. д., сколько великого *мыслителя* и *учителя жизни*.

Это обстоятельство вызывало и вызывает во мне, пишущем эти строки, полном глубокого уважения к памяти покойного, большое недоумение.

Что в лице Толстого мир потерял действительно гениального художника, знатока человеческой души, творца «Войны и мира», «Анны Карениной», «Воскресения», «Хозяина и работника» и других художественных произведений, облагораживающее и возвышающее влияние которых испытали на себе миллионы людей, — это вне всяких сомнений и споров. Что не стало крупного врага и обличителя современной общественно-политической и особенно церковной лжи — это также известно многим.

Люди, читавшие гениальные художественные произведения Толстого и испытывавшие вместе с автором глубокую скорбь при описании смерти того или другого из его действующих лиц, не могут не испытывать скорби перед лицом смерти самого Толстого, который превосходил всех своих действующих лиц как их творец, который вмещал их всех в своей чуткой и глубокой душе.

Не могут не призадуматься с болью над смертью Толстого и все те, кому дорога борьба против современной лжи, против господствующих ужасов.

Но странно, что люди — перечисленные выше ка-

тегории людей — не ограничиваются признанием этих заслуг, несомненно великих, Л. Н. Толстого. Они чуть ли не все объявили вдруг Толстого еще *учителем* и себя, следовательно, его учениками и последователями.

Может быть, это не так, может быть, тут кроется какое-то роковое недоразумение, но таково, несомненно, впечатление, которое производят все статьи в печатающихся ныне газетах (в том числе и местных), речи, которые произносились на собраниях, и телеграммы, которые посылались семье покойного и в столичные газеты.

В чем же тут дело? В невежестве ли нашем — в незнании того учения, которое в течение 30 лет упорно и неустанно проповедовал Толстой, или в неосторожности, в неразборчивости в выражениях, в отсутствии чувства меры и ответственности в словах, которые произносятся в такую, казалось бы, серьезную минуту? Или же тайна тут заключается в чем-нибудь еще третьем?

Учение Толстого — это не есть только протест против поповщины, не есть только крик наболевшей души, выразившийся в словах: «Не могу молчать». И то и другое — это только отдельные частные эпизоды в его учении, это только негативная (отрицательная) сторона его учения, это, точнее, отдельные поступки Толстого, которые хотя и связаны логически с его учением, но которые могут быть рассмотрены и оценены независимо от этого учения.

Толстой отрицал не только поповщину и смертную казнь. Он отрицал также всю нашу «мирскую жизнь», всю нашу культуру. Толстой был учеником Христа и учителем христианства. В течение 30 лет он проповедовал и проповедовал не ради шутки, не для слов, а для того, чтобы люди исполняли, — отречение от собственности, от государственной организации, от церкви, от судов, от семьи, от всего, чем живем, находясь в том или ином отношении к современным формам этих учреждений, все мы, называющие Толстого «учителем».

«Быть бедным, быть нищим, быть бродягой —

это то самое, чему учил Христос; то самое, без чего нельзя войти в царство бога, без чего нельзя быть счастливым здесь, на земле», — говорит с глубоким убеждением Л. Толстой и предлагает людям во имя этого своего идеала прежде всего отказаться от собственности, как главного источника зла на земле.

«Быть нищим, быть бродягой»... И вот я спрашиваю себя, могут ли люди, все идеалы которых покоятся на собственности и богатстве, вся жизнь которых покоится на своде законов, определяющем 4 года каторги за бродяжничество и, нередко, смертную казнь за экспроприации (т. е. лишение других людей собственности), — могут ли такие люди сознательно и искренне называть Толстого «учителем»?..

Во имя непротивления злу насилием Толстой предлагает не признавать государственной власти, присяги, солдатчины, судебных учреждений, тюрем. Неужели же все эти врачи, адвокаты, судьи, купцы, редакторы и издатели газет и т. д., все те, которые признают и не за страх, а за совесть и государственную власть и солдатчину, которые ежедневно миллионами уст присягают и судят в своих судах и сажают в тюрьмы «преступников», — неужели они искренни, когда оплакивают смерть «великого учителя жизни» [1], «учителя любви»?

Во имя любви и того же непротивления злу насилием Толстой проповедует рабочим и крестьянам, этим девяти десятым человечества, как он выражается, отказаться от *«ложного убеждения, что жизнь наша может быть обеспечена нашей борьбой с другими людьми»*. Не борьбу, а любовь и смирение проповедует Л. Толстой. «Трудящийся достоин пропитания, — говорит он словами Христа, — не может быть рассуждений о том, что человек, не имеющий соб-

---

[1] О том же еще отчетливее, строже В. И. Ленин: «...Движению вперед мешают все те, кто объявляет Толстого «общей совестью», «учителем жизни». Это — ложь, которую сознательно распространяют либералы, желающие использовать противореволюционную сторону учения Толстого. Эту ложь о Толстом, как «учителе жизни», повторяют за либералами и некоторые бывшие социал-демократы».

ственности, умрет с голоду». Те, у которых есть собственность, это одна десятая человечества, сами позаботятся о том, чтобы люди, не имеющие собственности, которые нужны им как работники, не умирали с голоду.

«В последнее время, — уверяет в одном месте Толстой, — *эта* $^{1}/_{10}$ *сознательно работает на то, чтобы* $^{9}/_{10}$ *кормились правильно».* Христос сказал: «Не берите ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви, ни посоха; ибо *трудящийся достоин* пропитания». «В доме же том оставайтесь, ешьте и пейте, что у них есть: ибо трудящийся достоин награды за труды свои». Нужно только желание трудиться, и все будут сыты. Говорят, что дети, которые не могут работать, будут умирать с голоду. «Неправда, — отвечает Толстой. — Люди воспитывают телят потому, что они в будущем будут им полезны». «Вот почему, — заключает он, — дети никогда не могут остаться без призрения».

Для Толстого не существовала самая страшная проблема современной жизни — безработица миллионов людей, желающих трудиться, чтобы быть «достойными пропитания», но не допускаемых к труду, проблема голодной и полуголодной смерти этих миллионов и их детей, официально регистрируемой ежедневной полицейской и всякой другой статистикой.

«Трудящийся достоин пропитания», «Никто не умрет и не умирает с голоду», — уверяет Толстой. А с другой стороны, быть нищим, быть бродягой — это высшее счастье на земле. И потому еще раз и всегда: «Не борьба за пропитание, за лучшие условия жизни, а любовь, всепрощение и смирение»...

И вот я спрашиваю опять себя: неужели Толстого, — так понимающего или, вернее, так странно не понимающего самые основные вопросы современной жизни — рабочие могут сознательно называть «учителем жизни»? Неужели они могут видеть в нем «великого мыслителя», перед которым, как перед мыслителем, им «вместе со всем человечеством» нужно преклоняться?

Можно было бы продолжить перечень основных

тезисов учения Толстого и после каждого из них снова и снова ставить вопрос: да как же и почему люди называют Толстого учителем жизни? И самое главное: как же и почему же одновременно преклоняются перед Толстым как перед учителем, как перед гениальным мыслителем и моралистом и крупные капиталисты, и интеллигенция, и крестьяне, и рабочие?

Местная печать и местные ораторы, говорившие по поводу смерти Толстого, нисколько не пытались до сих пор разрешить эти возможные недоумения. Они называли и называют Толстого великим мыслителем, великим моралистом, великим учителем, но нисколько не говорили нам о том, за что они так его называют. Они отмечали с удовлетворением и даже восторгом, что гению Толстого удалось объединить в своем учении (или около своего учения) все классы, сословия и нации, но не объяснили нам, в чем тайна этого удивительного явления.

Может быть, все это проистекало от того, что местные писатели и общественные деятели, выступавшие до сих пор по поводу смерти Толстого, полагали, по нашему мнению, крайне ошибочно, что лучшей формой чествования памяти Толстого является призыв к «великому молчанию». Во всяком случае, теперь, когда первая жгучая боль потери у них должна была уже пройти, теперь они обязаны ответить на недоумения читателей. Кто-то из них сказал, что смерть Толстого «обязывает к слову», но это «слово» понималось до сих пор исключительно как славословие. Смерть Толстого обязывает, по нашему мнению, к слову, но к слову продуманному, искреннему и нераболепному. Нераболепному, ибо Толстой ничего так не презирал, как раболепное, слепое поклонение великим людям, героям, гениям. Вспомните, как глубоко возмущают его в «Войне и мире» люди, рабски поклонявшиеся великому Наполеону, каким убийственным презрением он клеймит польского полковника, бросившегося вплавь, вместо того чтобы проехать мостом через глубокую реку, и утопившего в ней массу народу, чтобы только выразить Напо-

леону свое обожание. И возмущенный отсутствием в людях чувства уважения к своему человеческому достоинству, он гордо говорит им: «Помните, что в каждом из нас нисколько не меньше, если не больше, величия души, чем в великих Наполеонах».

То же самое Толстой выражал позднее в своих религиозных сочинениях, говоря, что в каждом человеке живет сын божий и что все люди равны перед богом.

Где-то Толстой говорит, что он любит бога, которого он познал, но что больше бога он любит истину; если ему докажут, что он заблуждается, он откажется от своего бога.

Те, которые хотят достойно чтить память Толстого, должны помнить все это хорошо.

Любите Толстого, но истину любите больше, чем Толстого.

Толстой неоднократно с глубоким изумлением писал в своих произведениях: вот уже два тысячелетия люди европейских стран называют себя христианами, между тем жизнь их является полным отрицанием христианства. Люди называют Христа «учителем», а делают все противоположное тому, чему учил Христос. И он с горечью и изумлением отмечает, что вокруг имени Христа накопилось столько лжи, что спустя 1800 лет ему с большим трудом удалось «открыть», в чем заключается учение Христа.

Не смеется ли судьба над великим старцем? Весь мир поет ему славу, называет его великим моралистом, «учителем жизни», и никто как будто не задается вопросом, почему мы его так называем, и все как будто, называя его учителем, делают все, обратное тому, чему учил Толстой. И не придется ли когда-нибудь другим вновь «открывать», в чем заключается учение Толстого?

На все эти вопросы, на все наши недоумения нужны простые и ясные ответы, нужно правдивое, продуманное и (еще раз!) нераболепное слово.

Нужно также выяснить, почему такая одинаковая судьба связывает имена Христа и Толстого. Не заключается ли чего-либо рокового в самой сущности того

учения, которое проповедовал и Христос и спустя два тысячелетия его ученик Толстой?

Читатель».

Шум сразу невероятный. «Позор!.. Плевок в лицо интеллигенции... Надругательство!..»

Всю неделю — с понедельника до воскресенья — Вермишев обнадеживает бакинский свет: «Мы не оставим живого места.. разнесем этого Читателя!.. Единственно о чем скорблю — профессиональная тайна запрещает мне назвать его одиозную фамилию...»

В заранее объявленный день афишным шрифтом заголовок: «Толстой перед судом г. Читателя.

Статья Х. Вермишева».

Гора рожает мышь. Крохотного мыщонка. «Все сказанное нами относится к Толстому-художнику и Толстому-критику современной неправды. В этой плоскости, по-видимому, легко найти общий язык с Читателем, так как у нас одни и те же отправные точки.

...Посмотрим теперь, что Толстой дал человечеству в своем учении в тесном смысле этого слова, но об этом в следующий раз».

«Следующий раз» господина Вермишева, все равно что второе пришествие, дождаться никому не удается.

Снова о Льве Толстом напишет сам Степан. В апреле следующего года. Когда совсем на короткий срок — четыре недели — в Баку появится легальный большевистский журнал «Современная жизнь»[1].

Как и многое другое, что пишет Степан в эту пору, его раздумья о религии Толстого, волшебной «зеленой палочке», вере и великом безверии гения подписаны псевдонимом «Стивин».

---

[1] «P. S. «Современную жизнь» в Баку тоже арестовали и задушили!» *Ленин — Горькому 27 мая 1911 года.*

В последнем — третьем номере журнала статья Владимира Ильича «Марксизм и «Наша Заря», присланная автором из Парижа по просьбе Шаумяна.

«КОЕ-ЧТО О РЕЛИГИИ Л. Н. ТОЛСТОГО

«Упразднение религии, как иллюзорного счастья народа, есть требование его действительного счастья».

К. Маркс

В религии Толстого есть одна сторона, которой до сих пор, насколько нам известно, не касалась критика. Мы имеем в виду, если можно так выразиться, *сознательный* или *надуманный* характер этой религии. Между тем эта сторона имеет большое значение как для выяснения того, как смотрел Толстой сам, субъективно, в глубине своего сознания, на свою религию, так и для выяснения смысла и ценности религии вообще.

В своей книге *«В чем моя вера?»* Толстой пишет: «Я прожил на свете 55 лет и, за исключением 14 или 15 детских, 35 лет я прожил нигилистом в настоящем значении этого слова, т. е. не социалистом и революционером, как обыкновенно понимают это слово, а нигилистом в смысле отсутствия всякой веры.

Пять лет тому назад я поверил в учение Христа, и жизнь моя вдруг переменилась».

Эти слова написаны в 1883 году. Следовательно, перелом, совершившийся в жизни Толстого, его религиозное «прозрение» или «воскресение» относится им к 1878 году. То же самое, что говорится тут, он повторяет многократно и в других своих произведениях. При этом Толстой отмечает повсюду, как и в приведенном отрывке, что он пришел к своей религии, то есть христианству, воспринятому им *«не как мистическое учение, а как новое жизнепонимание»*[1], не постепенно, и не путем разума, а «вдруг», и через «откровение».

«Христос сказал, — говорит Толстой, — что воля бога в том, что немудрым открывается то, что скрыто от мудрых». Чтобы познать бога, человеку «не нужно, — говорит Толстой в другом месте, — ни философских, ни научных знаний. Обилие знаний, загромождая сознание, часто даже препятствует этому»[2].

[1] Так гласит подзаголовок известной книги Толстого: «Царство божие внутри вас». (Все примечания к этой статье принадлежат С. Шаумяну.)

[2] «Религия и нравственность», стр. 15.

...Каким же путем все-таки открывается людям «истина божья»? Толстой говорит в одном месте об особом «религиозном способе познания», который он противополагает «научному и философскому». Это тот «способ познания», который «на богословском языке называется *откровением*» (курсив наш. — С.), говорит Толстой.

И вот не в результате постепенного духовного развития и накопления знаний, а независимо и даже вопреки всему этому, перед духовными очами Толстого «открылась» истина. И он, «неверующий», «нигилист», сделался «вдруг» на 50-м году жизни, в 1878 году, верующим человеком и стал после этого в течение почти 30 лет проповедовать свою веру, свою религию.

Критика давно уже указала на то, что это утверждение Толстого не совсем правильно. И в «Анне Карениной», и в «Войне и мире», и в других, даже самых ранних его произведениях имеются налицо многие элементы учения Толстого.

В известной биографии Толстого, написанной Бирюковым, имеется отрывок из дневника Толстого, написанный им еще в 1855 году, то есть за 23 года до указываемого им момента своего просветления. Отрывок этот имеет большое значение для выяснения интересующего нас вопроса, и потому мы приводим его целиком:

«Разговор о божестве и вере, — пишет Толстой, — навел меня на великую, громадную мысль, осуществлению которой я чувствую себя способным посвятить жизнь. Мысль эта — основание новой религии, соответствующей развитию человечества, религии Христа, но очищенной от веры и таинственности, религии практической, не обещающей будущее блаженство, но дающей блаженство на земле. Привести эту мысль в исполнение, я понимаю, что могут только поколения, сознательно работающие к этой цели. Одно поколение будет завещать мысль эту следующему, и когда-нибудь фанатизм или разум приведут ее в исполнение. Действовать *сознательно* к соединению

людей с религией, вот основание мысли, которая, надеюсь, увлечет меня». (Запись в «Дневнике» от 2, 3, 4 марта 1855 г.)

Над этим отрывком стоит призадуматься лицам, интересующимся учением Толстого. Здесь ценно каждое слово. Те из читателей, которые знакомы с «верой» Толстого, увидят в этом сжатом отрывке все существенные и отличительные черты этой «веры». По этому отрывку выходит, что Толстой уже в 1855 году знал, что спустя 23 года он «вдруг» уверует в бога, что «верой» его будет именно христианство, что это будет особый вид христианства, «соответствующий развитию человечества», то есть «очищенный» от таинственных, мистических элементов, что эта «вера» будет обещать блаженство не в будущем, не на том свете, а здесь, на земле. Мы обращаем затем внимание читателя на выражения Толстого об «основании новой религии», о желании «действовать сознательно для объединения людей религией», о том, что он может «увлечься» и «посвятить жизнь осуществлению этой великой мысли».

Что все это значит? Как связать тут одно с другим: эти заявления с утверждением Толстого о «религиозном способе познания», об «откровении» и т. д. и т. д.?

Мы не думаем, понятно, заподозривать Толстого в неискренности. Но, несомненно, тут что-то неладно. И это неладное именно то, что мы назвали в начале статьи *сознательным* или *надуманным* характером религии Толстого...

...Мы полагаем, что не согрешим против истины и не оскорбим памяти Толстого, если скажем: да, в своем живом воображении, в своей любви к людям, в своей беспредельной доброте Толстой надумал свою религию и сам радовался ею и морочил ею нас...

Маркс, как известно, называл религию «благодатным опием для народа», при помощи которого господствующие классы через своих попов во все века и все эпохи старались усыпить сознание народа. Религия, говорил он, — это стремление создать «призрачное» счастье, которое должно заменить «действительное»

счастье народа». Эти слова в полной мере приложимы и к религии Толстого.

Толстой видел нищету, горе и страдания народных масс. Искренне и глубоко болея за них, чувствуя всем сердцем ужасы их горя и страданий, но не видя никакого выхода впереди (цельная дворянская психология Толстого и его безнадежное метафизическое мышление не давали ему видеть этот выход), не веря в возможность создания «действительного» счастья для народа, он решил создать для него «призрачное» счастье.

Толстой видел, что главное несчастье людей происходит от нищеты и голода. И он, призвав на помощь бога, стал уверять их, что нищета вовсе не есть несчастье. Наоборот. «Мы назвали словом, выражающим беду, — бедность то, что есть счастье, — говорит Толстой. Далее: «Богатый не может быть счастлив». — «Быть бедным, быть нищим, быть бродягой — это то самое, чему учил Христос: то самое, без чего нельзя войти в царство бога, без чего нельзя быть счастливым здесь, на земле».

Толстой видит, что люди борются, бьются за то, чтобы вырваться из когтей нищеты, создать лучшие общественные условия. Толстой не верит в возможность изменить что-либо на этом свете. Потому он и не хочет касаться общественных условий, считая их совсем неважными.

«Не противьтесь злу насилием», — говорит Толстой.

«Откажитесь от ложного убеждения, что *борьбою* вы можете улучшить вашу жизнь».

Рабочие хотят уничтожить классовое господство и наемный труд, являющийся источником нищеты народных масс. Толстой говорит им: напрасно все это, нужно сказать только себе: наемное рабство — счастье, и вы будете уже счастливы. «Счастье не в том, — говорит Толстой, — чтобы на тебя работали, а в том, чтобы ты работал на других».

...У Толстого даже в его религиозных сочинениях имеется много блестящих обличительных страниц, направленных против буржуазии и властей. Но, во-пер-

вых, какой из христианских пророков не обличал «богатеев» и «властей предержащих»? Во-вторых, все это в сильнейшей степени искупается проповедью Толстого «непротивления злу насилием», вообще отказа от «борьбы», от всех мирских благ и т. д. и т. д.

Религия Толстого не сделает уже, понятно, того, что сделали в свое время религии Будды, Христа, Магомета. «В настоящее время, как выразился где-то Плеханов, Бертело в своей химической лаборатории не нуждается более в гипотезе бога». Это во-первых. И во-вторых: обездоленные классы слишком хорошо уже начали усваивать идеи социалистов, чтобы их можно было убедить отказаться от борьбы за «действительное» свое счастье и довольствоваться жалкою утехой «призрачного» счастья, обещаемого религией.

...Толстой сам, в глубине души, не был, по нашему мнению, верующим человеком. В нем было, быть может, сильно уже с детства неопределенное религиозное чувство, быть может, он не был никогда «нигилистом» в полном смысле слова, но и полной веры в ту религию, которую он так страстно и с таким увлечением проповедовал, — у него не было.

Толстой смотрел на свою религию только как на спасительный секрет...

Этим объясняются, несомненно, все бесчисленные противоречия, заключающиеся в жизни и в писаниях Толстого.

Этим объясняется, между прочим, по нашему мнению, и вся та душевная борьба, вся та трагедия, которую он переживал в личной жизни. Чуть не во всех своих произведениях, во всех статьях, письмах, беседах Толстой уверял нас, что после того, как он познал бога, он сделался счастливейшим человеком в мире. Между тем мы знаем, как глубоко он был несчастлив в действительности. И это несчастье приносили ему не Софья Андреевна, не «фотографы, фонографы, синематографы...» — как наивно думают многие, а именно лежащее в глубине его сознания неверие в то, во что он хотел, чтоб верили другие, во что он хотел и сам верить — именно отмечаемый нами сознательный, надуманный характер его религии».

12

Вся столичная пресса хорошо оплаченными голосами тянет «во упокой» Максима Горького.

Литературный критик газеты «Россия», храбро укрывшийся под инициалами Б—н А.: «Наступил закат творчества Горького».

Его собрат С. Адрионов из журнала «Вестник Европы»: «Ужасающее оскудение таланта в последних вещах недавнего властителя дум Максима Горького, который вместо создавших ему европейскую славу ярких этюдов свободного индивидуализма, то буйного, то тоскующего, но всегда и неизменно искреннего и непосредственного, теперь пишет нравоучительные рассказики для интеллигенции и популяризации социализма...»

Сипит и граф Алексис Жасминов — Виктор Петрович Буренин, некогда начинавший в «Колоколе» Герцена, втайне сочинявший стихи «Памяти Чернышевского», ныне на старости шкодящий в черносотенном «Новом времени»: «Быстро скатился в последнее время с пьедестала своего раздутого «величия» г. Максим Горький, когда он вздумал подняться до уровня босяцкого «дна», до уровня политического сатирика, поражающего стрелами своего полуневежества королей и императоров».

Укусить за пятки Горького безумно хочется и кадетам из газеты «Баку». Правая рука господина Вермишева Гр. Старцев разражается «Литературными заметками», весьма смахивающими на некролог: «Нет старого Горького — нет следа. Нет прежней мощи, нет ликования сильных. Есть только жалобы».

Весь этот шабаш Степан близко принимает к сердцу. Не просто обида за своего любимого[1] писателя. Все значительно серьезнее. Идет политическая борь-

---

[1] Свидетельство близкого друга Шаумяна народного поэта Армении и Грузии Акопа Акопяна на страницах эриванской газеты «Мартакоч» осенью 1925 года: «Из русских писателей Степан больше всего любил М. Горького, из европейских — Верхарна, из армянских — Ованеса Туманяна».

ба. Молчать нельзя никак. Для своего большевистского журнала «Современная жизнь» за две мартовские ночи в Балаханах пишется статья:

«О ГОРЬКОМ

Максим Горький — любимец русских рабочих. И это вполне понятно. Выйдя из народных «низов», писатель-самоучка, он развил в себе крупный художественный талант. Затем, достигнув верхов литературной славы, сделавшись кумиром официальной читающей публики, он пришел в своем естественном развитии к рабочим, к которым он принес свой художественный талант, стал с ними под одно знамя, сделался их певцом и бытописателем.

Максим Горький никогда не находился в лагере нынешних хозяев жизни, никогда не был «в стане ликующих, праздно болтающих». Но до 1905—1906 годов своим неоформившимся еще, розовым, демократически-бунтарским настроением, в своем качестве «поэтического буревестника» он мог быть любим официальной (то есть буржуазной) интеллигентской публикой, делающей у нас «общественное мнение». Когда же Горький окрасился в ярко-красный цвет и повернулся спиной к буржуазному обществу, в том числе и к своей пишущей братии, успевшей, в свою очередь, за это время потерять всякий вкус даже к розовому цвету, — тогда Горький сразу лишился в их глазах своего обаяния. Любовь вчерашних поклонников сменилась охлаждением, недовольством и даже злобой по отношению к нему. В настоящее время вы не найдете ни одной так называемой «прогрессивной» газеты, столичной или провинциальной, которая от времени до времени, в той или другой форме, сознательно или бессознательно, не мстила бы Горькому за то, что он отвернулся от «общества» и пошел к рабочим. И, неразборчивая в средствах вообще, буржуазная печать не останавливается при этом подчас перед самыми непозволительными приемами, чтобы мстить своему вчерашнему любимцу. Образчики таких «приемов» мы наблюдали, между прочим, и у нас в Баку, и на один из них в связи с последними

произведениями Горького мы хотели бы обратить внимание читателя.

Читатель не забыл, наверно, геростратовой выходки рецензента газеты «Баку» С. Айвазова, который вдруг, неожиданно для себя самого, воспылал такою нежностью к певцу «примитивов», так сильно «пожалел» «бедного Горького», что даже редакции «Баку» стало от этого неловко. За ним последовал недавно другой сотрудник этой газеты, Гр. Старцев.

Недавний фельетон его о двух последних рассказах Горького («Жалобы» и «Мордовка») представляет из себя такой типичный образчик буржуазно-интеллигентской «правды» о Горьком, что мы усиленно рекомендуем его вниманию читателя.

Вопрос в данном случае не в том только, нравится ли вообще Старцеву Горький или нет, хоронит ли он его, жалеет ли подобно своему доброму коллеге. Это все, может быть, в конце концов просто дело вкуса. Не нравится человеку Горький, и он высказывает это, хочется ему хоронить Горького — и хоронит. Что тут можно возразить ему? Но почтенный фельетонист не ограничивается в данном случае только этим, он доходит в своем рвении форменно до уголовщины, удивительной даже для таких «журналистов», как Старцев, и для таких газет, как «Баку». Судите сами.

В рассказе «Жалобы», — в котором, между прочим, под заголовком стоит в скобках: воспоминания офицера, — офицер, участвовавший в японской войне, повествует о своих впечатлениях, полученных на войне от солдат. Он «жалуется» на них, на этих крестьян и рабочих, одетых в солдатские куртки, которые должны будто бы обновить Россию. Он говорит, что не верит в их активность. Русский человек, по его словам, «пассивен по своей природе» и не способен ни на что новое. «Русский не может быть социалистом — ему чего-то не хватает для этого». «Я не верю в социализм, — говорит жалующийся офицер, — его выдумали евреи, это просто попытка рассеянного в мире народа к объединению. Социализм, сионизм — это, вероятно, одно и то же для них...» Далее офицер обрушивается в своих жалобах на вождей русского юно-

шества (читатель догадывается, понятно, о каких вождях речь), обвиняет их в самых смертных грехах, называет их «обманщиками», «изменниками», чуть не убийцами по отношению к русскому юношеству. И вот выступает Старцев, который отождествляет Горького с этим офицером, уверяет читателя, что устами офицера говорит сам Горький... И — о, ирония судьбы! — Старцев ополчается на защиту социализма, на защиту русского мужика и рабочего от нападок и от клеветы Горького. Можете ли представить себе, читатель, эту картину?..

Следующий рассказ Горького — «Мордовка». Старцев рассказывает нам, будто Горький в этом рассказе выводит тип рабочего-социалиста, преданного партийной работе; у него есть жена, которая недовольна этим и требует, чтобы он бросил партию и заботился исключительно о своей семье. В нем происходит, рассказывает Старцев, борьба: с одной стороны — товарищи, идеалы, с другой стороны — красивая жена. Любовь к жене, к ее красивому телу побеждает, и рабочий плюет на партию, на свои идеалы и отрекается от них. И Старцев расписывает все это, опять усматривает тут разочарование и жалобы Горького, находит, что Горький клевещет на рабочих. Он чуть не объявляет Горького черносотенцем — да, он рисует его так, он сравнивает его с ними! И опять благородная поза защитника рабочих от «жалоб» и клеветы Горького...

Но раскройте, читатель, 1-й номер «Современного мира» (за этот год) и прочтите этот хороший рассказ. Посмотрите, какие небылицы рассказывает вам Старцев. Правда, что в рассказе Горького есть рабочий Павел Маков и жена его Даша. Правда, что он преданный партийный работник, а она и отец ее Валек недовольны им и часто упрекают его за то, что он интересы семьи (жены и ребенка) приносит в жертву великому делу, которому он служит. Но и только! Горький изображает, и изображает умело и правдиво, обычный в жизни передовых рабочих разлад с семьей и душевную драму, которую они переживают. Тут есть все перипетии этой драмы, но ни одного слова,

ни одного намека на то, что Павел будто бы оказался побежденным, что он променял свои идеалы на красивое тело жены. Павел Маков до конца рассказа остается тем же, чем он был вначале.

От начала и до конца рассказа ни Павлу, ни автору вопрос о том, будто нужно вообще выбрать одно из двух — семью или рабочее дело — даже не приходит в голову. Этот вопрос вовсе не стоит в рассказе.

А вы послушайте-ка Гр. Старцева... По его словам и не на одного Павла жалуется Горький. «...Он не один, Горький жалуется, — уверяет Старцев, — что жены и семьи губят *всех* «сознательных» рабочих, обрывают крылья им и превращают в ничтожных, сырых, мягкотелых людей». Старцев уверяет, что в глазах Горького бывшие «буревестники» превратились все в «мокрых кур».

И понятно, Старцев опять «вынужден» защищать рабочих от клеветы Горького...

Для чего же понадобился Старцеву весь этот вымысел? Сделал ли он это сознательно, или ему кто-нибудь удружил, неправильно передав содержание рассказов, и он, не прочитав их лично, второпях, поверив на слово другим, «отвалял» свою обязательную ежедневную статью, или же он читал рассказы, но с ним произошла известная психологическая аберрация — и он видел там то, что ему нужно было для того, чтобы написать именно такую, «нужную» статью, — это, конечно, трудно разобрать.

Но это и неважно для нас. Важно то, что все подобные «критики», говоря о рабочем писателе Горьком, как и вообще обо всем, что касается рабочих, никак не могут обойтись — сознательно или бессознательно — без лжи, без передержек, без клеветы.

Горький — жалующийся, разочарованный и хнычущий, Горький — клевещущий на рабочих, на социализм, Горький — чуть не черносотенец!

Какою пощечиной является для Старцева и подобных ему рыцарей последняя статья Горького «О писателях-самоучках», помещенная в февральской книжке «Современного мира»!

Известно, что чем больше Горький становился не-

приятен для господствующих элементов, для буржуазной интеллигенции, тем ближе и дороже он делался для рабочих, для пролетарской интеллигенции, для «демоса» вообще. Тысячи нитей протягивались из сердец пробуждающихся к сознательной жизни, интересующихся литературой «людей из народа», к их славному собрату — писателю-самоучке Максиму Горькому. Кто чувствовал потребность излить свои чувства и думы перед близким человеком, в ком зарождалось желание написать что-нибудь, попытать счастья в литературе, посылал ему свои рукописи, письма, стихи. Среди корреспондентов Горького вы встретите рабочих, крестьян, сапожников, дворников, извозчиков, кухарок, горничных, проституток, торговку яблоками, прачку, кладбищенского сторожа, солдата, ссыльных, каторжан и пр. и пр. И все их писания, как видно из статьи, тщательно и с поразительной любовью и вниманием прочитываются и изучаются Горьким. Он переписывается со многими из них, дает им советы, когда его просят, указывает им, какие книги кому читать, как писать, что делать. Сквозь каждую строчку статьи проглядывает замечательно чуткая, благородная душа автора, отмеченная глубокой любовью к «людям страшной жизни», как он выражается о них. В русской литературе, по крайней мере современной, мы не знаем другого писателя, до такой степени морально чуткого и чистого, как Горький. Мы говорим это, понятно, не на основании только разбираемой статьи, но имея в виду все его произведения, всю его литературную деятельность.

«За время 906—10 годов, — пишет Горький, — мною прочитано более четырехсот рукописей, их авторы «писатели из народа». В огромном большинстве эти рукописи написаны малограмотно, они никогда не будут напечатаны, но в них запечатлены живые человечьи души, в них звучит непосредственный голос массы, они дают возможность узнать, о чем думает потревоженный русский человек в долгие ночи шестимесячной зимы...»

И вот, чтобы поделиться с читателем своими впечатлениями от этих рукописей, Горький распределяет

их по категориям, приводит большие выдержки из рассказов, писем, стихотворений своих писателей-самоучек. Он пытается установить: что заставляет их писать, о чем они пишут, как относятся к жизни и к литературе? Он сопоставляет литературу официальную, литературу печатную с писаниями «самоучек», с литературой новой, идущей из «народных низов». В первой, говорит Горький, мы видим разочарование, «истерические, капризные выходки признанных литераторов, «уставших, как они заявляют, от сложности и напряженности современной». Во второй — в литературе «простых и искренних людей», людей «страшной жизни», людей голодающих, пишущих часто из тюрем, из ссылки, с каторги, — здесь настроение «бодрое, дееспособное, часто восторженное»...

Это обстоятельство служит прямым подтверждением того — бывшего всегда несомненным для пишущего эти строки — факта, что у нас в России так называемой «реакции масс», реакции снизу не существует. Реакция наша по преимуществу правительственная, внешняя, материальная, захватившая, правда, буржуазные, особенно буржуазно-интеллигентские слои, но лишь краем задевшая широкие демократические массы. Только при близоруком, поверхностном наблюдении и только человеку, смотрящему сквозь очки личной развинченности и разочарованности, человеку не твердому в теории, может показаться, что разрушение пролетарских организаций, союзов, клубов, отсутствие в их обломках, существующих в настоящее время, живой работы есть следствие усталости и разочарованности рабочих, следствие отказа их от старых идеалов вследствие внутренней реакции. Можно пожелать, понятно, нашим рабочим больше сознательности, больше знакомства с опытом их европейских собратьев, больше энергии в отстаивании своих позиций, отнимаемых одна за другой дикой реакцией сверху; но было бы несправедливо и неумно говорить, что они сдают свои позиции добровольно, в силу внутренней реакции. Повторяем, четыре сотни корреспондентов Горького из всех уголков России только подтверждают этот несомненный факт.

Читатель заметил уже, конечно, как отрицательно относится Горький к «капризным и истерическим выходкам» наших официальных литераторов и, с другой стороны, с какой радостью он констатирует бодрое, дееспособное настроение в массах, в низах. Чтобы не оставалось никаких сомнений на этот счет, мы приведем из статьи Горького, несмотря на ее большие размеры, одну в высшей степени яркую выдержку.

«И когда после таких стихов «человека страшной жизни» прочитаешь жалкое признание культурного человека, который с печальной, некрасивой, а, может быть, и мстительной откровенностью прокаженного обнажает гниющие язвы свои... становится жутко за страну, где интеллигенция почти через каждое десятилетие аккуратнейшим образом с головой погружается в болото фатализма и приходит к самобичеванию и самооплеванию, ошибочно именуя это неизящное занятие самоусовершенствованием.

Искренно говорю — я никого не хочу обидеть. Зачем? Российский интеллигент сам себя превосходно обижает, он делает это всегда с болезненным каким-то усердием и сладострастием, точно Ф. М. Достоевскому экзамен по науке самоистязания сдает.

Но — хотелось бы сказать: господа, если вас тошнит, не выбегайте на улицу во время этого процесса, по улице живые, здоровые — новые люди и дети ходят, и юноши, а им вредно смотреть, как вас вывертывает!

В молодой и милой стране нашей люди юны и чутки и по юности своей — чудесно восприимчивы ко всему, а истерия и всякие судороги — заразительны, и это надо бы помнить из уважения к жизни, к родине, к человеку! А из уважения к себе — не кричи, не стенай, и если пришло время умирать — умри в одиночестве, это и красивее, и гигиеничнее.

Мне, надеюсь, — продолжает Горький, — не поставят в вину такое отступление и не примут его, как выходку злую — я говорю с великою болью за всех, кому больно, с глубокой тоской за всех, кому тошно, но — еще с большим страхом за молодых людей, которые поднимаются от земли навстречу культуре —

поднимаются «весело», «с протянутыми к творческой работе руками», и которым вы нужны, как друзья, как учителя, а не как примеры всяческих духовных искажений».

В этой страстной тираде — весь Горький!

«Как похож» он, не правда ли, на того Горького — разочарованного, хнычущего, жалующегося, клевещущего на рабочих, объявляющего социализм еврейской выдумкой, чуть не черносотенца, — каким вздумалось изобразить его буржуазной газете!

Заканчивая статью, мы полагаем необходимым указать еще на одно обстоятельство, о котором нельзя умалчивать, говоря о Горьком. Это уже отмеченная марксистской критикой недостаточная принципиальная выдержка Горького, отсутствие в нем ясного и последовательного марксистского мышления. В данном случае это выражается в неправильном, чисто *народническом* понимании Горьким роли и значения интеллигенции. Это заметно и в приведенном выше отрывке, и в цитате из Михайловского, при помощи которой, как рассказывает Горький, он защищал в своих письмах интеллигенцию от нападок своих рабочих-корреспондентов, и в некоторых *неправильных* выводах, которые делает Горький из своего богатого, в двух отношениях хорошо разработанного материала. Мы не останавливаемся тут подробно на этой стороне статьи Горького. Скажем только, что эта ошибка со стороны Горького, к сожалению, не случайна. В миросозерцании Горького, по нашему мнению, имеется немало вообще народнических элементов. Есть вещи, которые, вероятно, уже трудно будет усвоить ему, и есть вещи, которые трудно будет ему позабыть.

И при всем том Горький составляет красу и гордость пролетарской литературы!

И разбираемая статья Горького в общем, и другие его новые произведения: отмеченные выше «Жалобы» и «Мордовка», а также его прекрасные миниатюры о неапольских стачечниках и встрече детей забастовщиков в Генуе, появившиеся под заглавием «Сказки», — еще более приблизили Горького к рабочим.

И рабочие с гордостью могут заявить: «Да, Горь-

кий наш! Он наш художник, наш друг и соратник в великой борьбе за освобождение труда!»

Стивин».

Еще до выхода журнала Вермишев, пользуясь своим положением владельца типографии, прочитывает статью. Немедля Степану под расписку вручается ультиматум. Или полная покорность, отказ от «брани» в адрес газеты «Баку» и ее редактора-издателя, или типография не станет печатать журнал. Выбор делайте сами.

Степан отвечает открытым письмом «Оскорбленная невинность»: «Мы спрашиваем вас, господин Вермишев, то, что вы там видели и что появилось в первом номере «Современной жизни» — это критика или брань? Если есть такие наивные читатели у «Баку», которые верят в искренность г. Вермишева, пусть прочтут они названную статью и судят о своем редакторе».

На выручку попавшему впросак редактору спешит заглавный публицист Гр. Старцев. Во всеоружии. «В только что вышедшей книге Г. В. Плеханова «От обороны к нападению» есть, между прочим, и глава о Горьком. Прелюбопытная глава. Особенно рекомендую прочесть ее тем, кто признает чуть ли не за смертный грех сколько-нибудь критическое отношение к Горькому.

— Это, — говорят, — пролетарский писатель... Певец пролетариата...

Вот что, однако, пишет об этом самом горьковском пролетарстве признанный вождь русской социал-демократии Г. В. Плеханов. Как художника он, конечно, ставит высоко Горького, даже слишком высоко, помещая его в одну группу с Толстым, Достоевским и Гоголем».

Далее скрупулезное перечисление всех негативных высказываний Плеханова о Горьком. «Таков, стало быть, Горький как публицист и проповедник социализма в описании Плеханова». И крик души — пусть Горький откажется от ненужной, убийственной для его таланта роли проповедника социализма, отойдет от политики. «К этому пожеланию, конечно, присоеди-

нятся все, кому дороги судьбы нашей художественной литературы, кто не привык делить ее на буржуазную и пролетарскую и кто превыше всего ставит красоту свободного художественного творчества... Ибо, если и есть что в мире, стоящее вне классовых условностей, так это только вечная красота».

На грех власти немного замешкались. «Современная жизнь» окончательно еще не удушена. На свободе пока и Степан. Он успевает поставить Гр. Старцева на подобающее ему место в почтительном расстоянии от Георгия Валентиновича.

«Правда, теперь о Горьком г. Старцев говорит осторожнее (*что значит существование рабочей газеты!*) и с этой своей осторожностью доходит до смешного: он пытается спрятаться за... Плехановым!

Надежная ширма!

Плеханов — в роли защитника «вечной красоты» и «внеклассового искусства» господ Старцевых.

Но ведь и Плеханов пробирает за что-то Горького. Да, Достоевский ходил по улице в шляпе — и Старцев ходит в шляпе».

Много времени пройдет — пять с лишним лет, — покуда Степан обретет новую возможность писать об Алексее Максимовиче, его общественных позициях, его творчестве. В рукаве гимназической шинели Сурен выносит из тюрьмы на Баиловском мысу листочки, мелко-мелко исписанные отцом. Отправляет их заказными пакетами в Тифлис Акопу Акопяну или прямо в редакцию еженедельной социал-демократической газеты «Пайкар» [1] — «Борьба».

Листочки нетерпеливо ждут. Читатели должны вовремя получить обзоры «Летописи» — литературного и политического журнала, основанного на исходе 1915 года в Петрограде Горьким. (Доставка журнала

---

[1] Стараниями С. Шаумяна и близкого ему большевика-литератора Асканаза Мравяна на страницах газеты «Пайкар» напечатаны переводы более двадцати произведений М. Горького, почти все его «Сказки об Италии». Помните отзыв Владимира Ильича: «Великолепными «Сказками» Вы очень и очень помогали «Звезде», и это меня радовало чрезвычайно...»

в тюрьму также на обязанности четырнадцатилетнего Сурена!)

«Летопись»... ныне справедливо считается самым серьезным и последовательным демократическим журналом. Можно сказать, что единственно только она осталась верна высшим принципам международной демократии...

Как всегда, украшением художественного отдела этого номера является продолжение «В людях» Горького. Это произведение носит автобиографический характер и касается юности Горького. Это произведение, вместе с его «Детством», вышедшим отдельной книгой, безусловно, займет видное место наряду с наилучшими произведениями русской художественной литературы. Каждая строчка Горького читается с большим эстетическим наслаждением и интересом».

В тюремной камере пишется и пространная рецензия о сборнике армянской литературы под редакцией М. Горького.

«...У М. Горького давно созрела прекрасная мысль — ознакомить русское общество с литературой малых народов, живущих вместе с ним единой политической жизнью. За этим армянским сборником последуют латышский, финский, азербайджанский, еврейский, украинский и другие.

«Сборник армянской литературы, — пишут издатели в своем кратком предисловии, — посвящен творчеству *русских* армян и составлен по плану армянского поэта Ваана Теряна при сотрудничестве гг. П. Макинцяна и Л. Калантар. Кроме того, издательство получило ценные указания со стороны В. Я. Брюсова и профессора Ю. Веселовского».

...К сборнику приложены две объемистые статьи, одна — «Армянский вопрос в России» г. Д. Анануна, другая — «Очерк армянской литературы» г. Макинцяна. Обе статьи дают русскому читателю краткие и интересные сведения об армянской истории и литературе. Однако в этих статьях вы не найдете нового слова или новой точки зрения... Следует, кроме того, добавить, что Д. Ананун в своей статье не сумел избавиться от плаксиво-псаломщического духа и стиля,

столь свойственного армянской публицистике, а г. Макинцян — от национальной кичливости, столь же характерной для нашей интеллигенции.

...Вторая ошибка Д. Ананупа в следующем: говоря о новых течениях и влияниях, появившихся в армянской жизни в 1905 году и немного раньше, он ни одним словом не упоминает о том влиянии, какое имела в армянской жизни общерусская марксистская партия. Но, замалчивая дела, совершенные этой партией, а также работающими под ее знаменем армянскими марксистами, Д. Ананун с высокомерной хвастливостью объявляет, как о крупном явлении в армянской жизни, что в 1904 году возникла новая партия — «Армянская социал-демократическая рабочая партия».

...Интересно, что в то время, когда из рядов общероссийских марксистов многочисленные интеллигенты и рабочие в течение ряда лет заполняли тюрьмы и сейчас десятками томятся, осужденные на каторжные работы и на вечное поселение в Сибирь, в это самое время ни жандармы, ни прокуратура не смогли даже через лупу заметить существование «армянской социал-демократической организации» и ни один арест не был произведен за принадлежность к этой «организации».

А Д. Ананун считает необходимым возвестить миру об этой важной исторической «партии» и то, изменив ее прежнее, более скромное название «организация».

Это значит, что люди горят порочной страстью к рекламе и самовосхвалению и спешат войти в историю.

Как неприятно и больно видеть эту мелкоту связанной с именем Максима Горького, обладающего столь великой и благородной душой!

...Заканчивая, мы должны сказать, что «Сборник армянской литературы» — хорошо задуманное и в общем удовлетворительно осуществленное начинание. Его редакторы и сотрудники приложили к составлению сборника много энергии и труда. Но в то же время мы не можем не прибавить, что знаменосец чистых интернациональных чувств и стремлений, Мак-

сим Горький, был достоин в этом деле лучших сотрудников.

Однако и тут мы не вправе кого-либо обвинять. Если бы на арене имелись соответствующие силы, М. Горький, вероятно, не был бы вынужден искать себе помощников среди не свободных от национализма «полумарксистов», лжемарксистов и немарксистов».

...Через много лет после гибели Степана Горький рекомендует Союзу писателей озаботиться об издании альманахов национальных литератур. И поместить, помимо художественных произведений, биографии грузин-народовольцев, участников персидской революции; биографии таких армян, как Шаумян, Камо. Это, по словам Алексея Максимовича, было бы «весьма эффектно».

Необходимая дань взаимному уважению, симпатии, любви.

13

В полуденный час, когда Баку окончательно изнемогает от июльской жары и расплавленный асфальт, как пластырь, липнет к ногам, в контору нефтепровода влетает мальчишка с Персидской улицы. Чрезвычайная эстафета от дальнего родственника Серго, помощника начальника железнодорожного узла Николая Орджоникидзе.

В переводе с грузинского послание гласит: «Степан, генацвале! Иди бегом!! Проклятая жара не дает маленькой возможности ждать. Надо кончать бочонок с симпатичным вином из Парижа. Обнимаю тебя!»

Расспрашивать ни о чем не приходится. Надо идти бегом. Тем более что Николай и Степан к вину вообще-то равнодушны. Есть — выпьют, а нет, так и не заметят отсутствия.

«Симпатичное вино из Парижа... Симпатичное вино из Парижа!» — напевает Степан всю дорогу, нисколько не догадываясь, что его ждет.

Стол и в самом деле накрыт. Обложен льдом бурдюк с вином. Самым лучшим, доставленным из веселых зеленых гор родной Имеретии. А из Парижа... гость, неистово кружащий по комнате Степана. Серго!

Потом они уединяются. Серго со щедростью рождественского деда выкладывает новости.

— Поздравляю, дорогой! «Старик» очень настаивает, чтобы ты вошел в Организационную комиссию. Ничего не понимаешь, что за комиссия? Тогда слушай все сначала. После театра «Старик» зовет меня погулять по Парижу. На бульваре я, как всегда, покупаю жареные каштаны, набиваю карманы. Ильич улыбается очень хитро. Спрашивает: «Товарищ Серго, как вы отнесетесь к предложению немедленно выехать в Россию?» Знаешь, я, имеретин, загораюсь сразу! «Владимир Ильич, вы спрашиваете... вы не уверены?!»

«Старик» берет меня об руку. «Дорогой друг! Убеждать слишком поздно. Сегодня на совещании членов Цека, живущих за границей, я, наконец, добился согласия послать в Россию уполномоченного. Поедете вы. С вами Семен и Захар. Сформируете Российскую организационную комиссию. Архиэнергично, во что бы то ни стало начнете готовить партийную конференцию». Ты тоже! Ты, Степан, самый первый кандидат...

Слушай, что дальше говорит. «Обстановка архитрудная. Распад и шатания велики. Против нас не только авторы сборника «Вехи» — этой энциклопедии буржуазного ренегатства. В стане противника и правые ликвидаторы, добивающиеся разрешения на организацию легальной столыпинской рабочей партии, и ликвидаторы «слева», и революционеры фразы — отзовисты и «внефракционные» поклонники Троцкого... Ко всему, правительство опутывает рабочие организации густой сетью провокатуры. Это не старые шпики, торчащие на углах! Вы с этим столкнетесь, едва приступите к работе в России, товарищ Николай!.. Да, да. В России вы — Николай!..» Сам смеется, заливается.

Так я и представился в Киеве «Товарищ Николай». Киевский комитет первым проголосовал за созыв конференции нашей старой, испытанной в борьбе Эрэсдэрпе. Выдвинул своего делегата в Организационную комиссию. Понимаешь, силы наши сразу удвоились, он да я... Киевлянин двинулся в Екатеринослав, я —

в Ростов. Алешу уже не застал. Он в тюрьме... Теперь ты рассказывай, что в родном нашем Баку.

Серго спешит добавить:

— Не знаю, дошло ли до тебя? «Старик» считает бакинскую и киевскую организации образцовыми, самыми передовыми в России. А тебя, брат, пробирает за редкие известия. Говорит, молчальник наш кавказский друг...

Долго оставаться в Баку Серго не может. Надо торопиться в Тифлис. Там скверно — верховодят любители спокойной жизни, те, с кого вполне достаточно крох, время от времени подбрасываемых с богатого стола наместника. На Каспии справится старожил Степан. Поддержка ему обеспечена. Мнение Бакинского комитета твердое — самое существование РСДРП, как нелегальной политической партии российского пролетариата, зависит от скорейшего созыва конференции.

Чтобы дело сдвинулось с мертвой точки, бакинцы зовут все местные и областные центры немедленно приступить к созданию Российской организационной комиссии. К ней должна перейти *вся* (слово «вся» Степан подчеркивает двумя жирными линиями) работа по подготовке конференции.

Чуть позднее в своем первом официальном отчете Серго напишет: «...несмотря на репрессии, местной охранке не удалось вырвать с корнем бакинскую социал-демократическую организацию. Да это и невозможно, ибо в Баку социал-демократия пустила глубокие корни, и вырвать ее нет возможности».

И в письме к Ильичу добавит: «Жизненность, бодрость и преданность, вот чем живут здесь. Здесь дела обстоят гораздо лучше, чем где-либо... О ликвидаторах и слышать никто не желает».

Далеко не так хорошо положение самого Серго. За долгие годы он не то чтобы привык, но как-то сжился с мыслью о неизбежности борьбы с охранкой, с полицией, жандармскими ротмистрами и генерал-губернаторами. Он знает, как бороться, умеет побеждать — этому способствовали и собственный нелегкий опыт, и школа Камо, и имеретинская лукавая наход-

чивость. Несравненно болезненнее Орджоникидзе (как и более старший годами Степан!) воспринимает удары в спину, западни, втайне подготовленные мнимыми единомышленниками.

Выиграв трудный бой в Тифлисе, Серго возвращается на Каспий. С недоумением и плохо сдерживаемым гневом узнает, что все его десять писем и несколько телеграмм оставлены без ответа Заграничной организационной комиссией[1], чьим уполномоченным он формально является. Нет и денежного перевода. Не на что даже купить билет до Ростова, где снова зашевелились ликвидаторы, подбодренные приездом из Вены представителя «внефракционного» Троцкого.

Чтобы как-то облегчить положение Серго, Степан посылает экспрессом письмо Крупской. (Для конспирации вся почта Ленина адресуется Надежде Константиновне.)

«Особенно печально было молчание по отношению к Серго. Около месяца оставили человека без денег для продолжения работы и в полном неведении. Ему приходилось делать самые неприятные предположения. Ввиду такого отношения ОК к делу и к людям мы теперь мало верим в работоспособность ее... Об этом я прошу передать им. Кроме недоверия, их отношение вызвало возмущение всех товарищей.

...Местные дела идут обычным ходом, то есть для последнего времени недурно. Есть новые хорошие предприятия, но считаю неудобным писать о них. Верьте на слово... Примите и передайте В. И-чу дружеский привет от меня, Авеля и других».

Из всех предположений Серго и Степана оправдалось самое неприятное. Заграничную организационную комиссию к тому времени окончательно прибрали

---

[1] Заграничная организационная комиссия — ЗОК — создана в июне 1911 года на совещании членов ЦК РСДРП, находившихся за рубежом. Задача ЗОК — подготовить VI Всероссийскую конференцию партии. Вскоре тон в ЗОК стали задавать примиренцы и поддерживавшие их представители польской социал-демократии. В ноябре ЗОК отказалась подчиниться Российской организационной комиссии — РОК. Большевики порвали с ЗОК.

к рукам явные и тайные ликвидаторы. Представитель ленинцев Владимирский один ничего сделать не может... И то, что Орджоникидзе испытывает этой осенью в Баку, Ростове, Тифлисе, еще сравнительно мелкие гадости...

Быстро приближается развязка. 29 сентября на нефтяном промысле в Сабунчах открывается первое заседание Российской организационной комиссии. Присутствуют делегаты киевской, екатеринбургской, екатеринославской, тифлисской и бакинской организаций. Посланца Питера в пути перехватила охранка.

Один из делегатов высказывает опасение:

— Нас здесь сравнительно немного. Далеко не все организации представлены. Пожалуй, не следовало бы объявлять себя Российской организационной комиссией. Подождем, поработаем еще.

Серго сообщает, что за неотложный созыв общепартийной конференции высказываются Петербург, Москва, Киев, Екатеринбург, Ростов, Баку, Екатеринослав, Тифлис, Нижний Новгород и Сормово. Современное положение дел в партии заставляет, обязывает взять на себя трудную работу и довести ее до конца. Предложение «подождать» дружно проваливают.

Назавтра Организационная комиссия должна снова собраться. А пока Степан и Серго отправляются в клуб общества «Наука». На ночное собрание актива. Здесь же и Мирон. Он полон рвения. Исправно получает чаевые, то бишь наградные. Карьера его обеспечена, особенно если удастся...

Ротмистр возбужденно поглядывает на часы. Клуб, должно быть, уже окружен конной и пешей полицией. Жандармы внутри здания... Набросать, что ли, депешу покровителю и милостивцу Ивану Иосифовичу, к утру как раз доставят. Тэк-с! «Мною было признано своевременным приступить к общей ликвидации...»

Если не считать Серго, волей случая вырвавшегося из густых сетей охранки — он вышел купить папирос, ночной ларек отыскал не сразу, а когда вернулся и увидел полицейский наряд, то, конечно, уже не

вошел... Той же ночью отправил всех делегатов и сам подался в Тифлис. Там на Андреевской улице, в доме номер тридцать, где квартирует скромная учительница — она же секретарь подпольного большевистского центра — Елена Дмитриевна Стасова, Организационная комиссия благополучно продолжает свою работу.

Так, если не считать Серго, все участники ночного собрания — и провокатор Мирон для дальнейшей полезной службы! — упрятаны в камеру № 71 городской тюрьмы[1]. Сидеть им до половины июня следующего года, покуда сам наместник Кавказа определит наказание. Режим более чем строгий. За малейшую провинность — карцер. А все же... Не раз и не два бежавший из тюрем и ссылок Авель Сафронович Енукидзе — бывший паровозный машинист, организатор первого в Баку рабочего марксистского кружка, один из создателей знаменитой типографии «Нина» — находит лазейку. Устанавливает верную связь с бакинским подпольем, с заграницей. И через все преграды в тюрьму попадает записка от Ленина: «Очень и очень рад был получить от вас весточку.

---

[1] В Баку было несколько тюрем. В рукописи Сурена, в его «Заметках для биографа» («Бакинский рабочий» от 20 сентября 1928 года) называется Шемахинская тюрьма. «Условия содержания в Шемахинской тюрьме были тяжелые... Начальник тюрьмы Алексеев, грубое животное, особенно ненавидел политических. Его достойным помощником, превосходившим начальника в жестокости, был Рутович. Показателем режима в Шемахинской тюрьме может служить следующий факт. В Баку впервые прилетел аэроплан — летчик Васильев на аппарате «блерио» Товарищ Степан и его друзья, услышав диковинный гул мотора, естественно, бросились к единственному окну. По тюремному распорядку арестанты не имеют права стоять у окна. Возмездие немедленное — карцер на семь суток.

Карцер в Шемахинской тюрьме в подземелье. Чтобы добраться до него, нужно пройти ряд темных и сырых коридоров. Недостаток кислорода сказывался так остро, что маленькая керосиновая лампа — единственный источник света — задыхалась, гасла. Кровати, стулья — все заменяет цементный пол. Для пущей острастки, Рутович приказал налить на пол воды, чтобы наказанные не могли ложиться. Все за проявленный интерес к отечественной авиации! .»

У Степана немало и других случаев оценить и запомнить все достоинства карцера Шемахинки.

...Надеюсь, что вы недолго пробудете в теперешнем вашем местожительстве. Я живу попрежнему, устал немного за последнее время, но в общем чувствую себя хорошо и очень доволен. Если есть еще общие знакомые, — горячий привет от меня и от моей жены. Желаю вам и всем друзьям бодрости и здоровья.

Ваш Вл. Ильич».

Почта Авеля действует так ловко, что провокатор, от которого никуда не скроешься в четырех стенах тесной камеры, остается в полном неведении.

Единственно, что Мирон замечает, это все большую неприязнь к себе Степана. При малейшей возможности Шаумян — мягкий, добрый, заботливый Шаумян — выказывает свою предельную антипатию. И заражает Авеля, Славу Каспарова. Те еще как-то сдерживаются, стараются себя переломить, а Степан при приближении Мирона превращается в колючий шар. Беспричинно. Никогда между ними не было никаких столкновений. У Степана никаких затаенных обид, подозрений! Не может видеть — и все!

Ничего объяснить не в состоянии и Надежда Константиновна. Судьба, или, точнее, департамент полиции, ее тоже сведет с Мироном. И она заявит вроде Степана: «Нам Мирон не понравился, и я даже ночевку ему не стала устраивать...»

Одна, две, десять, двадцать ночевок на соседних с Мироном нарах. Надежд на скорое освобождение — никаких. Уединяться в карцер, как это сгоряча делает Степан в первое время, слишком уж большая услуга тюремщикам. Остается единственная, притом вполне законная возможность. Потребовать к себе в камеру книги по русской и зарубежной истории, философии, статистике и, конечно же, по искусству!.. В безграничном милосердии своем августейший монарх высочайше дозволил политическим пользоваться тюремной библиотекой, а также выписывать книги с «воли».

Двадцать пятого октября после утренней поверки старший надзиратель Смирнов доставляет Степану связку книг и тетрадь в клеенчатом переплете непременно черного цвета. Восемьдесят листов в одну линейку, пронумерованных, прошитых шнуром и удо-

стоенных казенной сургучной печати с двуглавым орлом.

Сразу куда-то отодвигаются, исчезают из глаз частая, мелкая решетка на окошке, параша, Мирон. Рука нетерпеливо выводит поперек листа, подклеенного с внутренней стороны к переплету:

«ПРОСЬБА ОСТАВИТЬ ДО ВЫХОДА ИЗ ТЮРЬМЫ».

Жидкие чернила того же обязательно черного цвета подтекают. Не терпящий малейшей неаккуратности, Степан все записи делает тонко отточенным мягким карандашом.

Настроению сейчас всего больше соответствуют слова Фридриха Ницше:

«Mihi ipsi Scripsi
Alois Riehe.
Friedr. Nitze».

Дальше четыре страницы на немецком языке. Мысли о философах второй половины XIX и начала XX века.

Неожиданный бросок через тысячелетия к событиям Троянской войны. Содержание «Илиады» [1] Гомера на русском, армянском и немецком языках. От Илиона — Трои — к острову Святой Елены:

«1. Наполеон на острове Св. Ел. (по документам ген. Гурго).

2. Соперник Наполеона (Моро).

3. Второй брак Наполеона — Погодина.

«Женщина — машина для производства детей». (Нап.)».Между конспектами — «Идеальное государство «Платона» К. Каутского и «История философии» Льюиса, множество самых различных сведений, цифровых выкладок, замечаний:

«...Монах Тецель при продаже индульгенций: «Стоит лишь деньге зазвенеть в ящике, как душа выпрыгивает из ада...»

---

[1] Кетеван долгие-долгие годы хранила «Илиаду», подаренную Степану Авелем в тюремной камере. И так как в кругу друзей обоих звали Аяксами, то Авель написал: «Аяксу Теламониду — сын Оилея Аякс».

«...Впоследствии говорили: «Эразм снес яйцо, а Лютер его высидел...»

«За Париж стоит заплатить обедней» — слова Генр. IV, когда он решил принять католичество, убедившись в невозможности взять Париж, во время осады»...

«Суровый кардинал (Ришелье — нач. XVII в.) смотрел на народ, как на податную массу... что народу совсем не нужно благосостояния, — иначе он, пожалуй, вышел бы из повиновения. Науки и искусства, по его мнению, должны были служить украшением государства, но он считал, что людям низшего звания более приличествует грубое невежество, чем тонкость знания».

«...Тюрго-физиократ (1728—1781) оказал большое влияние на Ад. Смита...»

«...В Австрии — колебания между *Централизмом, дуализмом* и *федерализмом.* В 1867 г. остановились на дуалистическ. конституции...»

«...Истины суть не что иное, как познание отношения...»

«...Переделывая карту Европы, Венск. конгресс заботился и о политическом равновесии, но совершенно не принимал в расчет *принципа национальности,* разъединяя политически нации, чувствовавшие свое единство, и соединяя в одно целое чуждые друг другу народы».

«...Фихте—родоначальник теории о превосходстве отдельных народов над другими и об особых миссиях этих народов в истории...»

«...Тьма» Луначарского (об Андрееве). Спиноза сказал: «Свободный человек» ни о чем так мало не думает, как о смерти». А русские буржуазные писатели (после 1905 г. в Рос.), стремящиеся быть «свободными людьми», только и думают, что о смерти, боятся!...»

«...Слова Генри Джорджа: «Я никогда не имел никаких поползновений к тому, чтобы сделаться нарочитым другом трудящихся... Чего я требовал и требую, так это равенства прав для всех людей...»

Черновик заказа «книжному складу типографии

15

„Ja! Ich weiss, woher ich stamme!
Ungesättigt gleich der Flamme
Glühe und verzehr' ich mich.
Licht wird alles, was ich fasse,
Kohle alles, was ich lasse:
Flamme bin ich sicherlich!"

Nietzsche – „Ecce homo"

Каутский „Томас Мор" (продолжение – начало см. стр. 26)

Конституция 1850 года в Пруссии действует и по настоящее время.

„Чартистское" движение – в 1838 г. была составлена „народная хартия" – по-английски „чартер".

Уничтожение рабства в колониях Англии – 1834 г.
Во французских колониях – 1848 г.

Страницы из тюремной

„Экономическая система Карла Маркса с научной стороны"

Популярный очерк Г. Гросса

Письмо Маркса к Томасу Сиверсу незадолго перед смертью. Друг мой! пишу от имени старого больного изгнанника, который удивляется. Но мне не дает покоя желание ответить другу и моим единомышленникам. В Бонне в настоящее время много говорят о нас [illegible], преступным действием несчастных людей или ослепленных индивидуумов воспользовались для того чтобы . О Боже мой! Для того ли дожил я до старости, чтобы видеть, что большинство моих соотечественников меня так и ни когда-нибудь не поймут истинную социал-демократию!... Неужели благомыслящие люди могут смешивать анархизм и мой социализм! Как это ни печально, но я боюсь что это так. Всякому, кто знает меня, известно, что я с юных лет трудился и пра-

тетради С. Шаумяна. .

М. М. Стасюлевича. СПБ. Васильевский остров, 5 л., 28»... Названия прочитанных книг, фамилии авторов (прямая необходимость, не запишешь — лишишься права пользоваться тюремной библиотекой, и тетрадь отнимут):

«Письма Маркса и Энгельса к Ник.-ону. Письма к Зорге, к Кугельману. Воспоминания Наполеона, Вильгельма Либкнехта, Поля Лафарга. «История Германской социал-демократии» Меринга. «Научные законы развития народов в связи с наследственностью и естественным подбором» Багетота. «Общее учение о государстве» Еллинека. «Государство — город античного мира» — сборник. «Сочинения» историка и социолога проф. М. Ковалевского — три тома. «Происхождение Германской империи» Дживелегова. «Избранные речи и статьи» Генри Джорджа. «Энциклики» папы Льва XIII. Милюков, Гревс, Кизеветтер, Виноградов и др. Сборник статей. «Вестник Европы», «Русское богатство», «Вестник самообразования», 1910, 1911. Чехов, т. 3. Горький «На дне»...

На последней странице жирная черта. Собственноручное заключение помощника начальника тюрьмы: «Сия тетрадь за № 1 отобрана за окончанием. 10/I 1912 г.».

Степан получает тетрадь номер два. За ней номера три, четыре, пять!.. Авель Енукидзе подшучивает: «Мало, что ты изводишь на свои сомнительные писания казенные тетради, ты еще предерзко злоупотребляешь драгоценным временем высоких чинов, снисходящих до тебя...» Намек на обязанность тюремных деятелей в какие-то известные им сроки пришлепывать на тетради овальный фиолетовый штамп «Проверено...». Число и подпись.

Степан, напротив, все больше входит во вкус. Затевает писать новые статьи для отнюдь не благонамеренного журнала «Нор хоск» — «Новое слово»[1].

---

[1] «Нор хоск» — двухнедельный большевистский журнал, выходит в Баку с октября 1911 по январь 1912 года. В нем напечатано несколько статей Шаумяна, находящегося в тюрьме: «Действительность и перспективы», «Рецензия. П. Петрович —

И требует, чтобы всемогущий Авель добыл бумагу, не пронумерованную, не испачканную казенной печатью. Желательно тонкую и без линий.

Совсем несхожие, даже очень разные темы, материалы, время, участники событий. В одном случае — «В. Папазян в роли историка» — рецензия на серию брошюр, изданных Бакинским армянским культурным союзом. В другом — «Как О. Сагателян сам себя избрал в члены Третьей Государственной думы» — личные воспоминания. А адрес, направление главного удара ничуть не разнятся — армянский национализм, дашнаки, «специфики».

Узник Шемахинской тюрьмы первым возвышает голос против «традиционного» националистически клерикального (Степан пишет просто «поповского»!) изображения прошлого Армении «как истории борьбы добрых и злых ангелов, истории борьбы патриотических и добродетельных армянских царей и князей...».

Авторы брошюр снисходительно допускают, что в старину существовал и народ, без этого нельзя. «Армянский народ был совершенно невежественным, темным, диким и, главное, несознательным», — заверяет своим честным словом В. Папазян, писатель-беллетрист и главный автор рецензируемой Степаном серии.

По возможности сохраняя спокойствие, Степан растолковывает основополагающую истину: «История только тогда перестает быть сказкой, простым рассказом и действительно становится *историей,* когда излагаемые в ней события, происшествия, деятельность исторических личностей подвергаются серьезно-

---

Рабочие бакинского нефтепромышленного района», «Вселенский» попугай» — о книге теоретика «Дашнакцутюна» Микаэла Варандяна. Любитель звучных слов, Варандян часто весьма не к месту употребляет «вселенная», «вселенский», «с точки зрения вселенной». И Степан, объясняя несколько необычное название своей работы, замечает: «Узкие границы земного шара не удовлетворяют г. Варандяна».

Обещанное продолжение «Вселенского» попугая», а также «В. Папазян в роли историка» и «Как господин Сагателян сам себя избрал в члены Третьей Государственной думы «попадают на «волю» слишком поздно, после запрещения журнала.

му критическому освещению, когда выявляются причинная связь и закономерность между событиями и действиями людей.

...Но за это должна приняться наша новая, марксистская молодежь. Будучи призвана, как и везде, где она появляется, к «переоценке всех ценностей», вооруженная новым научным методом *материалистического понимания истории,* она должна... пролить свет на наше историческое прошлое От Папазянов в этом направлении, конечно, нечего ждать.

...Несомненно, что книжки с восхвалением полезной для нации деятельности царей, «знати», с идеализацией прекрасного прошлого армянской земли, ничего не давая уму читателя, вместе с тем будут ласкать и развивать его слепые патриотические чувства, то есть сделают именно то, что делают «патриотические» издания русских и других националистов. Г-н Папазян, несомненно, с пренебрежением и осуждением отнесется к подобным изданиям русских хулиганов, грузинских шовинистов, но в своей наивности и высокомерии он, может быть, и не подозревает, что сам делает то же самое.

...Печальную картину представляет г. Папазян своими историческими воззрениями и положениями. Но будет еще более печальным, если в данном случае г. Папазян выступил на арену как наемный писака. Как низко пали, как осквернены наши литературные нравы, если обстоятельства вынуждают делать подобные предположения о писателе, имеющем известное имя!»

Почта, известно, далеко не всегда приносит радостные вести. В двадцатых числах марта Авель достает из своего тайника крохотную полоску бумаги. «18 Балаханах взят Тимофей».

Подробности неделю спустя рассказывает сам Тимофей — Сурен Спандарян — на прогулке в тюремном дворе. Его камера двумя этажами ниже. Общая. Там же арестованные вместе с ним Мухтадир Айдинбеков, Кази Магомед, Григорий Калинин. При обыске ни у кого из них ничего не найдено. Обвине-

ние обычное — «принадлежность к социал-демократической партии, противоправительственная агитация».

Не сразу, путем сложных ухищрений Степану и Сурену удается на очередной прогулке встать в одну пару. Теперь Сурен может поведать главное:

— Конференция состоялась. В январе. В Праге. Полный разрыв с ликвидаторами и другими отступниками. Избран новый состав Центрального Комитета. Ты, Степан, кандидат в члены Цека. Работой Русского бюро руководит Серго. В прошлом месяце он был в Тифлисе. Болезненно переживает за вас с Авелем. С большим трудом Елена Дмитриевна и я удержали его от поездки в Баку. Вбил себе в голову, что обязан сам попытаться освободить вас. В одном с ним нельзя не согласиться, был бы на Кавказе Камо...

Камо далеко. Он скитается за границей, сидит в тюрьме в Константинополе. И нагоняет немалый страх на департамент полиции. Из Петербурга строжайший приказ начальнику тифлисского губернского жандармского управления полковнику Пастрюлину: «Соблаговолите немедленно уведомить о мерах, принятых в связи с предполагаемым побегом Шаумяна и прибытием для указанной цели «Камо» (Тер-Петросян)».

Что ответить? Тайный сотрудник Джорджадзе характеризуется с самой лучшей стороны. Сведения его всегда достоверны, способствовали многим ликвидациям. Шестнадцатого апреля он известил: «В Бакинской тюрьме содержится Степан Шаумян, большевик, заведовавший нефтепроводом Шибаева. Ему вменяется в вину участие в ограблении 250 тысяч рублей на Эриванской площади в городе Тифлисе. В настоящее время в городе Баку находится Камо, который занят подготовкой побега Шаумяна...»

Полковник сам мчится в Баку. Во главе целого отряда чинов и агентов. Полтора месяца усиленных размышлений, поисков, надежд и разочарований. Только шестого июня трепетной рукой пишется успокоительный ответ в Петербург: «О предполагаемом побеге Шаумяна... сведений не имеется, и Семен Тер-Петросян (Камо) в Баку не разыскан».

14

Дежурный редактор Черномазов, насупившись, просматривает почту «Правды» за 27 октября 1912 года. Ничего мало-мальски существенного. Бесконечная серая муть, такая же, как вся осточертевшая питерская осень за окном. Что из нее выловишь?

Рука машинально взрезает очередной конверт. Ну, что там еще? «Выборы по Астраханской губернии...» «Сочувствующий рабочей демократии д-р Нариманов...» Бог мой! Рука Степана! Его мелкие, хорошо выписанные буквы...

Загоревшийся взгляд жадно ищет подписи на обороте листа. Так, так. «Астрахань, 21 октября.

Прошу верить, пишет ссыльный товарищ ленинец. Адрес свой сообщу как-нибудь особо...» Зачем еще особо? Все так ясно!..

В канцелярию тюрьмы из камеры № 71 их вызывали по одному. «Объявляется постановление наместника его императорского величества на Кавказе... На основании параграфа 4 статьи 27 тома второго... административная высылка из пределов края сроком на пять лет».

Каждый волен назвать, куда он предпочитает отправиться, само собой, из мест, высочайше дозволенных для жительства неблагонадежных. Авель Енукидзе выбирает заштатный городок в Северо-Западном крае — ему необходимо поближе к Питеру. Степан указывает на Астрахань — оттуда всего удобнее наладить связь с Баку. Слава Каспаров хлопочет о туберкулезном санатории в горах Швейцарии — это единственная надежда продлить немного жизнь. Ну, а Мирон... Мирон Черномазов также для укрепления здоровья определяется в... заграничную агентуру. В Париж.

Репутация у него великолепная, чему немало способствует отсидка в Шемахинской тюрьме. Страдалец всюду вхож. Завязывает новые связи, необходимые департаменту полиции. Настолько успешно, что Черномазова приглашают в редакцию «Правды». По пути в Россию он желает нанести визит Ильичам.

Вкрадчивый, необыкновенно почтительный, заглядывающий в глаза — вышколенный ротмистрами и полковниками из особого корпуса жандармов — Черномазов чем-то отталкивает. Надежда Константиновна впервые в жизни отказывается позаботиться о приезжем, бездомном. Нет Мирону места под крышей. Всю ночь провокатор вышагивает по Кракову.

Все сводится к легкому испугу. Охранка благополучно сохраняет тайного сотрудника в «Правде». Член редакции Черномазов «выбрасывает в корзину» труды Ленина. Статьи Ильича то «пропадают без вести», то задерживаются сверх всякой меры. Не забыть Надежде Константиновне: «Ильич тогда нервничал, писал в «Правду» сердитые письма, но помогало мало». Мирон еще в начале карьеры, в Баку, отличался большой старательностью.

Господин Черномазов вертит в руках письмо из Астрахани, прокламацию, приложенную к нему. Размышляет: «Так, листовочку, значит, просите переслать Ильичу... Отчего же не доставить... в свое время, после доклада господину Белецкому». С некоторых пор Мирон вхож к самому шефу департамента полиции.

На заседании редакции тайный сотрудник произносит прочувствованную речь: «Вчерашняя почта доставила мне много радости. Ссыльный товарищ, преследуемый полицейскими ищейками и трогательно заверяющий редакцию «прошу верить, пишет ленинец», сообщает нам из Астрахани, я читаю: «Выборы в Думу доказали с несомненностью, что население значительно полевело... Среди рабочих сохранилось влияние социал-демократов». Не скрою и своей личной заинтересованности. Доктор Нариманов, весьма сочувственно описанный ссыльным товарищем, наш дорогой бакинец! Общественный деятель, литератор и беллетрист необыкновенно почитаемый!.. Я позволил себе распорядиться поместить корреспонденцию в ближайший номер».

Ближе к весне приходит второе письмо из Астрахани. Почти одновременно появляется и автор, втайне отлучившийся из ссылки в столицу. «Мы, — делится

старый товарищ Степана, также отбывающий ссылку в Астрахани, Ашот Хумарян, — кое-как собрали средства и отправили его». Необходимо. Срочный вызов от одного из старейших российских революционеров, депутата Государственной думы от рабочих Екатеринославской губернии, Григория Ивановича Петровского. Причина тайны для Степана не составляет. Еще в феврале с оказией была весточка от Авеля. В Кракове у Ленина собирались члены ЦК и большевики — депутаты думы. Все обеспокоены положением в «Правде». Намечается «составить коллегию во главе с тобой (с согласия Ильича), которая взяла бы эту газету в руки». И Крупская настойчиво добивается от товарищей из питерского и кавказского подполья «как можно скорее адрес Суренина, ибо он очень нужен».

В Петербурге, в ходе переговоров с членами Русского бюро ЦК и редакции «Правды», Степан ставит непременное условие — роспуск существующей редколлегии и предоставление ему права самостоятельного набора новых сотрудников. Личных оценок, претензий, обращенных персонально к тому или другому работнику редакции, Степан не высказывает. Черномазова обходит стороной, на его поклоны не отвечает.

У Шаумяна находится сильный, умный союзник. Михаил Степанович Ольминский — один из создателей РСДРП, превосходный публицист, стоявший вместе с Лениным во главе многих большевистских изданий. По признанию Петровского, «Ольминский мне решительно заявлял, что Черномазов либо провокатор, либо дурак. В том и другом случае Черномазова надо прогнать.

— Поверьте мне, — настаивал Ольминский, — как старому литератору, что если я это говорю, то это верно».

Григорий Иванович отвечает, что и он симпатии к Черномазову не питает, «что-то в нем есть такое...». Но голоса своего за условия Степана не подает. О чем впоследствии весьма сожалеет. «Мы большую потерю понесли, не утвердив Шаумяна редактором. Надо было согласиться на все требования».

Степан возвращается в Астрахань. Немного погодя обращается к Ильичу: «Получил на днях письмо, думаю, от Вас или Н. К. Очень Вам благодарен за память. Живу и служу сейчас в 20-ти верстах от Астрахани. Писать можно мне по тому же адресу и тем же способом. О моей неудавшейся попытке устроиться в Питере и быть полезным Вы, как мне писал на днях Авель, уже знаете. Очень жаль, что в силу некоторых личных условий я не мог проявить больше настойчивости и добиться того, чего нужно было добиться. Впрочем, как выяснилось по возвращении моем сюда, едва ли мне можно было бы остаться в Питере по полицейским условиям».

Это Мирон из кожи лез. В предельной ненависти к Шаумяну он забывает о всякой осторожности, настаивает, чтобы самовольно покинувшего место ссылки Степана схватили тут же в столице, упрятали в крепость или на худой конец этапом в Сибирь... Шеф — господин Белецкий поумнее. Тонким зеленым карандашом (любимый цвет директора департамента полиции, в подражание ему обязательные ротмистры обзаводятся папками для бумаг зеленого и светло-салатного цвета) он пишет на полях доноса: «Ликвидация желательна, но допустима исключительно лишь местным связям по прошествию достаточного времени. Безопасность Шаумяна в Петербурге обязательна ради сохранения нашего сотрудника в «Правде».

Все остается по-прежнему. Тридцатого сентября Енукидзе в необычном для себя минорном тоне обращается к Степану: «Твое отсутствие здесь сильно сказывается на делах в «Правде» и во многих других делах. Это чувствует и Ильич (и об этом он говорит)».

Своего полного расположения к Степану Владимир Ильич не скрывает. Охотно принимает его дружбу, с такой же душевной щедростью отвечает. На всех самых крутых поворотах они локоть к локтю. И никогда никаких послаблений, недомолвок, нарочитого сглаживания острых углов. Наоборот! Все в лоб, все резко, *обнажено, чтобы ничто не осталось, не проросло* в закутках души.

Из Кракова в Астрахань:

«6.XII.1913.

Дорогой друг! Очень рад был Вашему письму[1] от 15.XI. Вы должны знать, что в моем положении страшно ценишь отзывы товарищей из России, особенно вдумчивых и занимающихся данным вопросом. Ваш быстрый отклик был поэтому для меня особенно приятен. Чувствуешь себя менее оторванным, когда получаешь такие письма. Но — довольно лирики. К делу.

1. Вы *за* государственный язык в России. Он «необходим: он имел и будет иметь крупное прогрессивное значение». Решительно несогласен. Я писал об этом давно в «Правде» и пока не встречал опровержения. Ваш довод совсем меня не убеждает, — напротив. Прогрессивное значение *русский* язык имел для тьмы мелких и отсталых наций — бесспорно. Но неужели вы не видите, что он *имел бы* прогрессивное значение еще в большем размере, если бы не было принуждения? Что же, разве «государственный язык» не означает палки, *отбивающей* от русского языка? Как Вы не хотите понять той *психологии*, которая

[1] Это письмо Шаумяна Ленину затерялось, должно быть, бесследно. Резкий ответ Владимира Ильича обнародовал сам Степан в первых числах марта 1918 года в газетах Бакинской коммуны. От себя Степан прибавил немногое: «Тов. Ленин цитирует некоторые места из письма Шаумяна и подвергает их критике. Неважно то, что некоторые пункты, по которым он возражает, не совсем правильно поняты тов. Лениным. Письмо, печатаемое нами, имеет большое значение как определенное и ясное выражение взглядов Ленина по национальному вопросу.

Когда партия большевиков выдвинула и стала усиленно подчеркивать во время революции право на самоопределение, наши противники кричали, что это делается нами с демагогическими целями и для дискредитирования правительства Керенского. Это письмо показывает, что взгляды, защищаемые нашей партией в настоящее время, в точности высказывались Лениным еще в 1913 году.

...Из письма тов. Ленина должно быть понятно, что мы будем стоять за отделение в тех случаях, когда это диктуется интересами трудящихся масс и когда этого требуют сами эти массы, составляющие большинство нации.

...Мы рекомендуем товарищам рабочим внимательно вчитаться в приводимое письмо тов. Ленина, ибо национальный вопрос является одним из важнейших вопросов нашей революции».

особенно важна в национальном вопросе и которая при малейшем принуждении поганит, пакостит, сводит на нет бесспорное прогрессивное значение централизации, больших государств, единого языка?? Но еще важнее экономика, *чем* психология: в России *уже* есть *капиталистическая* экономика, делающая *русский* язык необходимым. И Вы не верите в силу экономики и хотите костылями полицейской швали «подкрепить» экономику?? Неужели Вы не видите, что этим Вы *уродуете* экономику, тормозите ее?? Неужели отпадение паршивой полицейщины не удесятерит (утысячерит) вольные союзы охраны и распространения русского языка?? Нет, абсолютно несогласен с Вами и обвиняю Вас в königlich preussischer Sozialismus*!

2. Вы *против* автономии. Вы *только* за областное самоуправление. Никак несогласен. Вспомните разъяснения Энгельса, что централизация вовсе не исключает местных «свобод». Почему Польше автономия, а Кавказу, Югу, Уралу нет?? Ведь *пределы* автономии определит центральный парламент! Мы за демократический централизм, безусловно. Мы против *федерации*. Мы за якобинцев против жирондистов. Но бояться автономии — в России... помилуйте, это смешно! Это реакционно. Приведите мне пример, придумайте пример, где автономия *может* стать вредной! Не приведете. А узкое толкование: только самоуправление — в России (и в Пруссии) наруку поганой полицейщине.

3. «Право на самоопределение не означает только право на отделение. Оно означает также право на федеративную связь, право на автономию», — пишете Вы. Абсолютно несогласен. Оно *не* означает права на *федерацию*. Федерация есть союз равных, союз, требующий *общего* согласия. Как же может быть *право* *одной* стороны на *согласие* с ней другой стороны?? Это абсурд. Мы в принципе против федерации — она ослабляет экономическую связь, она негодный тип для одного государства. Хочешь отделиться? Проваливай к дьяволу, если ты можешь порвать экономическую связь, или, вернее, если гнет и трения «сожительства»

---

* Королевско-прусском социализме. — *Ред.*

таковы, что они *портят* и губят дело экономической связи. Не хочешь отделяться? Тогда извини, *за* меня не решай, не думай, что ты имеешь *«право»* на федерацию.

«Право на автономию»?? Опять неверно. Мы за *автономию* для **всех** частей, мы за *право* отделения (а не *за отделение* всех!). Автономия есть *наш* план устройства демократического государства. Отделение вовсе не наш план. Отделения мы вовсе не проповедуем. В общем, мы против отделения. Но мы стоим за *право* на отделение ввиду черносотенного великорусского национализма, который так испоганил дело национального сожительства, что иногда *больше* связи получится *после* свободного отделения!!

Право на самоопределение есть *исключение* из нашей общей посылки централизма. Исключение это безусловно необходимо перед лицом черносотенного великорусского национализма, и малейший отказ от этого исключения есть оппортунизм (как у Розы Люксембург), есть глупенькая игра наруку великорусскому черносотенному национализму. Но исключение *нельзя* толковать расширительно. *Ничего,* абсолютно ничего кроме *права* на *отделение* здесь нет и быть не должно.

Я пишу об этом в «Просвещении». Напишите мне непременно подробнее, когда я окончу эти статьи (будут в 3-х книжках). Пошлю еще кое-что. Резолюцию проводил больше всего именно я. Летом читал рефераты по национальному вопросу и немножко штудировал его. Посему намерен «стоять крепко», хотя, конечно, ich lasse mich belehren[1] товарищами, изучавшими вопрос больше и дольше.

4. Против «изменения» программы, — против «национальной программы»?? И тут несогласен. Вы боитесь *слов.* Нечего их бояться. Все равно ее (программу) *все* изменяют *тайком,* подло, в худую сторону. Мы же в *ее духе, в последовательно*-демократическом духе, в марксистском (антиавстрийском) духе определяем, прецизируем, развиваем, закрепляем.

---

[1] Я прислушиваюсь к мнению высказанному. — *Ред.*

Это *надо было* сделать. Пусть сунутся теперь оппортунистические (бундовские, ликвидаторские, народнические) сволочи — пусть дадут *свои* столь же *точные* и столь же *полные* ответы на *все* наши вопросы, затронутые и решенные в нашей резолюции. Пусть попробуют. Нет, мы не «спасовали» перед оппортунистами, а *разбили* их *по всем* пунктам!

Популярная брошюра по национальному вопросу очень нужна. Пишите. Жду ответа. Крепко, крепко жму руку.

Ваш В. И. Привет всем друзьям».

Из Баку в Краков:

«Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Ильич!

Многократно извиняюсь перед Вами за долгое молчание. Прошло так много времени после Вашего письма, написанного в ответ на мою критику резолюции по национальному вопросу, что Вы, может быть, даже забыли о нем. Некоторое время я откладывал ответ, чтобы дождаться Ваших статей в «Просвещении». А затем обстоятельства сложились так, что я не мог писать. К тому времени подоспело распоряжение наместника о разрешении[1] мне вернуться на Кавказ, и вот уже более месяца я на Кавказе — то в Тифлисе, то в Баку. Сейчас я окончательно устроился здесь, в Баку. Почти со всеми, с кем можно было, виделся...

Буду писать Вам. Брошюру о национальном вопросе начал было писать, но не докончил — отчасти ввиду расхождения с Вами (первый раз, кажется, начиная с 1902 г. расхожусь с Вами), а главным образом потому, что нужно было писать брошюру о националь-

---

[1] От продолжения ссылки Степана избавило... трехсотлетие царствования дома Романовых. В России была объявлена амнистия. «У нас в семье надежды, сомнения, — припоминает Сурен, — *распространится ли амнистия на товарища Степана.* Его угнетает мысль, что, если он обратится с запросом в канцелярию наместника, запрос может быть истолкован как ходатайство о «прощении грехов». В это время в Баку Бейбут Джеваншир начал «подталкивать» дело по своей инициативе перед градоначальником и наместником. В самый канун Нового года пришло извещение — ссылка закончена. Как только открылась навигация, одним из первых пароходов мы — нас уже шестеро, в Астрахани родился брат Сергей, — отправились в Баку».

но-культурной автономии на армянском языке. После выступления Анануна это требование стало очень популярно на Кавказе. Брошюра (критическая) написана давно уже, и скоро, наверно, сдам ее в печать[1]. Кроме того, нужно было много писать для тифлисской армянской газеты. К сожалению, проклятая служба (для заработка) всегда отнимает у меня много времени и сил, и мало приходится работать для себя.

Последнее письмо Н. К. я получил в Астрахани в день отъезда. Извиняюсь и перед ней, что не ответил. Шлю привет и крепко жму руку Вам и всем друзьям, в частности т. Гр., который так славно помогает Вам.

17.IV.1914.

Преданный Вам Сурен».

Из Поронина в Баку:

«19.V.1914.

Дорогой Сурен! Получил Ваше письмо от 17.IV. Надеюсь, ответите мне, когда прочтете конец статьи о самоопределении наций (пишу его сейчас) в «Просвещении».

О Вашей брошюре против Ана *обязательно* дайте Selbstanzlige[2] или изложение в «Просвещении».

Предлагаю Вам еще следующий план. Чтобы бороться с глупостью «культурно-национальных автономистов», надо, чтобы российская социал-демократическая рабочая фракция внесла в Государственную думу проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств.

---

[1] Книга Степана «О национально-культурной автономии», этой, по его определению, «довольно-таки скомпрометированной деве», вышла в Тифлисе в середине 1914 года.

Если смысл всех рассуждений Д. Ананупа в эпиграфе: «Рабочий класс, который примиряется с положением низшей расы, не восстанет *и против положения низшего класса*», то кредо Степана в приведенных им строках Вильгельма Либкнехта: «Мы признаем только две нации. С одной стороны, нацию капиталистов, буржуазии, господствующего класса, с другой стороны, нацию пролетариев, угнетенного судьбой рабочего класса... Рабочие всех стран составляют одну нацию в противоположность другой, которая также едина для всех стран».

[2] Сообщение от автора. — *Ред.*

Давайте, напишем такой проект. Общее положение о равноправии, — деление страны на автономные и самоуправляющиеся территориальные единицы по признаку, между прочим, национальному (местное население намечает границы, общегосударственный парламент утверждает) — пределы ведения автономных областей и округов, а равно самоуправляющихся местных единиц; — незаконность всякого отступления от равноправия наций в решениях автономных областей, земств и т. д.; общие школьные советы, демократически выбранные, и проч., свобода и равноправие языков — выбор языков муниципальными учреждениями и т. д. — защита меньшинств: право на пропорциональную долю расходов, на школьные помещения (даром) для учеников «инородцев», на учителей «инородцев», на «инородческие» отделения музеев и библиотек, театров и проч.; — право каждого гражданина искать отмены (перед судом) всякого отступления от равноправия resprective[1] всякого «попирания» прав национальных меньшинств (пятилетние переписи населения в пестрых областях, десятилетние в государстве) и т. д.

Мне сдается, этим путем можно бы популярно разъяснить глупость культурно-национальной автономии и *убить* сторонников этой глупости окончательно.

Законопроект можно бы выработать марксистам *всех,* или очень многих, наций России.

Пишите тотчас, согласны ли помочь. Вообще пишите чаще, не реже раза в неделю. Непростительно подолгу не отвечать, имейте это в виду, особенно теперь!!

Жму руку. Ваш В. И.».

Из Баку в Поронино:

«Дорогой Владимир Ильич!

Получил Ваше письмо и законопроект. Очень Вам благодарен за доверие и внимание. Составить законопроект едва ли я смог бы сам, но, имея перед собой Ваш готовый проект, могу выразить полное удовлетворение и согласие. По-моему, это действительно

[1] Или. — *Ред.*

нанесло бы сильный удар сторонникам культурно-национальной автономии. Несомненно, вокруг законопроекта возникнет полемика, в которой легко удастся разъяснить всю вздорность и весь националистический характер культурно-национальной автономии.

Вы уже знаете, что я находил (и нахожу) неправильным требование разделить Россию на ряд автономных областей (Польшу, Малороссию, Кавказ, Урал и т. д.). Вы мне писали: «автономия — это наш план демократического устройства государства». Вот с такой формулировкой я не согласен. Я допускаю, что Польше или, может быть, еще какой-нибудь области нужна будет автономия. И если сама область этого потребует, она должна быть *вправе* получить автономию. И потому это право я включал в пункт о праве на самоопределение. Я согласен с Вами, что логически не совсем складно право на автономию и еще более — право на федерацию, но можно бы было найти лучшую формулировку. Следовательно, как общий план нужно оставить старое требование: широкое местное и областное самоуправление; как особые случаи — автономию и, может быть, даже федерацию. Говоря последнее, я имел в виду отчасти Финляндию, но больше принципиальную *допустимость* с нашей точки зрения и федеративных связей, если невозможна более тесная связь. К счастью, в проекте закона, присланном Вами, говорится о «*праве* образовывать автономные области с автономными областными сеймами». Так что в этом отношении проект меня вполне удовлетворяет.

Затем другой пункт, о котором я писал Вам и получил от Вас суровую отповедь и обвинение в королевско-прусском социализме, это пункт о государственном языке. Государственный язык я не противопоставлял местным языкам. Я стою за старую программную формулировку: признание наряду с государственным также и местных языков во всех государственных и прочих учреждениях. Вы мне писали, что не нужна полицейская палка, отпугивающая и прочее и что можно основывать «вольные союзы охраны и распространения русского языка». Но почему Вы не допу-

скаете, что мелкие нации, как армяне, грузины, татары, горцы (я перечисляю кавказские народности), могут решить *добровольно,* чтобы для их взаимных сношений в государственных учреждениях на Кавказе был признан как общий язык — русский язык? И почему мы не должны предлагать, рекомендовать им это? Весьма возможно и вероятно, что в Польше не захотят пользоваться русским языком, но на Кавказе и во всех других местностях России мелкие нации не только ничего не будут иметь против русского языка как общегосударственного языка, но сами признают его необходимым. Вы выступаете как будто в роли эсдека-великоросса, который великодушно отказывается от всяких привилегий для своей нации и своего языка в противовес диким националистам. Но, по-моему, партия не должна стать на эту точку зрения. Вообще, мне кажется, при составлении сентябрьской резолюции вы преувеличивали опасность великорусского национализма. Еще в 1904 году Каутский писал, что ввиду существования сильного сепаратистского настроения на окраинах Россия будущего представляется ему наподобие Северо-Американских Соединенных Штатов, то есть построенной на федеративных началах. Когда наши противники-федералисты (дашнаки, грузинские федералисты) ссылались на мнение Каутского, мы им отвечали, что он исходит из неверной посылки, что в России в народных массах отдельных национальностей нет вовсе сепаратистских стремлений, что национализм и сепаратизм — это дело мелкобуржуазных интеллигентов и газетчиков. Такое же преувеличение антирусского настроения в массах (как результат великорусского национализма последних лет), кажется, продиктовало вам новую программу по национальному вопросу, намеченную в резолюции.

И в этом отношении, в отношении государственного языка, 7-й пункт законопроекта меня вполне удовлетворяет. Нет общего отрицания государственного языка, вопрос передается на решение местных и областных учреждений.

На этом я заканчиваю о законопроекте, ибо хочется написать еще о другом.

Из телеграмм Вы, наверно, уже знаете о бакинской забастовке. Уже около месяца происходили собрания уполномоченных от рабочих, на которых обсуждались общие требования, рабочие рвались на забастовку и не хотели даже ждать выработки и отпечатания требований. С трудом их удерживали наши товарищи-рабочие. Наконец требования были готовы. В понедельник 26-го вечером состоялось собрание уполномоченных (от всех почти фирм) и было решено, согласно предварительному решению Бакинского комитета, во вторник предъявить фирмам требования, а в среду забастовать. Так и произошло все. В среду сразу забастовали в Балаханах (главный нефтепромышленный район) все почти крупные фирмы — Нобель, Ротшильд, Каспийское товарищество и прочие. Вчера, в четверг, присоединились новые фирмы в Биби-Эйбате и Белом городе: Шибаев, Лианозов, Манташев, Олеум и прочие. Сегодня — общество «Электрической силы» и прочие. Думается, что дня через два будут стоять все. Кроме большого листка с общими требованиями, выпустили еще два листка: один из забастовочного комитета, другой от Бакинского комитета, с призывами и приветствием. Все листки (и требования) выработаны и отпечатаны Бакинским комитетом. Ликвидаторско-меньшевистская дрянь никакого отношения не имеет. Конъюнктура не совсем подходящая, и требования носят такой характер, что победа сомнительна, но настроение рабочих настолько боевое, что остановить их было невозможно, да и не к чему. Я Вам писал о первых своих впечатлениях, когда приехал сюда, но я был приятно разочарован, во-первых, майской забастовкой, в которой принимало участие до 10 000 рабочих, и затем частичной забастовкой нобелевцев в день рабочей печати... Так что некоторый интерес к политике все-таки есть. Посмотрим, как пройдет забастовка...

Письмо, о котором спрашивает Надежда Константиновна, было получено мною, но прочитать его я не смог. Откуда 1 глава — не знаю. В день же получения письма я писал Берлинцу и сообщил об этом с просьбой передать Вам. Неужели он не писал? Про-

сил его также не пользоваться адресом Кар. Кстати, прошу отныне писать по следующему адресу: Баку, Меркурьевская улица, дом Дадашева, Францу Леману. Можно писать свободно. Адресом Кар. и моим личным нельзя пользоваться. Заканчиваю этим. Шлю горячий привет Вам, Надежде Константиновне и другим друзьям. Уход Малиновского остается все-таки загадкой для меня.

Ваш Сурен.

30 мая 1914 г.

Написал так много только благодаря забастовке, освободившей и меня от служебных трудов.

(Листки посылаю в особом пакете)».

Степану еще доведется услышать из уст Ильича на Первом Всероссийском съезде Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов — июнь 1917 года, переполненный актовый зал кадетского корпуса на Васильевском острове — «Пусть Россия будет союзом свободных республик!».

И последнее, что дойдет до Степана, — «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», написанная рукою Ленина. «...Советская Российская республика учреждается на основе свободного союза свободных наций как федерация Советских национальных республик».

После Октябрьской победы Ильич убеждается, что в новых, начисто изменившихся условиях федерация вполне допустима. Она самое надежное, самое лучшее средство перехода от разрозненности трудящихся различных национальностей к их объединению. Владимир Ильич теоретически обосновывает крайнюю необходимость федеративного государственного союза равноправных республик. Определяет судьбу нашего Советского Союза.

Степан часто напоминал: «Истина всегда конкретна». В ранней своей работе «Национальный вопрос и социал-демократия» он утверждает единственно незыблемое, постоянное: «Та или другая форма государственной организации есть для нас не принципиальный вопрос, а вопрос *политической целесообразности.* Наш единственный основной принцип, основной крите-

рий — это экономическое и культурное процветание страны, благосостояние людей. А для этого мы имеем очень определенное, реальное и конкретное мерило. Это классовые интересы пролетариата, интересы его международного освободительного движения».

Во имя этого единственного принципа сейчас в разгар всеобщей Бакинской забастовки — забастовки политической, всколыхнувшей, сотрясающей всю Российскую империю, — Степан бросает клич:

«И в дни вашей борьбы пусть гордо прозвучат наряду с очередными нашими требованиями наши общие старые лозунги:

ДОЛОЙ САМОДЕРЖАВИЕ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ, ДА ЗДРАВСТВУЕТ ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА!

ДА ЗДРАВСТВУЕТ БОРЮЩАЯСЯ МАЗУТНАЯ АРМИЯ!»

Разноязычная мазутная армия борется. Стар и млад. Женщины, тысячи и тысячи женщин ложатся на землю, укладывают детей. Живые баррикады преграждают путь казакам и конной полиции. Красные знамена над Балаханами, Сабунчами, Биби-Эйбатом, Черным городом.

От Баку не отрывает глаз Петербург. И рабочие заставы и Зимний дворец. 3 июля в обед залпы на дворе Путиловского завода. Боевыми патронами по рабочему митингу. Падают мертвыми слесари, кузнецы, литейщики, клепальщики, самостоятельные работники и подручные. Кто такой в чем провинился — совсем не существенно. Все, одинаково пренебрегая особой генерала — столичного полицеймейстера, — проявляли намерение помочь участникам схватки на раскаленном берегу Каспия.

По всей Выборгской стороне долгие гудки густых низких тонов. Призывные, властные.

— Забастовка. Забастовка!

В первый день — девяносто тысяч. К концу недели уже двести тысяч. Через всю страну — леса, степи, горы — рабочий Питер протягивает руку бойцам мазутной армии Степана.

Центральная газета большевиков «Трудовая прав-

да», открывшая сбор средств в пользу бастующих нефтяников, помещает их письмо: «Мы рады, что мы не одни. Товарищеская поддержка питерских рабочих придает нам силу и одухотворяет нас. Спасибо и привет петербургскому пролетариату». От себя редакция добавляет: «Баку представляет величественную картину братски спаянных пролетариев всех национальностей».

— И мы с вами, братья и сестры наши! — гремят голоса Москвы, Харькова, Риги, Екатеринослава, Тифлиса, Сормова, Батума, Поти...

Николай вызывает к себе в Царское Село товарища министра внутренних дел, генерала Джунковского. «Немедленно в Баку с чрезвычайными полномочиями!»

Для большего веса Джунковский захватывает с собой отряд особо вышколенных филеров, двадцать семь пехотных рот и шесть казачьих сотен. В городе и в промысловых поселках вводится военное положение. Законы военного времени. «Подстрекатели и нарушители спокойствия подлежат суду Особого присутствия военного суда». Из казенных арсеналов выдается оружие наемным бандам погромщиков — кочи. Кое-что перепадает и дашнакцаканам, предложившим свои услуги нефтепромышленникам-армянам.

«Пули и голод. Голод и пули!» — вся нехитрая стратегия генерала от жандармерии. Он объявляет, что «за время забастовки никто из ее участников не получит ни копейки». Конфискует все деньги, поступившие из других городов в пользу бастующих. Приказывает закрыть лавки, в которых рабочие обыкновенно находили кредит. Запрещает домовладельцам сдавать комнаты семьям рабочих, выброшенным полицией из промысловых казарм и бараков. И старое средство, отлично знакомое Степану еще по забастовке на медных рудниках Алавердов. Неугодных людей — тысячи и тысячи хватают, заталкивают в товарные вагоны, вывозят из Баку. Кого к персидской границе, кого «к месту постоянного жительства» — за Ростов, за Воронеж...

При всех ощутимых потерях, арестах, убийствах

конца забастовки не видно. Вместо реляции о победе шеф жандармов вынужден читать:

«Татары, отправленные в Балаханы под охраной кочи и нижних чинов гренадерского Тифлисского полка, не приступая к работе, разбежались... На промыслах господина Гукасова голодные женщины забросали камнями казаков. Последние ретировались... Из порта продолжают таинственно исчезать продовольственные грузы... Агентура доносит о воссоздании забастовочного комитета после второй ликвидации... В границах Балахано-Сабунчинского полицеймейстерства распространена новая прокламация, исполненная типографским способом. Наиболее вероятный автор известный Шаумян, подлежавший в числе других лиц обыску и безусловному задержанию, но он оказался выбывшим неизвестно куда...»

Карьеру шефа жандармов спасает вовремя ниспосланная всевышним мировая война. Баку оказывается ближним тылом огромного Кавказского фронта, протянувшегося от Южного (Персидского) Азербайджана до побережья Черного моря. Девять тысяч промысловых рабочих, продолжающих бастовать, объявлены мобилизованными и после рукопашных схваток и многочисленных жертв с обеих сторон угнаны на фронт.

Война быстро разрушает привычные связи. Неизвестно, где Ильич, что с ним. Приезжавший в августе на два неполных дня депутат думы большевик Бадаев сказал, что Владимир Ильич по подозрению в шпионаже был арестован в Поронино. О его освобождении хлопотали многие польские общественные деятели, видные писатели, а также члены австрийского парламента Виктор Адлер и Герман Диаманд. На вопрос министра внутренних дел: «Уверены ли вы, что Ульянов — враг царского правительства?» — Адлер будто бы ответил: «О да! Более заклятый враг, чем ваше превосходительство». Чем закончились хлопоты, Бадаев еще не знал.

Лишь в самом конце октября окольным путем, через участника совещания членов большевистской фракции думы, Степан получает переписанный от ру-

ки первоначальный текст тезисов Ильича о войне «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне». Степан с радостью и некоторой долей гордости убеждается, что написанное им «Воззвание» к рабочим Баку полностью совпадает с оценками Ленина.

«Не ищите врагов в чужих странах, — зовет Степан своих бакинцев, — враг народа — это царское правительство. Если вы стоите за то, чтоб не было войн, чтоб нас не отрывали от семей и родного очага, если вы считаете, что счастье народа в мирной и счастливой жизни, вставайте против царского правительства. Вас вооружили, обратите это оружие против врагов народа. Превратите войну в освободительную борьбу народов».

15

Среди ночи Степана будит громкий, настойчивый стук в двери. Давно ожидающий «визита», он спешит открыть, покуда не проснулись малыши. Каждый раз надеется, что детей не станут подымать с постелей. Вид перепуганных ребятишек всегда самое мучительное.

Одним рывком Степан распахивает двери. Вместо оравы филеров, полицейских и понятых перед ним... две женщины, закутанные в платки. Одна из них порывисто обнимает Шаумяна, и на лицо градом падают горючие слезы. Не сразу он узнает Джаваир, сестру Камо. Вторая — Нушик Заварян, бакинка, большевичка.

Нушик торопливо объясняет Степану и присоединившейся к ним Кето:

— Часов в одиннадцать ночи, когда я только вернулась разбитая и усталая, кто-то нервно забарабанил в окно. Отперла дверь и ахаю: «Вай ме, Джаваир! Почему ты здесь, зачем бросила Тифлис?» Вижу, она совсем замерзла. Ветер валит ее с ног... Завела ее в комнату, говорю: «Сбрось платок, выпей горячего чаю». Ни за что. «Скорее веди к дяде Степану!» По

дороге в вагоне электрички она мне на ухо шепотом: «Камо везут в Харьков, в тяжелую тюрьму... Надо освободить...»

Ровно два года назад, 2 марта 1913 года Кавказский военно-окружной суд приговорил Камо к смертной казни через повешение. От смерти спасла амнистия. Вместо казни двадцать лет каторги. Долго держать своего пленника в Тифлисе власти боятся. Министр внутренних дел разделяет их тревогу. Признает, что в высших государственных интересах следует перевести Камо в харьковскую каторжную тюрьму, славящуюся своим варварским режимом.

Путем непостижимым, доступным одному лишь Камо, Джаваир получает записку с планом побега. В Баку этап будет стоять не больше двух суток. Времени в обрез.

План фантастический, немыслимый. Такой же, как и все предыдущие, блестяще удавшиеся Камо! И Степан подтверждает: «Все надо исполнить в точности». Сам он тут же уходит искать деньги. Как всегда, у него одни долги. Этой мартовской ночью они возрастают еще на сорок рублей.

На помощь Джаваир и Нушик призван давний приятель Камо, участник одной из его боевых дружин, Бесо Геленидзе. Обязанности строго распределены. Женщины пекут пирожки с мясом, с вареньем, одинаково щедро начиненные снотворным порошком... Бесо приобретает костюм, белье, ботинки, пальто, шляпу — все, что необходимо для человека, сбросившего серый арестантский халат.

Нужны еще лобзики, запасные пилки к ним. Самое необходимое для побега каторжника, иначе как избавишься от кандалов. Бесо бросается в одно, другое, пятое место. Кто отказывает, кто говорит: «Приходи завтра», «Через два дня...» В конечном счете добыта одна-единственная пилка. Ее отлично запекают в домашний хлеб. А в коробок спичек вкладывают несколько рублей и аккуратно обклеивают акцизной бандеролью. Все честь по чести.

Джаваир, Нушик и Бесо отправляются к поезду. Вокзал оцеплен жандармами, наводнен шпиками. Все

из-за Камо. В кассе ни одного билета. Бесо требует, чтобы женщины... навзрыд рыдали. Кавказские люди обязательно захотят помочь. Авось кто и уступит свой билет несчастной, потерявшей мать и сейчас не имеющей возможности попасть на похороны. Сочувствие выражают многие. Но всем необходимо ехать, билет никто не отдает.

А заключенных уже ведут. Вон и Камо в начищенных до блеска кандалах. Конвойные всеми силами пытаются оттеснить публику. Где им управиться с темпераментными южанами! Нушик бросает в Камо цветы, привлекает внимание. Джаваир прорывается, сует сверток.

Медный станционный колокол отбивает три удара. Свистит обер-кондуктор. Бесо, удачно изображая пассажира, слишком налегшего в ресторане на спиртное, вваливается в вагон, соседний с арестантским. Поезд скрывается из глаз. И... никаких известий.

Бесо появляется у Степана лишь на следующей неделе. Сообщение его печально. Счастье изменило Камо. Самым обидным образом. Когда все конвойные, отдав должное пирожкам, крепко спали, Камо отправился в уборную. Без затруднений перепилил кандалы на одной ноге, взялся освобождать другую. Треск. Пилка переломилась! Все. Конец... В кандалах не спрыгнешь на ходу, не сойдешь на перрон на стоянке.

Кое-как объяснив Бесо, стоявшему на площадке между вагонами, что произошло, Камо поплелся к своим безмятежно спавшим конвоирам. Неудача тяжелая и далеко не последняя. У всех у них впереди тюрьма. У Степана обвинение в «государственной измене». Самые видные бакинские адвокаты Байков, Леонтович, Трдатьян доверительно сообщают Бейбуту Джеванширу: «Подготовьте супругу Степана Георгиевича к самому худшему концу».

Порой в утешение себе люди не очень крепкие говорят — эх, кабы знать!.. И Степан и Кето давным-давно все знают. И вместо того чтобы подстелить соломки на опасном месте...

В деревне Корюнапат, что вблизи губернского

центра Елизаветполя, каждое лето бывают дачники, господа среднего достатка. Пожаловали и летом 1915 года. Время проводят кому как вздумается. Кто бродит по окрестностям, кто встречает восход солнца в ближних горах, а особенно уставшие или чувствительные к жаре, те попросту отсиживаются в глубоком, прохладном погребе хозяев.

Эти во всех смыслах подпольщики собирают типографские машины, устанавливают кассы со шрифтами. Налаживают типографию вновь создаваемого Степаном Кавказского центра большевиков. Для первой пробы сил тиражом в двадцать тысяч экземпляров печатают антивоенную прокламацию «Товарищи рабочие и солдаты!» и манифест интернациональной социалистической конференции в Циммервальде.

К половине сентября зной заметно спадает и на Апшероне. Дачники возвращаются в свои городские квартиры. Оживляется деятельность дам-патронесс, благотворительных кружков, филантропических обществ — армянского, мусульманского, еврейского.

Заявляет о начале своей деятельности и «Комитет помощи беженцам без различия национальностей». Название не так чтобы уж очень удачное. Градоначальник даже усомнился, следует ли разрешить. Ему дважды наносят визиты председатель и товарищ председателя комитета господа Фролов и Кара-Мурза — публицисты, достаточно близкие к совету съезда нефтепромышленников. Правда, жандармское управление числит за В. И. Фроловым давний грешок, когда-то он слыл революционером, ниспровергателем... Беда многих интеллигентов. Сам Петр Бернгардович Струве, высокопочитаемый лидер кадетов, ходил в марксистах! Узнав, что и Кара-Мурза видный деятель кадетской партии, градоначальник соблаговолил «дозволить комитету проявлять патриотическую деятельность».

Действует комитет необыкновенно энергично. Особенно его секретари педагог Надежда Колесникова и библиотекарь Раиса Окиншевич. По совпадению далеко не случайному обе входят в состав еще одного

не менее патриотического комитета. Нелегального Бакинского комитета большевиков. Степан требует от них предельной осмотрительности, находчивости. Подсказывает и помогает больше чем кому другому. Он же берет на себя роль «главноуговаривающего», когда некоторое время спустя Фролов догадывается, или, вернее, Кара-Мурза ему объясняет, что им отведена роль «вывески».

Фролов рвет и мечет. Грозит «публично сорвать все маски». Трижды Степан заставляет его признать, что их комитет единственный в Баку проявляет действительную заботу о беженцах и жертвах войны. «Так как же вы смеете, — переходит в наступление Степан, — ставить палки в колеса. Подавайте в отставку... Пишите донос!» Фролов соглашается еще потерпеть. Во всяком случае, не афишировать свой уход. Большего, в сущности, и не нужно.

Степан оказывается черствым племянником. Не пишет, заставляет переживать дядю и тетю. Далеко на чужбине в швейцарском городе Берне и заброшенной в горах маленькой деревушке они не перестают тревожиться о дорогом их сердцу племяннике. Без особой надежды тетя снова пишет письмо. Оно прорывается через все кордоны, достигает Баку, и здесь ошалелый от счастья племянник подносит его к зажженной керосиновой лампе.

Мгновение — и огонь все... проявляет. Между строк выступает текст цвета сепии. Он как-то необыкновенно зашифрован. Племянник мало что разбирает. Очень многое необходимо срочно переспросить.

В ночь на первое октября, запасшись солидным пузырьком с лимонной кислотой, Степан принимается колдовать над ответным посланием.

«Дорогие тетя [1] и дядя!

---

[1] Тетя — Крупская. Дядя — Ленин. Дядя Жорж — Плеханов. Иор — Иорданский — меньшевик-плехановец, завзятый социал-шовинист. Ан — Жордания. Сл. — Каспаров. Дела коммерческие — дела партийные. Нефтяные

За память и письмо очень Вам благодарен. Ваши письма, советы и указания всегда были для меня дороже всего, но, казалось, невозможно будет установить более или менее правильную (осмысленную) переписку...

Вы хотите знать, что я думаю и что делаю. Думаю, кажется, и на этот раз одинаково с Вами, и, когда я впервые получил подтверждение к тому (с год тому назад), был очень счастлив. И вопрос о наименьшем и другие тезисы Вашего письма были приняты с радостью. Поведение дяди Жоржа было непонятно, а выходки его питерских поклонниц (Иор и др.) были противны и возмутительны. Со мною соглашалась вся наша родня, и даже близкие Жоржа были решительно против него и согласны с нами, что продолжается и по сей день. Вообще Жоржу не повезло на Кавказе, Ан — единственный его доброжелатель. Он приезжал сюда и склонил на свою сторону одного только человека (толстого Пл., Сл. его знает), но это кончилось печально для последнего. За такой переход его со скандалом изгнали из своей среды его же друзья.

...Дела мои коммерческие идут неважно. У меня сейчас в аренде 4 нефтяных участка в Балаханах, участки маленькие, старые, 8—10 человек служащих на каждом. Есть еще два магазина в городе. У брата моего (младшего) дела приблизительно таковы же, он все просит объединить наши предприятия. Вы спрашивали про Алешу. Он был в Тифлисе, несколько месяцев тому назад заболел, сейчас он выехал лечиться к Авелю. С ним в компании я устроил хорошую пекарню в Тифлисе, которая работает и может оказаться очень прибыльной. Там сейчас работают братья Алеши, хорошие ребята.

Как много вопросов, о которых мне хотелось бы конкретнее писать Вам и просить Ваших советов, но,

---

участки в Балаханах — партийные организации в Балаханах. Два магазина — партийные организации. Алеша — Джапаридзе Хорошая пекарня — типография. Наша родня — большевики.

к сожалению, не могу. И Вам, наверно, было бы интересно знать подробнее, как я живу и что тут нового. В общем позволяю себе думать, что я и вся наша родня держим наше семейное знамя высоко и что Вы можете быть спокойны за нашу репутацию. Я говорил выше, что дела мои неважны, но иначе теперь и не может быть. А когда общая растерянность и заминка пройдут, я имею все основания думать, что мы будем иметь блестящий успех.

Этим заканчиваю пока. Простите, если письмо мое покажется Вам бессмысленным. Пишу с головною болью и тороплюсь кончить. С сердечным приветом и лучшими пожеланиями.
1/X 1915 г.

Ваш Ст.

P. S. Письмо Ваше, тетя, было написано так неразборчиво, что я из него ровно ничего не понял. Если было что-нибудь необходимое и не поздно, прошу повторить. Это ужасно досадно.

Ст.».

Теперь, когда связь налажена, Степан слишком подробно делится тайнами новых коммерческих операций по аренде нефтяных участков и расширению прибыльных пекарен.

Упускает из виду, что частые письма из Баку в Берн чрезмерно обострят любопытство военной цензуры. Новости, прочитанные между строк, получают новый, более короткий адрес. Вместо почтового ящика доктора Шкловского — Берн, Фолькенвег, 9, — Баку, Кубинская, тринадцать, подполковнику Северинскому.

У подполковника тоже крупные интересы в нефтяном бакинском деле. Настолько крупные, что он перевелся из столицы на должность начальника губернского жандармского управления. Письмо племянника для Северинского как нефтяной фонтан, забивший за несколько минут до начала распродажи с молотка домашних вещей разорившегося дельца. Фонтан, о котором необходимо скорейшим образом известить директора — распорядителя всей фирмы сенатора Белецкого. Новую звезду на полицейском небосклоне.

Для начала в Петроград — пользоваться старым

названием Санкт-Петербург патриотам высочайше запрещено — летит шифровка. За ней курьер с фотографическими снимками каждой страницы[1]. На своем экземпляре переснятого письма подполковник тщательно красным и синим карандашом обводит, подчеркивает одной и двумя жирными линиями места, требующие особой разработки тайной агентурой:

«На днях (около недели назад) состоялись два совещания. Одно — друзей Ана, другое — наше... Требовать Учредительное собрание «через Думу» — лозунг, предложенный Аном... Нужно победить, но в возможность победы он не верит, даже если произойдет переворот и весь народ будет принимать участие в обороне... Он против лозунга Плеханова о внутреннем мире. Стачки, активные выступления, рабочее движение — нужны, но все это нужно для поддержки буржуазии и буржуазной Думы...

Перейду к нашему совещанию... Состоялось здесь... Приняты резолюции: 1) о войне и о текущем моменте, 2) о национальном вопросе, 3) об отношениях между национальностями на Кавказе и 4) об организационном вопросе и др. На днях пошлю вам все...[2]

---

[1] В своих «Заметках для биографа» Сурен Шаумян несколько раз утверждает: «...одно из писем Степана к Ильичу было перехвачено цензурою на границе... Это письмо, перехваченное в Одессе, было расшифровано и послано в Питер в департамент полиции... То ли в Одессе, то ли в Питере, письмо утеряно...» Секретная переписка Бакинского жандармского управления, особого отдела канцелярии наместника Кавказа и департамента полиции (по 6-му делопроизводству) свидетельствует, что все происходило несколько иначе. Письмо, адресованное доктору Шкловскому «для тети и дяди», было схвачено сразу на бакинском почтамте. В «итоговом донесении» подполковника Северинского сенатору Белецкому сказано исчерпывающе: «Сведения по сему поводу управлением были первоначально почерпнуты из письма, задержанного военной цензурой, представленного в копии вашему превосходительству 24 октября 1915 года за № 6126 и препровожденного также начальнику Тифлисского губернского жандармского управления того же числа за № 6130. В означенном письме имеются точные указания, что совещание состоялось «здесь», то есть в г. Баку...»

[2] Резолюции совещания доходят до Ленина не очень быстро, зато без всяких злоключений. 29 февраля 1916 года газета «Социал-демократ» печатает заметку, подготовленную Лениным:

Наиболее удобным для агитации, судя по нашему бакинскому опыту, мне представляется лозунг думской фракции. Лозунг мира «во что бы то ни стало» вызывает недоумение и возражения...

В Баку организация развивается... идет порядочная работа в легальных организациях... Везде самые влиятельные наши друзья... Постановили расширить пекарню, о которой я писал, и усилить ее работу... Шлю дружеский привет всем, в особенности тете и дяде. Ваш Аякс».

Охранные отделения во всех губерниях Кавказского края бросаются по следу племянника Аякса.

Баку. «Получены совершенно секретного характера данные, по которым можно вывести заключение, что редактором «Резолюций совещания кавказских организаций РСДРП» может быть известный управлению, неоднократно проходивший по делам, проживающий в г. Баку, Степан Георгиев Шаумян, являющийся по последним агентурным сведениям, руководителем местных большевиков. Об этом можно судить еще и по тому обстоятельству, что при возникновении летом текущего года вопроса о постановке техники и выпуске нелегальной партийной литературы говорилось о том, чтобы оная литература предварительно присылалась на просмотр в Баку. Стоявший во главе тифлисских большевиков Баграт Борьян по развитию своему редактировать партийную литературу не мог, и поэтому боялись выхода в свет чего-либо безграмотного. Степан Шаумян в то время более всего об этом заботился... Один экземпляр резолюций, полученный агентурным путем, при сем представляю. При разработке сведений прошу распоряжения на гор. Баку ни при каких обстоятельствах не ссылаться. Ротмистр Гусаков».

Кутаис. «Доношу вашему превосходительству, что резолюции Кавк. организ. Рос. С.-ДРП по полу-

---

«Нам сообщают, что с.-д. большевики выпустили от имени кавказских интернационалистов — русских, грузин, армян, татар — манифест, излагающий их точку зрения на войну. Документ всецело на почве манифеста ЦК РСДРП».

ченным мною агентурным сведениям выработаны на совещании большевиков, состоявшемся в гор. Баку в первых числах октября месяца сего года. В совещании этом участвовали два представителя от Баку. Один из них известный социал-демократич. деятель Степан Шаумян... Редактором «Резолюций» является Степан Шаумян, резолюции отпечатаны в гор. Баку, где находится и самое Кавказское бюро РСДРП партии (большевиков). Полковник Трягкин».

Тифлис. «Имею честь сообщить что резолюции составил участник совещания и руководитель организации большевиков ленинцев (пораженцев) Степан Геворков Шаумян, кличка в организации «Суренин», живущий ныне в гор. Баку, а отпечатаны бежавшим с поселения Олимпием Цинцадзе, живущим нелегально, а где — пока не установлено... Полковник Пастрюлин».

Петроград. «Полковнику Отдельного корпуса жандармов Шатрову без промедления отбыть в гор. Баку... Товарищ министра внутренних дел сенатор Белецкий».

Баку. «Я, отдельного корпуса жандармов полковник Шатров ...производил через экспертов: учителя чистописания и рисования надворного советника Миная Ивановича Попова, проживающего по Персидской ул., № 3, и преподавателя бухгалтерии и каллиграфии потомственного дворянина Болеслава Абдоновича Фонкорзуна, проживающего по Карантинной ул., № 127, сличение почерка, имеющегося на фотографическом снимке письма, начинающегося словами: «Дорогие друзья! Хочу сообщить вам новости из нашей жизни...», и кончающегося словами: «но в возможность победы он не верит, даже если произойдет...», задержанного военной цензурой, с собственным почерком Степана Георгиева Шаумяна, имеющимся на протоколах показаний его от марта 9 и 24 дня сего года, данных в Бакинском губернском жандармском управлении, и записной его книжке, взятой у него по обыску 7 сего же марта.

...Ввиду изложенного эксперты пришли к твердому и категорическому убеждению, что письмо, с ко-

торого снята вышеупомянутая фотография, писано рукой Степана Георгиева Шаумяна».

Степану Шаумяну это заключение почтенных экспертов твердо сулит смертную казнь через повешение. Деликатные бакинские адвокаты Байков, Леонтович, Трдатьян употребляют выражение более мягкое «наихудший конец»...

На этот раз вместо Шемахинки Степан и вся «родня» в тюрьме на Баиловском мысу.

Аресты начались еще в феврале. В первую ночь забрали двадцать человек. Из самых влиятельных. Надежду Колесникову, промысловых рабочих Варначева, Комиссарова, Степанова. С ними и крестьянина Тамбовской губернии Павла Никитича Кузьмина. На Каспийском торговом флоте его обычно звали Володя. В партийной школе в Лонжюмо и на конференции в Праге — Савва[1]. А в 1904 году, когда он двадцатилетним вступал в РСДРП, сам представился — Яков. Сын Давида Зевина, еврея-ремесленника, осевшего после долгих скитаний в поселке Каменское при большом металлургическом заводе.

Мятежная душа Якова находит людей, имеющих доступ в тайные кружки. Первое поручение — ночью расклеить прокламации. Еще и еще... «А сам смо-

---

[1] «Однажды, — вспоминает Надежда Колесникова, — к Крупской приехал товарищ, тоже бывший ученик школы Лонжюмо, с которым я была знакома. Мы сидели втроем и беседовали. Надежда Константиновна спросила его: «Не знаете ли вы, куда девался Савва, мы с Владимиром Ильичем вспоминаем его и думаем, куда девался человек».

Товарищ посмотрел на меня и сказал: «Настоящая фамилия Саввы — Зевин, он погиб в числе 26 бакинских комиссаров. Я полагал, что вы знаете об этом, ведь он был мужем Надежды Николаевны».

Крупская этим известием была очень взволнована. Когда мы остались с ней вдвоем, она обняла меня и сказала: «Вот не раз так случалось, — знали товарища только по партийной кличке, теряли его из виду и потом случайно узнавали, что он трагически погиб».

Приехав на другой день на работу, Надежда Константиновна особенно тепло поздоровалась со мной и сказала: «Владимир Ильич был огорчен, узнав о гибели Саввы, мы оба любили его за веселый нрав, за страстную тягу к знанию, за неистощимую энергию, за то, что вне партии для него не было жизни».

жешь, напишешь листовку?» Пишет! Должно быть — удачно. Иначе бы не стали посылать в Юзовку, Бахмут, Кривой Рог — на рабочие сходки, в Екатеринослав — к студентам. В 1907 году первый арест, тюрьма, подполье. Все, из чего складывается жизнь профессионального революционера. Провал в Баку. Ссылка. Побег. Снова Приднепровье, где к тому времени охранка разгромила организацию и все надо начинать заново.

В Лонжюмо и в Праге Яков, отличающийся большим упорством, постоянно напоминает, что его симпатии полностью принадлежат Георгию Валентиновичу Плеханову. Часами спорит с Серго. При этом, по рассказам товарищей, бывших свидетелями шумных баталий, Серго что-то чертил на папиросной коробке, на клочке бумаги, точно хотел доказать Якову истину своих мнений наглядно и геометрически. Довершает война, заставшая Зевина в очередной ссылке на архангельском севере. Через несколько месяцев, добравшись до Баку, с паспортом, за недорогую цену «уступленным» Павлом Никитичем Кузьминым, Яков входит в подпольный центр большевиков. Теперь он со Степаном до конца. Глава Бакинской коммуны и ее комиссар труда!

Степана берут в десять часов утра седьмого марта. В Грозном, в особняке Англо-Русского нефтепромышленного общества. В собственном служебном кабинете. Две с половиной недели он занимает должность помощника управляющего...

Арестантский вагон обгоняет телеграмма, посланная Джеванширу горным инженером Иваном Арутюновым. «Степан заболел, везут в Баку. Иванов». С обеда до глубокой ночи Кето с детьми, со всеми четырьмя, дежурит на вокзале.

«Два жандарма вывели из вагона товарища Степана, — запоминает Сурен. — Старший жандарм, которому в Грозном хорошо дал «на чай» Вано, товарищ Степана по детству и студенческим годам, был настроен весьма благодушно и даже несколько подобострастно. Он не препятствовал нашему разговору, и мы до утра просидели со Степаном на вокзале

в комнате дежурного жандарма... Дали все необходимые сведения о произведенных арестах. Утром его отвезли в жандармское управление, сняли допрос. Затем тюрьма на Баилове».

Среди всех других в камере оказывается «крестник» Степана Михаил Медведев. Года четыре назад, или немного побольше, Шаумян на собрании рабочих металлистов впервые обратил внимание на этого рослого красивого парня. Уроженец Урала, Михаил без родных и друзей трудно привыкал к бакинскому аду. Тем охотнее он откликнулся на приглашение Степана. «Так я вас жду в воскресенье! Вместе и пообедаем всей семьей». Степан и ввел его в большевистское подполье, незадолго до своей высылки в Астрахань. Потом по доносу старательного Фикуса арестовали Михаила. Третью весну он встречает за решеткой.

«Крестник» Михаил — сотрудник Феликса Эдмундовича Дзержинского в ВЧК Михаил Александрович Медведев — расскажет почти полстолетия спустя: «Как только Шаумян попал в нашу камеру, он составил расписание регулярных занятий русским языком, математикой, политэкономией, немецким языком. Потребовал, чтобы мы все занимались гимнастикой. «Революционер просто обязан быть физически сильным», — увещевал он сопротивлявшихся.

Иногда вечерами в камере мы устраивали самодеятельные концерты. Степан хорошо пел. Музыку смастерили сами из расчесок, бумаги, ложек. Еремьянц из фанеры изготовил мандолину (струны и косточку прислали с воли) с довольно приятным тембром звука. Когда дежурил надзиратель, хорошо относившийся к политическим, мы его посылали в конец коридора смотреть, чтобы не нагрянул старший надзиратель, а сами занавешивали окно одеялом (часовой тоже может услышать наше незаконное веселье) и, выставив своего дежурного у «волчка» камеры, начинали концерт. На сдвинутых вместе нарах восседал с мрачным лицом Устименко, поджав ноги по-турецки. Музыка играет все быстрее, Устименко внезапно вскакивает и начинает танцевать лезгинку, смешно вращая глазами...

Как-то Степана вызвали из камеры в контору, а оттуда на допрос в жандармское управление. Приезжий полковник предложил ему заполнить бланк протокола допроса (имя, фамилия, год рождения и проч.). Степан взял ручку, но тут заметил, что поставлено перо «рондо». Сказал, что этим пером он не привык писать. Полковник с величайшей готовностью, даже с радостью, распорядился принести несколько ручек с разными перьями. Степан выбрал свое любимое перо «86» и стал писать.

Затем полковник еще любезнее попросил записать фразу, которую он продиктует. Шаумян машинально записал и уже, когда допрашивающий молниеносно выхватил написанный текст, вспомнил, что это фраза из его письма Ленину, подписанного псевдонимом «Аякс». Взволнованный, возвратился Степан в камеру и долго ругал себя, почему он не стал писать пером «рондо», которое существенно меняет почерк. Мы успокаивали его, говорили, что сделанного уже не вернешь... На следующем допросе Степану уже показали фотокопию этого письма. Он категорически отказался признать себя автором. Полковник стал прибегать ко всяким уловкам. А Степан все упорнее требовал «предъявите подлинник». Поединок затягивается...

Режим в тюрьме в ту пору был чуть ослаблен. Возможно потому, что Колесникова готовила двух дочерей нового начальника тюрьмы к сдаче экзаменов экстерном. Один из результатов облегчения режима — разрешение Степану свиданий с женой и детьми в течение часа. То, что Екатерина Сергеевна приносила в тюрьму, Степан делил между всеми соседями по камере. Но в самую первую очередь посылал политическим, к которым никто не приходил.

Старший сын Шаумяна Сурик приносил фотоаппарат, фотографировал отца с двухлетним черненьким Сережей, с матерью, с Левоном. Перед концом свидания Степан обычно брал Сережу на руки, приносил в камеру. Малыш с любопытством все оглядывал, давал отцу яблоко или грушу, настаивал: «Папа, куси!»

Как-то после свидания подходит к «волчку» нашей камеры надзиратель Васька Курдюков, тюремный старожил (он служил в тюрьме уже больше двадцати пяти лет), и спрашивает: «Степан Георгиевич! Вы знаете, на каких досках сидите с женой во время свиданий?» — «Нет. А что? Доски как доски». — «Это разобранные виселица и эшафот! Ночью перед казнями их собирают у стены против бани, к утру разбирают до новой надобности...»

Васька отошел. Степан стал молча шагать по камере. Веселого в напоминании доброжелательного надзирателя было мало. Сумей полковник обосновать предъявленное обвинение в государственной измене, не избежать бы Степану этой виселицы. Мы заметили, что больше во время встреч с Екатериной Сергеевной Степан уже никогда не садился на эти доски...»

Чтобы затянуть петлю, полковнику Шатрову не хватает только самого письма племянника. Письма, с которого все началось!

Есть фотокопии каждой страницы, есть заключение экспертизы, есть... Есть все, и нет ничего для предъявления суду. Как случилось, кто приложил руку к чуду — останется вечной загадкой. Подлинник письма бесследно исчезает из стального сейфа губернского жандармского управления. А без него смертного приговора не вынесет даже особое присутствие военного суда...

За полным фиаско полковнику велено возвратиться в Петроград, предстать пред очи сенатора Белецкого. До предела обозленный Шатров вызывает из тюрьмы Степана. Без обычных елейных расспросов о здравии, об условиях содержания отчеканивает:

— Вы окончательно изобличены в государственной измене. Предъявляю документ за номером одиннадцать. Неоспоримое свидетельство того, что вы, Степан Георгиевич Шаумян, являетесь главарем организации пораженцев, тайно действующей в местности, объявленной на военном положении.

Полковник эффектно бросает на стол несколько

четвертушек линованной бумаги, исписанных карандашом.

— Надеюсь, почерк вам знаком?

Степан безразлично отвечает:

— Что-то не припоминаю...

— Не припоминаете! Тэк-с!.. Игре — конец. Кошка съедает свою серенькую мышку... Я предъявляю вам вещественное доказательство. Собственноручное послание учительницы Колесниковой, взятое по обыску восемнадцатого февраля сего года. Лист первый начинается словами: «Извиняюсь за карандаш и за такую бумагу, дорогой Павел Макарович, но я чувствую, что послание мое будет обширно...»

Извольте слушать внимательно! «...Относительно безличности единомышленников Степана Ш. скажу, что Вы, собственно, не доказали их безличность; ведь совещания, обмен мнений на то и существуют, чтобы выяснить вопрос, и, если человек изменил свое мнение, поговорив с другим, то вовсе не потому, что он подчинил свою личность другому, а потому, что он увидел, что другой более прав. Другой сумел точнее формулировать то, что, быть может, еще не вполне осознал он сам. Поэтому ваши примеры с ИШК, Фиолет. и т. д. меня не убедили в том, что они подголоски С. Ш. Кстати, скажу Вам, что с С. Ш. мы ведь знакомы уже 7 лет и много с ним вместе работали. Если мы выступали солидарно с С. Ш., то потому, что мы обменивались мнениями, а не потому, что он диктовал... Скажу только, что Ст. человек благородный, преданный делу, искренний, бескорыстный и умный, я его ставлю очень высоко, я с ним могу работать рука об руку. Но лично ему я не подчиняюсь, и, если буду не согласна с ним, то буду спорить или до тех пор, пока не убедит меня, или обратно...

Я говорю Вам все откровенно, дорогой, я ничего не хочу скрывать от Вас, и также откровенно говорю, что эта часть Вашего письма произвела на меня тяжелое впечатление. Я задала себе вопрос, зачем Вам эта вылазка против того, что дорого мне, против моих друзей...» Ну, дальше не существенно, господин Эсша... Перейдем к вашему признанию. Итак...

— Я, господин полковник, имею некоторое основание причислять себя к людям порядочным. Посему не смею вникать в чужую переписку. В прошлый раз вы великодушно обещали продемонстрировать мое письмо...

— Замолчать!!

Степана уводят назад в тюрьму. Полковник несолоно хлебавши отбывает в Петроград. Сенатор Белецкий другими глазами перечитывает донесение бакинской охранки:

«По последним сведениям агентуры, Шаумян считается одним из самых развитых и опытных партийных работников Кавказа, с которым связываются все районы и партийные лица, живущие за границей. Он является убежденным большевиком и сторонником известного Ленина, с которым и ведет переписку. По характеру деятельности своей он очень осторожен. Будучи неоднократно обыскан и арестован, он ничего компрометирующего не держит, почему и обыски у него бывают безрезультатны. *Удаление его с Кавказа внесет успокоение не только в местной жизни, но и вообще в Кавказском районе.* Подполковник Северинский».

«Удалить!.. Обязательно удалить подальше в Сибирь!» — решает шеф полиции. Как-то это надо «оформить». Передать дело в суд слишком рискованно, прямых доказательств, в сущности, никаких...

В пятый или в шестой раз Бакинское жандармское управление обращается с экстренными просьбами к градоначальнику «продлить срок ареста означенного Шаумяна С. Г. еще на один месяц». Градоначальник возражений не имеет. Рабочие нефтяных промыслов вновь и вновь собирают по медным грошам два-три рубля и приносят их «Степановой бабе»

Наконец кто-то из жандармских мудрецов отыскивает подходящий параграф «за нумером 17 Правил военного положения». В октябре Степану объявляют, что надлежащими военными властями ему «определена высылка на пять лет в Иркутскую губернию под надзор полиции».

«Я бы пропал непременно, — признается Степан

постфактум в записке одному из близких друзей. — Здоровье мое, по-видимому, и так здорово расшатано, приходится здесь систематически лечиться». Через несколько строк снова: «...я бы не выдержал». Даже тюремные эскулапы и те выносят заключение: «Состояние здоровья самое болезненное». Управляющий министерством внутренних дел признает возможным «ввиду болезненного состояния названного лица, подчинить определенному военными властями надзору полиции, взамен Иркутской губ. в избранном им месте жительства, но вне столиц, губерний столичных, Астраханской и местностей, объявленных на военном положении и входящих в район театра военных действий».

13 декабря 1916 года Степан «по проходному свидетельству» отправляется в Саратов. Городская управа любезно предоставляет ему место статистика и право выполнять побочную работу — чертить схемы и диаграммы.

Степан остается все тем же Степаном.

18 января 1917 года:

«Дорогой Сережа!

Через несколько дней тебе исполнится три года. Поздравляю тебя, мой дорогой мальчик, крепко-крепко целую и желаю здоровья. Благодарен за то большое удовольствие, которое ты доставил нам своим существованием за эти три года, и желаю, чтобы ты рос и расцветал на радость и счастье маме, сестричке, братьям и папе.

Крепко обнимаю и целую. Как понравился тебе барабан?»

Седьмого февраля:

«Дорогие детки!

Как проводите время? Как занятия? Открытку твою, дорогой Сурик, получил с адресом Авеля. Ходите ли в театр? Это необходимо, дети. Белинский где-то в своих статьях спрашивает: «Ходите ли вы в театр? О, идите в театр, идите и умрите там, если можете!» [1] Он был очень увлекающийся человек, — я, конечно,

---

[1] Строки из статьи Белинского «Литературные мечтания»

умирать никому в театре не посоветую, но идти необходимо. Все, что будет ставиться из классиков, по крайней мере, нужно видеть: Шекспира, Шиллера, Ибсена, Островского, — оперы все и т. д. Новые пьесы — по совету знающих.

Старайтесь в свободное время делать гимнастику, представьте себе, я два раза в день по 10—15 минут делаю и очень доволен. Урезать время всегда можно. Это и тебе нужно, милая Маня.

Целую всех вас — Сурена, Маню; Леву и Сережу.

Ваш папа.

«Пайкар» мне пересылать не надо, это для мамы, я получаю особо».

16

Вторник. 6 марта 1917 года.

В восемь часов двадцать пять минут пополудни от перрона станции Баку-пассажирская отходит литерный поезд. Наместник Кавказа великий князь Николай Николаевич в сопровождении генералов Янушкевича и Орлова, правителя канцелярии Истомина безвременно покидает опекаемый им край. Рушатся основы. Быть великому смятению...

Ровно в девять часов, опять же пополудни, под дикое завывание шторма и надрывный рев сирен в порту и на маяке, сокрушающие потоки с промыслов заливают зал Армянского человеколюбивого общества. В кожаных креслах мастеровые, пропахшие сырой нефтью. Совет рабочих депутатов. Крики:

— Сте-е-пан! Требуем Степана!!

Маленький местный Керенский — Сако Саакян тщетно пытается приступить к прочувствованной речи. Не больше успеха выпадает на долю репортера газеты «Баку» господина Айолло, теперь он в лидерах меньшевиков, с большим алым бантом на груди.

— Сте-е-па-на-а! Сте-па-а-на!

Степан приводит по памяти. В подлиннике сказано: «...О, ступайте, ступайте в театр, живите и умрите в нем, если можете...»

— Але-шу!

— Степана! Алешу!..

Тишину водворяют доктор Нариманов и Ваня Фиолетов, трибун из Балаханов.

Объясняют: «Степан Георгиевич в дороге. Была депеша семье...»

Поздно вечером выбирают председателя Совета. Кандидатура одна. Шаумян! «С другой кандидатурой нельзя было идти к рабочим!..» — с отчаяния выпаливает тот же Сако Саакян на Первом Всероссийском съезде Советов в Петрограде. Пигмей, убежденный в абсолютной невозможности соперничать с Шаумяном, он сделает все, чтобы побыстрее уничтожить его физически...

У Соленого озера в Балаханах гремит пятнадцатитысячный митинг. Мазутная армия заочно приветствует своего Степана. Председателя Степана. А у него пересадка на станции Козлов. И добрый человек Агагусейн Гасанов, ничего не подозревая, с полным успехом выполняет роль ангела-хранителя.

«От самого Питера я ехал в купе с одним грузином из Кутаиса, — неторопливо ведет беседу почтенный Агагусейн, успевший стать прадедушкой. — На станции Козлов, очень хороший буфет имеет, грузин показывает мне человека с густой черной бородой. Говорит: «Ваш бакинский человек. Сильно домой в Баку хочет. Деньги дает, просит билет. Не продают. Надо как-то помогать!»

Почему я так сделал — не знаю объяснить. Ну, сосед, бакинец! Подошел, позвал. «Извини, пожалуйста, садись на мою тахту! Я все равно на каждой станции хожу гулять. Ты спи спокойно». Он сначала не понял, что хочу. Потом благодарит: «Спасибо, спасибо! Нельзя мне на вашем месте ехать». Мы с грузином забрали его такой маленький чемодан, завернутый в одеяло. Понесли, положили под тахту.

Поехали. Я спрашиваю: «Чох яхши адамди, хороший человек, имя твое как?» — «Степан, — отвечает. — Домой еду из ссылки».

Показываю ему тайные листки. «Читай, последние петроградские!» Он сразу хватает, долго смотрит.

«Агагусейн, — обращается ко мне, — я тебе дам деньги, сколько есть, а ты мне — листки».

Я закипел сразу. Он понял. Клянется-божится: «Я пошутил». Листовки я ему отдал. «Забирай все!»

В Гудермесе наш поезд «Петроград — Тифлис» бессовестно загоняют в тупик. «Зачем?» — очень возмущаемся. Обер-кондуктор смеется. «Дорогу надо. Наместник с Кавказа бежит! Сразу два Николая... Понимаешь, Николай Николаевич, большой дядя царя!» Степан сильно доволен. Танцует. Как хорошо танцует!

Утром все веселые. Кричим: «Здравствуй, дорогой Баку!» Берем фаэтон, едем... Дома, на Каменистой улице, 172, немного отдыхаю. Смотрю газету. «Ва, кунак Степан — городской голова! Надо скорее поздравлять...»

Поздравить Степана горячо от всей души обязательно нужно. Поздравить с тем, что многоликий, многоязычный, суровый город нефти питает к нему необыкновенную симпатию. Помнит его труды, заботы. И, свидетельствуя свою благодарность, ему — еще отсутствующему — отдает мандат номер один.

Только мандат этот не на власть. Простим Агагусейну, что по своей кавказской щедрости он охотно величает Степана городским головой. Совсем не та роль. Мандат — на продолжение борьбы. Борьбы, о которой сегодня мало кто думает на промыслах и на кораблях нефтевозах. Все заглушают восторги по поводу волшебной и потому никак не осязаемой свободы. «Марсельеза». Медь оркестров. Лобзания...

На Кубинской, 13 все нараспашку — и двери и стальные сейфы. Ни постовых, ни филеров. В неизвестность отбыл подполковник отдельного корпуса жандармов Северинский. Смахнуло с поверхности хорошо знакомых Степану следователя Жукова, тайного сотрудника Фикуса. Они пока не требуются. Пока...

Зато на вершине свобод изнемогает главный редактор-издатель гражданин Вермишев. Взывает к своим публицистам, чтобы, упаси бог, не замешкались, не пропустили возвращение высокочтимого Степана Георгиевича Шаумяна. «Портрет и интервью

на первых страницах обоих наших изданий» — «Баку» и «Каспия».

Председатель первого Бакинского Совета рабочих депутатов — большевик Шаумян. А фракция большевиков в Совете самая малочисленная. Едва одна шестая часть депутатов. Не сразу заметишь за спинами эсеров — вроде бы главной бакинской партии. Свою организацию эсеры восстановили прошлой осенью, когда едва избежавших виселицы большевиков по этапу гнали в Сибирь. Навербовали крестьянских парней, спасающихся на промыслах от призыва в армию. Балаханскую рать без особой провинности на фронт не гонят, работают-де «на оборону отечества».

Помимо Совета благополучно здравствует городская дума. Без помех исполняет свою службу прежний градоначальник. Ему нисколько не приходится менять свои привязанности. Все те же милые сердцу фирмы, то бишь «общественные организации» — «совет съезда нефтепромышленников», «совет торгово-промышленного союза», «союз подрядчиков по бурению», «общество шахтовладельцев», «общество заводчиков, фабрикантов и владельцев технических мастерских гор. Баку и его районов»...

Столь почтенные общества быстро находят общие идеалы с дашнакцаканами, азербайджанскими националистами, городской думой, продовольственным комитетом. Сообща учреждают «Исполнительный комитет общественных организаций». Весьма демократический орган управления, тут же с ходу провозгласивший: «Все истинно патриотические элементы нашего свободного общества с гневом отвергают злостные слухи о введении 8-часового рабочего дня на промыслах и перегонных заводах. Наша святая обязанность предпринять новые усилия во имя победы революционного оружия!..»

Это в твой адрес, председатель Степан! Ответ на твою речь в Совете. На твое напоминание о том, что жизнь никак невозможно затиснуть в два привычных измерения. Тебя выслушали более чем терпеливо, проводили хлопками и проголосовали: «Принять при-

глашение Исполнительного комитета общественных организаций. Направить должным образом уполномоченных Совета для постоянной координации действий».

По такому же «высокодемократическому» принципу организуется власть во всем Закавказье. В Тифлисе — краевой комитет из представителей исполкомов общественных организаций. При блаженствующем во дворце наместника ОЗАКОМе. Это не фамилия. Сокращенный титул. Полностью — Особый Закавказский комитет. Облеченный Временным правительством «всеми правами наместника».

В описании Степана ОЗАКОМ — это «грузин Чхенкели, армянин Пападжанов, мусульманин Джафаров. Верша каждый в своем отдельном кабинете судьбы «своей» нации, они ненавидели друг друга, не доверяли друг другу и занимались, по примеру восточных правителей, взаимным подсиживанием, подслушиванием, подсматриванием и интригами...»

Если бы только эти трое, далеко не самые худшие!..

При всей конечной общности судеб Закавказья у нефтяного Баку свой непроторенный путь, свой непохожий календарь. Несравненный драматизм событий. Особое место в истории. Отсюда и необычное положение Степана. И друзья и враги, нисколько не считаясь с тем, где в действительности находится Степан — в Петрограде, Тифлисе, горах Армении, полках Кавказского фронта, обязательно ставят его во главе всех бакинских дел. Считают центром, мозгом, движущей силой. Все расчеты на него. При том, что он не так уж редко остается в удручающем меньшинстве. Как на собрании эсдеков десятого марта

Можно, конечно, утешить себя. Даже весьма убедительно. Переговоры с меньшевиками-оборонцами велись в его отсутствие. Собрание для выборов временного объединенного комитета назначено также до его возвращения. Все предрешено...

В назначенный час собираются более трехсот человек. Степан жадно всматривается в лица. Старых друзей совсем немного. В тюрьме умер Богдан Кну-

нянц. В ссылке оборвалась жизнь Сурена Спандаряна. Доживает последние дни Слава Каспаров. Где-то на Дальнем Севере Серго. Все еще томится за решеткой Камо. Никаких вестей от Авеля Енукидзе, Надежды Колесниковой, Якова Зевина. Между Трапезундом и Баку застрял дорогой Алеша Джапаридзе...

Куда легче сосчитать тех, кто на месте — в Баку. Ванечка — Иван Фиолетов. Душа-человек! С какого же они года вместе? С девятьсот третьего, второго? Как-то Иван дольше обычного задержался в ссылке. Потом виновато признавался: «Надумал сдать экстерном за гимназию. Готовился». Все предметы Ваня действительно сдал на «4» и «5». А на экзамене по закону божьему непоправимо провалился. Сам первый над собой потешался: «Господь бог наказал за грехи тяжкие...»

А в прошлом году Иван убивался оттого, что его не... арестовали. Кетеван, приходя на свидания в Баиловскую тюрьму, не раз рассказывала: «Был Ваня. Говорил, очень ему совестно. Вы все за решеткой, он один на воле. Совсем не по-товарищески». Степан хватался за голову. «Скажи этому упрямцу, все товарищи категорически требуют, пусть на время куда-нибудь уедет. Скроется из глаз... Он не имеет права лезть на рожон!» Кетеван исправно передавала. От себя молила. Бесполезно.

Фиолетов оставался в Баку. Только никогда не ночевал дома и избегал появляться в Белом городе. На промыслах, на виду у рабочих беспокоиться почти не приходилось. Филеры знали, чуть что их бросят в яму с сырой нефтью. И имени не спросят...

Ваня и сегодня в окружении своих балаханцев. С ними и один из братьев Стуруа. Вано? Степан вглядывается. Нет, Георгий. Неуловимый печатник! С 1903 года он работает в подпольных типографиях Кавказа, Москвы, Петербурга. В первую русскую революцию вместе с московскими ткачами и металлистами дерется на баррикадах Пресни.

Пять или шесть раз его арестовывали, ссылали в Сибирь — в самые отдаленные, забытые богом и людьми деревушки, в стойбища якутов. Финал неизмен-

ный. Георгий чуть-чуть осмотрится, подкопит продуктов и пускается в обратный путь в одну из столиц или в Баку. В последний раз из Нарымского края он бежал зимою 1916 года. Под Новый год появился на Каспии. В январе руководит политической забастовкой на одном из нефтяных промыслов. В феврале оказывается в ряжской пересыльной тюрьме, с этапом, бредущим в Восточную Сибирь...

Покуда Степан обменивается приветствиями с Георгием Стуруа, в зал дружно входят Мешади Азизбеков, Нариман Нариманов, Буниатзаде, Кадирли, Султанов. Почти все правление «Гуммета» — «Энергии» — мусульманской социал-демократической организации. Создали ее в 1904 году тогда еще совсем молодой инженер Мешади и Алеша. По существу, «Гуммет» — секция при Бакинском комитете РСДРП, но пользуется автономией и нередко по тактическим соображениям выступает как самостоятельная партия.

Мешади направляет и деятельность персидской социал-демократической партии «Адалят». Входит в состав ее Центрального Комитета. Переправляет оружие, литературу. Сам нередко выезжает в порт Энзели, в центр Гилянской провинции Решт. Для иранцев, ищущих работу на нефтяных промыслах, квартира Мешади всегда место паломничества. Так же, как и для крестьян Бакинской и Елизаветпольской губерний.

У Степана с Мешади отношения самые сердечные. Вечер, проведенный вдвоем, — праздник для обоих. В астраханской ссылке Степан сблизился и с Нариманом Наримановым. И немало сделал для того, чтобы этот талантливый писатель, превосходный драматург, стал таким же выдающимся марксистом.

Незаметно, в какие-то считанные минуты вокруг Шаумяна образуется тесный круг друзей-единомышленников. Все, кто уцелел в годы войны и беспощадных разгромов, кто успел вернуться из каторжных и пересыльных тюрем, из сравнительно недалекой ссылки. Зачем же им, борцам, объединяться с оборонцами, вступать в нелепое, противоестественное сожительство?!

Сегодня Степану ничего не изменить. И ветераны и суетливые новички с раздражающе огромными красными бантами имеют равные права. Один человек — один голос. Меньшевики великодушно довольствуются двумя третями мест во временном объединенном комитете...

День в день ровно через месяц, десятого апреля. Степан дает бой. На межрайонной конференции бакинской организации РСДРП. Он еще ничего не знает о тезисах Ленина. О требовании Владимира Ильича: «...надо разъяснить массам, что Совет рабочих депутатов — единственно возможное правительство».

Не ведает Степан и о том, что Л. Б. Каменев упрямо выступает за поддержку Временного правительства. До Баку лишь докатилось, что, протестуя против захватного порядка в деле введения Каменева в редакцию, из «Правды» ушел один из ее основателей — Михаил Степанович Ольминский, всегда разделявший взгляды Ильича.

На далеком от Петрограда, исхлестанном всеми ветрами, беспокойном Каспии Степан рассчитывает курс. Торит дорогу Коммуне. Весь смысл его доклада «О текущем моменте» — буржуазно-демократическая революция отшумела. Да здравствует революция социалистическая! Да здравствует партия, которая подготовит демократический переворот и даст России настоящее правительство — Совет рабочих депутатов.

И резолюция, принятая большинством 43-х голосов против восьми, при одиннадцати воздержавшихся: «Не гражданский мир, а классовая борьба!»

Озлобленные явной неудачей, меньшевики решают освободить «объединенную» организацию от Шаумяна... младшего. Сурена! «Ополчились на всех нас, молодых. — Голос у Ольги Шатуновской дрожит от обиды и десятилетия спустя. — Пронырливый Айолло узнал, что почти каждый вечер Степан Георгиевич собирает у себя несколько молодых товарищей. Объясняет происходящие события, показывает книги теоретиков марксизма — советует, что читать.

А тут комитет как раз решил: кому нет восемна-

дцати лет, в партию не допускать. Сразу ухватились — исключить Сурена. Исключить всех нас... Страшно что поднялось! Степан Георгиевич долго бился, пока отстоял. Он выступил с горячей отповедью: «Если эти ребята, как вы их называете, работали в нашей организации, когда она была в подполье, жертвовали своим благополучием, то как же отталкивать их теперь? Тогда мы им позволяли подвергать себя опасности ради революции, ради партии, а теперь вы предлагаете выбросить их? Наоборот, наша задача — воспитать из этой молодежи лучших, закаленных большевиков».

Товарищ Степан стал нас еще чаще приглашать. Строго проверял, что делаем, что читаем. Многим он заменял отцов и матерей. Его обо всем можно было спросить, все рассказать. Обязательно требовал: «Когда говоришь, смотри мне в глаза!» И сам взгляда никогда не отводил от собеседника.

Еще я — свидетельница. В конце мая, перед окончательным разрывом с меньшевиками, в зале «Исмаилие» собралось много рабочих, матросов, солдат. Главный оратор меньшевиков Садовский в страстной речи обрушился на Ленина, его программу и тактику. Подтасовывал и выдумывал «факты», поливал грязью все святое. «Нет, вы не ленинец! Вы большевик, товарищ Шаумян!» — закончил он громовым голосом, обращаясь к нашему Степану.

Все замерло. Ни звука, ни шороха. Напряженное ожидание. Шаумян встал, вышел на трибуну. Ровным, мне показалось даже, чуть приглушенным голосом, произнес:

«Не Садовскому — собранию заявляю: я ленинец. Мы все ленинцы. Ибо большевик и ленинец — это одно и то же. Без Ленина нет большевизма. Без большевизма немыслим Ленин!»

Все прочно становится на место. Степан и Алеша, как и в былые годы, редактируют «Бакинский рабочий» — газету архибольшевистскую. У оборонцев свой шумливый «Наш голос». Поставить бы им эпиграфом слова Лукреция Кара из его «Природы вещей»: «Тому, кто болен желтухой, все кажется жел-

тым». Все-таки было бы отличие от «Баку» и «Каспия» кадета Вермишева...

У «Бакинского рабочего» появляются младшие брат и сестра. «Социал-демократ» на армянском языке. Редакторы — Степан и 22-летний Анастас Микоян. И газета «Гуммет» — для тружеников-мусульман. Главный редактор Нариман Нариманов, заместитель Мешади Азизбеков. Степан спешит поздравить коллег. «У нас в Баку имеются десятки тысяч людей, которые нуждаются в этой газете, для которых она так же необходима, как солнечный свет... Интересы рабочих всех наций тесно связаны между собой. Просвещение мусульман-рабочих необходимо и для самих русских пролетариев, для борьбы за общие цели, за общее революционное дело. Пожелаем энергии и успеха товарищам из «Гуммета!»

И последнее прости оборонцам и социал-шовинистам. Резолюция недоверия коалиционному правительству в Петрограде, принятая второй межрайонной конференцией. Едва председатель объявил результат голосования, как лидеры меньшевиков самым натуральным образом сбежали... К утру вышло воззвание: «Ко всем членам партии! Начинается новый период. Партия рабочего класса имеет против себя по ту сторону баррикад не только буржуазию и помещиков, но и их прихвостней — эсеров и меньшевиков. Ни тени поддержки оборонцам!»

...Время собираться в дорогу. Впервые Степан — большевик, подпольщик, «ниспровергатель» — едет в столицу России с официальными полномочиями. Вместо «проходного свидетельства», постоянно напоминающего, что «Степан Георгиев Шаумян следует к месту ссылки и по прибытию обязан являться для регистрации», в нагрудном кармане мандат: «Сим уполномочивается в качестве делегата Бакинского Совета...»

Едет в Петроград на Первый Всероссийский съезд Советов делегат Баку Шаумян. Считает, сколько еще дней, сколько еще часов прибавит поезд к десяти годам разлуки с Ильичем.

И тогда — десять лет назад — был май, пора

весеннего цветения. После долгих, бурных заседаний в церкви Братства на Бальзамической улице старого Лондона — такова прихоть судьбы, чтобы съезд русских революционеров происходил в церкви общества фабианцев, — они отправлялись «подышать» на набережную Темзы. Бродили по Гайд-парку. Закрепляли за собой шутливое прозвище «прогулисты»... Десять долгих, трудных, далеко не всем посильных лет!

В памяти встает одно, другое. Степан как бы держит ответ перед Ильичем. Вспоминает свое письмо: «...позволяю себе думать, что я и вся наша родня держим наше семейное знамя высоко и что Вы можете быть спокойны за нашу репутацию». Не слишком ли?

Всяко, конечно, бывало. В чем-то ошибались. В чем-то терпели неудачи. По незнанию, по неумению и просто потому, что человек есть человек и имеет свой... характер. А знамя свое революционное бакинская родня из рук не выпускала. Ни одного пятна на своей репутации. Испытание продолжительностью в десять лет что-нибудь да значит!

Едет Степан в Петроград с чистым сердцем. Считает каждый день и каждый час. На Каменноостровском в самом притягательном доме Питера с нетерпением ждет своего друга Владимир Ильич.

Белой, совсем удивительной для кавказца ночью Степан выходит из вагона.

До утра он с интересом побродит по проспектам и площадям, присядет на ступени Исаакия, насладится свиданием с Невой.

Съезд располагается на Первой линии Васильевского острова. В массивных кирпичных корпусах кадетского корпуса. В пустующих дортуарах — общежития для делегатов. От дортуаров длинные гулкие коридоры приводят к актовому залу. Там съезд и будет заседать почти весь июнь.

Делегатов и гостей больше тысячи. На одного большевика — пять эсеров и меньшевиков. Сидят большевики сзади тесной группой. С поправкой на всероссийский масштаб та же бакинская картина.

Лощеный, пылкий Ираклий Церетели распинается: коалиция или анархия! В России нет политической партии, которая одна согласилась бы взять в свои руки полноту государственной власти... В то же мгновение Ленин восклицает: «Есть такая партия!»

Еще раз повторяет, направляясь к трибуне: «Партия большевиков каждую минуту готова взять власть целиком!»

Крупской потом рассказывают: «Керенский после этой речи пролежал без сознания три часа...»

Чтобы подтвердить заявление Владимира Ильича, большевики назначают на десятое число демонстрацию. В самый последний момент две «партии свободы» — меньшевики и эсеры навязывают съезду решение: три дня в Петрограде не должно быть никаких массовых выступлений — митингов, шествий. Экстренно собирается Центральный Комитет. Мнения расходятся. Бушуют страсти. Побеждает точка зрения Ильича: коли признаем власть Советов, то нельзя не подчиняться постановлению съезда. Никогда нельзя давать оружие в руки противника.

Всю ночь с девятого на десятое члены Центрального и Петербургского[1] комитетов, делегаты-большевики — среди всех и Степан — объезжали заводы, фабрики, военные казармы. Разъясняли, почему необходимо отказаться от демонстрации. Своеобразная проверка влияния и силы ленинцев. Ни один завод, ни один полк не пошел против.

Святая меньшевистская троица — Чхеидзе, Церетели и Чхенкели, ничтоже сумняшеся, втолковывает президиуму съезда — теперь, если вы хотите, чтобы у большевиков рога никогда не росли выше лба, надо назначить свою демонстрацию. Предпочтительнее всего на восемнадцатое июня. Задумано хитро. В этот воскресный день по приказу коалиционного правительства русские армии должны перейти в наступление, заранее обреченное генералами на провал. Народное шествие в столице должно засвиде-

---

[1] Свой столичный партийный комитет большевики и в годы войны принципиально продолжали называть Петербургским.

тельствовать одобрение действий правительства, радость по поводу новых бессмысленных жертв.

Степана и Авеля демонстрация застает на Знаменской площади. Никакой надежды пробиться. Да и не хочется. Слишком боязно неосторожным движением вспугнуть чувство, вдруг возникшее в груди и горячим клубком подкатившее к горлу. Не двигаться, не говорить, только жадно впитывать в себя! Ничего подобного никто из них не видал. Такого никогда и не было с того часа, как встал державный город на Неве!

Без малого полмиллиона рабочих и солдат неторопливо, с достоинством несут от окраин к Невскому проспекту и Дворцовой площади знамена всех оттенков красного цвета. На кумаче и бархате, золотом, белилами тысячи и тысячи раз, чтобы никто не забыл, не спутал, не отступил, повторено:

«Вся власть Советам!»

«Долой 10 министров-капиталистов!»

«Хлеба, мира, свободы!»

«Рабочий контроль над производством!»

Весь воскресный день длится своеобразный, необыкновенно точный референдум. Шагая домой на Петроградскую сторону, Ильич радостно говорит своим спутникам Авелю и Степану:

— Превосходное, исчерпывающее разъяснение — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы, — разъяснение того, как разные классы действуют. Хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше. Буржуазия попряталась...

Ленин замолкает, хмурится

— Опять вы меня втягиваете в политику... Останетесь без обеда! Или теперь уже, наверное, без ужина... — Вытаскивает из жилетного кармана часы. — Ай-яй-яй! Нет, уж извольте идти со мной! Авось при дорогих гостях Анна Ильинична не станет строго взыскивать...

За столом тесновато. Население небольшой квартиры Анны Ильиничны за последние недели удвоилось. Сначала приехала младшая сестра Мария Ильинична — «Медвежонок». За ней Ильичи. Вниманием

взрослых не без успеха завладевает воспитанник Анны Ильиничны Гора. Мальчонка и придает Степану решительности. Едва ли до отъезда представится более подходящий случай выполнить поручение детей. «Ильич поймет!» — подталкивает себя Степан. В руках быстренько оказывается крохотный аккуратно перевязанный пакет.

— Надежда Константиновна! Владимир Ильич! Еще одно разъяснение отношения масс... Возьмите, пожалуйста!

Ильич растерянно протягивает руку. Степан задерживает пакетик.

— Погодите... Я...

С решающей помощью Горы интригующий пакетик вскрыт. Степан приступает к предписанной ему сыновьями и дочерью Маней церемонии награждения значками.

Строки в воспоминаниях Надежды Константиновны: «Шаумян тогда передал Ильичу красные значки... Ильич улыбался. Тов. Шаумяна Степана, пользовавшегося громадным влиянием среди бакинского пролетариата, мы знали уже давно... И в 1917 г. Ильич рад был повидать Степана и поговорить с ним вплотную обо всех вопросах, с такой остротой вставших в это время перед большевиками».

Никто из них не подозревает, что в июне семнадцатого их последние долгие-долгие беседы решительно обо всем. Впереди ни встреч, ни разговоров. Хотя в сентябре Степан еще раз приедет для участия в заседаниях Центрального Комитета...

После воскресной демонстрации-референдума и полного провала «наступления» на фронте — шестьдесят тысяч новых жертв, исчерпывающее донесение генерала Брусилова военному министру: «В полках открыто заявляют, что для них, кроме Ленина, нет другого авторитета». После этого воскресенья «партии свободы» теряют интерес к засидевшемуся в кадетских корпусах съезду. Всесильный сэр Джордж Бьюкенен, посол Великобритании в России, все равно не открывает кредита. Его, разумеется, частный совет — «розовых и красноватых болтунов побоку.

Ставить на сильную личность... Судари, почему господин Половцев так долго не получает генеральских эполет?»

Двадцать четвертого числа на последнем заседании съезд все-таки избирает Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет. Степан на одном из первых мест по числу поданных за него голосов. Тут же выныривает маленький бакинский Керенский — Сако Саакян.

— Степан Георгиевич, конфиденциально, между нами, армян... бакинцами. Александр Федорович Керенский имеет некоторые виды... Вероятно будет формироваться новый кабинет. Могло бы состояться свидание. В приватном порядке, тет-а-тет!

Степан разводит руками.

— Увы, опоздали, Сако. Я принял более интересное предложение... выступить на Путиловском заводе. Готов захватить вас с собой.

Саакяну ехать к путиловцам совсем не хочется. Просто ни к чему.

17

Отставной самодержец Николай заступается за социалиста-революционера присяжного поверенного Керенского. «Этот человек положительно на своем месте в нынешнюю минуту: чем больше у него будет власти, тем будет лучше».

Сэр Джордж остается непреклонным. «Корнилов гораздо более сильный человек, чем Керенский. Все мои симпатии на стороне Корнилова...»

Генерал Лавр Георгиевич Корнилов утверждается кандидатом номер один на вновь учреждаемый пост диктатора России. Готовится к триумфальному возвращению в Петроград, откуда в конце апреля он был изгнан за слишком неудачную попытку расстрелять праздничное шествие рабочих. Покуда что прежний кабинет Корнилова в респектабельном здании штаба войск гвардии и столичного военного округа занимает другой протеже сэра Джорджа, Половцев. Вновь испеченный генерал от «дикой дивизии».

«Частный совет» посла Бьюкенена принес лихому и неотесанному кавалеристу вместе с золотыми эполетами и неограниченную власть над двухсоттысячным гарнизоном русской столицы. У рубаки масса достоинств — заведомый монархист, не боится крови, еще меньше стесняется в выборе средств.

Придет время — Степан получит возможность поближе познакомиться с разнообразными талантами этого российского генерала английской службы. Не подозревая того, вместе они проделают путешествие от Тифлиса до Баку.

Сегодня Половцев еще нужен сэру Джорджу в Петрограде. Для спасения революции от «изменников большевиков». С полудня четвертого июля гремят залпы. На углу Невского и Садовой, на Литейном проспекте казаки и юнкера бесповоротно кончают с мирным развитием революции. Похоронив убитых, пролетариат обратится к оружию. Сила против силы. В нужный день и в благоприятных условиях.

В сторожке завода «Русский Рено» днем шестого июля собирается Петербургский комитет РСДРП. Трижды берет слово Ленин, для поисков которого Половцев вчера самолично сформировал отряд с особыми правами. Командиру доверительно сказано: «Мы, полковник, не один год вместе прослужили. Церемонии, слава богу, не по нашей части. Лучше всего кончайте с этим господином на месте! А то другие обскачут, акция слишком выигрышная! Сегодня на завтраке у посла Бьюкенена меня очень просили поторопиться...»

Ильич, наоборот, всеми силами уговаривает сохранять терпение. Всеобщая политическая забастовка, на которой настаивают товарищи с Выборгской стороны, ничего доброго не даст. Наиболее желательная мирная борьба партий внутри Советов, мирный переход власти из рук одной партии в руки другой после четвертого июля невозможны. Лозунг «Вся власть Советам!» необходимо снять. Он звучит теперь как донкихотство или, еще хуже, как насмешка.

Всеобщая забастовка ничего не даст, еще раз повторяет Ильич. Лишь напрасно прольется кровь. Реки

крови! Несколько часов назад застрелен рабочий Воинов только за то, что он вынес из типографии «Листок Правды», выпущенный нами взамен закрытой «Правды»... Необходимо вывести наши силы из-под удара. По-настоящему, со всем искусством, готовиться к вооруженному восстанию...

На Кавказе события будут развиваться по тем же законам. Но далеко не в те же самые сроки, что в Петрограде и в центральных городах. По злой иронии судьбы в Тифлисе на заседании краевого центра Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов несколько большевиков предлагают резолюцию доверия Центральному исполнительному комитету. Тому самому, объявившему кабинет Керенского «правительством спасения революции» и признавшему за ним «неограниченные полномочия и неограниченную власть». Во дворце наместника нехитрый фарс братания всех партий. Нечто вроде чаепития графа Воронцова-Дашкова с меньшевиком Рамишвили. В разгар голос разума и чести из нефтяного Баку.

Степан 5 июля на заседании Бакинского Совета:

«Выступление петроградских пролетариев — это второй этап в русской революции, и он имеет целью отобрать власть из рук буржуазии в пользу демократии».

Седьмого июля [1]: «Пора опомниться! Пора бросить нелепые надежды совершить революцию путем соглашения с контрреволюционерами. Берите власть в свои руки!»

Девятого: «Чтобы царствовать безраздельно, буржуазии нужно задушить политически пролетариат. Мелкая буржуазия, эсеры и меньшевики никогда не

---

[1] Начиная с седьмого июля Шаумян печатает в «Бакинском рабочем», «Известиях Совета», «Социал-демократе» статьи: «Новый взрыв революции в Петрограде», «Еще раз о клеветниках», «Петроградские события», «Позор!», «Чего хотят большевики», «Революция в опасности», «Три года войны», «Ход революции», «Мертвецы» Государственной думы», «Реакция», «О кадетском съезде», «Политика малых дел», «Современный момент», «Печать», «Политика Временного правительства и национальности», «Начинается!» и другие.

осмелятся выступить решительно, самостоятельно против нее.

...Газета «День», ведущая все время яростную кампанию против большевизма, уже пишет: «Если бы в нашей революционной истории не было ленинцев, их бы выдумали. Иначе как же бороться с революцией?»

Двенадцатого: «Расправа с революционным Петроградом... есть торжество контрреволюции. Помните, что Петроград есть самая сознательная, самая активная часть русской демократии. Прислушайтесь к ее голосу!»

Четырнадцатого: «Наши министры-социалисты» пали слишком низко. Они воспользовались выходом на улицу петроградских рабочих и солдат. Они приписали им желание силой оружия свергнуть Временное правительство, вызвали реакционные войска из провинции и устроили кровавую бойню...

Это позор! И этим позором покрыли себя на веки люди, именующие себя «социалистами» — Керенский и Церетели. Это была их заветная мечта: потопить в крови петроградское движение, идущее под знаменем революционной социал-демократии — под знаменем большевиков.

Мало того, Керенский и Церетели покрыли себя худшим позором. Они допустили распространение гнусной клеветы против Ленина и других вождей большевиков. Спросите Церетели: он глубоко убежден, что это ложь. Но он и — еще больше, чем он, — Керенский пустили в оборот эту гнусную ложь, чтобы дискредитировать большевизм, чтобы легче было справиться с революционным Петроградом.

Так поступали с рабочими во всех буржуазных революциях. В известный момент они всегда оказывались «врагами порядка» и «изменниками родины». И их расстреливали «во имя свободы», «во имя революции»...

«Социалист» Керенский, встречавший войска, выписанные для расстрела... кричал им: «Пусть будут прокляты те, кто в дни тяжких испытаний предает родину!»

Мы присоединяемся к этому кличу:

«Пусть будут прокляты те, кто действительно предает родину и революцию!»

Пусть будут прокляты те, которые творят контрреволюцию, прикрываясь при этом именем революционеров и социалистов!»

Поздним вечером того же 14 июля оскорбленные эсеры, меньшевики и охочие до любого скандала дашнакцаканы созывают чрезвычайное заседание Совета. «Шаумяна к ответу!.. Шаумяна под суд!» — надрываются Айолло, Садовский, Зарафян. «Шаумян стремится сделать из демократии идоложертвенное мясо!» — разоблачает Исидор Рамишвили.

Председательствующий на заседании Сако Саакян не отказывает, по его любезному выражению, «в последнем слове, боюсь, потерянному для нас Шаумяну... Степан Георгиевич! Вспомните, мы вместе с вами томились в одной камере!..»

— Было, было! И вы ходили в революционерах...— подхватывает Степан. (Репортер «Известий» помечает в скобках: «Аплодисменты, шум»). — Если бы большевизм был таков, как вам здесь его изображали, я первый отвернулся бы от него. Мы вступили в партию не третьего марта, а пятнадцать лет назад. И не служит ли это доказательством, что мы не преследовали никаких корыстных целей, что нами руководило одно только идейное стремление... Если бы вы самостоятельно разбирались во всех сообщениях и противоречиях, которые печатают буржуазные газеты, вы поняли бы, как они лгут... Призовите меня куда угодно и требуйте детального объяснения по всем вопросам, вызывающим ваши протесты. Я их дам. Я сознательно подписал свою статью в «Бакинском рабочем», чтобы взять на себя всю ответственность за все ее содержание.

Мои обвинения против Керенского и Церетели не хуже обвинений против Ленина. Если будет доказано, что большевики сознательно подготовляли вооруженный заговор, я первый уйду от них и скажу, что это партия авантюристов.

Голос с места: «Мало!»

Степан. Я хотел бы, чтобы вы так же мало сде-

лали, когда убедитесь, что здесь против нас клеветали... (Пометка репортера: «Аплодисменты. Крики. Симпатии задних рядов определенно склоняются к Шаумяну. Всякие репрессии в отношении его поведут бог знает к чему».)

В этой слишком накаленной атмосфере Степану кажется неразумным надолго оставлять Баку. В Петроград на VI съезд партии поедут Алеша и член правления «Гуммет» Юсифзаде. «Обязательно расскажи, — напутствует Степан Юсифзаде, немало смущенного своим избранием, самой поездкой в еще незнакомую Россию. — Расскажи съезду, как находите доступ к сердцам мусульманских рабочих — наших бакинцев и приезжих из Персии, из Казани и Уфы... Держись! Друзей у тебя в Петрограде много — Авель, Серго, Макар! Теперь он Ногин. Виктор Павлович Ногин. Расспрашивал про тебя».

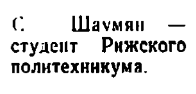
В Петрограде смятение. Вся столичная пресса бьет тревогу. «Левые», беспартийные, промышленно-торговые, либеральные, просто бульварные газеты наперебой кричат о чудовищной дерзости большевиков. «Вечерняя биржевка», всегда славившаяся своей близостью к полиции и охранке, авторитетно свидетельствует: «Сыщики сбились с ног. Увы! Они не в состоянии найти место, где заседает большевистский съезд». Кляузничает меньшевистский «День»: «Ульянов, именующий себя Лениным, всегда был чрезвычайно умелым конспиратором». Вопиют остальные столпы демократии: «Ленин бросает перчатку...», «Стреляйте в них!!!», «Русская столица к услугам большевиков! О боже!»

Насчет всей столицы, наверное, преувеличение. Вполне достаточно одного Сент-Антуанского предместья Петрограда. Так все чаще, особенно за границей, называют Выборгскую сторону. В признание того, что выборжцы играют такую же заглавную роль, как блузники парижского пригорода Сент-Антуан во французских революционных восстаниях XVIII и XIX столетий.

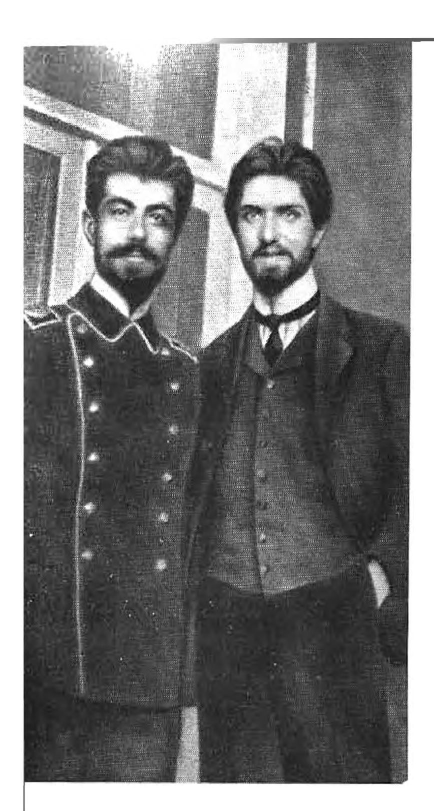

Жена С. Шаумяна — Кетеван.

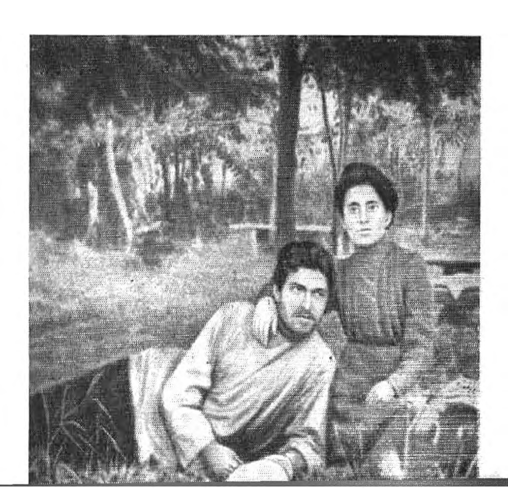
С. Шаумян — студент Рижского политехникума.

Степан Шаумян с другом Василием Симоняном.

С. Шаумян с женой.

Так на Выборгской стороне в доме № 62 по Сампсониевскому проспекту работает VI съезд ленинцев. Делегаты представляют двести сорок тысяч членов партии, втрое больше, чем во время Всероссийской Апрельской конференции.

На повестке судьбы революции. О явке Ленина на суд. «Мы ни в коем случае не должны выдавать тов. Ленина», — настаивает докладчик Серго Орджоникидзе... Тезисы о политическом положении... Отчет Центрального Комитета... Доклад Якова Свердлова об организационной работе... Манифест к России — «...Грядет новое движение, и настает смертный час старого мира... Под знамя партии, пролетарии и солдаты! Под наше знамя, угнетенные деревни!» Обсуждение дел и забот «Гуммет».

Виктор Ногин на правах старого бакинца оглашает резолюцию. ЦК оказывать «Гуммет» материальную и всякую другую помощь. От имени съезда послать «свой товарищеский привет и поздравление. Первое участие «Гуммет» в работе Общероссийского съезда партии вселяет уверенность в том, что передовые рабочие-мусульмане составляют одну семью со всем пролетариатом России; что они под одним знаменем будут бороться за переход власти в руки рабочего класса».

На последнем заседании, как водится, выборы нового Центрального Комитета. По законам конспирации голосование закрытое. Результаты не объявляются. Кого следует — их всего двадцать один член ЦК и десять кандидатов — Свердлов известит с глазу на глаз. Всех, кроме Шаумяна. С ним особая статья. За него голосовали дважды — на съезде и пятого августа на пленуме, составляя «узкий» рабочий состав Центрального Комитета. Оба раза заочно. Вернется в Баку Алеша — все расскажет. Ему поручено.

Везет Алеше на приятные поручения. По дороге в Петроград...

— Я не слышала, как кто-то вошел в комнату. Подняв голову только тогда, когда рядом раздался голос: «Здравствуйте, Ольга Александровна!», я просто опешила от такого приветствия. «Ольга Александ-

ровна» — была моя партийная кличка в Баку, — поясняет Надежда Колесникова. — Батюшки, Алеша Джапаридзе!

Говорит: «Мне очень некогда. Тороплюсь на поезд. Еду на съезд. Отыскал вас, чтобы передать постановление Бакинского комитета партии. Просим вернуться в родные палестины!»

Выехали мы с Зевиным из Москвы тринадцатого августа. Утром двадцатого добрались до места. Было воскресенье. Все учреждения закрыты. Но узнать адрес Шаумяна оказалось совсем не трудно. Двинули к нему на квартиру. Со Степаном мы расстались в конце 1916 года в Баиловской тюрьме, когда я была выслана в Каширу, а Яков — в Восточную Сибирь.

Мы засыпали Степана вопросами. Он терпеливо отвечал, по временам спрашивая: «Не устали? Не замучил я вас?» Мы с Яковом протестовали, просили извинения и снова безжалостно терзали друга. Все, что он говорил, слишком важно.

Если совсем вкратце, то речь шла об особенностях расстановки сил в Баку. Кроме общероссийских противников эсеров и меньшевиков (в скобках замечу, что кавказские меньшевики всегда шли значительно дальше в сговоре с властями, к тому же изрядно страдали национализмом), здесь еще и дашнаки и панисламисты и не очень тайные, но достаточно противоречивые интересы зарубежных фирм, банков, разведок.

Играя на прежних несправедливостях и обидах, которых армяне натерпелись при царизме, дашнаки сумели вовлечь в свою партию немало армянских рабочих. Дашнакцаканы пользуются широкой поддержкой либеральной армянской буржуазии и внушительной части интеллигенции. Все большую активность проявляет и мусульманская националистическая партия «Мусават». Ее главарь и главный демагог Мамед Эмин Расул-заде в недавнем прошлом... социал-демократ, раз или два входил в Бакинский комитет РСДРП.

Ближе к вечеру Степан заторопился на митинг

в техническое училище. «Вы отдыхайте с дороги, — предложил он нам, — а я пойду. Мой доклад «о текущем моменте». Мы, конечно, увязались за Шаумяном. И он жестоко нам «отомстил». С места в карьер объявил: «Среди нас только что приехавшие из Москвы товарищи Зевин и Колесникова. Пригласим их в президиум». В таких случаях Степан неумолим. Стоит, хлопает в ладоши, хохочет...

До сих пор, — заключает Надежда Николаевна, — я слушала выступления Степана в подполье, в тесном кругу. Сегодня он предстал в новом виде — докладчика на большом собрании. Я начала понимать силу его влияния на массы, любовь и доверие к нему рабочих.

Все отношения Степана с его огромной, весьма разношерстной, легко воспламеняющейся мазутной армией строятся на полном взаимном доверии. Никаких заигрываний, посулов, тем более лицемерия. Правда, пусть самая горькая, но полная правда. Степан единственный, кто позволяет себе в разгар волнений, вызванных сокращением и без того голодного хлебного рациона, обратиться к рабочим с суровыми словами:

«Выдвигаемый массами план повальных обысков не выдерживает критики. Мы скажем прямо: это нелепая и очень опасная мера.

В основе требований рабочих лежит справедливое чувство возмущения против того, что от сокращения рациона будут страдать опять только рабочие. Богатый класс будет иметь вдоволь и хлеба, благодаря припрятанным запасам, и всяких других продуктов.

Справедливо и похвально также желание рабочих проявить массовую самодеятельность и активность в продовольственном вопросе.

Но товарищи рабочие плохо начинают свою массовую работу. Есть самодеятельность, ведущая к погромам и анархии. Такую самодеятельность мы осуждаем самым категорическим образом.

Мы можем приветствовать только *организованную* и *революционную* самодеятельность масс. К такой самодеятельности мы всегда призывали и призываем.

Повальные и самочинные обыски, особенно при бакинских условиях, могут, несомненно, привести к самым печальным последствиям.

К этой мере товарищи рабочие ни в коем случае не должны прибегать.

...Если вы сознательны и хотите быть активны, протестуйте против войны, главного источника всех наших несчастий. Протестуйте против лжесоциалистического и явно буржуазного правительства, затягивающего войну и вконец разоряющего страну. Требуйте введения рабочего и демократического организованного контроля над производством и над торговлей.

Вот меры, которые могут быть полезны и к которым в конце концов неизбежно вы придете после горького опыта.

А повальные обыски — мера бессмысленная. Подумайте только, что они могут дать. Ужасные злоупотребления со стороны темных и уголовных элементов, справедливое возмущение со стороны большинства ни в чем не повинного населения, к которым вы будете врываться в жилища, быть может, даже крупные эксцессы и столкновения.

Мы горячо призываем товарищей рабочих воздержаться от анархических обысков и не позорить себя ими.

Обыски нужны и аресты нужны для укрывателей и спекулянтов, но это должны делать наши центральные руководящие организации».

...В десятых числах сентября присутствие Шаумяна в Петрограде становится крайне необходимым.

Кетеван привычно собирает не слишком обременительный гардероб Степана, а он до последней минуты правит корректуру. Утром «Бакинский рабочий» должен выйти с первой частью статьи Ильича «Из дневника публициста. Корень зла». Себе Степан разрешает предпослать маленькое обращение к читателю:

«В этом номере печатается статья «Корень зла», принадлежащая перу Н. Ленина, достойного вождя российского пролетариата, мы бы сказали великого

вождя. Товарищи рабочие! Прочтите статью Ленина со вниманием. Это лучшее, что дает современная марксистская литература. Не просто читайте, но изучайте то, что он говорит. И тогда вы увидите, насколько в сравнении с работой Ленина пошлыми и бульварными являются писания и речи всех этих керенских, церетели, скобелевых, ведущих за собой бессознательную обывательскую массу. Прочтите эту статью и вникните в «Корень зла»!»

Открыв корень зла, Владимир Ильич спешит дать ответ, как с этим злом покончить. Как революции смести его. Покуда Степан с нещадно раскаленных берегов Каспия добирается до обманчиво тихой Невы, Ленин, также сменивший шалаш у озера Разлив — «мой зеленый кабинет» — на Гельсингфорс, пишет письмо Центральному, Петербургскому и Московскому комитетам: «Большевики должны взять власть». Тогда же — между двенадцатым и четырнадцатым сентября — Ильич присылает в ЦК свой «примерный план» вооруженного восстания. С предельной ясностью объясняет, почему «большевики могут и *должны* взять государственную власть в свои руки».

После провала похода Корнилова на Петроград вожаки контрреволюции принимают новый совет посла Бьюкенена. Во имя сохранения своей власти они готовятся сдать Петроград немцам. Без тени стеснения последний председатель Государственной думы, лидер кадетов, дородный екатеринославский помещик Родзянко, бахвалится в газете «Утро России»: «Я думаю, бог с ним, с Петроградом! Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения (то есть Советы и т. д.). На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что, кроме зла, России они ничего не принесли...»

Пресса пестрит сообщениями и о том, что Англия и Франция ведут зондаж кайзера Вильгельма на предмет сепаратного мира за счет «союзной России».

Спасти страну и революцию, заключает Ленин, может только партия рабочего класса, если она возьмет власть в свои руки и немедленно предложит мир

народам. В новых условиях снятый в апреле лозунг «Вся власть Советам!» получает совершенно новое содержание. Теперь это лозунг перехода власти путем вооруженного восстания. Прямой подход к диктатуре пролетариата — коренному требованию программы большевиков.

Письма Ильича из его последнего подполья, разработанный им план восстания обсуждаются на заседании ЦК пятнадцатого числа. Степан успевает. Он в «шестерке», особенно энергично отбивающей очередную атаку Льва Каменева на Владимира Ильича, на марксизм. В сущности, на революцию.

Никогда раньше Степану как-то не приходилось особенно близко сталкиваться с этим невысоким суетливым человеком с широким лицом и низко посаженной головой. Что-то около месяца назад, когда в Баку нагрянул Орджоникидзе и они всю ночь просидели в холодке на открытой веранде, Серго среди всего другого вспомнил об инциденте в деревушке Лонжюмо под Парижем.

«В знойный июльский полдень, — рассказывал Серго, — мы, несколько слушателей партийной школы, с нами и Ильич, без рубах, босиком, валялись на свежескошенном сене, пели. Появился Каменев. Окинул всех неодобрительным взором. Обратился к Ленину: «Владимир Ильич, нам необходимо серьезно поговорить!» — «Я — весь внимание, Лев Борисович». — «Здесь, в этой обстановке?» — «Вы шокированы? Простите, я не улавливаю чем! Что я не застегнут на все пуговицы или присутствием товарищей? Не разводите манную кашу. Поякшались с ликвидаторами, поблудили с отзовистами, теперь явились этаким фертом...»

«А он и сейчас держится «этаким фертом», — думает Степан, глядя на расшумевшегося Каменева. Захлебываясь, Лев Борисович поучает — предложения Ленина необходимо полностью отвергнуть. Письма уничтожить...

Метель слов сбивает с курса кое-кого из участников заседания. Иные плутают на развилке. Иные неуверенно пережидают в затишке. За предложение со-

хранить только один экземпляр писем Ильича шесть голосов, против — четыре. Остальные — снова шестеро — воздерживаются. Не потому ли, что лишь вчера открылось Демократическое совещание — «расцветающий цветок русского парламентаризма»? Садовник — эсеро-меньшевистский ЦИК с превеликой охотой раздавал далеко идущие обещания. «Совещание покончит с режимом личной власти в стране. Создаст правительство, подотчетное демократии».

Что ж, принять участие необходимо, отзывается Ленин. Просто пренебрегать всероссийской трибуной нельзя. Если, конечно, будет допущено честное представительство. Отвечающее расстановке сил в стране, тому факту, что в столичных и некоторых других Советах большинство уже за большевиками.

Такой же примерно позиции держится и Степан. Он согласился участвовать в совещании от Бакинского Совета. Пошел вчера прямо с поезда. И без труда убедился, что вся затея — дешевая хитрость. Совещание вовсе не демократическое. За внешне привлекательными новыми декорациями старый театр — обветшалое коалиционное правительство. Большевиков вовлекают во всероссийскую говорильню.

— Нам нельзя оставаться! — обращается Степан к Виктору Ногину, третьего дня избранному председателем Московского Совета и задающему тон в «парламентских верхах» большевиков.

В ответ получает:

— Степан Георгиевич! Я слишком вас ценю, чтобы не предостеречь от ершистой бескомпромиссности...

Не впервые Степану выслушивать горькие слова, крепко схватываться, а то и полностью разрывать с недавними единомышленниками — Расул-заде, даже с близкими друзьями. Из сердца никак не выбросить Мартына Лядова. Прислушивался к его голосу Степан — сегодня руки не подает. Не представляет Степан, как может человек, претендующий на уважение, оплевывать, поносить свои вчерашние убеждения, то, чему он годами поклонялся.

Весь «высший свет» в Баку и в Тифлисе считает необыкновенно пикантным, расцвечивает лихо при-

думанными подробностями, «мотивами» каждый бой Степана с Лядовым на заседаниях Совета, на митингах. И никому не признаешься, что где-то далеко-далеко, в глубине души таится надежда — пройдет, исчезнет дьявольское наваждение, постучится Мартын в родной большевистский дом. Так оно и будет. Только слишком уж мало остается... жить Степану. Один год. Необыкновенный год!

С Ногиным, к счастью, расхождения не долгие. Степан категоричнее, зорче. Виктор Павлович, другие товарищи при всех их несомненных достоинствах в чем-то существенном робче, опасливее. Они придут к тому же, что и Степан, позднее. После резкого вмешательства Ильича. Небольшая иллюстрация к тому.

«Протокол № 19 ЦК РСДРП(б).

23 сентября 1917 г.

Порядок дня

...3. Предпарламент.

После общего обмена мнений по работе в Предпарламенте вносится ряд предложений, относящихся к первому заседанию. Если председателем избирается Чхеидзе, то голосовать против, выступив с мотивировкой голосования. Выступление поручить Шаумяну».

По тому же поводу Ильич. Предпарламент, созданный Демократическим совещанием на смену себе, не что иное как сборище публичных мужчин. Разогнать его! До восстания — бойкот. Полный бойкот Предпарламенту. Большевиков двинуть на заводы и в казармы!

Степан с июня не видится с Ильичем, не переписывается с ним. На ход мыслей, на полное совпадение мнений разлука не влияет. Так было. Так будет...

Метель слов, вся заваруха, поднятая Каменевым и иже с ним, никак не в состоянии поколебать большевистских основ. Во все концы необъятной страны расходятся копии писем Ленина, его план восстания. Военная организация при Центральном Комитете получает недвусмысленное указание всячески убыстрять формирование отрядов красногвардейцев-рабочих; подготовить корабли Балтийского флота и наиболее надежные воинские части. Выбор сделан!

В Петрограде Степану дольше оставаться незачем. Тем более что в Баку на двадцать седьмое назначена всеобщая забастовка 65 тысяч промысловых рабочих и моряков нефтеналивного флота[1]. Скорее бы добраться...

Яков Свердлов радостно приветствует Степана.

— Жду с нетерпением. Владимир Ильич просит, дружище Степан Георгиевич, ехать прямо в Тифлис. Самым экстренным порядком. Там начинается Кавказский краевой съезд партии. Всякий другой представитель ЦК исключается.

18

Крутая воля времени слишком многое помещает в эти месяцы — октябрь, ноябрь, декабрь семнадцатого. События, как горошины в одном стручке, плотно одно к одному. Степан в центре. Что делает, к чему зовет, что по слабости сил или человеческой мягкости обходит — все обсуждается уже десятилетия. В воспоминаниях друзей, признаниях противников, в полемике исследователей и диссертациях соискателей ученых степеней. Оценки на редкость несхожие. «Все жалуются на свою память, — заметил триста лет

---

[1] В отчаянной попытке сорвать забастовку Временное правительство направило в Баку министра труда Гвоздева и председателя краевого Совета Гегечкори. Непрошеных посредников и миротворцев с позором выставили. Нефтепромышленники принимают условия. Степан радостно телеграфирует редакции центральной большевистской газеты «Рабочий путь», выходившей вместо разгромленной и запрещенной «Правды»: «Блестяще проведенная под руководством тов. Джапаридзе забастовка кончилась 3 октября полной победой: коллективный договор подписан промышленниками. Право контроля приема и увольнения рабочих декретировано краевой властью... Победа бакинских рабочих есть поражение соглашателей, шесть месяцев мучивших пролетариат. Комиссар труда Рамишвили сказал рабочим: «Вы победили не только нефтепромышленников, но и меня...»

Центральный Комитет партии и редакция «Рабочего пути» приветствуют «революционный пролетариат города Баку, в открытом бою победивший организованный капитал». В газете — также статья «Учитесь у бакинцев!».

назад Франсуа де Ларошфуко, — но никто не жалуется на свой здравый смысл».

Тридцатые годы. Выдающийся российский революционер, государственный деятель и историк Мамия Орахелашвили сотрудникам Института марксизма-ленинизма:

«...А руководство закавказской партийной организации, в лице краевого комитета, не сделало всего того, что диктовалось обстановкой. Оно не сделало самого главного — не использовало армию, в которой победило политическое настроение против оборонцев-контрреволюционеров и которая была единственной вооруженной опорой в борьбе за советский строй. Несмотря на настояние Степана Шаумяна, большинство краевого комитета так медлило с этим вопросом, надеясь на менее острые формы классовой борьбы, что нависшая над меньшевиками и всей коалицией угроза свержения не была реализована».

Шестидесятые годы. Доктор исторических наук А. Сургуладзе:

«Может быть, армия и свергла бы власть Закавказского комиссариата в Тифлисе, но какие положительные результаты принесло бы это? Власть, созданная вне широкого участия масс, оказалась бы повисшей в воздухе».

Вроде бы Степан слишком спешит, толкает крайком на дела архивредные. Нет, вина его совсем в другом, считает доктор исторических наук М. Церцвадзе. Шаумян, руководя Первым съездом большевистских организаций Кавказа, ничего не говорит о подготовке к вооруженному восстанию, не указывает, каким путем можно завоевать власть. При обсуждении проблем национальных «Степан Шаумян, требуя областную автономию, сам допустил ошибку, считая, что в Закавказье нужны две автономии... Восточного Закавказья и Западного Закавказья, к Восточному Закавказью он относил Эриванскую, Елизаветпольскую и часть Тифлисской губерний, а к Западному Закавказью — часть Тифлисской и Кутаисскую губернию, а также Батумскую область и Сухумский округ.

Таким образом, — утверждает М. Церцвадзе, —

во-первых, эта автономия не была ни грузинской, ни азербайджанской, ни армянской и, во-вторых, совершенно непонятно, почему он расчленил территорию Грузии, в частности Тифлисскую губернию»[1].

О том же реплика известного партийного работника и исследователя Николая Стуруа в «Вестнике академии наук Грузии»:

«...Резолюция Первого Кавказского краевого съезда РСДРП(б) по докладу Степана Георгиевича Шаумяна предупреждала, что буржуазия и ее прислужники не сдадут без боя своих позиций, что «рабочий класс, солдаты, революционные представители крестьянства не должны останавливаться перед трудностями и жертвами и должны смело идти к завоеванию власти и спасению страны и революции от гибели... До созыва Всероссийского съезда Советов мы призываем товарищей приложить все усилия к укреплению Советов на местах, к обновлению их состава, где это необходимо, и к возможному расширению их власти».

В докладе Шаумяна и в резолюции нет изъянов, а выдумывать их — занятие не из приличных... Пока не найдены протоколы этого съезда и о решениях приходится судить только по газетным материалам и воспоминаниям его делегатов, а такой материал, как правило, неполный. Но чтобы убедиться в том, что М. Церцвадзе безалаберно отнесся даже к этим материалам, приписав Степану Шаумяну то, чего он не говорил, достаточно привести выдержку из газетного отчета:

«Согласно теперешней нашей программе, — говорил Степан Георгиевич, — мы должны признать автономию областей. Мы близко подходим к социальной революции, следовательно, нам меньше следует бояться децентрализации. Что касается Закавказья, я считаю необходимым некоторую перекройку административных единиц. Нужно разбить Закавказье на три

---

[1] М. Церцвадзе, Революционное движение в Грузии в 1914—1917 гг. Часть вторая, стр. 235.

области: 1) Западное Закавказье: Кутаисская, Батумская и часть Тифлисской губерний; 2) Восточное Закавказье: Эриванская, часть Тифлисской, Карская и Елисаветпольская губернии[1]. 3) Бакинская, часть Елисаветпольской и Дагестанской области».

Как видно из приведенных строк, Шаумян делит Закавказье на три, а не на *две* области. Чудовищно, как же этого не приметил М. Церцвадзе.

А теперь относительно «расчленения» Грузии, в частности Тифлисской губернии, которое так возмущает М. Церцвадзе. По существовавшему тогда административному делению в Тифлисскую губернию входила часть территории Армении (Алаверды, Ахпат, Лори и др.). Почему она не должна была отойти к Армении?

Не требуется большой проницательности, чтобы убедиться в том, что С. Г. Шаумян делит Закавказье на Грузию (первая область), Армению (вторая область) и Азербайджан (третья область). Следовательно, обвинение Шаумяна в том, что якобы предлагаемое им автономное деление Закавказья не учитывало интересы азербайджанского, армянского и грузинского народов является плодом *несерьезности* и *недомыслия*».

Чтобы круг замкнулся — письмо Мамия Орахелашвили: «На нашем Первом съезде в Тифлисе группа делегатов, я бы их назвал «группой молодых», и слышать не хотела хотя бы об административном устройстве Закавказья по национальному признаку. Только после повторных выступлений Шаумяна, который даже сказал, что он не может взять на себя ответственность перед ЦК за предлагаемые решения, молодые пошли на «уступку». Согласились на формулировку, что административные границы могут совпадать с национальными».

---

[1] Тут явная редакционная ошибка. Как свидетельствует следующая строка, С. Г. Шаумян имел в виду не всю Елизаветпольскую губернию, а часть ее. *(Примечание Н. Стуруа.)*

И всамделишные факты — этот насущный хлеб истории.

В первую же ночь после закрытия съезда Степан вопреки всем строжайшим запретам Керенского «будоражить полки» отправляется в расположение штрафных частей. К тем, кто за участие в демонстрациях третьего — четвертого июля в Петрограде подвергнуты «клеймению позором» и ссылке на Кавказ. Девятого октября, как явный вызов военным властям и правительству, огромный митинг гарнизона Александропольской крепости. Рассказ Степана о том, почему большевики ушли из Предпарламента и снова настаивают: «Вся власть Советам!»

От солдат к мазутной армии. Тринадцатого более чем неожиданным маневром соединенные силы большевиков и левых эсеров выбивают оборонцев, прямых и тайных отступников, из Исполкома Бакинского Совета. Степан становится во главе нового Временного исполнительного комитета. Практически это дает еще очень немногое. Куда более реальная власть у городской думы, особенно у Исполкома пресловутых общественных организаций. Попытка Степана взять в руки Совета хотя бы одну из городских типографий приводит к тому, что «демократический» пристав привычно составляет на него протокол и без особых церемоний выставляет за дверь.

Победа пристава почему-то не очень обнадеживает приехавшего в Баку американского консула на Кавказе Ф. Смита. Он телеграфирует государственному секретарю Лансингу: «Без нашей активной помощи, совета и участия во внутренних делах страны трудно допустить или надеяться на восстановление порядка к следующей весне». Послание из самых скромных!

...Первые вести о событиях в Петрограде доносятся до Баку к вечеру двадцать шестого. В те часы, когда в Смольном Ильич докладывает съезду Советов декреты о мире и земле. «И необычайная тишина, будто люди даже перестали дышать, — пишет один из участников съезда, — взрывается необузданным восторгом, вихрем и гулом аплодисментов, криками».

На задворках типографии негоцианта Куинджи

в небольшой комнате, за единственным столом, представляющим все имущество редакции «Бакинского рабочего», Степан пишет прокламацию.

«К гражданам

Настал величайший момент. Решаются судьбы рабоче-крестьянской революции. Все, желающие блага народу и скорейшего водворения мира и порядка в истерзанной и измученной стране, должны немедленно и решительно встать на сторону нового правительства, Правительства Народных Комиссаров во главе с Лениным».

В городе спокойно. Утром открываются магазины, шумят базары. Завязываются неторопливые беседы на Парапете и в кофейнях. Приутих норд, и Каспий не так беспощадно бьет о причалы.

Прелесть и легкую грусть благодатного осеннего утра вмиг разрушают экстренные выпуски «Баку» и «Каспия». Хочешь не хочешь в уши врываются отчаянные вопли мальчишек — продавцов газет: «Вай! Пагром-резня!!! Спасательный камитет», «Покупай камитет!.. Рез-з-ня-я!!»

Несколько экстравагантное сообщение бакинцам, вечно живущим под страхом погромов — армянских, татарских, еврейских, что тяжкими хлопотами Вермишева и нескольких других не менее достойных демократов образован «Революционный комитет общественной безопасности». «Спасательный» комитет от резни, замышленной большевиками.

Если Шаумян проявит особую настойчивость, можно дать опровержение — крохотными буквами, где-нибудь между объявлениями о купле-продаже случайных вещей. Опыт есть. Афишными шрифтами извещали: «Ленин бежал в Германию!», «Кутежи большевистского кумира в Берлине. Показания очевидцев». Через пару-другую деньков: «Сведения о местопребывании Ленина, разыскиваемого прокурором Петроградской судебной палаты, оказались не достоверными. Редакция сожалеет».

«Пакупай камитет... Рез-з-з-ня!!!» — вопят мальчишки. «Прошлой ночью, я точно знаю... трупы бросают в море...» — обнадеживают доброжелатели.

Степан созывает Бакинский Совет. Двухчасовую речь на тему «большевизм явление временное и крайне грубое» произносит Сако Саакян. Записываются еще сорок пять ораторов.

В это время в Гатчине: «Объявляю, что я министр — председатель Временного правительства и верховный главнокомандующий всех вооруженных сил Российской республики, прибыл сегодня во главе войск фронта, преданных родине.

Приказываю всем частям Петроградского военного округа, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга.

Приказ этот прочесть во всех ротах, командах и эскадронах».

К своей армии, притом несравненно более верной ему, обращается и Степан. Призыв Бакинского Комитета в субботу читают на всех промыслах, на всех заводах и кораблях. В воскресенье митинг на площади Свободы. И бесконечное — до поздней темноты — шествие. Рабочие, солдаты, матросы. Тысячи. Десятки тысяч. Идут, идут. Кто путается на пути, того сметают, отбрасывают.

В описании Степана: «Блок оборонческих и соглашательских партий — меньшевиков, эсеров, дашнакцаканов — покинул ряды рабочих и солдат и увел с собой около одной четверти состава Совета на заседании 2 ноября (из 450 человек с ними ушло около 120). Оставшиеся левые социалисты-революционеры и большевики вместе с представителями гарнизона избрали новый Исполнительный комитет, который уже сконструировался и приступил к деятельности.

Целью Исполнительного комитета является прежде всего всемерная поддержка первого революционного правительства России, борьба с разрухой и спекуляцией в Баку и водворение революционного порядка в нашем городе».

В эту первую неделю ноября два побратима — Бакинский и Тифлисский Советы рабочих и солдатских депутатов, оба в полной силе достигают разви-

лины. У тифлисцев даже преимущество. Весьма весомое. Главный арсенал Кавказского фронта и гарнизон. Сначала тридцать шесть воинских частей, затем семьдесят семь отдают себя в распоряжение революционного правительства. Силу имеют только приказы Делегатского собрания — по существу, военной секции большевиков.

Дальше после развилины дороги круто разбегутся. Как часто бывает, наиболее соблазнительная, хорошо обозначенная, сулящая привычные удобства и покой заводит на край пропасти. Степан со своими бакинцами забирает влево, влево. Не останавливаясь, не оглядываясь на замешкавшихся тифлисцев. Надеется на то, что в Тифлисе почти весь состав краевого комитета партии? Или приказывает себе из двух дорогих сердцу городов снова выбрать Баку? Все подчинить судьбе Баку?

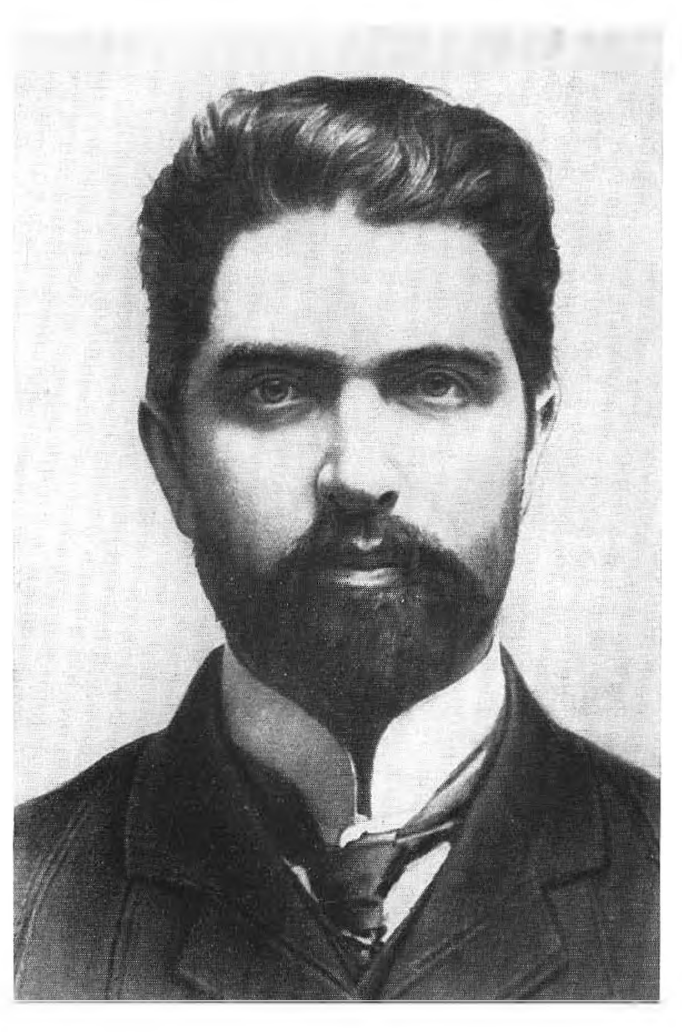
Пока из Тифлиса в Вашингтон несутся причитания консула Смита. В среду, девятого числа: «Я сомневаюсь в их (шумливых деятелей из «Комитета общественной безопасности». — *И. Д.-М.*) способности продержаться более пяти дней... Поручите уполномочить меня в случае необходимости получить телеграфом десять миллионов долларов для финансовой помощи».

В пятницу: «В субботу я буду присутствовать на совещании по вопросу об организации Закавказского правительства, которое объединится с южной федерацией[1] и отвергнет перемирие или сепаратный мир. Необходимо оказать им финансовую помощь».

Среди «Советов постороннего» у Владимира Ильича есть и такой: «Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если

---

[1] «Южная федерация» — так на дипломатическом языке именуется Юго-Восточный союз кубано-донской и терской казачьей контрреволюции во главе с генералом Корниловым, атаманами Калединым и Карауловым. Далеко не последнюю роль в этом союзе играет снова вынырнувший на поверхность протеже Джорджа Бьюкенена рубака Половцев. Теперь он в родной стихии — командует «диким корпусом». Ему усмирять Северный Кавказ, идти на Баку.

С. Шаумян. 1911 год.

С. Шаумян с женой и детьми в Астрахани. 1912 г.

С. Шаумян и С. Спандарян

дело идет об одном городе), поддерживая, во что бы то ни стало, *«моральный перевес»*. В Тифлисе все наоборот. Одиннадцатого краевой комитет принимает требование меньшевиков «распустить» Делегатское собрание. Двадцатого молчаливо соглашается с захватом националистической «народной гвардией» арсенала. Двадцать второго, в день приезда Степана, город объявляется на военном положении. Налеты на редакции и типографии большевиков. Аресты, расстрелы «при попытке к бегству». Совсем как в блаженные времена наместника.

Во все времена при всех обстоятельствах Степан твердо держится правила: «Честность в политике есть результат силы, лицемерие — результат слабости». Он считает для себя совершенно обязательной личную встречу с главой новой власти — председателем Закавказского комиссариата Евгением Гегечкори. Вторым после Жордания лидером меньшевиков. Хотя бы для того, чтобы объявить ему:

— Пролетарский центр Кавказа — Баку полностью отказывает вам в доверии. Бакинский Совет объявляет вам, ухудшенному националистическому изданию Временного правительства, непримиримую войну.

Гегечкори смешком Иудушки Головлева:

— Хе-хе-хе-а? Я вспоминаю, наш дорогой Маркс запечатлел тип бунтаря, который «в порядок дня поставил штык»... И вы, Степан Георгиевич, да? Русский штык против нашей кавказской демократии! Какое падение!! Завтра же во всей нашей прессе...

Степан брезгливо морщится.

— Все тот же репертуар. Оскорбленная девица закатывает истерику. Я не располагаю временем... Закавказские национальности самоопределяются. Пусть так. Но как можно в такое время совершать предательство против российской революции, благодаря которой мы обеспечили себе право на самоопределение.

— Уходите! Сейчас же!.. Я вас отправлю в Метехи...

Гегечкори вскакивает. Степан прячет улыбку.

— Не посмеете. За мной Баку. Извольте слушать

трезвое предостережение. На Кавказе стоит полумиллионная армия русских солдат. Три года от них непрерывно требовали жертв. Теперь вы их объявляете «пришлым, чужеродным элементом». Как же эти люди могут оставаться на позициях, продолжать проливать свою кровь?! Когда вы предаете российскую революцию, когда вы Каледина предпочитаете Ленину! Не сегодня так завтра войска стихийно хлынут с фронта. Сметут и затопят вас. От трех национальных сатрапий, на которые вы раскроили край, не останется и следа. Интересы и русской революции и национальностей Закавказья требуют от вас одного и того же — признать власть Совета Народных Комиссаров, двигать войска против Калединых и Карауловых, обеспечить хлебом армию и население. Рабочие и солдаты не дадут себя взять голыми руками. Революция будет продолжаться на Кавказе. Мы за революцию и против вашей власти.

Степан, не прощаясь, направляется к дверям. А встречаться им еще придется. И сидеть рядом в президиуме.

Хорошо или плохо, обдуманно или под горячим впечатлением, Степан из резиденции Гегечкори шагает на Военную улицу — в почтово-телеграфную контору. На синий бланк депеши экономно нанизывает слова: «Петроград Смольный Ленину точка Мы объявили бой Закавказскому комиссариату как контрреволюционному точка Большая часть гарнизона на нашей стороне точка Мы можем с помощью армии заставить комиссариат признать власть Совета Народных Комиссаров точка Просим немедленно сообщить как быть Шаумян».

Ответа нет. Степан, несколько изменив текст, шлет вторую телеграмму. В Тифлисе, в Батумском и Потийском морских портах, на Михайловском железнодорожном узле, во всех сравнительно крупных городах Грузии новая волна репрессий. Из-за депеш Степана. Он не подозревает.

Со многими предосторожностями на конспиративной квартире собирается краевой комитет. Степан появляется вместе с Камо и приезжим русским това-

рищем. «Шувалов из Петрограда. Прислан Владимиром Ильичем», — сверхскупо представляет Шаумян. Не больше подробностей и в единственной записи о заседании: «Общий обмен мнениями в связи с сообщением товарища Шувалова (Петроград)».

Одновременно с Шуваловым или вслед за ним в центр отправляется Камо. По маршруту, доступному только ему. По Военно-Грузинской дороге, уже плотно забитой льдом и снегом. Через враждебные красным станицы Терека, через Кубань и Дон, где бушует контрреволюция. Через владения «самостийной Рады» украинской. Много дней и ночей на волосок от смерти. С секретным письмом Степана к Ильичу. В начале пути, во Владикавказе, Камо должен повидаться с Ноем Буачидзе и Сергеем Кировым. К ним — руководителям полулегальной большевистской организации области Терского казачьего войска и Дагестана — особое поручение. Крайне важное для Баку.

На несколько дней Тифлис оставляет и Степан. На Каспии партийная конференция. Как же ему не участвовать, делегату от Балаханов?

Снова поезд, снова Тифлис. Настойчивое приглашение явиться. Нет, не с корабля на бал. Скорее на судилище инквизиции над безнадежным еретиком, никак не склонным к раскаянию. У святейших судей Ноя Жордания и Евгения Гегечкори в руках две депеши Степана Владимиру Ильичу. Трофеи, бесцеремонно унесенные с телеграфа. Степану больше не надо ломать голову, строить десятки предположений, почему Ильич не отозвался, проявил небывалое безразличие.

Зал Народного дома переполнен. На чрезвычайное заседание затребованы депутаты Тифлисского Совета, представители «национальных» частей, надежных маленьких заводов и фабрик. На почетных местах командующий Кавказской армией генерал Пржевальский, английский и французский агенты при штабе военного округа, оптовый наниматель и денежный мешок консул Смит. Обещано грандиозное представление. Полное, окончательное посрамление главного кавказского большевика Шаумяна.

Комитетъ 2-го района большевиковъ

устраиваетъ въ среду, 20-го декабря 1917 года, въ помещенiи Авчальской аудиторiи (Черкезовская ул.) ЛЕКЦIЮ тов. С. ШАУМЯНА

НА ТЕМУ:

„Удержатъ-ли большевики государственную власть?“

Начало въ 6 час. вечера. Входъ платный — 60 к., для солдатъ — 30 к. Билеты продаются въ Бюро 2 го района (Елисаветинская ул. № 10).

Из газеты «Кавказский рабочий». Номер от 20 декабря 1917 года.

— Наша священная демократия... — Жордания запивает гнев боржомской водой, — исторгает вас из своей среды. Вы заговорщик, бонапартист! Вы расписались собственной рукой! — Ной Николаевич потрясает синими бланками.

Положение Степана не из самых выигрышных. Встречают его криками, свистом. Чувствуется опытная рука организаторов собрания. Единственная возможность — быка за рога.

— Не стану скрывать. Я очень ошибся. Не подозревал, что отцы нашей кавказской демократии превзошли департамент полиции... — Смятение, шум, чрезмерный даже для Тифлиса. Степан пережидает. — Департамент полиции довольствовался перлюстрацией корреспонденции в черных кабинетах. При правлении Гегечкори тайное снятие копий заменено явным похищением оригиналов. Великолепный образчик государственной деятельности Закавказского комиссариата!

Я взял слово с единственной целью ознакомить немногих допущенных сюда рабочих с подлинным

содержанием моих обращений к Ленину. Товарищам рабочим необходимо знать правду. Я читаю сохранившийся у меня текст депеши от двадцать пятого ноября, по своей памятной книжке. «Здесь в Закавказье большая часть армии на нашей стороне, а в Баку и пролетариат поддерживает нас точка Поэтому мы можем если нужно будет опереться на эту силу и вынудить местный оборонческий комиссариат признать центральное ленинское правительство точка Дайте постановления как быть во время мирных переговоров на Кавказском фронте».

Ни от одного слова я не отказываюсь. Власти оборонцев и националистов мы объявили бой. С самого начала. В прошлом месяце, по уполномочию Бакинского Совета, я сделал официальное заявление Закавказскому комиссариату. Революция продолжается. Марксисты знают: это далеко не то же самое, что военный путч. Когда в краевой комитет пришли представители крупных, хорошо вооруженных частей и предложили «в два дня разнести весь комиссариат», им ответили: «Нет, воздержитесь. Мы не Корниловы и не Половцевы. Мы — большевики. На нашем знамени: «Вся власть Советам!» — Центральному революционному правительству Ленина».

Степан замолк. Стих и зал. Ни криков, ни реплик. Ничего от первоначальной открытой враждебности, недружелюбия. И тогда, не напрягая голоса, совсем доверительно Шаумян возвещает:

— Да здравствует Совет Народных Комиссаров! Да здравствует скорый мир и братство народов!

Все вверх тормашками. Статисты наперекор режиссерам из Закавказского комиссариата становятся главными действующими лицами. Волнуется море голов в облаках табачного дыма. Волнуется, горит, раскалывается..

Посрамление все-таки состоится. Тринадцать дней посрамлений. Умеет Степан.

Шумная Кирочная улица в Тифлисе. Дом Зубалова. Комиссар штаба и председатель «фронтового революционного комитета» эсер Донской начинает вы-

сокоторжественную церемонию открытия съезда Кавказской армии.

Голос Шаумяна:

— Остановитесь! Над этим человеком тяготеет величайшее преступление. Предательство рабочего класса. Он вошел в заговор с Калединым и Карауловым. Предатель Донской в нашей среде не может быть терпим ни одной минуты.

Донской пытается что-то возразить. Хватается за председательский колокольчик Евгений Гегечкори. Сто шестьдесят солдат и унтер-офицеров большевиков — самая крупная фракция — скандируют: «Предатель, убирайся!»

Позеленевший, с дрожащей челюстью, Донской сбегает с трибуны. С мест казаков и горцев из «диких дивизий» Половцева запоздалое: «Ура!» Центр ошалело безмолвствует.

Ни одного заседания без бурных сцен «и натурального хватания за грудки» — кладет сочный мазок участник съезда Вагинак Мравян. «Шаумян требует с трибуны, — продолжает живописать Вагинак, — показать телеграмму из Петрограда о согласии немцев вести мирные переговоры с большевиками. Меньшевики, эсеры, дашнаки отрицают: «Ничего не знаем, ничего не получали».

В момент острейшего спора в зале появляется человек небольшого роста, в очках, в форме телеграфиста. Он быстро, твердыми шагами пересекает зал, подымается в президиум, что-то подает Шаумяну. Степана тотчас же окружают другие большевики — члены президиума. Видим, они читают какую-то телеграфную ленту. Шаумян обнимает телеграфиста[1]. После вскакивает на стул, объявляет: «Читаю депешу Центрального правительства России. Германия принимает предварительные условия ведения мирных переговоров».

Глядя на Степана, все делегаты встают, орут, рукоплещут. Всадники «диких дивизий» стреляют в по-

---

[1] Фамилия телеграфиста Шмулевич. Немного времени спустя *его повесили во Владикавказе белоказаки.*

толок. Многие стреляют... На месте сидит только один человек. Евгений Гегечкори. Сидит с поникшей головой».

Многолетние обязанности корреспондента «Бакинского рабочего» заставляют записывать впечатления и Степана. «К середине съезда мы имели перед собой две равные половины, а дальше, к концу, перевес уже явный на стороне большевиков. По самому кардинальному вопросу — о текущем моменте и о власти — резолюция большевиков и левых эсеров получает 181 голос против 168 правого сектора.

Пять правых фракций, считая вместе с казачьей группой, украинскими самостийниками и мутящими воду дашнакцаканами, мобилизовали все свои интеллигентские силы для того, чтобы сразить общего ненавистного врага — большевиков. Во главе крестоносцев встал «премьер» Кавказа — Гегечкори, забывший о своих многотрудных обязанностях по управлению краем и с утра до вечера в течение тринадцати дней заседавший безотлучно на съезде.

...Острым вопросом, занявшим много времени и вызвавшим бурные прения на съезде, было положение Северного Кавказа. Нам удалось добиться почти единогласного признания, что события по ту сторону Кавказского хребта — на Тереке и Сунже — носят характер явно контрреволюционный и что необходимо отправить войска для борьбы с Калединым и Карауловым. Попутно дана убийственная критика политики Закавказского комиссариата и краевого комитета армии, которые состоят в фактическом союзе с атаманом Карауловым и героем июльских расстрелов в Петрограде Половцевым. Их безотказно снабжали через генерала Пржевальского оружием и патронами для расправы с рабочими, горцами и революционными солдатами.

Приняты также резолюции большевиков о фронте, по турецко-армянскому вопросу, о вооружении уезжающих воинских частей и т. д. Съезд нанес тяжелый удар Закавказскому комиссариату. Армия, считавшаяся оплотом оборончества, голосовавшая еще так недавно при выборах в Учредительное со-

брание в своем большинстве за правых эсеров, заявила, что Закавказский комиссариат для нее не существует».

19

Не знает солдатский съезд, не подозревает Степан, что единственной законной и самой высшей властью на Кавказе — по обе стороны хребта — с морозного вечера шестнадцатого декабря является... Шаумян. Чрезвычайный комиссар. Первый в России. Вторым, опять же заботами Ленина, вскоре станет Серго Орджоникидзе.

Начинается с появления в Петрограде — на квартире Ильича — Камо. Он в самом буквальном смысле прошел через огонь и воду. Теперь в его обязанности дополнить скупые строки письма Степана. Владимир Ильич расспрашивает несколько вечеров. Сыплются самые неожиданные вопросы. Порой Камо виновато разводит руками: «Этого я не знаю, дорогой Ильич!»

Шестнадцатого под председательством Ленина собирается Совет Народных Комиссаров. Доклад о положении на Кавказе наркома по делам национальностей. Для Камо он просто земляк-гориец Сосо, в годы более зрелые — Коба. Ильич сам формулирует три пункта решения: дать полмиллиона рублей по смете внутренних дел Бакинскому Совету для борьбы с Калединым; учредить пост чрезвычайного комиссара — полномочного представителя центра, назначить Степана Шаумяна; подобрать ему помощника по указанию Подвойского.

Участников заседания смущает одно немаловажное обстоятельство. Кавказ отрезан, удастся ли доставить Степану Георгиевичу мандат, деньги, хотя бы известить его о назначении? Ленин хитро прищуривает глаза. Произносит одно слово. Магическое. Камо!

А месяц спустя Камо мечется по Тифлису. В страшнейшей тревоге. Исчез Степан. В субботу

шестого января он выехал из Баку. Скорым поездом номер три. По депеше крайкома.

Потом Степан расскажет. На заре в понедельник поезд подошел к Елизаветполю. В вагоны ворвались вооруженные мусаватисты из «национальных сил», проще сказать, банд Аслан-бека Сафикюрдского. Кулаками и прикладами стали выгонять сонных, полуодетых пассажиров. Не милуя ни детей, ни женщин.

Только перед Шаумяном в почтительном поклоне склонился сам особо доверенный Константинополя и член Закавказского комиссариата Мирза Фатали Хан-Хойский. От неожиданности Степан вздрогнул. Хан принес извинения. На его долю выпала тяжкая обязанность просить господина Шаумяна прервать свое путешествие. Ни одного поезда на Тифлис больше не будет. Достаточно того, что произошло этой ночью...

От других, не от Хан-Хойского, — Хан не из болтливых: отлично знает, как и с кем себя вести, — Степан узнает, что на ближайших станциях Шамхор и Далляр еще догорают эшелоны, разбитые, ограбленные. Вдоль полотна, под откосами, среди обломков — всюду трупы солдат. Тысячи жертв неслыханного преступления. Хорошо обдуманного, тщательно спланированного, осуществленного с нечеловеческой жестокостью.

За пять недель до резни консул Смит обнадеживает государственный департамент: «Премьер-министр Закавказья сообщил сегодня, что если правительство не получит шестьдесят миллионов рублей немедленно, то власть может перейти к большевикам. Это будет величайшим несчастьем... Весьма безотлагательно в качестве предварительной меры следует, чтобы я был уполномочен ответной телеграммой предоставить в их распоряжение эту сумму. Я полагаю, что смогу обеспечить разоружение войск, возвращающихся с турецкого фронта, которые целиком являются большевистскими».

«Обеспечить разоружение...» Стенографическая запись диалога двух меньшевиков на заседании краевого центра — тифлисский предпарламент. Один,

В. Джугели, еще томится в ожидании министерского портфеля. Второй, Н. Рамишвили, с самого начала у кормила власти.

«В. Джугели. Это было не разоружение, а разграбление солдат; у несчастных, тоскующих по дому людей забрали все вплоть до сапог. Здесь же шел торг. Разбойничьим бандам продавалось вооружение. Творилось что-то возмутительное.

Н. Рамишвили. Джугели клеветник.

В. Джугели. Ной Рамишвили лжец!

Н. Рамишвили *(повторяет)*. Джугели клеветник.

В. Джугели. Прошу прекратить оскорбительные выражения по моему адресу.

Н. Рамишвили. Заявляю, что сказанное Джугели инсинуация, что Джугели клеветник.

В. Джугели. А вы подлец и негодяй...»

Заметая следы, Закавказский комиссариат снаряжает «правительственную комиссию для расследования шамхорского дела». Для пущей важности иудушки заседают поочередно то в мусульманской, то в армянской части Елизаветполя. Оглашается беспристрастное заключение: «Случайный, прискорбный эпизод, плод рук безответственных вооруженных элементов».

Хохочет, заливается недавний эсер Аслан-бек Сафикюрдский. Кто же, как не он, торжественно продефилировал верхом на пушке, отобранной у «врага», по всему Елизаветполю! В отменном настроении пребывает и другой демократ, делегат краевого центра, полковник Стрелковский: «Убиты красные солдаты, ну и слава богу!»

В хор подлецов врывается голос человеческой совести. Шаумян, повернувшись спиной к комиссии, не обращая внимания на крики, угрозы, обращается к землякам-кавказцам:

«Если есть «разбойники», действительно повинные в шамхорском преступлении, то это те беки и ханы, которые заседают в Мусульманском национальном комитете, в Закавказском комиссариате и их доблестные союзники — бывшие социал-демократы Жорда-

ния, Гегечкори, Рамишвили, Чхенкели. Народ знает имена убийц. И народ же должен их судить.

Неужели Советы Закавказья пали так низко, что не поднимут своего голоса против ужасного злодеяния, против открытой контрреволюции и не скажут своим изменникам-вождям: «Прочь! Довольно с нас вашей преступной политики...»?

Пассажирские поезда больше не ходят. На шоссе заставы и патрули «национальных» мусульманских сил, грузинских «народных гвардейцев», «ничейных» войск генерала Лебединского. Кто мало-мальски дорожит своей жизнью, не отлучается из дому. Время слишком смутное для путешествий.

«Богом клянусь, Степан-джан! Нельзя идти, совсем пропадем...» — призывает к благоразумию старик Анес, следопыт, охотник, авторитет непререкаемый для горцев.

Ничего не может возразить и Степан. Зима. Тропы под снегом и льдом. Лошади в любую минуту могут сорваться с карнизов в пропасть. Следов никто не отыщет. На сердце холодок..

«Если революция требует, что же, будем и джигитами!» — все, что может ответить Степан на уговоры.

Проводы на исходе ночи. У двух чинар за околицей Елизаветполя Шаумян садится на лошадь. На нем легкое демисезонное пальто, брюки на выпуск, узкие городские ботинки на тонкой подметке. В довершение выясняется, что нет перчаток. Руки покраснели... Аскеназ Мравян, давний приятель, руководитель загнанного в подполье большевистского комитета, протягивает свои шерстяные варежки. Степан не берет. Старик Анес идет проводником.

Ближние селения переполнены всадниками «дикой дивизии», мусаватистами и просто слегка переодетыми турецкими аскерами. Молодой родственник Анеса — Артем выдает себя за жениха, спешащего на свадьбу. Степан и сопровождающий его Мусеиб Алиев — старшие братья жениха. Второй помощник про-

водника Николай — зурнач. Кавалькада двигается под громкий звон зурны. Все выше в горы. К перевалу...

В четверг, двадцать пятого января, по всему Тифлису белые, серые, почти совсем желтые — какая нашлась бумага — извещения:

«22 января с. г., приехав в Тифлис, я получил декрет Совета Народных Комиссаров о назначении меня Временным Чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

Вступая в исполнение своих обязанностей, прошу всех граждан Кавказа, все Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, все войска Кавказской армии, а также все местные политические, правительственные и общественные организации и учреждения обращаться ко мне по следующему временному адресу: Кочубеевская, 20, кв. 1.

Чрезвычайный комиссар
по делам Кавказа
С. Г. Шаумян.
Секретарь Н. Кузнецов».

Тут же выходит первый номер «Кавказского вестника Совета Народных Комиссаров». В долговечность своего издания Степан не очень-то верит. Полуденное солнце всегда исключает туман, тем более густой мрак. Нельзя, невозможно ужиться рядом, в одном городе, чрезвычайному комиссару и закавказской контрреволюции. Посланцу центральной советской власти и националистическим центрам, консулу Смиту, главе английской миссии полковнику Пайку, эмиссарам Константинополя и Берлина...

Откладывать ничего нельзя. Завтра может и вовсе не наступить! В «Вестнике» сразу надо сказать как можно больше. Об общности судеб России и Кавказа, о национализации земли и дружественном отношении большевиков к крестьянам мусульманских провинций. Об елизаветпольских событиях, неизбежном суде над виновниками погромов и о том, что совершенно не нужно убивать ханов и беков, их жен и детей — достаточно отнять у них власть и имущество.

«Товарищи рабочие, солдаты и крестьяне Кавказа!

Дело революции нигде в России в настоящее время не находится в такой опасности, как у нас на Кавказе... Оборонческая буржуазно-помещичья власть, свергнутая в России, продолжает еще жить на Кавказе. Советы или не существуют вовсе, или низведены до роли ненужных придатков к реакционным оборонческим организациям.

Вместо интернационально-демократических и революционных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов мы имеем реакционные буржуазные или помещичьи *национальные Советы,* играющие роль национальных правительств. Вместо интернациональной советской Красной гвардии мы имеем руководимые реакционными элементами национальные полки.

Благодаря этой националистической политике Кавказ катится с неизбежностью в бездну контрреволюции и национальных войн.

...Кавказ стоит на краю пропасти. Спасайте его! Создайте здесь интернациональное рабоче-крестьянское правительство, которое в тесном единении с российскими советскими центрами положит конец контрреволюции и поведет рабочее и крестьянское население края к светлому будущему, к царству социализма».

Меньшевики уходить не хотят. Они, бьет тревогу Ленин, предпочитают поставить виселицу для Шаумяна. Восьмого и девятого февраля идут лихорадочные приготовления. В Тифлис из деревень стянуты «народные гвардейцы». Вытребованы полки «дикой дивизии». Сформированы офицерские добровольческие дружины. Ничего не упущено. Заранее закрыты большевистские газеты «Кавказский рабочий», «Брдзола», «Банвори крив». Выданы ордера на аресты. Назначено крупное вознаграждение за голову Степана. Найти его никак не могут. В «Кавказском слове» — подобие скончавшейся в Петрограде «Биржевки» — простодушное свидетельство: «На Дворцовой сняли с трамвая одного типа, будто бы похожего на Шаумяна, и выстрелили в упор. Кричали: «Чрез-

вычайный комиссар большевиков испустил дух!» Увы, опять не он!»

Суббота, десятое число, выдалась холодной и пасмурной. Много ли найдется среди теплолюбивых тифлисцев охотников отправиться в Александровский сад? Очевидцы уверяют:

«Много, не меньше трех тысяч. Явились и скрывавшиеся товарищи Кавтарадзе, Махарадзе, Назаретян и другие. Среди митинга вошли в сад милиционеры и «народогвардейцы» (приблизительно около двух рот). С красными знаменами в руках и, успокаивая публику знаками, они приблизились к собравшимся.

Часть митинга, намеревавшаяся разойтись, осталась и, считая, что подходят свои, начала их даже приветствовать криками «ура». Председатель Кавтарадзе хотел остановить оратора и приветствовать явившихся. В это время пришедшие быстро рассыпались цепью, окружили митинг и открыли бешеный ружейный и пулеметный огонь по митингу. Целились главным образом в президиум, стоявший на эстраде... Десятью пулями убит один товарищ, похожий на Кавтарадзе, так же, как он, одетый, и «народогвардейцы» кричали друг другу, что Кавтарадзе уже убит. Часть публики разбежалась, другая легла на землю. Стрельба продолжалась минут пятнадцать.

Как раз в эту минуту только что открылось первое заседание расширенного Закавказского сейма, и Чхеидзе держал речь под аккомпанемент ружей и пулеметов, трещавших тут же недалеко от дворца».

Во вторник Тифлис хоронит убитых. На братскую могилу первым кладут венок из живых цветов. От объявленного вне закона чрезвычайного комиссара. На шелковой ленте шесть слов, хлестающих как бич: «Жертвам социал-палачей Гегечкори и Жордания».

У ворот кладбища офицеры хватают красных. Скручивают руки, избивают, топчут сапогами. Многим сегодня из последних сил шагать в Метехский тюремный замок. По хорошо проторенной дороге.

Заключенные большевики объявляют голодовку.

К городскому голове меньшевику Элиава является молодая женщина Виргиния Туманян.

— Меня прислал Степан Георгиевич Шаумян.

— О, прошу садиться. Я давно ищу возможности начать переговоры.

— Не за этим ли удвоена сумма, объявленная за выдачу Шаумяна?

— Клянусь детьми!..

Начинаются трудные переговоры об условиях прекращения голодовки. Виргиния представляет чрезвычайного комиссара. Элиава — сейм. Очередная вариация закавказской власти. Новые мехи для того же безнадежно прокисшего вина.

Воля Степана сильнее. Его условия приняты. Виргиния с огромной корзиной продуктов подъезжает на фаэтоне к Метехской тюрьме. На что-либо большее сейчас в Тифлисе рассчитывать не приходится. Не сегодня-завтра сейм объявит о полном разрыве и отделении от России. Тем более необходимо сохранить Баку.

Степан покидает подпольную квартиру — сколько убежищ он сменил за эти недели! На разъезде «Трехсотая верста» в теплушку воинского эшелона садится еще один солдат Как все, он наголо обрит, в шинели, обмотках, тяжелых ботинках.

Долгой вереницей, в «затылок» друг другу, эшелоны. Не менее десяти-двенадцати. На паровозах, на крышах и тормозных площадках — пулеметы, легкие горные пушки. В особо опасных местах вдоль железнодорожного полотна выставляется боевое охранение, вперед уходят дозоры. И все-таки в записях Степана строки: «Я ехал в седьмом эшелоне. Не знаю, как началось столкновение в Евлахе. Но в течение пятнадцати минут находился под самым энергичным обстрелом. Все это время нам, находящимся в теплушке, пришлось спасаться, прилегши на пол и скрываясь за ящиками и мешками...» До Баку тянуться не меньше недели.

Где-то поближе к хвосту прицеплен салон-вагон. По большой душевной щедрости.

В салоне самое избранное общество. Коллеги сэ-

Ranald
MacDonell

"...AND NOTHING LONG"

"Stiff in opinion, always in the wrong,
Was everything by starts, and nothing long."
DRYDEN.

Constable & Co Ltd
LONDON

Обложка книги Р. Мак-Донелла.

ра Джорджа Бьюкенена и его любимый протеже — генерал Половцев. Один из англичан, Рональд Мак-Донелл, вроде бы бакинский старожил. В девятисотых годах он приехал на Каспий в качестве младшего компаньона крупного и удачливого дельца Лесли Уркварта. Выполнял какие-то поручения барона Оппенгеймера. В благодарность получил пост вице-консула. С годами дошел и до консула и до.. майора разведывательной службы.

Пришло время — Мак-Донелл ушел на покой. Как и многие другие дипломаты и разведчики, он взялся за перо. Мемуары вышли в свет. В Лондоне. Где живет и другой отставной дипломат, также не раз бывший на нашей земле. Мистер Эллис. И он пишет мемуары, статьи. Составляет библиографические обзоры. Скрупулезно перечисляет все центральные и провинциальные издания — английские и русские — не исключая журналов и газет, где как-то упоминается пребывание британцев в Баку. Обходит вниманием только книгу Мак-Донелла. О его мемуарах — не одна сотня страниц — полное молчание. С чего бы это, мистер Эллис?

20

Открываю книгу Мак-Донелла на странице 132. Годы еще дореволюционные. Над Баку начальствует полковник Мартынов.

«...Нас заинтересовали другие люди, которые впоследствии сыграли видную роль: Джеваншир, инженер, Серги Арсен, адвокат, и особенно Шаумян. Личность Шаумяна была окружена тайной. Он был известен полиции как «политически сознательный». Говорили, что его арестовывали и сажали в тюрьму как политического агитатора. Фирма, на которую он работал, знала его как одного из лучших своих служащих. Все окружающие уважали его до степени обоготворения. Это, конечно, укрепляло точку зрения полиции, что Шаумян тайный политический агитатор.

Невозможно дать портрет Шаумяна вне работы и семьи, о которых у него были самые лучшие представления... Художники должны были выбрать голову Шаумяна как модель для создания образа восточного Христа. Хотя иногда смотрели на него, как на опасного человека. Даже дашнаки боялись его...»

Бог с ними, с дашнаками. Не стоит тратить времени и на переживания Мак-Донелла в связи с тем, что бури 1917 года лишают его привычного общества градоначальника, миллионеров-нефтепромышленников и иже с ними. Появляются новые друзья. Весьма причастные к судьбе Степана.

«Капитан Идвард Ноэль привез рубли из Персии. Ноэль был обычным офицером, натренированным в разведывательной работе. Он и приехал на Кавказ как офицер-разведчик с прямой связью с британским штабом в Багдаде.

..В Елизаветполе наш маленький поезд был захвачен. Ноэль и я взяты под стражу. Местный хан — некий Хойский контролировал все Но полковник Эфендиев, слегка замаскированный турок, руководил нашим допросом.

Я был рад передать ситуацию в руки Ноэля. Я два дня наблюдал очень хитрый обман. Мы, конечно, обвинялись в том, что везли боеприпасы и деньги армянам. Ноэль отказался отвечать на вопросы, но потребовал обыска нашего салон-вагона Я сознавал, что мы этого меньше всего хотели. По простой причине — вентиляторы, задняя сторона зеркал и все щели были забиты бумажными деньгами.

Ноэль настаивал, и Хойский согласился. Выражая радость, капитан не забыл сказать, что лучше всего произвести обыск в присутствии Мирзы-хана, персидского генерального консула, который будет представлять собой нейтральный авторитет.

Я не знаю, связался ли Ноэль какими-либо неизвестными путями с персидским консулом или нет, но Мирза-хан отказался оскорбить обыском британский флаг, все время развевавшийся над нашим вагоном... На следующий день нам разрешили продолжать наш путь в Тифлис.

Когда мы приехали в Тифлис, мы нашли, что дела Транскавказского правительства и парламента шли нехорошо. Город находился в общей забастовке. Не было ни воды, ни света. Запасливый Ноэль имел минеральную воду, которую мы пили, которой мы умывались и побрились на следующий день.

...С деньгами, которые мы привезли, полковник Пайк, теперь глава «финансовой миссии», снова стал активным. Заметную активность проявляли и большевики. Они послали Шаумяна как специального посланника Ленина на Транскавказе. Шаумяна нехорошо приняли. Его приказали арестовать.

Я открыто передал себя в руки Ноэля. Ему не терпится возвратиться на свой пост в Баку. После раздумывания мы решили примкнуть к одному из эшелонов русских солдат, охваченных беспокойством как бы другие, более расторопные, не разделили до их возвращения всю землю лендлордов.

В день расставания с Тифлисом Ноэль ошарашил меня. Он сказал, что мы берем с собой генерала Половцева и его супругу. Половцев русский генерал, который предпринял знаменитую попытку удара против большевиков в Петрограде. За него живого или мертвого была назначена премия в пятьдесят тысяч рублей... Солдаты в эшелонах все красные. Некоторые из них служили под началом генерала. Ноэль уверяет, что это очень трогательно — предоставить большевистским солдатам освобождать путь для генерала. Самого пикантного мы оба еще не знаем. В середине нашего длинного каравана, в одном из товарных вагонов, находится... Шаумян. Он сбрил бороду. Кто-то презентовал ему солдатскую шинель.

Пять дней и шесть ночей длится наше путешествие. Все это время генерал Половцев и его супруга не выходили из своего купе. Всем было сказано, что достопочтенный американский миссионер — у генерала был паспорт какого-то давно умершего миссионера — тяжело болен, жена не покидает его ни на минуту. Еда доставлялась им в купе.

Когда мы после всех перестрелок и боев с туркофильскими бандами добрались до Баку, я взял По-

ловцевых к себе на квартиру. Там я застал еще одного «миссионера» — генерала де Кандоля, бежавшего от большевиков из Ростова. Позднее с помощью различных уловок я смог убедить местное бакинское правительство принять Половцевых за армян и дать им визу на пароход, идущий в Персию. С генералом уехал и Ноэль, ему предстоял личный доклад командованию. Я передал с Ноэлем большую часть своих личных денег. Он должен был поместить их в банк Тегерана.

...То, что мы ждали, наконец, пришло. Взорвался бакинский котел. Резня была невероятная. В течение трех дней не было известно, кто возьмет верх. В конечном счете татар и «дикую дивизию» разбили. Теперь мы были при ортодоксальном большевистском правительстве со Степаном Шаумяном во главе. Дашнаки и Армянский национальный совет оказались безвольными против популярности большевизма. Без славы вернулась на свою позицию и Каспийская флотилия.

Я посетил Шаумяна поздно вечером. Дверь открыл его маленький сын. Я представился. Мальчик скорчил гримасу, которая явно говорила: «я бы показал тебе язык». Затем он отошел назад, занял удобную позицию и громко провозгласил: «Вы, буржуй!..»

Появилась мадам Шаумян. Она проводила меня к мужу. Шаумян, сидя глубоко в кресле, читал толстую пачку документов. Сразу же отложил их, как только я вошел. Комната представляла собой жилище средней семьи. На одном конце стола стыл ужин Шаумяна, на другом лежали учебники его сына. На одном из стульев я заметил одежду, нуждавшуюся в починке, ее оставила госпожа Шаумян, когда она вышла мне навстречу.

Было невозможным представить, что глава этой уютной, во всем домашней семьи — известный революционер, готовый сокрушить всех, кто является противником его теорий. Тем не менее это было так.

Шаумян встретил меня без удивления. Он знал, что мы политические враги, и считался со мной как

с противником. Он поднялся и принес бутылку красного вина.

Именно Шаумян первый завел разговор о Денстервиле. «Ваш генерал Денстервиль собирается в Баку для того, чтобы изгнать нас?» — спросил он иронически.

Я горячо уверял, что генерал Денстервиль не имеет политического топора, не точит его против большевиков. Он солдат и как таковой заботится, чтобы не подпустить турок к Кавказу.

«И вы верите, что английский генерал и большевистский комиссар были бы хорошими партнерами? Нет! — загорелся Шаумян. — Мы организуем свои силы. И турки и англичане для нас одинаковые враги. Нам никогда не сговориться... А вы заходите при случае. Скрестим мечи...»

Я позволил себе осведомиться о судьбе Джеваншира, одного из лидеров татар. Он ответил спокойно: «Кто знает сегодня, кто мертв, кто жив?» Позднее я достоверно узнал, что Шаумян снова надежно укрыл своего друга...

Я послал Пайку и министру в Тегеране сообщения, попросил не посылать мне телеграмм, которые могли быть прочитаны большевиками. Шаумян контролировал работу телеграфа и радиостанций. Пайк не ответил. Он, видимо, не мог ответить. Тегеран попросил прислать доклад о бакинской ситуации. Я написал о своей первой беседе с Шаумяном со всеми подробностями. Шаумян отказался предоставить кабель и через два дня изложил свою версию. Он требовал гарантий, чтобы в случае принятия помощи от Англии все вооруженные отряды перешли под контроль Бакинского солдатского комитета. Этот комитет должен был бы иметь полную власть, учреждать военный суд над провинившимися британцами, платить жалованье, увольнять неугодных и т. д.

Во время обсуждения проектов телеграмм в Тегеран я встретил Джапаридзе, грузина, помощника Шаумяна. Он не скрывал желательности получить военную помощь и при мне спросил Шаумяна, действительно ли шеф боится английского генерала и

трех сотен его офицеров. Это вылилось в длинную дискуссию о нравственной стороне принятия революционерами помощи от капиталистов. Мне известны и другие споры. У англичан были сторонники среди влиятельных кругов. Шаумян оставался непреклонным.

Я продолжал свои визиты. Сын Шаумяна и я стали большими приятелями. Пока его отец работал, читал, мы играли в железную дорогу. Я всегда удивлялся, как Шаумян мог думать, заниматься, невзирая на шум, создаваемый нами. Он утверждал, что никогда не попросил бы детей выйти из комнаты. Они являлись для него большим источником вдохновения.

Казалось, что Шаумян никогда не спал. После того как его семья ложилась, я часами слушал его теории о Совершенном Государстве, в котором каждый член общества будет работать для пользы всех, как каждая клетка человеческого организма «старается» для здоровья.

Однажды ночью я сказал Шаумяну о голодающих, которые пришли на пустырь позади моего дома и выкопали корни деревьев, о людях, на моих глазах пожиравших траву. «Да, это ужасно! — воскликнул Шаумян. — Мы без снисхождения спросим за это с вас, с ваших братьев по классу. И вы попробуете вкус травы!..» Это было сказано без тени злобы Терпеливое разъяснение фактов упорствующему ребенку.

...Серги Арсен устроил перевозку моих докладов и донесений через Каспийское море в британское консульство в Реште. Он знал капитана парохода, который был верным роялистом и реакционером. Теперь я снова связался с нашим министром в Тегеране. Но те ответы, которые я получал, не были особенно полезными или инструктирующими. Я должен был продолжать свою работу — попытку убедить большевистские авторитеты в том, что генерал Денстервиль не имеет политических целей, а только собирается держать турок на достаточном расстоянии от нефтяных промыслов Баку. Я старался верить нашей

I placed myself unreservedly in the hands of Edward Noel. After many false starts it was decided that we should hitch my waggon to a trainload of toughs who were determined to make a dash for somewhere with the last batch of returning soldiery. Seven trains of armed Russian troops, accompanied by an armoured train, had decided to get through to Russia; their committee (everything was done by committees) had consented to take the passenger train with them. We should probably have to fight our way through to Baku. That sounded serious, and exciting. But when we were about to leave, Noel confided in me that he intended to take with him General Polovtsov and his lady wife, and that the General was travelling on the passport of an American Missionary, already dead. Now General Polovtsov was the Russian General who had made the famous attempt in Petrograd against the

My first intimation of what our policy really was came with the arrival of Captain Teague Jones, Intelligence Officer attached to General Malleson, who commanded a small force near Meshed in Persia. Teague Jones told me that the new policy of the British and French Governments was to support the anti-Bolshevik forces which were rallying at various points on the outposts of the Russian Empire. It mattered little whether they were Tsarist or Social Revolutionary as long as they were prepared to oust the Bolsheviks. Great things were expected in the south from the anti-Bolshevik forces of Generals Simonov, Dutov, and

Страницы книги Мак-Донелла. Фотокопия.

британской версии. Разве не пожелали мы царю «доброго пути» и приветствовали Керенского? Разве не пожелали потом доброго пути и Керенскому? Почему же теперь не приветствовать большевиков, если они действительно намереваются бороться против наших врагов — турок? Шаумян продолжал недоверчиво улыбаться.

Однажды утром раздался звонок. Я открыл дверь, и Мария Николаевна представила себя. Она принесла мне письмо от полковника Пайка, теперь он со своей миссией находился во Владикавказе. Неожиданная гостья была не без очарования. Она сообщила, что собирается начать работать машинисткой в штабе большевиков и готова умереть за «батюшку царя». Я сказал, что собираюсь оставаться в живых. Мари огорчилась. «Вы не доверяете мне. Подозреваете, что я подослана Чека!». Она зарыдала. Слезы показались мне искренними.

Эта женщина наладила тайную почту. Со временем я стал жизненно нуждаться в ее курьерах. Чаще всего это были молодые эксцентричные особы, выдававшие себя за беженок. Они приносили послания, упрятанные в подметки, в кожаные пуговицы пальто. Героини, которые не появились в исторических книгах...

После Марии Николаевны приходили другие, в большинстве русские офицеры. Их неосторожные визиты, разумеется, заставили большевиков подозревать меня. Шаумян просто дал мне понять, что мои посещения его дома нежелательны. Мне не хватало встреч и бесед с ним. Было жаль, что я не мог продолжать игру с маленьким мальчиком. Я иногда завидовал тем, кто мог выражать или защищать свои мысли открыто. Оружие проще, чем пути разведывательной службы.

В течение следующих недель я должен был слушать удивительные вещи. В Баку появился капитан Реджинальд Тиг-Джонс. Офицер-разведчик, прикрепленный к генералу Маллесону, державшему свою штаб-квартиру в Мешхеде. Тиг-Джонс сообщил, что новая политика британского и французского прави-

тельств активная поддержка антибольшевистских сил. Не имеет значения, каких взглядов держатся заговорщики, кто они — монархисты или социалисты-революционеры.

Тиг-Джонс был особенно заинтересован Каспийской военной флотилией. На канонерках все еще большое влияние имели социальные революционеры. Они собирались нанести удар и избавиться от большевиков. Намечался союз с армянскими националистами и офицерами из школы авиации, имевшими в своем распоряжении гидропланы. Бомбы, сброшенные на нефтепромысла и склады боеприпасов, могли вызвать достаточную панику.

Энергия и энтузиазм Тиг-Джонса были удивительными. Я присоединился к капитану, несмотря на угрызения совести из-за моих личных симпатий к Шаумяну. Война есть война, грязь неизбежно липнет к рукам.

Теперь я был вовлечен в подпольное движение. Среди главных заговорщиков не было единства. Они не имели никакого представления о том, каким режимом может быть заменена власть большевиков. Но все они были готовы приветствовать в Баку британские силы и все они хотели денег. Я платил. В разных местах моей квартиры были спрятаны два миллиона рублей.

...Прибыл русский генерал Джунковский, личный советник царя...

Подпольная работа стала более интенсивной. Русский священник берется вызвать на промыслах бунт голодных рабочих. Они должны явиться как мирная демонстрация в центр города. Пока красная полиция будет занята с демонстрантами, офицеры и лучшие элементы окружат комиссариат и арестуют Шаумяна с ближайшими помощниками. Школа авиации, возможно и флот, будут пугать город и промыслы. Дашнаки будут призваны восстановить и поддерживать порядок до прибытия Денстервиля. Все выглядело заманчивым и легко осуществимым.

Следующие дни я был весь поглощен... За двадцать четыре часа до начала демонстрации узнаю,

что арестован один из лидеров, весьма осведомленный полковник Ориоль. Своими глазами вижу, как его ведут под конвоем в тюрьму. Времени нет, удар нужно было нанести на следующее утро. Рискуя всем, бросаюсь к священнику, от него к Джунковскому. Договариваемся не говорить флоту и так называемым лучшим элементам об аресте Ориоля, авось он не потеряет головы на первом допросе и большевики останутся в неведении.

Я хорошо помню следующее утро. Я мог видеть из окна корабли, стоящие за полмили. Настало десять часов — назначенное нами время. С улицы никакого шума. Ни малейших признаков демонстрации, бунта. Отсутствуют гидропланы. Застыл флот. В 11.30 я не выдержал и вышел в город. Там и здесь патрули — солдаты и полицейские. Магазины работают. Люди свободно ходят по своим делам.

Джунковского дома не оказалось. Сказали, уехал на Кубань. Я пошел в банк, где Хевекл, наш вице-консул, управляющим. Он сказал, что рабочие начали было демонстрацию, но их остановили патрули. За несколько минут было достигнуто полное понимание. Ни жертв, ни арестов. «Ничего больше», — повторил Хевекл. Я пошел в город, но опять никого не нашел. Я понял, что остались только я, священник и лейтенант Василевский.

На следующий день пресса писала, что была сильная компания контрреволюционеров. Ни одного намека на связь заговорщиков с британским консулом. Но это меня не успокоило. Мой телефон был выключен. За домом открыто велось наблюдение. В комиссариат к Шаумяну меня не допустили. Даже с армянскими друзьями нельзя было связаться. Я был изолирован...

Прежде чем предпринять какой-то шаг, я должен был поехать в Аляты, небольшой каспийский порт, где находились полковник Клеттербек и начальник отряда русских казаков Бичерахов. Но за мной наблюдали. Я посоветовался с Серги Арсеном. Как обычно, он дал неожиданный совет: «Поезжайте к Шаумяну и попросите его, чтобы он взял вас как

своего гостя». Я ничего не понял. Серги продолжал: «Да, да, шутки в сторону! Завтра Шаумян едет в нужном вам направлении специальным поездом. Если вы на вокзале войдете к нему в вагон, он вас не выгонит. Слишком воспитанный человек... Я отправлюсь с вами. У меня есть друг в Алятах».

На следующее утро мы подошли к поезду Шаумяна. Вошли прямо в салон. Шаумян удивился, увидев нас с Серги Арсеном. Я поспешил сказать, что хочу послать открытое послание на русском языке генералу Денстервилю, прошу дать разрешение. Шаумян обещал подумать. Мы продолжали разговаривать в доброжелательной манере. Прозвенел второй звонок. Шаумян встал, чтобы попрощаться. Я покачал головой. «Нет, я не могу покинуть вас до Алят, никак иначе мне туда не попасть. Не примените же вы силу?» — добавил я. Шаумян, с трудом подавляя гнев, произнес: «Мне бы хотелось знать, чего в вас больше: ума или наглости?»

До Алят мы все-таки доехали в поезде Шаумяна. Он направился дальше, не сказав на прощание ни слова...

От полковника Клеттербека я узнал о серьезности угрозы турок Баку. Полковник не скрывал своих опасений насчет готовности нашего командования отстаивать Баку. У генерала Денстервиля было большое желание протянуть дружескую руку, но под его властью было слишком мало солдат.

Так или иначе, мне следовало поспешить к генералу. Мой новый союзник начальник большевистской военной полиции уверял меня, что все легко осуществимо. Его влияние снимет все преграды. Услуга за услугу. Я поспешил вручить двести фунтов стерлингов, дабы мой полицейский избавился от мучавших его долгов. А я взошел бы на борт судна, направлявшегося в Энзели. Этот персидский порт находился в руках большевиков, но там за городом стоял британский гарнизон.

В одиннадцать часов утра без всякого багажа, в белом полотняном костюме я был спрятан в машинное отделение. Я был обречен несколько часов

выдерживать 90 градусов жары, по Фаренгейту... В Энзели соотечественники вознаградили меня за все. Майор Браун, командовавший вспомогательным отрядом Денстервиля и полковник Стоукс, старший политический офицер, старались меня развлечь. Не их вина, что из Баку пришла телеграмма — сообщение, что я заочно приговорен к смертной казни. С нехорошим чувством я отправился в Тегеран...»

О том же сам генерал-майор Денстервиль (в оценке Киплинга «твердый как ствол британец»): «Положение вещей в Закавказье уже давно безнадежно. Они должны продолжать убивать друг друга, пока не придут в изнеможение, а тогда мы, может быть, и сумеем навести там порядок. Но в настоящий момент... до достижения нами успеха еще очень далеко. Когда они призывают нас к себе на помощь, они имеют в виду деньги и деньги. Мы для них курица, несущая золотые яйца. Может быть, временно мы и будем пользоваться популярностью у тех, кто воспользуется этими яйцами, но настоящей благодарности мы не дождемся даже и от них.

...Если бы у нас было достаточно войск, мы могли бы двинуться и сегодня, но при отсутствии войск приходилось ждать, пока мы не обеспечим себе будущей позиции в Баку и не подготовим нейтрализации этого города путем интриг. Британский консул Р. Мак-Донелл все еще оставался на своем посту и находил возможность влиять на ход событий в желательном направлении. Он снабжал нас весьма ценными сведениями.

Наш план основывался на господстве в Каспийском море, а так как этого мы могли достигнуть лишь оккупацией Баку, то необходимо было идти на все. Любой риск оправдывался безусловно.

Два дня, двадцать седьмого и двадцать восьмого июня, были целиком посвящены обсуждению планов с Бичераховым...

Бичерахов требует довольно много денег, и военное министерство спрашивает меня, стоит ли он того. Конечно, стоит. Я вовсе не считаю его требования чрезмерными, особенно если принять во внимание то,

что он для нас делает, и еще то обстоятельство, что только он один может это сделать. У нас нет выбора.

...Бичерахов решил сделаться большевиком, так как он не видал другого способа добраться до Кавказа. Его новая ориентация вызвала большое изумление и ужас среди местных русских.

Но я уверен, что он поступает совершенно правильно. Это действительно единственный путь на Баку. А как только он там утвердится, дело будет в шляпе. Никто, кроме меня одного, — ни русские, ни англичане — не верят ему. Я верю искренне. Во всяком случае, я должен заставить себя верить ему, так как он в данный момент является единственной нашей надеждой.

Я отправляю вместе с Бичераховым несколько английских офицеров, а также одну роту бронированных автомобилей. Высадка в Баку отдала бы отряд всецело в руки большевиков, которые могли бы в любой момент обернуться против него. Бичерахов выбирает для своей базы Аляты, маленький порт, милях в пятидесяти к югу от Баку, откуда железная дорога делает поворот на запад, по направлению к Тифлису.

...Я неоднократно вел переговоры также с представителями партии социал-революционеров, программа которых гораздо более соответствует нашим целям. Они хотят нашей помощи, особенно финансовой. Я поддерживаю дружественные отношения с с.-р. и они знают, что могут рассчитывать на нас, если захватят власть в свои руки. Первым их актом должно быть приглашение англичан».

21

Документы, все ставящие на свое место.

23 мая 1918 года. Радиограмма Ленина:

«Советом Народных Комиссаров постановлено: отправить немедленно водой из Царицына в Баку большую партию хлеба в распоряжение Бакинского Совдепа с тем, чтобы в первую голову и безусловно

было обеспечено дело выпуска нефти в наибольшем количестве».

Двадцать четвертого мая. Письмо Ильича Степану:

«Дорогой товарищ Шаумян!

Пользуюсь оказией, чтобы еще раз послать вам пару слов (недавно послал вам письмо с оказией; получили ли вы?).

Положение Баку *трудное* в международном отношении. Поэтому советовал бы попытать блок с Жордания. Если невозможно — надо лавировать и *оттягивать* решение, пока не укрепитесь в военном отношении. Трезвый учет и дипломатия для оттяжки — помните это. Наладьте радио и через Астрахань пошлите мне письма. Лучшие приветы.

Ваш Ленин».

Без даты. Из Владикавказа от члена Кавказского краевого комитета Назаретяна:

«...Мы были очень огорчены твоим предложением переговорить с Жордания в момент восстания и фактической формальной войны с Закавказским правительством. Но узнали об этом слишком поздно...».

Восьмого июня. Баку. Официальное сообщение комиссариата по продовольствию:

«5 июня ночью прибыл пароход «Сережа» с продовольственными грузами: 4049 пудов 26 фунтов муки, 2485 п. 35 ф. пшеницы, 2020 п. 35 ф. ячменя, всего 8556 п. 10 ф. продовольствия. За недостаточностью этого количества к распределению среди всего населения города и промысловой площади будут выданы лишь промыслово-заводским районам, из расчета по 1/4 фунта на душу».

Одиннадцатого июня. Радиограмма.

«Сообщите по радио Баку Шаумяну, что я, Сталин, нахожусь на юге и скоро буду на Сев. Кавказе... Хлеб пошлем во что бы то ни стало».

Четырнадцатого июня. Приказ, отданный по телеграфу, председателя Совета Народных Комиссаров Терской республики Ноя Буачидзе:

«Ввиду осады старой цитадели российской революции — города Баку темными бандами контрре-

волюции и крайне тяжелого продовольственного положения города, предписываю всем начальникам станций Владикавказской железной дороги, всем Совдепам и районным комитетам все грузы, без исключения, принадлежащие бакинским продовольственным организациям, направлять немедленно по назначениям, указанным бакинскими особоуполномоченными. Представителям Баку оказывать всяческое содействие».

О том же чрезвычайный комиссар по делам продовольствия города Баку Георгий Стуруа:

«Наш отряд работал буквально днем и ночью, без отдыха. Пока пароход вернулся из Баку, мы подвезли к берегу еще около четырех тысяч пудов хлеба. Погрузка была в разгаре, когда откуда ни возьмись появилась чрезвычайная продовольственная комиссия (чекпрод)... Тов. Нейман с несколькими членами комиссии подплыл на шлюпке к нашему пароходу... Он быстро и коротко отчеканил: «Как только кончится погрузка, пароход будет отправлен в Царицын, понятно?!»

...Я решил отправиться в Царицын, повидать товарища Сталина, прекрасно знавшего положение Баку, и спросить, как быть с хлебом, куда его отправить — в Баку или в Царицын?

После этого я сел в свой быстроходный баркас и отправился в Царицын... Товарищ Сталин сразу принял меня... Выслушав меня, Сталин ответил: «Товарищ Нейман поступает правильно. Гони хлеб в Царицын».

Когда я стал говорить о тяжелом продовольственном положении в Баку и т. д., Сталин остановил меня и сказал, что важнейшая задача сейчас заключается в том, чтобы отстоять Поволжье от контрреволюции. Если Баку и падет, мы все равно быстро возьмем его обратно. «Понятно?! — добавил Сталин. — Теперь отправляйтесь обратно и гоните хлеб в Царицын».

Седьмого июля Ленин:

«Относительно Баку самое важное... чтобы Шаумян знал предложение германцев, сделанное послу

Иоффе в Берлине, относительно того, что немцы согласились бы приостановить наступление турок на Баку, если бы мы гарантировали немцам часть нефти. Конечно, мы согласимся...»

Тринадцатого июля. Записка Ленина в народный комиссариат по морским делам:

«Очень прошу принять все меры для ускорения доставки в Каспийское море военных морских судов всех подходящих типов».

То же число. Степан, только что вернувшийся с позиций, за ночь несколько раз переходивших из рук в руки, телеграфирует Владимиру Ильичу:

«Положение на фронте ухудшается. Одних наших сил недостаточно. Необходима солидная помощь из России... Распорядитесь вы. Положение слишком запутанное. Так называемые ориентации быстро меняются. Англичане продвигаются к Энзели... Жду срочной военной помощи...»

В этот же день передовая статья «Нью-йорк таймс»: «Необходимо подготовить крупные силы и использовать их в Северной Персии и на Кавказе... Первоочередная задача союзников — занятие важнейших нефтяных районов Кавказа».

Двадцатое июля. Шаумян — Ленину:

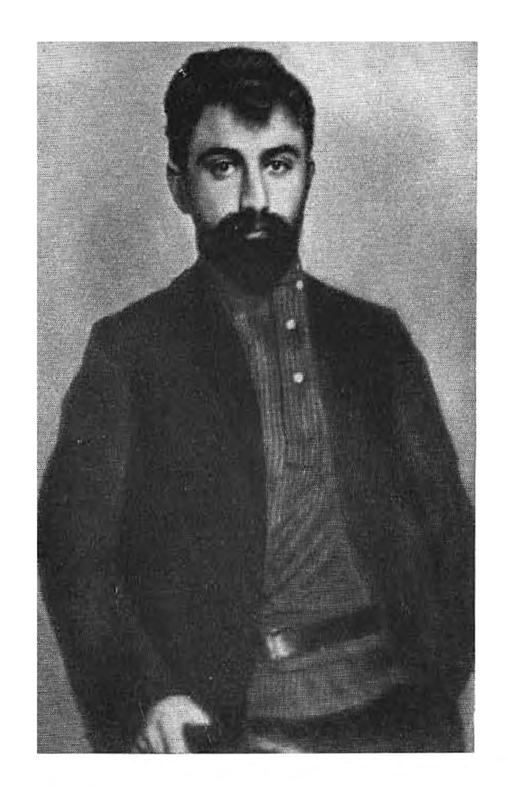
«Положение становится серьезным. Отправка воинских частей для Баку должна быть усилена и ускорена. Отправляйте скорей, сделайте распоряжение, чтобы местные Советы по дороге не останавливали частей, направляющихся в Баку. Сообщите, можем ли ждать помощи и в какой срок. Повторяю, помощь войсками необходима срочная и солидная».

Двадцать третьего июля. Из Астрахани Ленину:

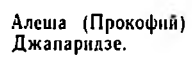
«Шаумян сообщил: Обещанный оперативным отделом дивизионный командный состав прошу выслать немедленно. Кроме того, необходимы войска. Главный контингент наших войск — армянские части, храбро сражавшиеся вначале, деморализованы благодаря трусости части командного состава и английской агитации. Необходимы свежие силы из России и политически надежный командный состав. Убедительно прошу торопиться».

Миха Цхакая.

Богдан Кнунянц

Алеша (Прокофий) Джапаридзе.

Авель Енукидзе.

Сурен Спандарян.

Редакция «Бакинского рабочего». 1907—1908 гг. Слева направо сидят: Батырев, Шаумян, Якушев, Джапаридзе, Ефимов (Саратовец); стоят: Спандарян, Нюшин.

Группа членов Бакинского союза горняков

Мешади Азизбеков.

Серго Орджоникидзе. Фото Л. Шаумяна. Публикуется впервые.

Иван Фиолетов

Яков Зевин.

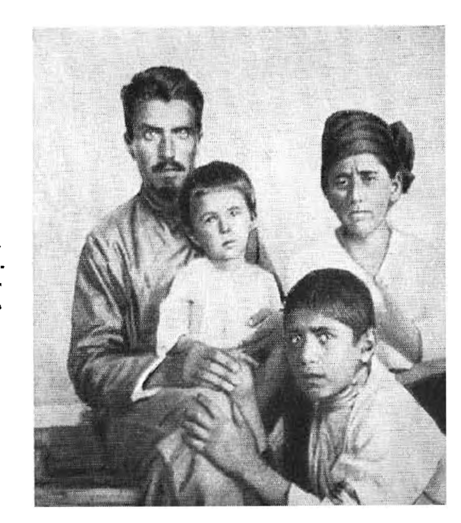
Надежда Колесникова.

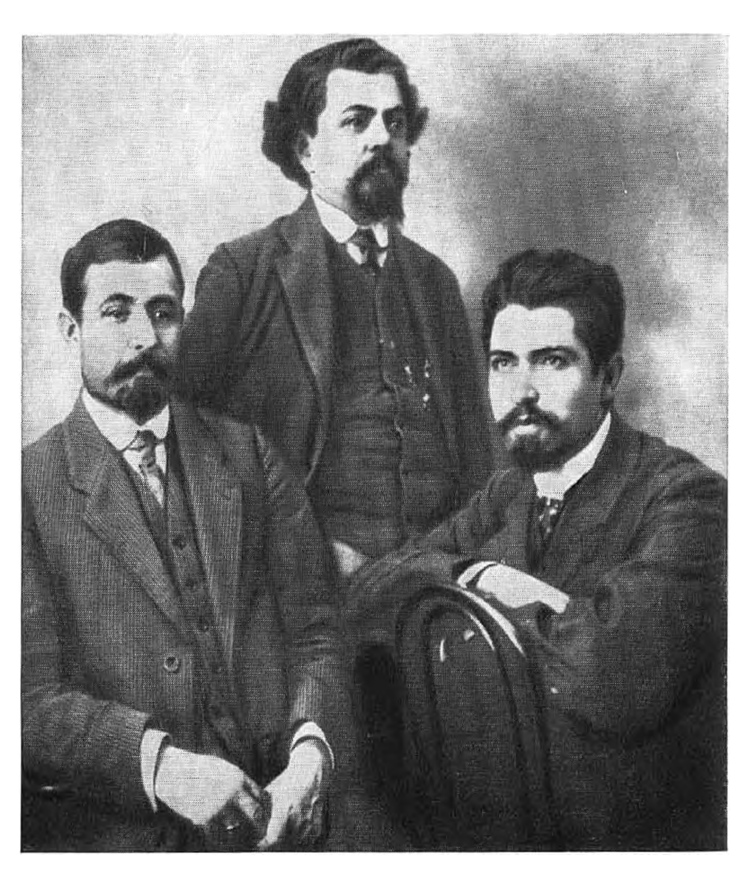

Нариман Нариманов.

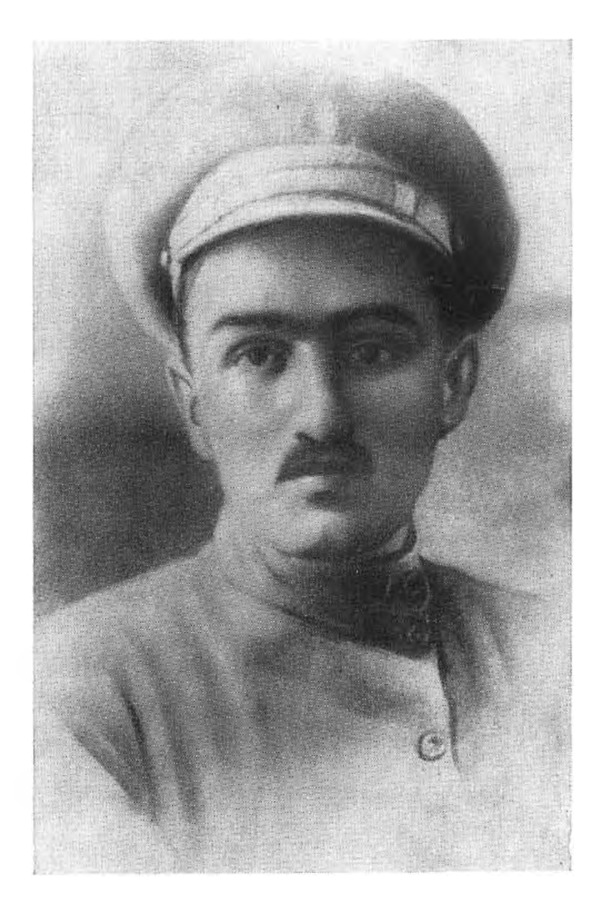
Степан Шаумян. Жандармские снимки. 1911 год

Степан Шаумян с женой и сыновьями Левоном и Сергеем. Сидят на разборной виселице в бакинской тюрьме

Степан Шаумян (справа), Ашот Хумарян (в центре) и Габо Садатян в астраханской ссылке.

Анастас Микоян в годы гражданской войны

Сурен Шаумян. Баку, 1918 год.

Первые комсомольцы Баку. В городском комитете РСДРП у товарища К. Цинцадзе. *Слева направо:* О. Шатуновская, К. Цинцадзе, А. Брейтман, С. Шаумян, С. Агамиров.

ПИСЬМА ЛЕНИНА К ШАУМЯНУ.

Копія.

I.

Москва, Кремль.
14/V 1918 г.

Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторгѣ от вашей твердой и рѣшительной политики: сумѣйте соединить с ней осторожнѣйшую дипломатію, предписываемую безусловно теперешним труднѣйшим положеніем,—и мы побѣдим.

Трудности необ'ятны; *пока* нас спасают *только* противорѣчія и конфликты и борьба между империалистами. Умѣйте использовать эти конфликты: *пока* надо научиться дипломатіи.

Лучшіе привѣты и пожеланія и привѣт всѣм друзьям. Ваш *Ленин.*

II.

24 мая 1918 г., Москва

Дорогой товарищ Шаумян!

Пользуюсь оказіей, чтобы еще раз послать вам пару слов (недавно послал вам письмо с оказіей; получили ли вы?).

Положеніе Баку *трудное* в международном отношеніи. Поэтому совѣтовал бы попытать блок с Жорданія. Если невозможно—надо лавировать и *оттягивать* рѣшеніе, пока не укрѣпитесь в военном отношеніи. Трезвый учет и дипломатія для оттяжки—помните это.

Наладьте радіо и через Астрахань пошлите мнѣ письма.

Лучшіе привѣты. Ваш *Ленин.*

От редакціи: Курсив всюду подлинника.

Двадцать пять бакинских комиссаров (портрет В. Николайшвили не сохранился)

С. Шаумян, П. Джапаридзе, М. Азизбеков, И. Фиолетов, Я. Зевин, Г. Корганов, И. Малыгин, Г. Петров, А. Амирян, М. Везиров, В. Полухин, С. Осепян, Б. Авакян, И. Габышев, А. Борян, М. Басин, Э. Берг, Ф. Солнцев, А. Костандян, М. Коганов, С. Богданов, А. Богданов, И. Метакса, Т. Амиров, И. Мишне

Перенесение останков 26 бакинских комиссаров. Баку, сентябрь 1920 г.

Двадцать девятого июля. Разговор по прямому проводу Ленина с членом Астраханского военного совета:

«Астрахань. Баку просит ответа на вчерашнюю телеграмму, переданную мною Вам сегодня. Буду говорить по беспроволочному телеграфу с Шаумяном лично.

Ленин. Я считаю моим ответом ту телеграмму, которая сегодня передана мной в Астрахань для Шаумяна. Есть ли у Вас вопросы, на которые я не ответил?

Астрахань. Сегодня в 12 часов по Питеру по радиотелеграфу с Баку будут переговоры лично с Шаумяном. Есть ли что передать ему у Вас, кроме телеграммы?

Ленин. Нет. Больше ничего нет. Прошу только сообщить, верно ли, что в Баку Совнарком подал в отставку? Еще вопрос: если это не верно, то сколько времени рассчитывает продержаться власть большевиков в Баку?

Астрахань. Когда ожидать Астрахани помощи для Баку, в каком размере, чтобы заготовить шхуны и продовольствие?

Ленин. Не можем обещать наверное, ибо здесь тоже недостаток в войске».

Начало августа. Ленин председателю Астраханского Совдепа:

«Положение в Баку для меня все же неясно.

Кто у власти?

Где Шаумян?

Запросите Сталина и действуйте по соображении всех обстоятельств; вы знаете, что я доверяю полностью Шаумяну. Отсюда нельзя разобраться в положении и нет возможности помочь быстро».

22

И снова полное расхождение в оценках. Самое категорическое.

Ленин: «...шаг, единственно достойный социалистов не на словах, а на деле».

Сталин: «...очистили поле для политических противников... наши бакинские товарищи, самовольно[1] ушедшие с политической арены».

Об одном и том же. О решении Шаумяна «не открывать гражданской войны в минуту вторжения врага в город... чтобы те, которые могут мириться с турками или приглашать в Баку англичан, взяли бы на себя ответственность за дальнейшее».

Ключ ко всему:

«Если нефть — королева, то Баку — ее трон». «Нир ист» — английский экономический журнал для избранных.

«Основным вопросом было, как нам попасть в Баку... Нефть мы могли получить только из Баку!» — генерал Людендорф, правая рука кайзера Вильгельма.

Нефть — сила. Нефть — слабость.

Город нефти никогда не имел своего хлеба. Зерно и продовольствие доставляли с Северного Кавказа, с Кубани и Дона. С осени семнадцатого года житницы полностью отрезаны. Лишь иногда с помощью бронепоездов удавалось продвигать хлебные транспорты по Владикавказской дороге. Кое-что можно было бы получить морским путем через Астрахань. Но... Степан доверительно в письме Сталину делится надеждой на то, что удастся снять небывалый урожай на полях Мугани. Туда ценой огромных усилий срочно проложена узкоколейная железная дорога. Все перечеркивают турецкие дивизии. А Сталин письмо получает, и желаемое без оглядки признается действительностью. Больше ни одного парохода с хлебом для Баку. По карточкам розданы остатки орешков и семян подсолнечника. Последнее, чем два месяца поддерживается жизнь мазутной армии.

К мукам голода еще слишком реальная угроза смерти под кинжалами погромщиков-мусаватистов. Все объединенное воинство Фатали Хан-Хойского

---

[1] В годы более поздние — в четвертом томе сочинений И. В. Сталина (стр. 254) «самовольно» заменено на «добровольно»...

и Нури Паши в одном-двух переходах от Баку. Мутнеют головы. Вспыхивают, подолгу не гаснут злые огоньки в глазах. Митинг рабочих Балаханских промыслов в описании «Известий Бакинского Совета»:

«Синематограф «Бельгия» набит до отказа. На сцене лидер меньшевиков Айолло.

— Если мы не пригласим англичан, в город войдут турки и во главе со своими пашами устроят резню. Ни один русский не останется в живых. Англичане — люди высококультурные, они несут с собой белый хлеб. С приходом англичан мы спасемся от голодной смерти и погромов.

Мрачнеют лица рабочих. Они стараются смотреть куда-то в угол, мимо сверлящих глаз Алеши Джапаридзе.

И вот большинство голосованием постановило:

— Пригласить англичан!

Джапаридзе тут же обращается к Айолло:

— Вы теперь победили! Но история за нас. Рано или поздно, рабочие поймут, на какую страшную измену вы их подбили!..»

Неожиданно для многих Шаумян, все последние дни не покидавший фронта, созывает 16 июля чрезвычайное заседание Совета совместно с промысловыми и судовыми комитетами, делегатами воинских частей и кораблей Каспийской флотилии. Большой Бакинский форум.

— Я чувствую себя столь утомленным, что едва надеюсь довести свой доклад до конца, — дальше Степан может говорить, не напрягая голоса. — На данном заседании, где представлен весь наш пролетариат, не может быть разрешен вопрос о Баку иначе как в общероссийском масштабе... Партия большевиков ведет борьбу за независимость и свободу России при самых адских тяжелых и рискованных условиях. Политика же приглашения англичан ставит крест над независимой Россией. Она начинает раздел между германскими охотниками до русского добра, с одной стороны, и английскими, французскими и японскими — с другой.

Сторонники англичан и французов утешают себя тем, что союзники будут умирать за нас, а сами оставят нашу независимость. Это невероятная близорукость, детская наивность. Воцарение англичан у нас будет началом войны за дележ России...

...Повторяю, мы еще не исчерпали революционных средств, мы можем оказать еще сопротивление, и при этих условиях преступно говорить о приглашении иноземных сил.

Кроме того, о крупной военной силе англичан в Персии говорить не приходится. Когда бичераховский отряд прибыл сюда, в Реште у англичан было менее тысячи человек... Но даже если они и перебросят свои силы, то вы думаете, что они пойдут на передовые позиции, чтобы продвигаться вперед, имея целью создание советской власти в Закавказье, или по меньшей мере организуют широкую оборону в Баку? Ничего подобного...

...Я категорически заявляю, что приглашение англичан, не давая нам ощутимых сил для ведения борьбы, может только превратить Баку в собственность Англии и для России Баку погибнет навсегда.

...Лишить Россию Баку — значит нанести ей самый тяжелый удар. Если мы говорим о независимости России, то, быть может, передавая добровольно источники нефти в руки англичан, мы совершаем величайшее преступление перед российской революцией.

...Я обращаюсь к вам с товарищеским призывом взвесить всю серьезность нашего положения, понять, что мы находимся на поворотном пункте. Во имя нашей революции я призываю вас не сходить с точки зрения независимости России и Баку.

На одной чаше весов голод и «белый хлеб англичан», турки, уговоры и посулы эсеров, меньшевиков, дашнаков, слегка завуалированные угрозы Бичерахова. На другой чаше — слова Шаумяна. Колебания стрелки трудноразличимы. Голоса в Совете разбиваются почти поровну. За Степаном созыв нового заседания.

А если совсем не созывать? В осажденном городе естественнее приказ, нежели уговоры. Сила высшей

власти, а не голосование! Любимец промысловых рабочих, председатель Совета народных комиссаров Бакинской Коммуны, чрезвычайный комиссар Кавказа, Шаумян — власть самая высшая. Если попытаться все решить силою оружия? В бою? Но...

Надежных, революционных войск у Коммуны — раз-два, и обчелся. Несколько отрядов рабочих-красногвардейцев, интернациональные дружины коммунистов, два-три самодельных бронепоезда. Горстка, которую в любой час могут уничтожить артиллерийским огнем канонерки Центрокаспия — цитадели эсеров, смять казачьи сотни Бичерахова, расстрелять батальоны армянского «национального совета». Это помимо турецких дивизий, орд мусаватистов, бронепоездов, услужливо посланных из Тифлиса.

Как всегда, у Степана главное оружие. Его слово. Хотя... В ранних сумерках 19-го с астраханских шхун начинает высаживаться отряд Григория Петрова. Человека верного, властного, романтичного и безмерно храброго. Со Степаном, несмотря ни на что, он пойдет до конца. Обоим им жить день в день два месяца!

Петров командует сравнительно крупными отрядами. Действует против немцев на Киевском, Полтавском, Харьковском направлениях. Там и настигает его приказ, круто изменивший всю судьбу, — срочно принять пополнение и спешить в Баку. Маршрут единственно возможный: Царицын — Астрахань — Каспийское море.

В Царицыне, сказано в записках Сурена Шаумяна, «товарищ Сталин вынужден был имевшуюся в составе отряда Петрова пехоту («шесть полков», как говорил Петров и его командиры, только я лично сомневаюсь, что об этих полках можно говорить без кавычек) оставить[1] для обороны Волги, а в Баку послать конницу в составе одного эскадрона, одной

---

[1] В телеграмме Ленина, датированной 29 августа, также говорится: «О военной мощи не знаем, где она. Думаем, что задержана под Царицыном».

батареи 6-го орудийного состава, одной роты, составленной из матросов Черноморского и Балтийского флотов и команды конных разведчиков силою 30—40 всадников. Таким образом, отряд Петрова не мог внутри армии изменить соотношение сил в смысле ослабления дашнакской мощи...

Все же Петров был начальником солидной военной единицы...»

По-своему, быстро и решительно, оценивают прибытие отряда Петрова полковники Бичерахов и Аветисов. Вся Шемахинская группа войск «национального совета», даже не ожидая нового наступления турок, сама быстро откатывается к последнему рубежу. Семьдесят верст за три дня. Одновременно снимаются с позиций казаки и броневики Бичерахова. С крайне левого фланга они переходят на правый, становятся на второй линии, всячески избегая стычек с противником. Приходится выравнивать, сокращать фронт. На центральном направлении оставляют станцию Аджикабул. Газета эсеров «Знамя труда» немедленно извещает: «Реализация урожая по Бакинской губернии также аннулируется вследствие катастрофических неудач на фронте!!!»

Степан созывает Совет. Снова в расширенном составе. Выступают Шаумян, Джапаридзе, Азизбеков, Зевин. Их радостно встречают. Внимательно слушают. Нет недостатка в приветственных криках. Своих лучших ораторов выставляют все фракции. Все без исключения за советскую власть. И конечно же, за то, чтобы Степан Шаумян оставался во главе правительства и после того, как оно пригласит в Баку англичан. Около часу ночи 26 июля голосование. Двести пятьдесят девять за посылку гонцов к Денстервилю. Двести тридцать шесть против. Ничтожный перевес.

Степан от имени большевиков, левых эсеров и левых дашнаков делает заявление:

«Приглашение англичан мы считаем предательством по отношению к революционной России. В этом предательстве нам с вами не по пути, мы поддерживать вашу политику не можем. (В официальном

бюллетене новой власти — Диктатуры Центрокаспия — отмечено: «Шаумян кричит. Долгие аплодисменты и крики слева «браво».)

Ни в каком коалиционном правительстве мы участвовать не будем! (Опять долгие аплодисменты слева). ...Я говорю, что при этих условиях мы снимаем ответственность за преступную политику, которую вы начинаете, и отказываемся от постов народных комиссаров. (Крики «браво», бурные аплодисменты слева)».

Шаумян садится в сторонке, в третьем ряду президиума.

«Я, — помнит Надежда Колесникова, — оказалась впереди него и хорошо видела и слышала все, что произошло дальше. Председательствовавший в это время Аракелян, оставив свое место, поспешно подошел к Шаумяну и растерянно стал говорить: «Нет, это невозможно, чтобы вы ушли... Мы вам всегда доверяли и доверяем... Мы дальше хотим работать вместе с вами!» Не знаю, слышал ли Степан, что ему нашептывал Аракелян. Вдруг он встал, легко отстранил Аракеляна, вышел вперед и громким голосом сказал: «Заявляю, что я, как представитель центральной власти, доведу до сведения Совета народных комиссаров России о вашем предательском акте».

Опять Аракелян в роли официального представителя партии «Дашнакцутюн». Он оправдывает приглашение Денстервиля тем, что иначе ворвутся турки, устроят поголовную резню. Заканчивает жалобной просьбой к большевикам не уходить со своих постов: «Без вас мы не можем...»

С сияющими лицами сетуют на «упрямство большевиков и чрезмерную несговорчивость нашего друга Степана Георгиевича Шаумяна» эсер Велунц и меньшевик Айолло. В ответ объявляет Алеша: «Нет, мы не уходим из Совета, мы не умываем руки. Мы работали и будем работать в десять раз больше, чем работали раньше, потому что по вашей милости появляются английские интервенты. Но ответственность за политику предательства мы нести не можем.

Извольте нести ее вы Извольте стать на место комиссаров!»

Шаумян добавляет: «Мы будем бороться и против немцев, и против турок, и против вас — предателей!»

Было около трех часов ночи, когда закрылось это драматическое заседание Совета. Перед зданием на улице стояла громадная толпа. Очевидно, все знали уже, что произошло на заседании. Толпа расступилась и молча пропустила нас».

...Англичан в Баку еще нет. Городская партийная конференция во всем согласна со Степаном, одобряет его план: власти без борьбы не сдавать, призвать рабочих на защиту города, объявить мобилизацию десяти возрастов, не останавливаясь перед самыми строгими репрессиями, обратиться к революционной России с призывом прийти на помощь скорейшей присылкой войск.

Исполком Совета весьма охотно принимает решение — до 31-го никаких перемен, все комиссары остаются на своих местах. А там соберется большой форум. За ним последнее слово.

Бюро печати при правительстве Коммуны дает в эфир вполне оптимистическое сообщение:

«Правые партии в полнейшей растерянности в связи с решением Совнаркома об отставке и создавшимся положением. Настроение в районах и на фронте резко изменилось. Моряки поняли, что они обмануты предателями в целях разрыва с Россией, и в массе изменили свое отношение к англичанам».

Все верно, вполне отвечает действительности. До той минуты, покуда полковник Лазарь Бичерахов не оголяет фронта. Не отправляет свой отряд на север, в сторону Дербента. Знаток военного дела, он действует безошибочно, с двойной выгодой. И Денстервилю решающая услуга — как не призвать англичан на спасение, когда позиции без защитников, в брешь устремляются турки... И жизненно важная помощь родному брату Георгию. «Косоротой лисице», как его величают на Северном Кавказе. Тот как раз поднял мятеж, рвется во Владикавказ. Полное взаимодействие. Меньшевик Георгий Бичерахов навя-

зывает Советам фронт на Тереке. Полковник Лазарь Бичерахов обрушивается на другой фланг — на Дербент и Порт Петровск. Брат навстречу брату.

Позднее Лазарь напишет генералу Эрдели: «Поймите, что я оказал помощь доблестной армии, возглавляемой Деникиным, гораздо большую, чем три четверти его генералов. Я при наличии фронта против турок в течение трех месяцев закрывал доступ астраханской армии красных в Терскую область с Каспийского побережья. Я разъединил горские народы... Я создал единый антибольшевистский фронт от Баку до Дона!»

А на другого полковника — Аветисова англичанам можно и прикрикнуть: «Не забывай, чей хлеб ешь!» Тридцать первого июля в двенадцать часов дня он звонит Шаумяну по телефону: «Или мы немедленно выбрасываем белый флаг, или вы уходите. Пока большевики находятся у власти, мои национальные батальоны не примут участия в обороне Баку».

Степан дает последнюю правительственную телеграмму Ленину и Свердлову:

«Совнарком стоял перед фактом действительного предательства между тем турки подходили все ближе точка Совнарком не мог быть ни в числе тех кто сдавался на милость турецких пашей ни в числе тех кто за приход англичан точка Совнарком решил чтобы спасти имеющиеся революционные войска эвакуироваться».

Корабли у причалов. Корабли на рейде. Флот на авансцене. Новым властям угодно именовать себя «Диктатура Центрокаспия».

По сему поводу Рональд Мак-Донелл, консул и майор разведывательной службы: «Я возвратился в Баку. Местное правительство теперь состояло из пяти самозванцев...»

23

В плотных сумерках 31 июля от причала Бакинского порта отходит пароход. Шаумян с друзьями и соратниками. Делают попытку эвакуироваться в Астрахань. С официального разрешения властей.

На внешнем рейде поперек курса канонерская лодка «Ардаган». Приказ: «Назад, в Баку! Через пять минут открываем огонь...»

— Надо вернуться! Я не могу допустить, чтобы из-за нас погибли невинные люди, — настаивает Степан.

К утру все опять как вчера, как третьего дня. В каменном массивном особняке зимнего общественного Собрания несут свое высокое бремя диктаторы. Одним глазом поглядывают на резиденцию Мак-Донелла. Вторым косят на Петровские пристани. Там Шаумян. Комитет большевиков, штаб Петрова. «Волнующий элемент!»

Совсем неуютно диктаторам. Боязно. Гнетущая тишина повсюду. Ни заводского гудка, ни рева сирен в порту, ни тугого свиста пара. Даже турки не напоминают о себе. Прекратили артиллерийский обстрел. Только голод неуступчиво косит в Балаханах, Сураханах, на Биби-Эйбате — на всех промыслах.

Первыми все-таки не выдерживают турецкие паши. Пятого августа на восходе солнца они бросают на штурм свои дивизии. Отборные, кадровые. Через «Волчьи ворота» врываются в город. Личный представитель генерала Денстервиля, прибывший несколько часов назад, приказывает всем английским военнослужащим доблестно грузиться на транспорты. Не уступая в скорости, бегут батальоны дашнакских воевод.

— Медлить больше нельзя и нам, — обращается к Шаумяну Григорий Петров.

— Да, да! — подтверждает Степан. — Действуйте как можно скорее! Я знаю, у вас в отряде прекрасные артиллеристы — латыши.

С пароходов выкатывают орудия. Степан, Алеша, Мешади Азизбеков подставляют плечи под ящики со снарядами. «Быстрее, быстрее!» — требуют заряжающие.

За огневым валом стрелки Петрова, рабочие, большевики. Стараются не отставать от шеренг раненые, голодные женщины, подростки. Падать, уми-

рать нельзя. «Это есть наш последний и решительный бой...»

Турки откатываются назад. Бросает свои позиции Чанах-Калинская дивизия Мурсал-Паши, впервые познавшая горечь поражения. К Петрову жалует член директории Аракелян — «сердечно благодарить».

Денстервиль швыряет свой монокль, чего, по свидетельству Киплинга, старый служака никогда себе не позволял. «Новое правительство, будучи ошеломлено, чуть не испортило все дело, и только наше появление на сцене придало ему решимости... Мне после случившегося представлялось, что единственным выходом был бы уход от власти диктатуры, с тем чтобы сформировать в городе правительство союзников с передачей мне всей полноты гражданского и военного управления. Меня очень подмывало начать действовать в этом направлении...»

Диктатура вымаливает испытательный срок. Всего одну неделю — и черное станет белым. «Бакинские рабочие прочтут, что их любимец Шаумян — главарь казнокрадов и тайный турецкий шпион. Есть свидетели из команды канонерской лодки «Ардаган» — Шаумян лично склонял их к измене. Клялся, что если Баку будет сдан без боя, то победители пощадят население... Опровержений быть не может — газета Шаумяна уже запрещена!»

...Степан сзывает своих молодых друзей. «Мы взошли с Анастасом на мрачную палубу парохода, — помнит Ольга Шатуновская. — На корме, еле освещенной тусклым фонарем, среди нагроможденных снарядных ящиков увидели Шаумяна, одиноко сидевшего в тяжелом раздумье.

Он очнулся, заметил нас, обрадовался и заговорил с нами. И когда он заговорил, то мы поняли, что даже здесь, на этой палубе, Степан остается Степаном, хотя переживает страшные мучительные часы, дни.

Степан решил еще раз обратиться к своей мазутной армии. По его поручению мы с черного хода проникли в типографию бывшую Куинджи. С помощью нескольких большевиков-наборщиков

приступили к работе. У ворот дома и на перекрестках ближайших улиц стояли наши посты. Недалеко дежурил броневик. Когда двести экземпляров «Бакинского рабочего» были отпечатаны, прекратилась подача тока. Машины остановились. Стали вертеть руками колесо машины...»

Одиннадцатого августа из рук в руки свежий номер газеты. С двумя статьями Шаумяна. Та, что побольше, называется «Физиономия новой власти». В ней слово Степана и о том, как дальше жить. Говорит, мы вернемся. «Да, мы не теряем еще надежды, что бакинские рабочие и матросы отрезвятся. Мы не теряем надежды, что Революционная Советская Россия, если и вынуждена будет временно уйти, — она еще придет в Баку».

Без надежды человеку, конечно, нельзя. Только как дождаться? Если не голод — так снаряд, не снаряд — так пуля. Еще турецкий главный паша отдал приказ: три дня Баку полностью со всеми потрохами в руках солдат. Вознаграждение победителям.

Вторая статья Степана хватает за сердце. Никуда от нее не уйдешь.

«...Ленин предлагает в решительную минуту то постановление, которое было принято *«в ожидании немцев»,* провести в жизнь и в новой обстановке, то есть *в ожидании англичан.* Телеграмма ...не может быть понятна для всякого рабочего, но она понятна для лидеров партии «Дашнакцутюн», газета которых «Вперед» особенно бесстыдно клевещет на нас по поводу этой телеграммы.

...Ленин требовал от нас принять все меры, чтобы в случае занятия немцами Баку они не могли получить здесь нефтяных запасов. Бакинский Совет на одном из своих заседаний вынес, по моему предложению, резолюцию: уничтожить всю нефтяную промышленность, но не сдавать ее немцам. В связи с этим распространяли во флоте слух, будто мы качали по керосинопроводу нефть для немцев. Это в то время, когда именно по моему распоряжению за месяц, если не больше, до событий разобрана ке-

росинопроводная линия, убраны дизеля и сложены уже на пароход, так что, если противник возьмет город, он в течение шести месяцев (по заявлению специалистов) не сможет пользоваться керосинопроводом и перекачивать себе нефть.

Это все прекрасно известно лидерам правящих сейчас партий, которым я читал собственноручные письма Ленина и Сталина по этому вопросу и которым были поручены ответственные работы по подготовке и проведению в жизнь этих мероприятий. И эти люди теперь бесстыдно клевещут или бесстыдно молчат, когда их товарищи клевещут.

...Это касается не только партии «Дашнакцутюн», но и правых эсеров и меньшевиков. Да, господа, в тяжелую историческую минуту вы могли путем предательства и обмана сбить с толку рабочие массы, но продержаться клеветой и обманом вы долго не сможете. И чем преступнее ваш обман в настоящем, тем строже будет суд рабочих над вами в будущем. Клеймо бесчестных клеветников, во всяком случае, не смоете с ваших лбов...

P. S. Газета дашнакцаканов особенно старается натравить на меня лично темные заблуждающиеся массы и добиться самосуда надо мною. Это нетрудное дело. Это, *может быть, удастся вам, но это не поможет вам, господа. Суд сознательных рабочих, суд истории гораздо важнее для нас, и он будет гораздо страшнее для вас, чем самосуд толпы, к которому вы призываете».*

...К мгновенным резким переменам ветра бакинцам не привыкать. Каспийское море круглый год суровое, полное превратностей. Но такой поворот уж слишком!.. Во всех дозволенных газетах сообщения:

«Полная свобода бывшему Совнаркому!.. Беспрепятственная эвакуация комиссаров в Астрахань... Диктатура Центрокаспия и народные фракции Бакинского Совета приняли условия Петрова...»

Главный оратор меньшевиков Садовский подтверждает на конференции промыслово-заводских комитетов и правлений профсоюзов: «Петрову было предложено, согласно его желанию, свободно вы-

ехать в Астрахань вместе с отрядом и всеми комиссарами, которые того пожелают, взяв с собой, по взаимному соглашению, необходимое число пароходов, оружия, продовольствия и военного снаряжения».

Радость маленькой победы в канун непоправимой трагедии.

С чего это диктатура великодушно подала пароходы, благословила — берите все, что вам нужно, и с богом плывите в Астрахань? Сурену в двадцатые годы можно все начистоту: «Диктатура боялась нас и, нужно сказать, имела для этого достаточно оснований. Нашим отрядам не составило бы большого труда переарестовать все правительство и объявить власть Советов восстановленной. Но наше выступление, несомненно, вызвало бы противодействие и вынудило власти бросить против нас все свои силы, оголив тем самым фронт. Выиграли бы только турки и мусаватисты. Воспользовавшись событиями в Баку, они тут же ворвались бы в город. Это удерживало нас от выступления».

Гражданской войны в тылу защитников Баку, в одном-двух переходах от турецких дивизий, не допускает Шаумян. Он употребляет все свое влияние для того, чтобы на партийной конференции десятого числа доказать делегатам — в вооруженную борьбу двух сил, одинаково враждебных советской власти, большевикам встревать нельзя. Помимо всего другого, это провокация против Брестского мира. Немцы немедленно придерутся к случаю и предпримут карательные меры против революционной России. Верность революции требует быстрой эвакуации.

Немыслимо трудно Степану. Бакинская Коммуна — его дело, его любовь, его жизнь. Он переживет Коммуну на считанные дни...

Комиссар Коммуны по военно-морским делам Григорий Корганов, адмирал флота, как его сейчас шутливо величает Степан, приказывает семнадцати пароходам отшвартовываться. Следовать к острову Жилому. Там присоединятся еще два судна со стрелками и артиллеристами, последними покидающими

лагерь на Петровских пристанях. Вся армада возьмет курс на север. К астраханскому берегу. Там ждут не дождутся. Из Москвы Ленин все справляется по прямому проводу.

Не надо ждать. Жизнь не восторжествует. Все произойдет иначе. Навалятся, вмешаются, потянут на дно неизбежные стечения обстоятельств, веления времени. Год 1918-й, чрезвычайное влияние Шаумяна на Востоке. Даже то, что англичане называют его со страхом и почтением «кавказский Ленин». Газета «Голос Средней Азии» — официоз Закаспийского правительства, сформированного эсерами под бдительным оком военной миссии генерала Маллесона:

«Судьба нам снова улыбнулась. К нам в руки попали бывшие вершители судеб Баку. Среди нашей добычи находится один из знаменитых героев, Шаумян, которого давно окрестили «кавказским Лениным». Они сеяли ядовитые семена недоверия к нашим союзникам-англичанам, благородно[1] отозвав-

---

[1] Благородство необыкновенное. Оно засвидетельствовано стенографической записью:

«Садовский (меньшевик) ставит англичанам прямой вопрос: «Где ваша реальная помощь войсками, которую вы обещали нашим делегатам?

Представитель англичан (адъютант генерала Денстервиля): Никогда, нигде и никому такой помощи не обещали. Было бы смешно думать, что мы могли бы из Месопотамии бросить сюда войска».

О том же главный спаситель Денстервиль: «1 сентября я сделал публичное заявление о том, что оборона Баку бесполезна и что я не могу допустить, чтобы жизнь моих людей понапрасну приносилась в жертву... Во время моей речи я заметил, как на лицах моих слушателей появились поочередно выражения недоумения, ужаса, отчаяния... Они были поражены точно громом...

Четвертого диктатура Центрокаспия доставила мне свое послание: «...Имея в виду условия, предложенные нам правительством Ленина, мы утверждаем, что ваши войска не только не увеличили, но даже уменьшили силы бакинских защитников, ибо мы могли бы значительно пополнить их ряды, если бы приняли условия партии большевиков».

Сбывается все, о чем предупреждал Степан. Так, и поэтому надо отнять у него жизнь.

шимся на зов бакинцев о спасении. Они всё твердили, что рядом с английскими империалистами сражаться честным революционерам позор...

Они в наших руках. Мы живем в эпоху варварства. Так будем же пользоваться его законами. Око за око, кровь за кровь, голова за голову... Отныне будет отвечать голова Шаумяна, Петрова, Джапаридзе, Корганова и др. Мы не остановимся даже перед причинением ужасных мук, до голодной смерти и четвертования включительно».

Закономерности и никем не запланированные неожиданности. Уйма роковых случайностей!..

В памяти Сурена: «Весь день пятнадцатого августа отстаиваемся на якорях у острова Жилого. В нормальных условиях шторм такой силы, конечно, не мог бы остановить пароходы. Но на борту наших судов находятся пушки, обозы, лошади. Пароходы, в большинстве нефтеналивные, с металлическою, несколько покатою палубою и низкими бортами, совершенно не приспособлены для такого рода груза. При сильной качке груз этот рисковал быть снесенным за борт. Поэтому приходилось ждать хорошей погоды.

Шестнадцатого утром ветер как будто бы начал стихать, и казалось, что можно будет продолжать путь... Примерно часов в одиннадцать утра показались на горизонте дымки. Военные корабли диктатуры. Погоня. Приблизившись на дистанцию артиллерийского выстрела, канонерки «Ардаган», «Геок-Тепе», «Астрабад» приняли боевой строй и выслали в нашу сторону паровой баркас... Диктатура требовала, чтобы все суда вернулись в Баку, а Шаумяну, Джапаридзе, Корганову, Фиолетову предписывалось перейти на борт «Геок-Тепе». Мы ответили отказом.

Баркас ушел обратно и часа через полтора-два вновь подошел, заявив, что в случае невыполнения приказания будет открыт огонь. На размышление давался час...

Вскоре с канонерок был открыт огонь. Сначала редкий, а затем, по мере перехода от пристрелки на

поражение, беглый. Особенно много пробоин получил пароход «Иван Колесников», на котором были члены Совнаркома и семьи наших товарищей. Многие женщины, дети, молодые красноармейцы стали прыгать в воду в надежде доплыть до берега (расстояние не менее 150 саженей при сильно волнующемся море и встречном ветре). Прыгали, обезумевши, и те, кто не умел плавать вовсе. Они тонули на наших глазах, и мы не имели возможности оказать им помощь...

Видя, что дальнейшее упорство с нашей стороны ни к чему доброму не приведет, Корганов велел поднять на мачтах белые флаги — сдаемся. Ясно было, что руководителям Коммуны не избежать ареста. Решили устроить побег Шаумяну, Джапаридзе, Корганову и некоторым другим. Из разных вариантов остановились на самом реальном — воспользоваться паровым баркасом «Лейла», находившимся в составе нашей флотилии. Все обещало удачу. Баркас незаметно вышел из-под лучей прожекторов, отдалился. В управление им вступил Клевцов, левый эсер, бывший при нашем правительстве начальником порта. Пошли на Астрахань. Вдруг взбунтовалась команда: «В Баку остались наши семьи, не можем рисковать. Англичане и диктатура никогда нам не простят спасение Шаумяна...»

Утром следующего дня между островом Нарген и Баку к «Лейле» подошел военный катер. Шаумяну, Корганову и мне велено было перейти на борт катера. Нас доставили на «Геок-Тепе». Там объявили арестованными, обыскали, причем у товарища Степана был отобран портфель с очень интересными документами, в том числе несколькими собственноручными письмами В. И. Ленина».

Среди всего и такие строки Ильича:

«Дорогой товарищ Шаумян!

Большое спасибо за письмо. Мы в восторге от вашей твердой и решительной политики. Сумейте соединить с ней осторожнейшую дипломатию, предпосылаемую, безусловно, теперешним труднейшим положением, — и мы победим.

Трудности необъятны. Пока нас спасают только противоречия и конфликты и борьба между империалистами. Умейте использовать эти конфликты: пока надо научиться дипломатии.

Лучшие приветы и пожелания и привет всем друзьям».

24

Власти предержащие снова благосклонны к старому служаке, все понимающему с полуслова господину Жукову. Следователю по особо деликатным делам. Поручение из ряда вон. Исхитриться состряпать мало-мальски похожее на правду обвинительное заключение. Пункт первый: Степан Шаумян, Петров, Джапаридзе, Корганов, Азизбеков, Зевин — фамилий побольше! — тайные турецкие агенты. Пункт второй: комиссары — казнокрады, мародеры, распутники. Пункт третий: душители свободы и демократии. И так далее и тому подобное. Было бы только погорячее.

Старания господина Жукова особенно необходимы после чрезмерного скандала на выборах в Бакинский Совет. Как ни колдовали, ни процеживали, а все комиссары, засаженные в тюрьму на Баиловском мысу, опять прошли в депутаты. Еще Георгий Стуруа. И Анастас Микоян. От промысловых районов. Вместе с левыми эсерами они имеют сорок восемь мандатов! Генерал Денстервиль даже не пожелал выслушать объяснений...

Воскресший Жуков привычным путем отправляется в канцелярию тюрьмы. Снять показания с главного обвиняемого, в прошлом неоднократно изобличенного в тягчайших государственных преступлениях Степана Георгиева Шаумяна.

«Вчера приходил к нам для допроса один следователь, из старых николаевских следователей, — делится в одном из последних писем жене Степан. — Выгнали его и заявили, что мы не признаем никаких следователей и судов». Степан знает, как волнуется

жена. Хочет успокоить: «Наше положение не должно вызывать особого беспокойства... О пище хорошо заботятся извне. Каждый день сверх получаемых ½ ф. получаем еще по фунту от товарищей. Очень хорошо заботится Анастас».

О том же Сурен, сидевший в одной камере с отцом: «Режим в тюрьме был очень тяжелый. Мы голодали, и если бы не наши товарищи, находившиеся на свободе, то мы перемерли бы все с голоду. Нам давали по четверти фунта хлеба, по небольшой тарелке какой-то дряни, которую противно было есть (ее называли «суп с макаронами», на самом деле там плавало червей больше, чем макарон). Все это невозможно было есть.

Жуков, явившись в тюрьму, вызвал товарища Степана из камеры в контору начальника тюрьмы. Я не присутствовал при их разговоре, но через полчаса или через час Степан вошел в камеру в довольно возбужденном состоянии. С порога крикнул: «Я этого мерзавца выгнал от себя». Потом рассказал, что Жуков начал задавать вопросы, выражаясь мягко — хулиганские, о том, что большевики украли деньги, что большевики заключили союз с турецкими пашами о сдаче города, и требовал подтверждения. Степан заявил, что с такими проходимцами и старыми царскими чиновниками-жандармами он имел достаточную возможность беседовать до революции, а сейчас продолжать беседовать с ними не желает. Считает такого рода суд и следствие комедией и не станет в этой комедии участвовать».

Одиннадцатого сентября, за неполных четыре дня до падения Баку, во всех благонамеренных газетах: «Временное положение о военно-полевом суде... Параграф семь: разбирательство дел судом производится при закрытых дверях... Параграф девять: приговор вступает в законную силу немедленно по объявлению его на суде, безотлагательно и, во всяком случае, не позже суток производится в исполнение».

Чуть пониже извещение «Чрезвычайной следственной комиссии»: «Уголовное дело Шаумяна, Петрова, Корганова, Джапаридзе и др. большевистских

комиссаров передано военно-полевому суду, и, согласно формулировке обвинения, подсудимые должны подвергнуться смертной казни через расстреляние».

Отлично разработанную программу разнес ураганный огонь турецких осадных орудий. В ночь с пятницы на субботу, с тринадцатого на четырнадцатое сентября, дивизии Нури-Паши начали штурм города. Генерал Денстервиль, его штаб и солдаты — все тут же грузятся на заранее присмотренные и реквизированные пароходы. Уходят в море, на Энзели. За недосугом генерал забывает сказать последнее «прощай» диктатуре.

Около четырех часов четырнадцатого, в субботу, поток обезумевших бакинцев захлестывает пристани. Беспорядок и сумятица невообразимые. Порт под непрерывным обстрелом. Хранимые если не богом, то вполне достаточным количеством снятых с позиций солдат, диктаторы, лидеры меньшевиков, эсеров, дашнакцаканов усаживаются на суда. Плывут в Петровск. К благодетелю Бичерахову. Он примет, обласкает. Попозже, два месяца спустя, став «главнокомандующим войсками и флотом Кавказа», издаст приказ номер 324 о награждении Садовского, Айолло, Сако Саакяна, прочих ревнителей свободы георгиевскими крестами.

А комиссаров решили забыть в тюрьме. Какая, в сущности, разница, «подвергнутся смертной казни через расстреляние» или их растерзают турки! Даже желательнее!

Нет, сегодня только четырнадцатое, а им умирать в ночь на двадцатое. На бурых песчаных холмах Закаспия. На 207-й версте, между телеграфными столбами 116 и 117. Потом будет суд над убийцами. Увы, не над всеми. Многих англичане увезут. И своих тиг-джонсов и красноводских кунов, дружкиных.

Будут свидетельские показания и заключения медицинских экспертов.

Свидетель Кузнецов: «По инициативе группы рабочих было решено найти тела расстрелянных 26 бакинских комиссаров и их откопать. Руководителем экспедиции был я. Снарядили специальный по-

езд и выехали. Остановились между станциями Ахча-Куйма и Перевалом. Разыскивать долго не пришлось. За песчаным огромным бугром сразу показался на поверхности земли череп, а впоследствии были раскопаны и остатки костей. Во второй могиле, на расстоянии 5—6 шагов, нашли кости, черепа не было. Третью могилу нашли случайно. В могиле находились трупы 8 человек. В этой могиле еще не все истлело мясо. Были видны волосы, одежда тоже сохранилась. Помню одежду одного матроса. У некоторых найдены были книги, деньги бакинские.

Четвертую могилу нашли близ железнодорожного полотна. Там находилось 16 товарищей. Трупы все в страшном состоянии. Надо полагать, что убийство этих товарищей происходило всевозможными средствами. Я заключаю это из того, что головы частью были отделены от туловища, частью находились в ногах, сбоку и т. д. Часть черепов была перебита на части и раздроблена... Их не только рубили, а убийство происходило разными средствами. Били чем попало, ибо череп разбить на куски одной шашкой нельзя...»

Все это потом. На другом берегу Каспия. Сегодня суббота, четырнадцатое сентября 1918 года. Снаряды раздирают, разносят город. Пылают пожары. Сотрясают взрывы. В камерах Баиловской тюрьмы отчетливо слышна близкая ружейная и пулеметная стрельба. В час, когда всем кажется, что вырваться, уйти никуда нельзя, Анастас Микоян с группой молодых большевиков — среди них и Сурен, несколько дней назад выпущенный на поруки, — распахивают окованные ворота, железные двери.

У одного из дальних причалов должен ждать пароход «Севан». Из Астрахани. С большевистской командой. Замешкались комиссары или что другое случилось? Еще одна роковая случайность: «Севана» на месте не оказывается. С толпою беженцев взбегают на борт «Туркмена».

Со Степаном два сына. Сурен, считающий себя совсем взрослым, и четырнадцатилетний подросток Левон. Они до конца остаются с отцом. В Баку, на

пароходе, в красноводской тюрьме. Все испытывают. Левон вспоминает:

«Все наши товарищи расположились в кают-компании и прилегающих к ней помещениях. Глубокие складки легли на их мужественные лица. Мучительно тяжело за судьбу Баку, за жестокие испытания, выпавшие на долю бакинского пролетариата, тяжелое ощущение собственного бессилия в сложившейся обстановке...

Задумчиво стоит у окна Степан Шаумян. Взор его голубых глаз устремлен куда-то вдаль. Время от времени он обменивается короткими репликами с Анастасом...

В каюту торопливо входят Петров и Татевос Амиров. Новости тревожные. Капитан парохода, которого всего лишь два часа назад уговорили взять курс на советскую Астрахань, заявил, что он вынужден повернуть и идти либо на Петровск, либо на Красноводск. Этого требует судовой комитет, в котором засели эсеры, не желающие попасть «в руки большевиков». Кроме того, путь до Астрахани дальний, пассажиров на пароходе набралось около тысячи, а топлива, пресной воды и продовольствия в обрез...

Петровск или Красноводск? Было известно, что в Петровске хозяйничает Бичерахов. А о положении в Красноводске не было точных сведений, и поэтому он представлялся меньшим злом...

Поздно вечером 16 сентября показались огни Красноводска. По сигналу из порта пароход «Туркмен» стал на рейде и бросил якорь. Медленно подплывает катер военного начальника порта — «Бугас». По спущенному трапу перебираются туда английские офицеры, дашнакский георгиевский кавалер и кто-то из пароходного начальства. Вскоре последовал приказ: «Туркмену» не трогаться с места до утра, ждать особых распоряжений.

Утро 17 сентября. Вновь появляется «Бугас» и приказывает «Туркмену» следовать за ним. В 10 километрах от города «Туркмен» пришвартовывается к пристани Уфра.

Вся пристань оцеплена войсками. Между цепями

прогуливаются три английских офицера: двое — с «Туркмена», третий — полковник Баттин. Они похлопывают стеками по желтым крагам и равнодушно, ни во что не вмешиваясь, наблюдают.

Но на берегу — английский бронепоезд, пушки которого зловеще глядят на нас своими жерлами. За холмом, как мы после узнали, наготове солдаты расквартированного в Красноводске батальона английского Хэмпширского полка с артиллерией, а также туркменская рота. На самой пристани орудует боевая дружина местной организации эсеров.

Отдается приказ — всем пассажирам выйти на пристань. У трапов каждый подвергается обыску.

Наши товарищи решают смешаться с беженцами.

На противоположной стороне пристани стоит пароход «Вятка». У его трапа группа людей начальнического вида. Позже выяснилось, что это были представители ашхабадского англо-эсеровского правительства и местные, красноводские, власти — Кондаков, пристав Алания и другие.

Появляется знакомая фигура в высокой черной папахе, с лихо накрученными усами. Это дашнак Лалаев — георгиевский кавалер с нашего парохода. В сопровождении нескольких эсеров-дружинников он вклинивается в толпу, рыская глазами по сторонам.

Вот Лалаев, как собака-ищейка, учуял добычу. В двух десятках шагов он увидел Степана Шаумяна и устремился к нему со злорадной усмешкой.

Началась настоящая охота...

Забрали и ведут нашего товарища Ивана Малыгина. Я не спускаю с него глаз. Но тут кто-то сзади грубо хватает меня за руку. Оборачиваюсь и вижу сначала дуло направленного на меня «кольта», а потом отвратительное, злобное лицо.

— Эй, ты! Идем, сволочь, нечего прятаться!..

Минут сорок он таскал меня по пристани, по трюмам и каютам «Туркмена», методически постукивая по голове дулом пистолета и приговаривая:

— Ну, ну, показывай, где твой старший брат! Вот этот? Нет? А во что он одет? Врешь, как это ты не знаешь?!

Раз пять я проходил мимо брата Сурена, чуть не задевая его плечом. Сурен слышал задаваемые мне вопросы и, скрываясь в толпе, издали, одними глазами, подбадривающе улыбался...

Бандит, наконец, устал. Еще раз с досадой он сильно стукнул меня по голове и, безнадежно махнув рукой, повел на «Вятку».

Большинство наших товарищей уже были здесь. Еще через час «охота» закончилась...

Беженцев загнали обратно на «Туркмен», а «Вятка» со всеми арестованными направилась в Красноводск.

Восемнадцатого сентября написали коллективный протест, требуя прекратить произвол и издевательства, — на всю жизнь запоминает Левон. — Со вчерашнего утра нам не выдавали никакой пищи и вообще поставили нас в условия, худшие, чем в прежних, царских тюрьмах. Помещения тесны, отсутствуют постельные принадлежности, умывальники. Держат нас взаперти, на прогулки во двор не пускают...

19-го утром на протесте было начертано: «Объявить заключенным, что тюрьма не для комфорта. Второе, можно просить, но не требовать. Вообще укажите заключенным побольше думать и поменьше писать».

В камеру явился начальник административной службы Яковлев. Бывший нотариус, худой, длинный, с зализанным пробором, в старом мундире с золотыми пуговицами. Он говорил тихим голосом:

— Я тридцать лет верой и правдой прослужил государю и отечеству. Я сам много пострадал от большевиков, но я не роптал...

Все попытки связаться с внешним миром оставались безуспешными, а издевательства все продолжались.

Явился глава красноводского «правительства» эсер Кун. Это тип, которого даже английский генерал Маллесон называл «властным и безжалостным человеком».

Войдя в камеру, он свинцовыми глазами оглядел

комиссаров. Кто лежал на голых нарах, кто на полу. Кун выкрикнул:

— Кто тут у вас главковерх?

— Нет у нас главковерхов, — раздалось в ответ.

— Ну тогда кто Шаумян?

— Я Шаумян, — спокойно произнес Степан.

— Встать! Разве вы не знаете, с кем говорите? Я — Кун!

— А я могу и лежа разговаривать, — не меняя позы, ответил Шаумян.

Разъяренный Кун бросился вон из камеры.

...Функции палачей были возложены на ближайшего помощника командующего английскими войсками в Закаспии капитана Реджинальда Тиг-Джонса и главу закаспийского правительства эсера Фунтикова.

Экстренный поезд в составе одного классного и одного арестантского вагона со специально подобранной бригадой вечером девятнадцатого сентября доставил их из Ашхабада в Красноводск. Тиг-Джонс и Фунтиков разработали план расстрела.

Все эти подробности были выяснены много позже.

...В ночь на 20 сентября 1918 года было тихо в камерах. Еще с вечера предупредили, что ночью все будут отправлены. Куда? В Ашхабад, в областную тюрьму, потому что в Красноводске тесно.

Кто-то из бакинцев случайно увидел во дворе груду лопат.

Каждому ясно, что скоро конец, но вслух об этом никто не говорит...

Да, это была страшная ночь, ночь с девятнадцатого на двадцатое сентября.

В неведомую дорогу собрались все. Собрались и ждали.

Идут часы, но ничто не нарушает тишины.

Около двух часов ночи все вскочили от шума многочисленных шагов по коридору. Зазвенели ключи, загремел засов, распахнулась дверь. Палачи вошли в камеру.

Кто-то из них по бумажке выкликает фамилии. Выкликает не всех, кто находится в камере.

— Собирайтесь, сейчас мы заберем вас отсюда.

— Почему не всех! А нас, остальных?

— Вас? Остальных? Вас мы завтра выпустим...

Минута прощания.

Сохраняя полное спокойствие, прощается отец с Суреном, что-то тихо говорит ему.

Потом он подходит ко мне. Обнимает, ласково улыбается. Я слышу его последние слова:

— Завтра вас выпустят. Постарайтесь скорее пробраться в Астрахань...

И после секунды молчания, обращаясь к обоим сыновьям, он тихо произнес:

— Берегите маму!..

Молча, один за другим, твердыми шагами выходят комиссары из камеры. Захлопывается дверь, гремит засов, звенят ключи... Шаги удаляются, замирают».

Так началось бессмертие.

Тбилиси — Ереван — Москва
1962—1965

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ С. Г. ШАУМЯНА

1878, 1 октября — В Тифлисе родился Степан Георгиевич Шаумян.

1889 — Поступает в Тифлисское реальное училище.

1894—1896 — Организует молодежные кружки, издает журнал «Циацан» («Радуга»).

1898 — Кончает реальное училище. Поступает в Петербургский политехнический институт. Вскоре переводится в Рижский политехникум.

1899, апрель — Возвращается в Тифлис.
Лето — Организует первый в Армении марксистский кружок в Джалалоглы.

1900, 27 августа — Приезжает в Ригу для продолжения занятий в политехникуме.
Октябрь — Вступает в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

1901, начало года — Организует марксистский студенческий кружок «Теоретик».

1902, 2—8 февраля — С. Шаумян — делегат Первого Всероссийского съезда революционного студенчества в Петербурге.
2 марта — За активное участие в студенческих забастовках и первой в Риге политической демонстрации исключен из политехникума, выслан на Кавказ.

Лето — Вместе с Б. Кнунянцом и А. Зурабовым основывает в Тифлисе Союз армянских социал-демократов.

Начало зимы — Поступает на отделение государственного права философского факультета Берлинского университета.

1903, начало года — В Швейцарии впервые встречается с В. И. Лениным.

1904, 8 апреля — Возвращается из Берлина в Тифлис.

1905, октябрь, вторая половина — Организует митинги и демонстрации в Тифлисе.

1906, 10—25 апреля — Под псевдонимом «Суренин» участвует в работе IV (Объединительного) съезда РСДРП. Избирается членом мандатной комиссии.

Август — Руководит забастовкой рабочих медных рудников и Алавердского медеплавильного завода.

1907, 30 апреля — 19 мая — Участвует в работе V съезда РСДРП.

Конец июня — Переезжает в Баку.

1911, 10—17 июня — Совещание членов ЦК РСДРП в Париже выдвигает С. Шаумяна в состав Организационной комиссии по созыву VI Всероссийской (Пражской) партийной конференции.

Сентябрь — В Баку собирается Организационная комиссия. Ее работой руководят Орджоникидзе и Шаумян.

30 сентября — Арест в клубе «Наука».

1912, 5—17 января — На Пражской партийной конференции Шаумян заочно избирается в кандидаты ЦК РСДРП.

Начало июня — Высылается из Баку в Астрахань сроком на пять лет.

1913, 24 августа — В. И. Ленин из Поронина пишет Шаумяну письмо с просьбой прислать материалы по национальному вопросу.

Октябрь — Владимир Ильич направляет Степану Шаумяну резолюцию Поронинского совещания по национальному вопросу.

1914, первая половина марта — Возвращается из ссылки в Баку.

Июнь — июль — Руководит всеобщей забастовкой рабочих Баку.

1915, начало октября — В Баку под руководством Шаумяна состоялось нелегальное совещание большевистских орга-

низаций Кавказа. Шаумян докладывает о текущем моменте, о войне, о национальном вопросе.

1916, 7 марта — Арестован в Грозном. Отправлен в Баку.

9 декабря — С. Г. Шаумяна, первоначально приговоренного к ссылке в Восточную Сибирь, отправляют в Саратов.

1917, 6 марта — Заочно избран председателем Бакинского Совета рабочих депутатов.

3—24 июня — Участвует в работе Первого Всероссийского съезда Советов. От имени фракции большевиков вносит резолюцию о заключении перемирия с Германией и ее союзниками. Избирается членом ВЦИК.

29 июля — На VI съезде РСДРП заочно избирается членом Центрального Комитета партии.

5 августа — На пленуме ЦК избран в узкий состав ЦК.

13—24 сентября — Участвует в заседаниях ЦК РСДРП. Отстаивает предложение В. И. Ленина о подготовке к вооруженному восстанию.

Начало октября — В Тифлисе руководит работой Кавказского краевого съезда РСДРП(б). Обосновывает необходимость взятия власти в руки рабочего класса.

13 октября — Образован Временный исполнительный комитет Бакинского Совета во главе с Шаумяном.

10—23 декабря — Возглавляет большевистскую фракцию краевого съезда Кавказской армии. Съезд по предложению Шаумяна признает единственной властью Совет Народных Комиссаров России.

16 декабря — по предложению Ленина Совнарком назначает Степана Шаумяна Временным чрезвычайным комиссаром по делам Кавказа.

1918, 30 марта — 1 апреля — Комитет революционной обороны Баку во главе с Шаумяном руководит подавлением мятежа мусаватистов.

10 и 12 апреля — Выступает на собрании нефтепромышленников, заводчиков, судовладельцев об обложении их налогом — пятьдесят миллионов рублей — в целях организации в Баку Красной Армии.

25 апреля — Образован Совет Народных Комиссаров Бакинской коммуны. С. Г. Шаумян — председатель Совнаркома и комиссар внешних дел.

27 мая — Посылает Ленину телеграмму о национализации нефтяной промышленности.

2 июля — Направляет Ленину телеграмму с просьбой утвердить национализацию Каспийского флота.

20 июля — Турецкие дивизии и войска закавказской контрреволюции подходят к Баку.

25 июля — Чрезвычайное заседание Бакинского Совета незначительным большинством голосов — 259 против 236 — принимает резолюцию правых эсеров, меньшевиков и дашнаков о приглашении англичан. Шаумян выступает с резким протестом.

29 июля — Отказ С. Г. Шаумяна и других бакинских комиссаров от соглашения с англичанами В. И. Ленин называет единственно правильным и достойным шагом.

31 июля — Советская власть в Баку временно пала.

10 августа — Конференция бакинской организации большевиков принимает решение об эвакуации остатков советских войск в Астрахань.

16 августа — Военные корабли диктатуры настигают в море и возвращают в Баку пароходы, шедшие в Астрахань. Шаумян с двумя сыновьями, Джапаридзе, Азизбеков, Фиолетов, Зевин, многие другие деятели Бакинской Коммуны брошены в тюрьму.

28 августа — Степан Шаумян и другие комиссары, находящиеся в тюрьме, заочно избираются депутатами Совета.

14 сентября — Группа бакинских большевиков во главе с А. И. Микояном освобождает Шаумяна и других комиссаров из Баиловской тюрьмы. В тот же вечер они на пароходе «Туркмен» уходят в море. Через несколько часов в Баку войдут турецкие дивизии. Команда «Туркмена», выполняя требование дашнаков и офицеров английской разведки, ведет судно в Красноводск.

17 сентября — Бакинские комиссары и члены их семей брошены в тюрьму Красноводска.

Ночь на 20 сентября — В песках Закаспия между железнодорожными разъездами Ахча-Куйма и Перевал эсеры под наблюдением капитана английской разведки Тиг-Джонса расстреливают Степана Георгиевича Шаумяна и двадцать пять других бакинских комиссаров.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

В. И. Ленин о Закавказье. Сборник, Ереван, 1963.

В. И. Ленин. Биография. Изд. второе. Москва, Госполитиздат, 1963.

Шаумян С. Г., Избранные произведения в двух томах. М., 1957—1958.

Шаумян С. Г., Письма. Ереван, 1959.

Агафонов В. К., Заграничная охранка. Москва, 1918.

Барсегян Х., Степан Шаумян. М., Госполитиздат, 1960.

Воскерчян А., Степан Шаумян и вопросы литературы. М, «Советский писатель», 1959.

Двадцать пять лет бакинской организации большевиков. Сборник, Баку, 1924.

Генерал Денстервиль. Мемуары. Тифлис, 1925.

Документы по внешней политике Закавказья. Тифлис, 1919.

Колесникова Н., Из истории... Баку, 1960.

Крупская Н. К., Воспоминания о Ленине. М., Госполитиздат, 1957.

Ranald Mac Donell, And nothing long. London.

Очерки истории *Компартии* Грузии. Часть первая. Тбилиси, 1957.

Очерки истории Компартии Азербайджана. Баку, 1963.

Очерки истории Компартии Армении. Ереван, 1964.

Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями. Ноябрь *1917 г. — февраль 1918 г.* М, Госполитиздат, 1957.

Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). М., Госполитиздат, 1958.

Последние дни комиссаров Бакинской коммуны. *По материалам судебных процессов. Баку, 1928.*

Ратгаузер Я., Революция и гражданская война в Баку. Часть первая. Баку, 1927.

Чайкин В., К истории российской революции. Москва, 1922.

Шаумян Л., Камо. Жизнь и деятельность профессионального революционера С. А. Тер-Петросяна. М., Госполитиздат, 1959.

Шаумян Сур, Бакинская коммуна. Баку, 1927.